

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№4(58)
2023

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации.

(Категория научных журналов – К1)

Группа научных специальностей: 5.6 - исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. - Отечественная история; 5.6.2. - Всеобщая история;
5.6.3. - Археология; 5.6.5. - Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. - История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

**№4(58)
2023**

HISTORICAL SCIENCES

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета.
№4 (58) 2023: исторические науки. Брянск: РИСО
БГУ, 2023. 194 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала — Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала — Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала — Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион — доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич — доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** **Алферова И.В.**
РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ
- 17** **Абдуллаев Г.П.**
АННАПОЛИССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 2007 ГОДА: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
- 25** **Акобян А.А.**
АРМЯНО-ИРАНСКОЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.
- 36** **Анфайлов О.С., Лошкарёв И.Д.**
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ НА УКРАИНЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ
- 45** **Блохин В.Ф.**
РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕЧАТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1918)
- 53** **Бобров Д.С.**
СТАТУС ГОРНОЗАВОДСКОГО КОМПЛЕКСА А. ДЕМИДОВА НА АЛТАЕ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ПОЛЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.
- 63** **Ванин А. А.**
РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ» САРАТОВА В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНАХ 1930-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.
- 75** **Войт И.А.**
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССОЗДАНИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
- 84** **Золотов В.И.**
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «БАСТАРДНОГО ФЕОДАЛИЗМА» В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
- 95** **Кодин Е. В., Граф Я. Ю.**
РЕПРЕССИВНАЯ ПРАКТИКА СТАЛИНИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СМОЛЕНСКИХ ИСТОРИКОВ

государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Иволина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс

«Пресса России»: 40705 годовая

105 Кондратенко С.Ю.
СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

116 Кудланов К.Б.
МОТИВЫ ПРЕДСТОЯЩИХ «У ДЕЛ» В ЗАХВАТАХ ОДНОДВОРЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ В XVIII СТОЛЕТИИ, КАК ИНДИКАТОР КАПИТАЛИЗМА

128 Пушкаренко Е.А.
НЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941-1944 ГОДЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

137 Салимон В.Ю.
Ф.-Д. ТРОНШЕ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789-1791)

146 Синегубов С.Н., Шилов С.П., Заворохина Н.С.
«MODUS VIVENDI» ГЕРМАНСКИХ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ФИРМ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ЗАКАЗОВ В НАЧАЛЕ XX В.

153 Степанова В. В.
ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.: ОБЩИЕ И ОТЛИЧНЫЕ ЧЕРТЫ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОВ О ДЕТСКОМ ТРУДЕ)

161 Терехов О. Э., Терехова О. Н.
ЕВРОПЕЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА И П. АНДЕРСОНА

169 Федин А. В.
ИЕЗУИТЫ И МЕХОТОРГОВЛЯ В НОВОЙ ФРАНЦИИ XVII В.

183 Федосова Н.А.
ЭДГАР ЮЛИУС ЮНГ КАК СОЗДАТЕЛЬ МАРБУРГСКОЙ РЕЧИ ФРАНЦА ФОН ПАПЕНА: ПЛАТФОРМА КОНСЕРВАТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ НАЦИЗМУ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 4(58) 2023: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2023.
194 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Vol.4 – No.58 Scientific peer-reviewed journal DECEMBER

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Alferova I.V.**
RUSSIAN PERIODICALS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE CONTEXT OF INFORMATION RESTRICTIONS
- 17 Abdullayev H.P.**
THE 2007 ANNAPOLIS CONFERENCE: UNREALIZED POTENTIAL
- 25 Akobyan A.A.**
ARMENIAN-IRANIAN POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES
- 36 Anfaylov O.S., Loshkariov I.D.**
RUSSIA'S SMO ON UKRAINE IN THE PUBLICATIONS OF THINK TANKS IN SUB-SAHARAN AFRICA
- 45 Blokhin V.F.**
REALIZATION OF A NEW STATE MODEL PRESS MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1918)
- 53 Bobrov D.S.**
THE STATUS OF A. DEMIDOV'S MINING COMPLEX IN ALTAI IN THE ADMINISTRATIVE LEGAL FRAMEWORK OF SIBERIA IN THE SECOND QUARTER OF THE XVIII CENTURY
- 63 Vanin A.A.**
THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF «SOCIALIST RECONSTRUCTION» OF SARATOV IN THE MASTER PLANS OF THE 1930S – EARLY 1950S.
- 75 Voit I.A.**
HISTORICAL AND POLITICAL PRECONDITIONS FOR THE RESTORATION OF THE PRIDNESTROVIAN STATEHOOD
- 84 Zolotov V.I.**
SOCIAL ASPECTS «BASTARD FEUDALISM» IN HISTORY ENGLAND SOCIETY ON THE LATER MIDDLE AGES
- 95 Kodin E.V., Graf Ya.Yu.**
THE REPRESSIVE PRACTICE OF STALINISM IN THE STUDIES OF SMOLENSK HISTORIANS

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Litvov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

105 Kondratenko S.Yu.
SOVIET-BULGARIAN MILITARY COOPERATION AT THE FINAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

116 Kudlanov K.B.
THE MOTIVES OF THE OFFICIALS IN THE CONQUESTS OF THE SMALLHOLDERS LAND IN THE XVIII-TH CENTURY, AS AN INDICATOR OF CAPITALISM

128 Pushkarenko E.A.
GERMAN PROPAGANDA IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS IN 1941-1944: A POLITICAL ASPECT

137 Salimon V.Yu.
F.-D. TRONCHET AND THE PROBLEM OF THE CORRELATION OF POWERS IN THE NATIONAL CONSTITUENT ASSEMBLY OF THE FRENCH REVOLUTION (1789-1791)

146 Sinegubov S.N., Shilov S.P., Zavorokhina N.S.
«MODUS VIVENDI» OF GERMAN SHIPBUILDING COMPANIES IN THE RECEIPT OF RUSSIAN MILITARY ORDERS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

153 Stepanova V.V.
LABOR LEGISLATION IN RUSSIA AND GREAT BRITAIN IN THE LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES: COMMON AND DIFFERENT FEATURES (ON THE EXAMPLE OF CHILD LABOR LAWS)

161 Terekhov O. E., Terekhova O. N.
EUROPEAN ABSOLUTISM IN THE HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL CONCEPTS OF I. WALLERSTEIN AND P. ANDERSON

169 Fedin A.V.
THE JESUITS AND THE FUR TRADE IN THE 17th CENTURY NEW FRANCE

183 Fedosova N.A.
EDGAR JULIUS JUNG AS THE CREATOR OF FRANZ VON PAPEN'S MARBURG SPEECH: A PLATFORM OF CONSERVATIVE OPPOSITION TO NAZISM

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ*

В статье раскрываются некоторые проблемы, возникавшие между военными цензорами и средствами массовой информации в годы Первой мировой войны. Статья написана на основе сохранившихся в российских архивах материалов военной цензуры штаба Верховного главнокомандующего русской армией, цензурных отделений военных округов, а также материалов периодической печати. Не претендуя на окончательную оценку эффективности столь всеобъемлющей и важной структуры в деле информационного обеспечения и информационного контроля, которой являлась российская военная цензура в годы Первой мировой войны, в рамках статьи рассмотрены некоторые особенности ее функционирования. Автор приходит к выводу, что конфликт между печатью и структурами, обеспечивавшими над ней контроль, был предопределен как несовершенством цензурного законодательства, предоставлявшего возможность цензорам оценивать публикации газет и журналов по своему усмотрению, так и цензурными упущениями периодических изданий, печатавших недостоверные новости и размещавших информацию, которую мог использовать противник. Результатом явилась частичная неэффективность военной цензуры и невыполнение прессой своей важной миссии – формирование в интересах государства общественного мнения в тылу. Интерпретация отдельных проблем, с которыми сталкивалась военная цензура в рамках взаимодействия с редакциями периодических изданий, а также способов их преодоления, представляется важным для воссоздания целостной картины происходивших процессов в российской информационной среде.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная цензура, периодическая печать, Временное положение о военной цензуре, пропаганда, военная тайна, общественное мнение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-07-16

Введение. Первая мировая война впечатляет не только своими масштабами, военно-техническими новинками и беспрецедентным количеством жертв. Помимо военной сферы, она продемонстрировала новые факторы политического, культурного и образовательного влияния на настроения, царившие на театре военных действий и внутри страны, освоила новые инструменты подчинения общественных настроений национальным и военным целям. Активным участником этого процесса выступала периодическая печать, которая служила посредником между фронтом и тылом, формировала образ врага и должна была убедить население мужественно переносить неизбежные трудности, быть готовым к добровольной военной службе. При этом пресса была вынуждена работать в тесном контакте с военной цензурой, от которой зависела полнота предоставляемой информации.

Военная цензура была введена «в полном объеме» на всех территориях Российской империи, объявленных на военном положении [7].

Сформированные здесь военно-цензурные миссии состояли при штабах армий и подчинялись их главнокомандующим. В начальный период войны они появились в Риге, Варшаве, Вильне, Киеве, Одессе, позже в Тифлисе. Полная цензура, на основании Временного положения о военной цензуре, вступившего в силу 20 июля 1914 г., предусматривала просмотр всей частной корреспонденции как внутренней, так и международной, включая телеграммы, а также материалов периодической печати. Ответственность за публикацию вопреки постановлению военной цензуры или без ее разрешения влекла за собой наложение штрафа в размере от 500 до 10 000 рублей или тюремное заключение на срок до одного года. При повторном нарушении выпуск периодического издания мог быть приостановлен на срок от одного месяца до одного года.

Для остальных населенных пунктов Московского, Казанского, Омского, Иркутского, Приамурского, Туркестанского воен-

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

© Алферова И.В.

© Alferova I.V.

ных округов и Войска Донского предусматривалось введение «частичной цензуры», которую реализовывали военные цензоры местных военно-цензурных комиссий. Для периодических изданий «частичная цензура» означала проверку военными цензорами только материалов, которые могли содержать военную тайну. Однако и для периодических изданий на этих территориях была предусмотрена система штрафов.

В Петрограде, который находился на театре военных действий, военная цензура вводилась в полном объеме, но она имела несколько иную организацию. Штаб 6-й армии наблюдал за цензурой всей почтовой корреспонденции, а контролем над периодической печатью занималась Главная военно-цензурная комиссия, состоявшая при Главном управлении Генерального штаба [2, д. 907, л. 17 об.].

Изначально между военными властями и прессой существовало некоторое согласие в том, что цензура информации, связанной с военными действиями, является необходимостью. Тем не менее в ходе реализации этого соглашения постоянно фиксировались нарушения, происходившие из-за непонимания как редакциями периодических изданий, так и военными цензорами особенностей коммуникации в военное время.

Объект и методы исследования. По поводу организации военной цензуры в Российской империи в годы Первой мировой войны существовали и существуют разные оценки. Публичная критика реализации цензурного контроля в Российской империи, по-видимому, впервые прозвучала с трибуны IV Государственной Думы, когда было заявлено: «Закон 20 июля нигде на всем пространстве империи не применялся ни в одной из своих частей, хотя бы в течение дня, одного часа; он явился как бы мертворожденным» [8, с. 1007]. Развернутые критические суждения по поводу содержания российского закона о военной цензуре, ее практической деятельности были представлены историком российской журналистики и цензуры, военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего М.К. Лемке в его работе «250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916)» [11, с. 378].

Немногочисленные современные исследователи российской военной цензуры выска-

зывают разные мнения в отношении особенностей организационной структуры российских военно-цензурных институтов и эффективности их работы в годы Первой мировой войны. Так, в исследовании П.В. Батулина отмечается, что «отечественная цензура, – можно сказать, – все время отставала на шаг в своем развитии от встающих перед ней задач» [3, с. 144]. Своеобразным дополнением к этой оценке может служить вывод И.К. Богомолова: «Имея большие полномочия, военная цензура за годы войны так и не обрела необходимой организационной стройности и последовательности, создавая все больше проблем и усиливая раздражение в обществе и армии» [5, с. 117]. Высказываются критичные оценки по поводу организации военной цензуры в различных регионах страны, например, в Великом княжестве Финляндском и в Минском военном округе [1, 4]. В то же время Н.Л. Волковский и П.П. Лаврук отмечают достаточно высокий уровень ее реализации уже в начальный период войны: «Становление цензурной службы имело к этому времени четкую организационно-штатную структуру и материальное обеспечение, – так звучит их вывод. – Цензурное регулирование в императорской армии стало надежным щитом защиты государственной тайны в Российской империи» [6, с. 162].

При интерпретации проблем, с которыми сталкивалась военная цензура в рамках взаимодействия с редакциями периодических изданий, был задействован принцип историзма, являющийся общим для процессов, отражающих тенденции развития. Он дал возможность осветить качественные изменения, которые претерпела российская информационная среда с началом Первой мировой войны с введением военной цензуры.

На основе предпринятого системного анализа выявлены и применены для достижения общего результата отдельные факты, отражающие характерные явления в военно-цензурной практике периода Первой мировой войны.

Источниками для этого послужили документы Петроградской военно-цензурной комиссии из Российского государственного исторического архива (РГИА, ф. 778), материалы военно-цензурных отделений и комиссий при штабах округов, фронтов и армий, хранящиеся

в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), документы Отдела печати и осведомления из Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ, ф. 140).

Результаты и их обсуждение. Уже с первых дней войны российские издания, стремясь удовлетворить любопытство читателей, наполнились материалами по «воспоминаниям раненых, прибывших из армии» и «участников сражений» с оценкой различных видов оружия как русского, так и вражеского. Появлялись в газетах телеграммы и заметки под рубрикой «от собственных корреспондентов из действующей армии», хотя корреспонденты в армию допущены не были. На страницах прессы размещались сведения «о всех недостатках неприятельского оружия и других вопросов, относящихся в широком смысле до техники военного дела» [20, д. 7, л. 3], данные о комплектовании военных подразделений, о погоде в районе боевых действий, т.е. информация, способная так или иначе усложнить российской армии ведение боевых действий. «За последнее время в петроградских газетах, несмотря на введение полной военной цензуры, появляются сведения с нарушением военной тайны, – высказывал претензии к работе Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-лейтенант, председатель Главной военно-цензурной комиссии А.И. Звонников. – Так, в "Новом времени" № 13832 от 14 сентября помещено объявление о смерти прапорщика Лукьянова, с указанием номера сформированной в Петрограде дружины. В № 247 "Речь" от 14 сентября в корреспонденции "Горные орлята" – данные о кавказских добровольцах, зачисленных в армию охотниками, об их вооружении и действиях на театре войны» [20, д. 7, л. 24].

Реагируя на ситуацию, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилов от лица великого князя Николая Николаевича настоятельно рекомендовал редакторам периодических изданий «более строго придерживаться Перечня сведений, воспрещенных Советом министров 24 июля 1914 г.» [20, д. 7, л. 32]. При этом всё не ограничивалось рекомендациями. Например, 14 августа 1914 г. петербургский градоначальник на основании п. 14 ст. 19 правил о местностях, объявленных на военном положении,

приостановил издание газеты «Последние телеграммы» на весь период военного положения в Петербурге. Наказание последовало за неоднократное сообщение вымышленных известий с театра военных действий, текст которых был составлен самими редакторами «с целью эксплуатации публики».

Столичная популярная газета «Биржевые ведомости», отличавшаяся гораздо более высоким уровнем своей информированности, также не избежала соблазна поместить непроверенные или выдуманные факты. В статье «Исчезновение турецких консулов» говорилось, что турецкие консулы, подлежавшие высылке за границу (в связи с участием Турции в войне на стороне противников России), прибыли в Петроград из Одессы. Далее излагалась полудетективная история: «...автомобиль с турецкими консулами с Царскосельского вокзала направился в Финляндию: по Гороховой, Морской и Дворцовой набережным, и, проехав мимо турецкого посольства, автомобиль свернул на Литейный проспект и по Невскому проспекту направился к Смоленскому» [9]. На следующий день, по данным газеты, стало известно имя владельца машины, перевозившей турецких консулов, но он таинственным образом исчез.

После этого в «Биржевых ведомостях» было опубликовано опровержение: «В газете "Биржевые ведомости" (вечерний выпуск от 19 ноября с. г.) была опубликована заметка под названием "Исчезновение турецких консулов". В статье содержалось сообщение о том, что турецкие консулы, прибывшие из Одессы в Петроград и подлежащие высылке за границу, скрываясь на вагонах с Царскосельского вокзала, исчезли и приняты меры к их розыску. Указанное сообщение было вымышленным» [12].

Однако российские периодические издания зачастую подвергались наказаниям не только за распространение ложных слухов, но и за прегрешения, которые не были предусмотрены «Временным положением», например, за опечатки. Недовольные редакторы вынуждены были обращаться по этому поводу с жалобами в Главную военно-цензурную комиссию.

Так, постановлением Акмолинского губернского губернатора издательница «Омского вестника» Ошметкова была оштрафована на 100 руб. за корректурную ошибку в театральном анонсе.

Вместо слов «чистый сбор поступил в пользу георгиевских кавалеров», газете было напечатано «географических кавалеров». Это же издание было оштрафовано на 500 руб. за размещение объявления Комитета Союза городов. Между тем все газетные объявления в Сибири подлежали предварительной цензуре, и публикация в «Омском вестнике» было официально разрешено к печати [21, д. 671, л. 44].

В это время появились и первые наказания самих военных цензоров, допускаявших халатность в работе. Приказом от 9 сентября 1914 г. временно исполнявший обязанности главного начальника Петроградского военного округа, генерал от инфантерии барон Н.П. фон Ашеберг, признал необходимым «немедленно исключить из числа военных цензоров лицо совершившее упущение». Речь шла о появлении в одной из петроградских газет статьи, «допущение которой в повременной печати не должно иметь места, с установлением в г. Петрограде полной цензуры» [14].

Для исправления ситуации, при которой существовало халатное отношение «к такому ответственному делу, как цензура печати в военное время», военный министр счел необходимым командировать начальника Главной военно-цензурной комиссии А.И. Звонникова в города, в которых осуществлялась цензура печати, а также в отдельные наиболее важные военно-цензурные пункты для ознакомления на местах с постановкой военно-цензурного дела. Известно, что в результате поездки в Москву был изменен состав местной военно-цензурной комиссии: освобожден от должности председатель комиссии генерал-майор Гадзяцкий, а цензоры, прапорщики Соколов, Жемличка, Попов и Сытин, были откомандированы для несения службы в запасные полки [15, д. 2, л. 118]. Генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Ф.А. Зейн «для ознакомления с работой военной цензуры» и наведения соответствующего порядка в Особой финской военно-цензурной комиссии по соглашению с командиром 22-го корпуса, от правил директора своей канцелярии Н.Н. Горлова в Петроград [10, с. 220].

Необходимо отметить, что состав военно-цензурных комиссий был весьма разнообразен. В городах, где в довоенное время существовали Комитеты по делам печати,

например, в Москве и Казани, военными цензорами состояли члены этих комитетов и офицеры, преимущественно находившиеся в отставке. В других местах подбор военных цензоров носил случайный характер. Так, в Уфе, Белостоке и других городах военными цензорами назначались жандармские офицеры, в Харькове – почтово-телеграфные чиновники, а в Луге и многих других уездных городах цензорские функции исполняли полицейские чины: приставы, исправники и др. [17, д. 112, л. 10 – 10 об.].

В Петроградской военно-цензурной комиссии на начальном этапе числилось 126 человек. Около половины из них были цензоры военного и морского ведомств, а остальные – гражданских. Причем состав как тех, так и других также был весьма разнороден – от прапорщиков и цензоров, не имевших чинов и высшего образования, до генералов и адмиралов [17, д. 112, л. 10 – 10 об.].

Пестрота состава, различный уровень подготовки к работе в военной цензуре не могли не отражаться на результатах деятельности цензоров, на их умении критически интерпретировать материал периодических изданий и своевременно произвести «исключения» из текстов, подлежащих опубликованию. Зачастую военные цензоры не были достаточно осведомлены в перипетиях внутренней и внешней политики, а о каких-либо решениях военных и гражданских властей узнавали задним числом «в форме указания на неправильно сделанный цензором пропуск или исключения статьи» [16, д. 7, л. 15]. Нередки были случаи, когда они исходили из собственных соображений, не объясняя редакторам газет причину репрессивных действий.

Например, в Иркутске в роли цензора выступал помощник пристава Романов. «Явившись в 12 часов ночи в типографию Казанцева, где печаталась газета "Сибирь", потребовал у служащего типографии на просмотр газету для предварительного ознакомления с отделом хроники». Ознакомившись с предоставленными материалами, пристав потребовал удалить заметку, которая ему не понравилась. Ни протест служащего, ни указания, что по «Временному положению» за содержание газеты отвечает редактор, не помогли и заметка была изъята [21, д. 671, л. 44].

На действия цензоров, как уже отмечалось, поступали неоднократные жалобы и со стороны периодических изданий. Главный военный цензор Петроградской военно-цензурной комиссии С.Е. Виссарионов 23 декабря 1914 г. на общем собрании всех военных цензоров комиссии отмечал: «Со стороны правых газет раздавались нарекания на лишение их возможности вести полемику с противоположными им по направлению органами печати, как, например, "Русскому знамени" с "Речью". Левые же газеты жаловались главным образом на то, что г.г. цензоров проявляли резкую несогласованность в своем отношении к одному и тому же газетному материалу, вследствие чего происходило, что статьи и корреспонденции, трактовавшие об одном и том же вопросе или событии, иногда тождественные по содержанию, в промежуток незначительного времени то зачеркивались, то дозволялись, или подвергались цензурованию с совершенно противоположных точек зрения» [20, д. 6, л. 22].

Действительно, какое-то время спустя в Главной военно-цензурной комиссии разбирались несколько подобных ситуаций с московскими газетами. Так, газета «Раннее утро» представила в военно-цензурную комиссию чтатья «Смерть от шальной пули» и «Слухи о А.Н. Рачинском». Материалы не были пропущены военной цензурой к публикации в газете. Причем информация для первой из них была получена из канцелярии градоначальника, т. е. с его разрешения. Однако вскоре заметки были опубликованы во всех московских газетах [15, д. 2, л. 223]. Телеграмма от собственного корреспондента, в которой шла речь «относительно демонстрации в Бухаресте, обстрела Босфора и других событий» была пропущена цензурой и полностью опубликована в газете «Русское слово» 22 апреля 1915 г., а на следующей день в этой же телеграмме цензурой были удалены некоторые слова, и другие периодические издания опубликовали ее в сокращенном виде. В апреле же 1915 г. Московская военно-цензурная комиссия не разрешила к публикации часть текста из «Вестника Ливавы» под заглавием «Обстрел побережья», которая до этого уже увидела свет [15, д. 2, л. 222 об.].

Учитывая многочисленные пропуски

информации, содержавшие запрещенные сведения, были предприняты и определенные меры по цензурированию, так называемых, «газетных корреспондентов» в Петрограде. Первое время после введения военной цензуры, в июле 1914 г., цензурирование этих телеграмм входило в круг обязанностей рядовых газетных цензоров на Главном телеграфе. Вследствие ряда грубых промахов были приняты меры по упорядочению работы в отделе: цензурирование газетных телеграмм сосредоточили в руках военных цензоров из офицеров (при этом значительный процент цензоров на телеграфе состоял из чинов телеграфного ведомства). Однако случаи ошибочно пропущенных телеграмм не уменьшались и в сентябре 1914 г. цензурирование всех газетных телеграмм как заграничных, так и внутренних, а также корреспонденции представителей заграничной печати, находившихся в России, по приказанию штаба Верховного главнокомандующего было поручено специально назначенным военным цензорам из офицерского состава. Причем речь шла как о высоком интеллектуальном уровне этих офицеров, так и об ответственном отношении к делу. Офицеры должны были иметь высшее образование и владеть четырьмя языками, а в мирное время состоять на государственной службе [2, д. 912, л. 18].

В свою очередь и «газетные корреспонденты» шли на всяческие ухищрения, чтобы разместить в газетах «горячую информацию», содержание которой точно противоречило перечню запретов. Особую опасность представляло появление подобного материала в крупнейших российских изданиях: «Новое время», «Биржевые новости», «Речь» и другие, «где она не могла остаться незамеченной ни широким читателем, ни теми, кто заинтересован в поиске подобной информации в печати» [20, д. 7, л. 161].

В ноябре 1914 г. от исполнявшего должность начальника Генерального штаба М.А. Беляева в Главную военно-цензурную комиссию поступила телеграмма, в которой сообщалось: «В последнее время в периодической печати появляются корреспонденции и статьи, дающие слишком много сведений о пунктах боев, уходе кавалерийских дивизий на отдых и прочем, что слишком ясно обрисо-

вызывает нашу группировку. Подобные корреспонденции, безусловно, недопустимы и необходимо принять решительные меры к недопущению появления в печати подобных сведений. Вновь подтверждаю о точном соблюдении военной цензурой указаний перечня» [15, д. 2, л. 98].

В начале 1915 г. генерал-майор М.А. Адабаш на заседании Петроградской местной военно-цензурной комиссии докладывал об обнаруженных только за одну неделю в петроградских газетах сведений, «не подлежащих оглашению». Так, в статье «Второе наступление в Восточную Пруссию», размещенной в «Петроградском курьере» от 28 января, были напечатаны подробности последних военных операций российской армии, о которых не упоминалось в телеграммах из штаба Верховного главнокомандующего. В телеграмме из Стокгольма, под заголовком «Неудачные операции германцев», напечатанной в газете «Свет» от 1 февраля, «указывалось на повторение германцами своих ошибок». В заметке «Восточно-пруссские железные дороги», напечатанной в «Петроградском курьере» от 28 января, сообщалось, что «захваченные нами прусские железные дороги на протяжении 600 верст переданы в ведение Министерства путей сообщения и использованы нами». Были пропущены сведения о формировании добровольческих дружин и польских легионов, которых на практике не существовало. В «Биржевых ведомостях» от 29 января появилось известие о предстоящем открытии морского сообщения между Або и Швецией, а «в других газетах целый ряд статей о путях сообщения на Архангельск, на Мурман» [20, д. 6, л. 37 об.].

В свою очередь штаб Верховного главнокомандующего был обеспокоен свободой, «с которой печать обсуждает военные события, выходя за пределы первоначально установленной программы». «Газетные обозрения, не ограничиваясь обсуждением уже совершившихся событий, высказывают свои предположения о будущем развитии операций, – сообщалось в телеграмме в Главную военно-цензурную комиссию. – Этим противник ориентируется в наших общественных стремлениях, а в нашем обществе возбуждается предвзятость мысли и возбуждается излишнее нетерпение» [20, д. 7, л. 160].

Речь в данном случае шла не только об осуществлявшихся военных операциях. С точки зрения информационной безопасности особому контролю подлежала на первый взгляд совершенно нейтральная информация. Так, председатель Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-майор Адабаш на очередном заседании 10 января 1916 г. обратил внимание на то, что «названия воинских частей и отдельных воинских званий снова стали появляться в печати» [20, д. 8, л. 128]. Он говорил о «благодарности» бойцов за новогодние подарки, которые в это время в большом количестве поступали на фронт из тыловых районов страны. Эти «благодарности» давали противнику возможность, по мнению Адабаша, получать необходимую информацию о расположении отдельных частей русской армии. Следует отметить, что эти опасения имели под собой основания.

В Российском государственном военно-историческом архиве сохранилось цензурное дело, связанное с публикацией в газете «Русское слово» от 8 января 1916 г. описания поездки известного врача и общественного деятеля С.В. Пучковой с праздничными подарками из Москвы в Минск, а затем в расположение нескольких армий Западного фронта. Записка имела ряд подзаголовков «Генералу А.Н. Куропаткину», «Генералу В.Ф. Джунковскому» и «со списком командующих в Минске, номеров посещаемых дивизий, их начальников и мест дислокации» [13].

Просматривая газетные полосы, военный цензор подполковник Ляшевский отмечал и вычеркивал все встречавшиеся в тексте географические названия, наименования воинских частей и имена должностных лиц. Тем не менее он пропустил строчку, которая, несмотря на расплывчатость формулировки, косвенно указывала на расположение 20-го артиллерийского корпуса 10-й армии: «Позиции этого корпуса находятся среди болот. В некоторых местах здесь невозможно даже рыть окопы» [18, д. 907, ч. 1, л. 13]. Цензор, пропустивший эту информацию в печать, после недолгого разбирательства был наказан и уволен со службы.

Ситуация с сохранением военной тайны при публикации сводок с фронта только усугубилась после февральских событий 1917 г. Упразднение Временным правительством

Главного управления по делам печати, а затем принятие новых законов «О печати» и «Об органах печати» от 27 апреля 1917 г. [22], провозгласивших свободу массовой информации и отменивших административные наказания в отношении периодических изданий, газетчики восприняли как освобождение от института военной цензуры в целом. Военные цензоры Киевского округа уже в мае 1917 г. сообщили генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом, что «теперь для них печатной продукции не существует». Редакторы местных газет в одних случаях объясняли это обстоятельство тем, что «газеты не подлежат военной цензуре», в других предлагали передавать по своему усмотрению указания, полученные от цензурного ведомства [19, д. 2957, л. 43].

В связи с этим генерал-квартирмейстер докладывал начальнику штаба Киевского округа 16 мая 1917 г.: «Не будет ли особого распоряжения Главнокомандующего фронтом о необходимости приведения в исполнение Временного положения о военной цензуре или об отмене военной цензуры, получающей невольную поденную плату, так как она бессильна предотвратить появление в газетах сведений, опасных с военной точки зрения» [19, д. 2957, л. 43].

Заключение. Рассмотренная на примере России ситуация в отношении периодической печати и военной цензуры была характерна и для других воюющих государств. Из воспоминаний Эдварда Кука о деятельности Бюро печати в Великобритании следует, что патристическая пресса с пониманием относилась к ограничениям военной цензуры, но все же допускала серьезные ошибки, которые использовались противником. В качестве примера в книге автора приведен эпизод с заброшенным пивоваренным заводом, расположенным недалеко от линии фронта. Солдаты приспособили его печи для организации бани и прачечной, и одна из газет рассказала об этой «солдатской смекалке». Печатный материал появился утром, а после обеда немецкая артиллерия, получив точ-

ную ориентировку из газеты, уничтожила пивоварню, лишив противника на передовой желанного комфорта [23, р. 93].

С началом военных действий в большинстве стран, участвовавших в мировой войне, сложилась ситуация, которую на примере Германии точно охарактеризовал американский журналист Уильям Г. Шеперд, работавший военным корреспондентом: «В первые дни войны, когда все было новым и каждое слово было новостью, цензор был открытым врагом корреспондента. Цензоры не скрывали этого. Они боялись корреспондентов и – что ж, корреспонденты боялись цензоров» [25, р. 22]. Общность взглядов, на которую рассчитывали обе стороны, оборачивалась непреодолимыми открытыми разногласиями: военные цензоры старались действовать «с запасом», ограничивая даже ту информацию, которая не несла потенциальной угрозы разглашения военной тайны. Пресса зачастую плохо ориентировалась в нюансах допустимости информации и чаще всего заботилась о привлечении потенциальных читателей, иногда идя на сознательную конфронтацию ради размещения на своих страницах «горячих» сообщений с фронта.

Результатом стала неэффективность военной цензуры и невыполнение прессой своей важной миссии – способствовать формированию общественного мнения в тылу в интересах государства.

Для российской прессы все обстояло еще более плачевно. Летом 1915 г. газета «New York Tribune» перепечатала информацию о жестокости русской цензуры из датской газеты, в которой приводилась статистика за 1914 г. Согласно этой информации, цензура помешала опубликовать 465 статей в периодических изданиях и 230 – в неперидических. Из них в 96 случаях в периодических изданиях и в 24 случаях в неперидических изданиях запрет носил временный характер. В результате деятельности российской военной цензуры 44 газеты из-за размещения на их страницах нежелательной информации были вынуждены закрыться [24, р. 3].

Список литературы

1. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. 4(54). С. 7–15.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 140. Оп. 477.

3. Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917 – 1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. Вып. 16/3. С. 141–155.
4. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29–43.
5. Богомолов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
6. Волковский Н.Л., Лаврук П.П. Первая мировая война 1914 – 1918 гг.: инструменты контроля и управления информацией в России // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Выпуск 9. СПб., 2019. С. 152–177.
7. Временное положение о военной цензуре // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 192. Ст. 2057.
8. Государственная Дума, четвертый созыв, сессия четвертая 1915 г.: стенографические отчеты: с прил. указ. Заседания 1-16: с 19 июля 1915г. – 3 сент. 1915 г. Пг., 1915. С. 1007.
9. К исчезновению турецких консулов // Биржевые ведомости. 1914. № 14505. 19 ноября.
10. Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. 320 с.
11. Лемке Михаил. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920. 859 с.
12. Опровержение // Биржевые ведомости. 1914. № 14549. 11 декабря.
13. Подарки Москвы. Поездка С.В. Пучкова // Русское слово. 1916. № 5. 8 января.
14. Приказ по войскам Петроградского военного округа на театре военных действий [Order on the troops of the Petrograd Military District in the theater of military operations]. Г. Петроград. Сентября 9 дня 1914 г. № 71.
15. Российский государственный военно-исторически архив (РГВИА). Ф. 13839. Оп. 1.
16. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 5.
17. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 6.
18. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1.
19. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 1.
21. РГИА. Ф. 778. Оп. 2.
22. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. № 109. 15. 05. 1917 г. Ст. 597 – 598.
23. Cook E. T. The press in war-time, with some account of the Official press bureau. London, 1920. 200 p.
24. Russian newspapers suffer from censor // New York Tribune. 1915. 7 June.
25. Shepherd William G. Confessions of a war correspondent. New York; London, 1917. 210 p.

RUSSIAN PERIODICALS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE CONTEXT OF INFORMATION RESTRICTIONS

The article reveals some problems that arose between military censors and mass media during the First World War. The article is written on the basis of the materials of military censorship of the staff of the Supreme Commander-in-Chief of the Russian Army, censorship departments of military districts, as well as materials of periodicals preserved in Russian archives. Without pretending to make a final assessment of the effectiveness of such a comprehensive and important structure in the field of information support and information control, which was the Russian military censorship during the First World War, the article considers some features of its functioning. The author concludes that the conflict between the press and the structures that ensured its control was predetermined both by the imperfection of the censorship legislation, which gave censors the opportunity to evaluate the publications of newspapers and magazines at their discretion, and by the censorship omissions of periodicals that printed inaccurate news and posted information that could be used by the enemy. The result was the partial ineffectiveness of military censorship and the failure of the press to fulfill its important mission of shaping public opinion on the home front in the interests of the state. Interpretation of some of the problems that military censorship faced in its interaction with editorial boards of periodicals, as well as the ways of overcoming them, seems important for reconstructing a holistic picture of the processes that took place in the Russian information environment.

Keywords: World War I, military censorship, periodicals, Provisional Regulations on Military Censorship, propaganda, military secrecy, public opinion.

References

1. Alferova I.V. Voенно-cenzurnye praktiki v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Military censorship practices during the First World War (on the materials of the Grand Duchy of Finland)] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. [Bulletin of Bryansk State University]. 2022. 4(54). S. 7–15.
2. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVP RI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. F. 140. Op. 477.
3. Batulin P.V. Voennaya cenzura v period Pervoj mirovoj vojny i revolyucii 1917 – 1918 gg.: problema sushnosti i preemstvennosti [Batulin P.V. Military censorship during the First World War and the Revolution of 1917 - 1918: the problem of essence and continuity] // Problemy istorii, filologii, kultury. [Problems of History, Philology, Culture]. 2006. Vyp. 16/3. S. 141–155.
4. Blohin V.F. Voennaya cenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoj mirovoj vojny [Blokhin V.F. Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of the First World War] // Novyj istoricheskij vestnik. [New Historical Messenger]/ 2019. № 3(61). S. 29–43. 5. Bogomolov I.K. Gosudarstvennaya duma i cenzurnaya politika v gody Pervoj mirovoj vojny. [Bogomolov I.K. State Duma and censorship policy during the First World War] // Rossijskaya istoriya [Russian History] 2022. № 4. S. 96–117.
6. Volkovskij N.L., Lavruk P.P. Pervaya mirovaya vojna 1914 – 1918 gg.: instrumenty kontrolya i upravleniya informaciej v Rossii [Volkovsky N.L., Lavruk P.P. The First World War 1914 - 1918: tools of control and management of information in Russia] // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremenost. Sbornik nauchnyh trudov [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of scientific papers]. Vypusk 9. SPb., 2019. S. 152–177.
7. Vremennoe polozhenie o voennoj cenzure [Temporary Regulations on Military Censorship] // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Pravitelstva, izdavaemoe pri Pravitelstvuyushem Senate. [Collection of decrees and orders of the Government, published under the Governing Senate]. 1914. № 192. St. 2057.
8. Gosudarstvennaya Duma, chetvertyj sozyv, sessiya chetvertaya 1915 g.: stenograficheskie otchety: s pril. ukaz. Zasedaniya 1-16: s 19 iyulya 1915g. – 3 sent. 1915 g. [State Duma, fourth convocation, fourth session, 1915: verbatim reports: with app. op. cit. Sessions 1-16: from July 19, 1915. – September 3, 1915 г.] Pg. 1915. S. 1007.
9. K ischeznoeniyu tureckih konsulov [Toward the disappearance of Turkish consuls] // Birzhevyje vedomosti [Birzhevyje vedomosti]. 1914. № 14505. 19 noyabrya.
10. Kazancev D.L. Vospominaniya o sluzhbe v Finlyandii vo vremya Pervoj mirovoj vojny. 1914–1917. [Kazantsev D.L. Memories of service in Finland during the First World War. 1914–1917]. M., 2016. 320 s.
11. Lemke Mihail. 250 dnej v carskoj stavke (25 sent. 1915 – 2 iyulya 1916). [Lemke Mikhail. 250 Days in the Tsar's Bet (September 25, 1915 – July 2, 1916)] Pg., 1920. 859 s.
12. Oproverzhenie [Refutation] // Birzhevyje vedomosti. [Stock exchange statements]. 1914. № 14549. 11 dekabrya.
13. Podarki Moskvy. Poezdka S.V. Puchkova [Gifts of Moscow. S.V. Puchkov's trip] // Russkoe slovo [The Russian Word]. 1916. № 5. 8 yanvarya.
14. Prikaz po vojskam Petrogradskogo voennogo okruga na teatre voennyh dejstvij. G. Petrograd. Sentyabrya 9 dnya 1914 g. № 71.
15. Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive] F. 13839. Op. 1.
16. RGVIA. F. 1343. Op. 5.
17. RGVIA. F. 1343. Op. 6.
18. RGVIA. F. 2048. Op. 1.
19. RGVIA. F. 2067. Op. 1.
20. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 778. Op. 1.
21. RGIA. F. 778. Op. 2.

22. Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitelstva. [Collection of decrees and orders of the government]. Otdel I. № 109. 15. 05. 1917 g. St. 597 – 598.
23. Cook E. T. The press in war-time, with some account of the Official press bureau. London, 1920. 200 p.
24. Russian newspapers suffer from censor // New York Tribune. 1915. 7 June.
25. Shepherd William G. Confessions of a war correspondent. New York; London, 1917. 210 p.

Об авторе

Алферова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Alferova Irina Victorovna. – Doctor of History, Professor, Department of National History Bryansk State University (Russia), E-mail: alferovairi@yandex.ru

УДК 327.56

Абдуллаев Г.П., аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

АННАПОЛИССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 2007 ГОДА: НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннаполисская конференция занимает важное место в изучении эволюции палестино-израильского конфликта и мирных усилий на Ближнем Востоке. Актуальность исследования обусловлена значительным влиянием конференции 2007 года на ход мирного процесса в регионе, а также невыполнением её основных целей. Исследование направлено на анализ причин, по которым Аннаполисская конференция не смогла достичь своих ключевых задач, освещая тем самым более широкие проблемы мирного урегулирования в регионе. Целью данного исследования является глубокое понимание факторов, препятствовавших успешному мирному диалогу и выполнению обязательств, взятых на конференции. Методология исследования, основанная на историческом и системном подходах, включает анализ исторических документов, политического контекста, а также международных отношений и их влияния на мирный процесс. Важным аспектом исследования является изучение роли ключевых государств-участников, включая США и страны Ближнего Востока, в динамике переговоров. Результаты исследования показывают, что основными препятствиями на пути к успеху Аннаполисской конференции стали политическая нестабильность в регионе, несогласованность между сторонами конфликта, а также недостаточная поддержка со стороны международного сообщества. Ключевыми выводами являются необходимость более глубокого понимания международной динамики конфликта, а также разработка более эффективных стратегий для обеспечения долгосрочного мира в регионе.

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт, аннаполисская конференция, Ближний Восток, США.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-17-24

Введение. Аннаполисская конференция 2007 года представляет собой одну из ключевых вех в истории мирных усилий на Ближнем Востоке, особенно в контексте Палестино-израильского конфликта. Это событие, собравшее ведущие мировые державы и стороны конфликта, было направлено на возобновление переговоров и поиск путей к стабильному и долгосрочному миру в регионе. Однако, несмотря на высокие ожидания и значительные усилия, конференция не достигла своих целей, оставив за собой вопросы о причинах её ограниченного успеха. В этом контексте изучение Аннаполисской конференции и её нереализованного потенциала приобретает особую актуальность, поскольку позволяет выявить ключевые препятствия на пути к мирному урегулированию в одном из самых напряженных регионов мира.

Проблематика, связанная с Аннаполисской конференцией, затрагивает не только непосредственные аспекты палестино-израильского диалога, но и более широкие вопросы международных отношений, дипломатии и стратегий мирного урегулирования. Понимание того, почему эта конференция не смогла полностью реализовать свой потенциал, предоставляет ценные уроки для будущих международных усилий по достижению

мира и выявлении эффективных мер по регулированию конфликтов. Таким образом, данное исследование стремится не только проанализировать исторический контекст и конкретные события Аннаполисской конференции, но и выявить общие принципы и стратегии, которые могут быть применимы в других мирных процессах по всему миру.

В рамках данного исследования Аннаполисской конференции и её влияния на мирный процесс на Ближнем Востоке были использованы как российские, так и зарубежные научные работы, что обеспечило мультидисциплинарный подход к теме. Из российских работ особо важными являются "История Государства Израиль" И.Д. Звягельской, предоставляющая обширный исторический контекст, и работа Т.А. Карасовой, А.В. Федорченко и В.М. Морозова "Государство Израиль: путь длиной в 70 лет", освещающая современные аспекты израильской политики. Среди иностранных работ значительный вклад внесли "Israeli-Palestinian Peace Process: The Annapolis Conference" Carol Migdalovitz, анализирующая непосредственно ход и результаты конференции и "Annapolis, November 2007: Hopes and Doubts" авторства Scham P., которая тщательно исследует различные перспективы и

ожидания, связанные с этой важной встречей. Эти работы позволили глубоко погрузиться в дипломатические и политические нюансы, оказавшие влияние на переговорный процесс и его исход.

Важность этой работы обусловлена постоянно меняющимся характером Ближневосточного региона и продолжающимся поиском долгосрочного решения для мирного сосуществования между Израилем и Палестиной. Отсутствие ожидаемых результатов от Аннаполиской конференции выявляет глубокие и сложные вызовы, с которыми сталкиваются международные посредники и участники конфликта, подчеркивая необходимость более глубокого анализа причин неудачи. Комплексный анализ проведенного исследования открывает новые перспективы для оценки мирных процессов, а также предлагает ценные рекомендации для улучшения дипломатических инициатив.

Исследовательский вопрос: Какие факторы привели к тому, что Аннаполисская конференция 2007 года не смогла достичь своих целей в урегулировании Палестино-израильского конфликта и как эти факторы повлияли на дальнейший ход мирного процесса в регионе?

Гипотеза исследования: Гипотеза данного исследования заключается в том, что неудача Аннаполиской конференции была результатом комбинации внутренних политических разногласий между Израилем и Палестиной и недостаточной координации между международными посредниками, в частности, США. Это предположение основывается на представлении, что сложные внутренние динамики конфликта, наряду с внешними дипломатическими усилиями, играли решающую роль в итогах конференции и последующих событиях в регионе.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является Аннаполисская конференция 2007 года, которая представляет собой важное событие в контексте мирного процесса на Ближнем Востоке, особенно в рамках палестино-израильского конфликта. Эта конференция выделяется своим стремлением возобновить прямые переговоры между сторонами и создать новую основу для мирного разрешения длительного

конфликта. В статье применяются исторический и системный методы, которые позволяют глубоко проанализировать как хронологическую последовательность событий, так и взаимосвязи между различными элементами, влияющими на процесс и результаты конференции. Использование этих методов способствует всестороннему пониманию как внутренних мотиваций участников конференции, так и внешних факторов, которые оказали влияние на её исход.

Результаты и их обсуждение. Конец ноября 2007 года ознаменовался проведением международной конференции в Аннаполисе, ставшей новым шагом в сложном процессе решения палестино-израильского конфликта. Это событие, организованное при поддержке администрации президента Джорджа Буша-младшего, было направлено на оживление мирных усилий, остановившихся с 2000 года. Решение возобновить палестино-израильские переговоры в Аннаполисе было не случайным и не спонтанным. Оно представляло собой осознанный шаг в изменении внешней политики Буша-младшего, вызванный сочетанием внутренних и международных обстоятельств.

Основным внутривосточным стимулом для инициирования конференции в Аннаполисе в 2007 году стали политические изменения в США, вызванные итогами выборов в Конгресс в ноябре 2006 года, когда республиканцы потерпели поражение. Это событие было непосредственно связано с неудачами в американской внешней политике, особенно в Ираке и Афганистане, и с более обширными вопросами касательно «демократизации» на Ближнем Востоке [6, с. 248]. В ответ на эти внутренние и внешние вызовы администрация президента Джорджа Буша-младшего стремилась переоценить и переформулировать свой подход к региональной политике.

На международной арене внимание администрации оставалось прикованным к проблематике Ирака, вопросам региональной безопасности и увеличивающемуся влиянию Ирана [9, с. 271]. Проведение Аннаполиской конференции было частью стремления США обеспечить единство позиций стран-участников по вопросу противодействия Ирану. Выбор приглашенных стран на конференцию также был определен этой стратегией: большинство

из них рассматривались Вашингтоном как потенциальные союзники в противостоянии с Ираном, что подчеркивает акцент США на региональных приоритетах и озабоченностях¹.

Аннаполисская конференция была инициирована президентом США Джорджем Бушем-младшим и прошла 27 ноября 2007 года на территории военно-морской академии США в Аннаполисе, в штате Мэриленд². Это мероприятие явилось развитием идей, изложенных президентом в его обращении от 16 июля того же года, в котором он обратился к международному сообществу с призывом поддержать дипломатическими усилиями прямые переговоры между израильтянами и палестинцами, а также предложил оценить успехи в процессе формирования палестинских государственных учреждений³.

Организация конференции в Аннаполисе в 2007 году была мотивирована не только стремлением американской администрации к переосмыслению своих подходов на Ближнем Востоке, но и обусловлена целым рядом существенных региональных предпосылок, которые создали благоприятный фон для проведения переговоров на высшем уровне. Одним из ключевых факторов стала видимая готовность к конструктивному диалогу со стороны палестинской администрации под руководством Махмуда Аббаса и израильского правительства во главе с Эхудом Ольмертом. Обе стороны осознавали, что продолжение военных действий лишь ухудшает сложную региональную обстановку и представляет серьезную угрозу их национальной безопасности, признавая при этом, что мирное решение конфликта возможно лишь через переговоры [5, с. 147].

Также важной предпосылкой стало возрождение интереса Дамаска к возобновлению переговоров по сирийскому направлению. Этот шаг, несмотря на свою неожиданность, имел огромное значение в свете продолжавшегося десятилетиями противостояния между Сирией и Израилем. Возвращение Сирии к диалогу

указывало на её стремление активно участвовать в решении региональных вопросов.

Особую роль в подготовке к конференции играла Саудовская Аравия, ключевой игрок в регионе, проявивший особую заинтересованность в стабилизации обстановки на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия понимала, что разрешение палестино-израильского конфликта может существенно способствовать укреплению общей региональной безопасности и мира, и поэтому активно поддерживала усилия по его урегулированию [7].

Как итог, Аннаполисская конференция стала результатом совокупности внутренних и внешних факторов, включая изменения в политическом климате как внутри конфликтующих стран, так и на более широком международном уровне. Это было время, когда совпадение интересов многих ключевых игроков создало уникальное окно возможностей для возобновления мирного процесса на Ближнем Востоке.

США выступили с инициативой пригласить представителей 49 государств и международных организаций на конференцию [4, с. 125]. В числе приглашенных были участники Комитета Арабской Лиги, а также представители стран «Большой восьмерки», постоянные члены Совета Безопасности ООН, члены международного Квартета, Организации Исламской Конференции, Международного валютного фонда и Всемирного банка. Масштаб собрания явно указывал на значительную международную поддержку мирного процесса [8, р. 3].

Аннаполисская конференция была направлена на реанимацию уже существующего процесса урегулирования конфликта, известного как «Дорожная карта», в поддержку которой активно выступала администрация США. Проект «Дорожной карты», первоначально разработанный «квartetом» (США, Россия, ЕС и ООН) в 2003 году как последовательный план действий для достижения мира, на конференции в Аннаполисе подвергся попыткам ускоренной реализации⁴.

¹ Condoleezza R. No Higher Honor: A memory of My Years in Washington. / N.Y.: Crown. – 2011. – P. 688.

² President Bush Attends Annapolis Conference // The White House. – 2007. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/11/20071127-2.html>

³ President Bush Discusses the Middle East // The White House. – 2007. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/07/20070716-7.html>

⁴ A Performance-based Road Map to a Permanent Two-State Solution to the Israeli-Palestinian // UN Peacemaker. – 2003. – URL: <https://peacemaker.un.org/israel-palestine-roadmap2003>

Как отмечал министр иностранных дел России Сергей Лавров, переговоры о заключении мирного договора и о создании Палестинского государства напрямую увязаны «дорожной картой»¹. Это стремление к более быстрому выполнению нескольких шагов плана одновременно было вызвано осознанием важности временного фактора и немедленной необходимости внедрения изменений для достижения прогресса в мирном процессе.

Такая переориентация подхода к реализации мирного плана была обусловлена пониманием того, что более длительные и медленные мирные инициативы уже не отвечали текущим реалиям и потребностям конфликтующих сторон. Конфликт на Ближнем Востоке продолжал углубляться, и дипломатическая ситуация требовала более решительных и оперативных действий. В этом контексте, Аннаполисская конференция стала платформой, на которой обсуждались возможности ускорения мирного процесса, а также рассматривались новые подходы и стратегии, которые могли бы привести к более быстрому и эффективному разрешению конфликта.

Накануне проведения конференции в Аннаполисе президент США Джордж Буш-младший провел отдельные встречи с лидерами Израиля² и Палестинской национальной автономии (ПНА)³ в Белом доме. В ходе этих встреч с Ольмертом и Аббасом было достигнуто важное соглашение, которое президент Буш официально огласил, зачитав совместное заявление, подписанное обеими сторонами. В этом заявлении подчеркивалась поддержка идеи создания двух независимых государств и выражалась готовность незамедлительно начать прямые и серьезные переговоры для заключения мирного договора, который предусматривает разрешение всех открытых вопросов, включая самые спорные из них. В заявлении также говорилось, что окончательное мирное соглашение позволит Палестине стать

родиной для палестинского народа так же, как Израиль является родиной для евреев⁴.

После выступлений президента Буша, Махмуда Аббаса и Эхуда Ольмерта на повестке дня конференции стояли вопросы о международной поддержке процесса достижения мира, реформировании текущих институтов и развитии потенциала региона; о создании всеобъемлющего мира, включающего урегулирование отношений между Израилем и Сирией, а также Израилем и Ливаном; а также о продвижении нормализации отношений и обеспечении безопасности между Израилем и арабскими странами.

В отличие от традиционной декларации принципов, президент США Джордж Буш представил на конференции "Совместное Понимание"⁵, которое фокусировалось на описании процесса и структуры переговоров. Согласно этому документу, премьер-министр Израиля и президент ПНА подтвердили свою готовность незамедлительно приступить к двусторонним переговорам с целью заключения мирного договора, который будет охватывать все ключевые вопросы, упомянутые в предыдущих соглашениях, без каких-либо исключений.

Договоренность включала в себя обязательство проводить непрерывные переговоры с надеждой достичь соглашения до конца 2008 года. Для этой цели было решено создать руководящий комитет, который будет координировать работу переговорных групп и начнет свою деятельность с 12 декабря. Аббас и Ольмерт договорились проводить встречи каждые две недели для того, чтобы следить за ходом и оказывать поддержку переговорному процессу. Было подчеркнуто, что переговоры будут вестись на двусторонней основе.

Конференция в Аннаполисе столкнулась с протестами и призывами к бойкоту. ХАМАС, а также Великий аятолла Али Хаменеи из Ирана выступили с призывами игнорировать конференцию. 23 ноября ХАМАС устроил

¹ Лавров оценил усилия США в ближневосточном урегулировании. // РИА Новости. – 2007. – URL: <https://ria.ru/20071128/89895397.html>

² President Bush Meets with Israeli Prime Minister Olmert // The White House. – 2007. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/11/20071126-3.html>

³ President Bush Meets with President Mahmoud Abbas of the Palestinian Authority // The White House. – 2007. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/11/20071126-7.html>

⁴ Myers S.L. and Cooper H. Framework Set by Palestinians and Israelis for Peace Talks // The New York Times. – 2007. – URL: <https://www.nytimes.com/2007/11/27/washington/27end-prexy.html>

⁵ Annapolis Conference Joint Understanding and Statements. / UN. – 2007. – URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IsraelOPT_JointUnderstandingOnNegotiations2007.pdf

массовую демонстрацию в Газе. В то же время на Западном берегу реки Иордан прошли крупномасштабные акции протеста против конференции, которые были жестко подавлены силами безопасности, а активисты Фатха атаковали участников демонстраций. Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад также выразил свое неодобрение проведению конференции, назвав ее «медийным спектаклем, ориентированным на интересы Израиля».

В то же время, еврейские активисты и группы, выступающие против уступок Израилем каких-либо частей Иерусалима или Западного берега в рамках мирного договора, усилили свои протесты против действий правительства Ольмерта. Они организовывали демонстрации у израильских посольств в Нью-Йорке и Вашингтоне, D.C., во время проведения саммита. 27 ноября 2007 года раввин Дов Лиор из Совета раввинов Йеша собрал «экстренное собрание», чтобы обсудить предстоящую конференцию. На этой встрече Лиор заявил, что ни одному лидеру и в каком бы то ни было поколении не следует отказываться от земель Эрец Исраэль, призывая евреев за пределами страны, включая руководителей общин и раввинов, присоединиться к протесту против договора и его возможных последствий, утверждая, что таким образом они смогут защитить народ Израиля от опасных планов правительства. Лиор также утверждал, что мир может быть достигнут только путем удаления арабов из страны и переселения их в их исторические родины. В этих протестах приняли участие многие крупные еврейские и христианские группы в США, которые, вместе с большинством членов Кнессета, выражали своё противодействие любым переговорам, подразумевающим изменение статуса Иерусалима, и создали Координационный совет по Иерусалиму для этой цели.

Группы, поддерживающие конференцию, также активизировали свои усилия и готовились публично выразить свою поддержку саммиту. Организация Объединенных Наций разработала проект резолюции для обсуждения в Совете Безопасности 30 ноября 2007 года, который предусматривал официальное

одобрение результатов конференции в Аннаполисе. Однако этот документ был отозван после того, как Израиль выразил свое несогласие с его содержанием. По информации от представителей ООН, помимо протестов со стороны Израиля, ПНА также выразила свое нежелание в принятии этой резолюции.

Спустя год после Аннаполисской конференции стало ясно, что она не достигла ожидаемых результатов. Процесс, который должен был последовательно развиваться согласно плану, фактически застрял на начальной стадии. Это подтверждалась оценкой хода переговоров, представленной международным «квartetом» незадолго до истечения года, отведенного в Аннаполисе на достижение соглашения¹.

Резко обострившаяся ситуация в конце 2008 года и начало военной операции Израиля «Литой свинец» 27 декабря 2008 года, направленной против ХАМАС в секторе Газа, фактически положили конец всем результатам Аннаполисской конференции [3, с. 175]. Операция была реакцией Израиля на усиленные ракетные обстрелы со стороны Газы, которые продолжались в течение года, что значительно ухудшило перспективы мирного урегулирования и показало глубокие разногласия и противоречия, оставшиеся между сторонами после конференции. Анализ причин неудачи указывает на множество факторов, среди которых были политические, социальные и международные проблемы.

Во-первых, внутренняя политическая динамика в Израиле и Палестине играла ключевую роль в усложнении процесса переговоров, который был начат Аннаполисской конференцией. В Израиле правительство под руководством Эхуда Ольмерта столкнулось с серьезным сопротивлением со стороны правых и ультраправых политических групп. Эти группы были решительно против любых уступок, особенно в отношении статуса Иерусалима и Западного берега, что существенно ограничивало маневренность Ольмерта в переговорах.

В Палестине ситуация была осложнена расколом между двумя основными политическими силами – ХАМАСом и ФАТХом. Этот

¹ Заявление Ближневосточного «Квartetа» Международных Посредников, Шарм Аш-Шейх, 9 Ноября 2008 Года // МИД РФ. – 2008. – URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1687100&lang=ru>

раскол подрывал возможность создания единого палестинского переговорного фронта, так как каждая из сторон придерживалась своих взглядов и стратегий в отношении мирного процесса. Отсутствие единой позиции в рядах палестинского руководства серьезно затрудняло проведение конструктивных и последовательных переговоров с израильской стороной.

Сложность ситуации усугублялась и политическими переменами в Израиле. В 2009 году к власти пришел Биньямин Нетаньяху, который занял пост премьер-министра [2, с. 18]. Нетаньяху был известен своими более жесткими взглядами по сравнению с Ольмертом и выступал против многих идей и предложений, которые были выдвинуты Ольмертом в ходе Аннаполисской конференции. Новое правительство под его руководством привнесло изменения в подход к мирному процессу, что еще больше усложнило возможность достижения прогресса в переговорах [1, с. 311].

Во-вторых, несмотря на широкую международную поддержку, оказанную на Аннаполисской конференции, на практике не было достигнуто значимого прогресса в решении основных вопросов конфликта. В частности, вопрос о статусе Иерусалима оставался одним из самых спорных: израильская сторона настаивала на том, что город должен оставаться неделимым и полностью под контролем Израиля, в то время как палестинцы видели Восточный Иерусалим как столицу будущего палестинского государства. Проблема беженцев также оставалась нерешенной, поскольку палестинская сторона требовала права на возвращение беженцев, вынужденных покинуть свои дома во время конфликта, в то время как Израиль опасался, что это подорвет его еврейский характер. Вдобавок, вопрос границ оставался без решения, особенно в контексте поселений на Западном берегу. Израиль продолжал расширение поселений, что вызывало серьезное возражение со стороны палестинцев и международного сообщества, поскольку это могло предпрешить итоговое соглашение по границам. Проблема безопасности была еще одним ключевым вопросом. Израиль выражал озабоченность по поводу возможности усиления радикальных элементов и потенциальной угрозы безопасности, в случае если будут сделаны уступки в контексте границ и контроля над территориями.

Международное сообщество, хотя и стремилось облегчить процесс диалога и предложить свою поддержку, не смогло предоставить эффективных механизмов для решения этих глубоко укоренившихся и сложных проблем. Дипломатические усилия и предложения, представленные на конференции, не привели к конкретным договоренностям или решениям, что отражало глубину и сложность конфликта.

Третий аспект, который оказал влияние на результаты Аннаполисской конференции, связан с внешними факторами, включая общую обстановку региональных напряженностей и международных отношений. Особенно значимой оказалась роль США, Ирана и арабских государств в контексте ближневосточного конфликта.

Соединенные Штаты, будучи ключевым посредником в переговорах, стремились переформатировать свою роль в регионе. Однако, их позиции часто воспринимались как слишком благосклонные к Израилю, что вызывало сомнения в их способности быть нейтральным посредником. К тому же, активное противостояние США с Ираном, особенно в контексте ядерной программы Тегерана и его поддержки групп, таких как ХАМАС и Хезболла, создавало дополнительное напряжение и подрывало усилия по достижению мира на Ближнем Востоке.

С другой стороны, арабские государства, включая Саудовскую Аравию и Египет, играли свою роль в дипломатическом процессе. Хотя они поддерживали идею мирного урегулирования, их собственные интересы и региональные амбиции иногда противоречили целям переговоров. Кроме того, их отношения с Ираном и внутренние вопросы также оказывали влияние на их позиции по палестинско-израильскому конфликту [10, с. 8].

Заключение. Таким образом, неудача Аннаполисской конференции в достижении своих целей спустя год была результатом сочетания внутренних и внешних препятствий, которые сделали компромисс и достижение консенсуса крайне трудными. Это подчеркивает сложность мирного процесса на Ближнем Востоке, где многогранность проблем и разнообразие интересов делают поиск устойчивого решения особенно сложным.

Список литературы

1. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. / М.: Аспект Пресс. – 2012. – 359 с.
2. Карасова Т.А., Федорченко А.В. и Морозов В.М. Государство Израиль: путь длиною в 70 лет. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т междунар. исследований; Ин-т востоковедения РАН. — М.: МГИМО-Университет. – 2019. — 237 с.
3. Лещеня И.А. Деятельность «Ближневосточного квартета» урегулирование палестино-израильского конфликта в рамках проекта «Дорожная карта» (2003–2008). / Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – 2(47). – 168–181 с.
4. Морозов В.М. и Мельникова С.В. Палестино-израильский конфликт. Эволюция подходов к урегулированию / М.: МГИМО-Университет – 2023. – 271 с.
5. Стук П. С. Конференция по ближневосточному урегулированию в Аннаполисе (2007 Г.) / XIII Машеровские чтения: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 октября 2019 года // Редколлегия: И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. – 2019. – 147–148 с.
6. Эпштейн А.Д. Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Том 2. Эпоха дипломатии: сорок лет «борьбы за мир», 1974–2014. / М.: Институт Ближнего Востока; «Гешарим Мосты культуры». – 2014. – 328 с.
7. Kurtzer D.C. The U.S. Must Get Tough in Promoting Arab-Israeli Peace Efforts / Palestine-Israel Journal of Politics, Economics & Culture. – 2007. – Vol. 13. Issue 4. – 20–24 p.
8. Migdalovitz C. Israeli-Palestinian Peace Process: The Annapolis Conference. // CRS Report for Congress. – 2007. – 7 p.
9. Parsi T. Treacherous Alliance: The Secret Dealings of Israel, Iran, and the United States. // С.: Yale University Press. – 2008. – 384 p.
10. Scham P. Annapolis, November 2007: Hopes and Doubts // Middle East Institute. – 2007. – 13 p.

THE 2007 ANNAPOLIS CONFERENCE: UNREALIZED POTENTIAL

The Annapolis Conference plays an important role in the study of the evolution of the Palestinian-Israeli conflict and peace efforts in the Middle East. The relevance of the study is due to the significant impact of the 2007 conference on the course of the peace process in the region, as well as the failure to fulfill its main goals. The study aims to analyze the reasons why the Annapolis Conference failed to achieve its key objectives, thereby highlighting the broader problems of peaceful settlement in the region. The purpose of this study is to gain a deep understanding of the factors that hindered the successful peaceful dialogue and the fulfillment of the commitments made at the conference. The research methodology, based on historical and systematic approaches, includes an analysis of historical documents, political context, as well as international relations and their impact on the peace process. An important aspect of the research is to study the role of key participating States, including the United States and the countries of the Middle East, in the dynamics of negotiations. The results of the study show that the main obstacles to the success of the Annapolis Conference were political instability in the region, inconsistency between the parties to the conflict, as well as insufficient support from the international community. The key conclusions are the need for a deeper understanding of the international dynamics of the conflict, as well as the development of more effective strategies to ensure long-term peace in the region.

Keywords: Palestinian-Israeli conflict, Annapolis Conference, Middle East, USA.

References

1. Zvyagelskaya I. D. History of the State of Israel. / М.: Aspect Press. – 2012. – 359 p.
2. Karasova T.A., Fedorchenko A.V. and Morozov V.M. The State of Israel: a 70-year journey. / Moscow State in-t of International. relations (un-t) MFA. Research; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. - М.: MGIMO-University. – 2019. — 237 p.
3. Leshchenya I.A. Activity of the "Middle East Quartet" settlement of the Palestinian-Israeli conflict within the framework of the Road Map project (2003-2008). / Bulletin of MGIMO University. – 2016. – 2(47). – 168-181 p.
4. Morozov V.M. and Melnikova S.V. The Palestinian-Israeli conflict. Evolution of approaches to settlement / Moscow: MGIMO-University – 2023. – 271 p.
5. Stuk P. S. Conference on the Middle East Settlement in Annapolis (2007) / XIII Masherov Readings: Materials of the International scientific and practical conference of students, postgraduates

and young scientists, Vitebsk, October 18, 2019 // Editorial Board: I.M. Prishchepa [et al.]. – Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov. – 2019. – 147-148 p.

6. Epstein A.D. Closest allies? The true history of American-Israeli relations. Volume 2. The Era of diplomacy: forty years of "struggle for peace", 1974-2014. / Moscow: Institute of the Middle East; "Gesharim Bridges of Culture". – 2014. – 328 p.

7. Kurtzer D.C. The U.S. Must Get Tough in Promoting Arab-Israeli Peace Efforts / Palestine-Israel Journal of Politics, Economics & Culture. – 2007. – Vol. 13. Issue 4. – 20–24 p.

8. Migdalovitz C. Israeli-Palestinian Peace Process: The Annapolis Conference. // CRS Report for Congress. – 2007. – 7 p.

9. Parsi T. Treacherous Alliance: The Secret Dealings of Israel, Iran, and the United States. // C.: Yale University Press. – 2008. – 384 p.

10. Scham P. Annapolis, November 2007: Hopes and Doubts // Middle East Institute. – 2007. – 13 p.

Об авторе

Абдуллаев Гасан Парвиз оглы – аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия), E-mail: gasan.abdullaev.97@mail.ru

Abdullayev Hasan Parviz agli – post-graduate student, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail: gasan.abdullaev.97@mail.ru

Акобян А.А., ассистент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Гуманитарный институт Северо-Кавказский федеральный университет (Россия)

АРМЯНО-ИРАНСКОЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ

Статья посвящена анализу динамики развития армяно-иранских экономических отношений в период с 1992 по 2018 гг. Взаимовыгодные связи в экономической и политической сферах между Исламской республикой Иран и Республикой Армения зародились в начале 90-х гг. XX в. С точки зрения Ирана, вынужденного существовать в условиях санкционного давления, Армения является потенциальным коридором для выхода иранских товаров на европейские рынки. В свою очередь Иран рассматривается как важный экономический партнер для Армении в сложных реалиях Нагорно-Карабахского конфликта. Анализируются основные направления экономических контактов между Ираном и Арменией. Выявлено важное место энергетического сектора в торговле между странами, в частности важность газопровода Иран-Армения. Поставки иранского газа осуществляются в обмен на экспорт из Армении электроэнергии. Именно энергетика занимает важное место в экономических контактах между государствами в рассматриваемый период. Отдельно рассмотрена туристическая сфера как перспективное направление развития армяно-иранских отношений. Обозначены трудности, препятствующие росту товарооборота между государствами, рассмотрено влияние санкционного режима на развитие торговых отношений Ирана и Армении. Анализируется влияние вступления Армении в Евразийский экономический союз в 2015 г. на расширение армяно-иранских экономических связей.

Ключевые слова: внешняя торговля, Армения, Иран, ЕАЭС, экспорт, импорт, энергетическое сотрудничество, туризм.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-25-35

Введение. История внешнеэкономических связей Республики Армения в период после обретения независимости остается важным аспектом для понимания особенностей внешнеполитического курса закавказской республики. Исходя из сложного политико-экономического положения Армении в регионе, одним из ее важнейших партнеров выступает Исламская республика Иран. Однако становление и развитие экономического сотрудничества между Арменией и Ираном в период с 1992 по 2018 гг. остается слабо изученным в отечественной историографии.

Особый интерес представляет рассмотрение установления торговых контактов между государствами после распада СССР и формирования новой геополитической реальности в Закавказье. Настоящее исследование призвано установить основные сферы взаимных интересов в армяно-иранском сотрудничестве в области торговли, энергетики, туризма, логистики.

Объект и методы исследования. Объектом настоящего исследования выступает армяно-иранское экономическое сотрудничество в период 1992-2018 гг. Анализируется взаимодействие двух государств в области энергетической безопасности, торговли, логистики, туристической сфере. Методологическую основу исследования составили

принципы историзма и объективности, историко-сравнительный метод, а также междисциплинарный метод контент-анализа для рассмотрения динамики развития торговых отношений между Арменией и Ираном.

Результаты и их обсуждение. Начало 90-х гг. XX в. стало временем зарождения дипломатического и экономического сотрудничества между Исламской республикой Иран и только что получившей независимость Республикой Армения. 23 августа 1990 г. Верховным Советом Армянской ССР принимается Декларация независимости, как первый шаг, положивший начало процессу обретения независимости Арменией [5]. В результате референдума, состоявшегося в сентябре 1991 г. Верховный совет Республики Армения объявил страну независимым государством.

Иран признал независимость вновь образованного государства 25 декабря 1991 г., а дипломатические отношения между странами устанавливаются 9 февраля 1992 г. [16, с. 75]. В этот день в столице Ирана министрами иностранных дел двух стран подписывается декларация об установлении полноценных дипломатических отношений и «О принципах и целях отношений между Республикой Армения и Исламской Республикой Иран». С этого времени можно говорить о

начале взаимовыгодного экономического сотрудничества между Арменией и Ираном. Для независимой республики одним из приоритетов во внешней политике стало развитие экономических отношений с сопредельными государствами. Из-за того, что Армения находилась в блокаде со стороны Азербайджана и Турции и в состоянии Нагорно-Карабахской войны, экономическое значение нейтрального Ирана являлось значительным.

Уже в 1992 г. Иран стал вторым после России торговым партнером Армении [21]. В свою очередь Республика Армения также имела важное экономическое значение для Ирана. Иранское правительство планировало использовать Армению для реализации планов по транзиту энергоносителей в Черноморский регион и Европу. Поэтому между странами возник взаимный интерес по развитию двусторонних экономических контактов.

28 февраля 1992 г. состоялся первый официальный визит министра иностранных дел Ирана Али Акбара Велаяти в Армению. Глава внешнеполитического ведомства Ирана в Ереване особенно подчеркивал, что Иран заинтересован в развитии отношений с Арменией в области транзита иранских товаров и ресурсов в Россию и в Европу.

6-8 мая 1992 г. в ходе визита в Иран президента Республики Армения Л. Тер-Петросяна подписывается важный для двух стран договор «О сотрудничестве, дружбе и добрососедстве» [6]. В ноябре 1992 г. в Армении создается «Государственная комиссия по координации армяно-иранских отношений», а в Иране – «Ирано-армянская торговая палата». Данные структуры были нацелены на скорейшую интенсификацию торговли и сотрудничества между странами.

Дополнительный рост товарооборота между государствами происходит в период горячей фазы нагорно-карабахского конфликта. В это время Иран становится основным поставщиком продовольствия и нефтепродуктов для Армении. Иран предпринимал шаги по разрешению конфликта между Арменией и Азербайджаном. По его инициативе проходили трехсторонние переговоры между высшими должностными лицами Азербайджана, Армении и Ирана. Важным фактором, толкавшим Иран на сближение с Арменией в первые годы ее независимости, являлось

стремление противодействовать союзу Азербайджана и Турции. Именно Турция в начале 90-х гг. XX в. становится главным региональным соперником Ирана.

Началу торговых контактов между Ираном и Арменией способствовало создание в мае 1992 г. временного лодочного моста через реку Аракс. 9 января 1996 г. открывается полноценный мост, ввод в эксплуатацию которого значительно увеличило торговый оборот с обеих сторон [15, с. 51]. Само строительство моста являлось более чем значительным событием. Для молодой Республики Армения Исламская Республика Иран должна была стать транзитным маршрутом транспортировки товаров из стран Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока. Работа моста позволила осуществлять перевозку транзитных грузов, через территорию Армении в Черноморский регион. Уже через несколько лет после строительства моста ежегодно из Ирана в Армению ввозилось в среднем по 50 тыс. тонн грузов, что в сто раз превышало показатели 1992 г. [10]. Значение моста через Аракс становится особенно важным в условиях военных действий с Азербайджаном, потому что по нему осуществлялась транспортировка жизненно важных грузов.

В 1994-1995 гг. в рамках организованных в Армении выставках-продажах иранских товаров произошли первые контакты между бизнесменами Армении и Ирана. На них армянские потребители познакомились с такими иранскими производителями, как мебельная фирма «Форузан», с лидером на рынке химических товаров фирмой «Рахан», производителем медикаментов компанией «Фармэкс», обувной фирмой «Абедани» и другими. По завершению выставок многие иранские фирмы открывают свои представительства и магазины в Ереване [9, с. 91].

Армения начала свое сотрудничество с Ираном с поставок продукции металлургической промышленности. Исламская республика посредством фирмы «Эхсан Садерат» закупала у северного соседа лом черных и цветных металлов, медный концентрат с большим количеством молибдена. Часть продукции Иран оставлял для собственных нужд, часть отправлял в Пакистан, где её скупали фирмы из Японии [9, с. 92].

Со временем номенклатура товаров во взаимной торговле расширилась. Армения

стала, импортировать из Ирана продукты питания, продукцию горнодобывающей, химической промышленности, промышленное оборудование, изделия из гипса и камня, автомобили. В свою очередь экспорт Армении пополнили древесина, продукция горнодобывающей промышленности, электроэнергия, продукты питания. Во второй половине 1990-х г. более двухсот совместных армяно-иранских компаний осуществляли деятельность на территории Армении. Показателем эффективности такого сотрудничества служит то, что в конце 1990-х г. Иран сохраняет второе

место среди торговых партнеров Армении.

В 1990 – 2000 гг. иранские инвесторы вкладывали свои средства преимущественно в следующие сферы экономики Армении – оптовая и розничная торговля, сельское хозяйство, химическая промышленность, строительство, логистика. Самой привлекательной отраслью экономики Армении для иранских инвесторов стала оптовая торговля, наименее привлекательным сектором являлось строительство, в связи с большими рисками вложений в данную сферу, по сравнению с инвестициями в сферу торговли и производства.

Таблица 1.

Иранские инвестиции в Армении в 2002-2016 гг., тыс. долларов США [11, с. 199].

Сферы								
	Всего	Сельское хозяйство и охота	Строительство	Оптовая торговля	Розничная торговля	Логистика	Химическая промышленность	Пищевая промышленность
2002	1763	667	0	1086	0	0	0	0
2003	457,2	0	2,3	417,6	8	29,3	0	0
2004	39,2	0	0	0	0	0	39,2	0
2005	119,7	0	0	37,2	0	0	82,5	0
2006	195,3	0	0	88,9	0	0	106,4	0
2007	154,7	0	0	0	0	0	154,7	0
2012	0,5	0	0	0	0	0,5	0	0
2014	45,6	0	0	0	0	45,6	0	0
2015	545,8	0	0	0	0	-45,6	0	591,4
2016	217,0	0	0	0	0		0	217,0
Всего	3 538	667	2,3	1 629,7	8	29,8	382,8	808,4

В период с 2000 по 2016 гг. наиболее значительные инвестиции в экономику Армении были вложены Ираном в 2002 г. и составили более 1,5 млн. долларов США. Наименее значительные инвестиции наблюдаются в 2012 г. В период с 2008 по 2011 г. и в 2013 г. Иран не инвестировал в экономику Армении.

К 1997 г. между Ираном и Арменией оборот товаров увеличился в три раза по сравнению с 1992 г., составив более 200 млн долл. [10]. Отдельные регионы Исламской республики Иран установили прямые контакты как с государственным сектором, так и с частными предприятиями Армении. С обеих сторон уделяется большое внимание начавшейся приграничной торговле. Ещё в первой половине 1990-х г. правительствами Армении и Ирана подписывается соглашение о приграничной торговле между иранской областью Маранд и Мегринским районом Армении. В связи с тем, что граница между Арменией и Ираном очень короткая, всего около

40 км, основной потенциал стран в приграничной торговле сосредоточен на границе Ирана и Сюникской области Армении. Здесь в городе Агарак находится приграничный рынок «Армения-Иран». Иран имеет также экономические связи с Армавирской областью Армянской республики. Особое место в экономическом сотрудничестве с Ираном занимает столица Армении.

Параллельно с развитием торговли армяно-иранское сотрудничество развивалось и в банковской сфере. 12 января 1995 г. в Ереване открывается филиал иранского банка «Банк Меллат», призванный облегчить торговые операции между двумя странами и способствовать инвестированию в совместные проекты. Из-за нахождения под санкционным режимом, армянские банки на территории Ирана не функционируют.

Важнейшей сферой армяно-иранского экономического сотрудничества является энергетическая. В период между 1992 г. и

1994 г. был подготовлен проект строительства газопровода Иран-Армения. В 1995 г. между Арменией и Ираном подписывается соглашение о его строительстве [10]. Предполагалось, что в обмен на часть поставляемого газа, Армения будет экспортировать в Иран электроэнергию. Первоначально основным противником строительства газопровода между Ираном и Арменией являлся российский «Газпром», т.к. иранский газ становился прямым конкурентом российскому. Кроме этого противником строительства газопровода также выступает США. Позиция «Газпрома» в 2000 г. постепенно меняется. Российская компания все больше убеждалась в стратегической важности данного проекта. Вследствие чего сам «Газпром» стал проявлять интерес к проекту [8]. Помимо коммерческой выгоды от его реализации, «Газпром» получал возможность контролировать перемещение в северном направлении конкурентного иранского газа. Официальный представитель «Газпрома» Александр Рязанов объяснял позицию компании тем, что если она не примет участия в строительстве газопровода Иран-Армения, то иранский газ может составить конкуренцию «Голубому потоку» в Турции. Кроме того, присутствие на Южном Кавказе российского холдинга было особенно важно в свете активно обсуждавшихся в то время проектов поставок голубого топлива из стран Центральной Азии в Европу [3].

Строительство газопровода началось в 2004 г. В марте 2007 г. Армению посетил президент Ирана Махмуд Ахмадинежад. В ходе этого визита произошло достаточно важное для истории армяно-иранских экономических отношений событие. В марте 2007 г. открывается газопровод Иран-Армения. Газопровод полностью вводится в эксплуатацию в 2008 г. Общая стоимость его строительства составила 250 млн. долл. Бюджет данного проекта можно поделить на три составляющие: «Газпром» выделил 45% необходимых средств, Армения вложила в проект 45 % и всего лишь 10 % составляет вклад Ирана. Армянская сторона назвала данный проект большим успехом в сфере энергетической дипломатии. Вместе с тем, право на эксплуатацию газопровода передается армяно-российской компании «АрмРосгазпром». Затем в результате эмиссии акций компании газопровод переходит под контроль «Газпрома» [8].

В обмен на электроэнергию Армения получает по бартеру газ. Сделка по обмену электроэнергией и газа между двумя странами осуществляется с 2009 г. Согласно договоренностям, Армения должна поставлять Ирану по 3 кВтч электроэнергии за кубометр газа. К примеру, в 2018 г. было импортировано 567 млн кубометров газа, взамен которых экспортировано 1 млрд 839 млн кВтч электроэнергии [7].

С 2008 г. разрабатывался проект строительства Ираном нефтеперерабатывающего завода в Армении. Так как из-за западных санкций многие новые технологии в сфере нефтепереработки стали Ирану недоступны, перенос производства в Армению мог в таком случае стать заменой строительства НПЗ в самой ИРИ. После отмены части западных санкций необходимость постройки завода на территории Армении отпала, и об этом проекте уже почти не вспоминают.

Не менее туманными представляются перспективы Армении как транзитера иранского газа. Объем газа, поступающего в Армению из Ирана, составляет в среднем 400 млн. кубометров в год. Технические особенности ирано-армянского газопровода не позволяют увеличить поставки топлива до транзитного уровня. Кроме того, практически единственной страной куда Армения теоретически могла бы поставлять газ является Грузия. Но у Армении нет газопровода в Грузию, т.к. грузинская сторона не заинтересована в подобном проекте, экономическая рентабельность проекта вызывает большие сомнения.

В 2007 г. Министерство энергетики Республики Армения и Министерство энергетики Исламской Республики Иран подписали соглашение «О сотрудничестве между правительством Республики Армения и правительством Исламской Республики Иран в области строительства и эксплуатации гидроэлектростанций на реке Аракс» [2].

Совместный проект Ирана и Армении по строительству каскада из двух деривационных гидроэлектростанций на пограничной реке Аракс предлагается ещё в 1990-х гг. и несколько лет обсуждался правительствами двух стран. Согласно плану, одна из них Мегринская ГЭС должна была располагаться в Армении, а другая Карачиларская (Гаре Чилер, Гарачилар) – в Иране [4, с. 56]. Стоимость стро-

ительства ГЭС с армянской стороны оценивалась в 323 млн. долл. По межправительственным соглашениям, подписанным в 2007-2009 гг. финансированием строительства электростанции и плотины должна была заниматься иранская инвестиционная компания «Фераб Сепасад». Расчетную мощность электростанции определили в 130 МВт. [18]. Строительство Мегринской ГЭС планировалось начать в 2012 г., первоначальным сроком сдачи объекта значился 2017 г. В течение первых 15 лет станция находилась в пользовании Ирана, а затем переходила под управление армянской стороны. 17 ноября 2012 г. состоялась торжественная церемония закладки гидроэлектростанции, на которой присутствовали президент Армении и министр энергетики Ирана. Тем не менее, строительство ГЭС на 2018 г. так и не началось. В первую очередь это связано с тем, что иранская компания «Фераб Сепасад», ответственная за финансирование строительства так и не сделала необходимых инвестиций в проект. Свою роль сыграло очередные экономические санкции, введенные Евросоюзом и США в отношении Ирана в 2012 г., так и общее удорожание проекта, финансирование которого иранские инвесторы уже не могли себе позволить. Всё же, несмотря на то, что данный проект заморожен, окончательно он не закрыт, стороны пытаются найти других инвесторов. Пока в Иране сохраняется высокий спрос на электроэнергию проект строительства Мегринской ГЭС не теряет свою актуальность.

Новым этапом в сотрудничестве двух стран в энергетической сфере становится постройка высоковольтных ЛЭП. Первая линия была построена еще в начале 1997 г. В конце ноября 2004 г. сдана в эксплуатацию вторая высоковольтная ЛЭП «Агарак-Шинуайр». В дальнейшем объёмы транспортировки электроэнергии из Армении в Иран только наращивались. Так, 20 июля 2007 г. на заседании Армяно-иранской межправительственной комиссии принимается решение о начале строительства третьей высоковольтной линии электропередачи между странами. Летом 2015 г. страны подписали договор о ее строительстве. «Иранский банк развития экспорта» взял на себя более 75 % инвестиционных затрат. Эта новая линия должна более чем в три раза увеличить поставки электроэнергии Армении в Иран, что может увеличить экспорт иранского

газа в страну в рамках сделки «газ в обмен на электроэнергию». Иран также будет подключен к сетям не только Армении, но и России, Грузии, а также Турции, что должно удовлетворить его спрос на электроэнергию [22].

С середины 2000-х гг. экономика Ирана находилась в рамках все усиливающихся санкций. Они вводятся США и другими государствами, чтобы нарушить работу иранской ядерной программы. Однако санкционный режим нанес урон всей экономике страны, и в том числе внешней торговле. От санкций страдали и армяно-иранские экономические отношения.

К 2015 г. напряженность вокруг иранской ядерной программы снижается. Были достигнуты договоренности между Ираном и пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН, в соответствии с которыми Тегеран согласился значительно сократить свою ядерную программу и допустить международных инспекторов в страну в обмен на отмену всех экономических санкций. Эффект от отмены санкций позитивно сказался на росте иранской экономики. Экспорт нефти восстановился до досанкционного уровня, а экономическая напряженность в стране уменьшилась.

Следовательно, новый период в армяно-иранском экономическом сотрудничестве начинается с 2015 г. В это время Армения вступает в ЕАЭС, а с Ирана частично снимаются санкции. Все это способствовало росту деловой активности между государствами. Появились различные перспективные проекты и надежды на дальнейший рост товарооборота между Арменией и Ираном [11, с. 198]. В 2016 г. между странами подписывается сразу пять меморандумов о сотрудничестве в торгово-экономической сфере, а несколько крупных иранских фирм выразили желание расширить торговую и инвестиционную деятельность в Армении. Так, например, иранская фирма «Rad Sane Vashamir Group» планирует вложить средства в инвестиционную программу в армянской провинции Лори. Птицеводческая фирма «Morkparvar» рассчитывает реализовать свои проекты по разведению породистых цыплят. С 2018 г. в Армении действует крупная иранская фирма «Behshahr Industrial Development Corporation», занимающаяся производством товаров широкого спектра от бытовой химии до продуктов питания. Ко всему прочему, в 2017 г. в Мегри открывается свободная экономическая зона. В рамках

СЭЗ компании освобождены от налога на прибыль и таможенных пошлин. Несмотря на то, что иранский бизнес проявляет осторожность ведения дел на армянском рынке, тем не менее фирмы с иранским капиталом в 2019 г. составляют 37% всех иностранных компаний, действующих в Армении [15, с. 52].

Смена политического курса в США и приход к власти президента Д.Трампа, вновь обостряют ситуацию вокруг Ирана. В результате Белый дом в мае 2018 г. вышел из договора с Ираном, в очередной раз ввел санкции против страны и оказал давление на ЕС и других союзников, чтобы они существенно сократили или

прекратили импорт нефти из Ирана и экономическое сотрудничество с Тегераном в целом.

Несмотря на потенциальные возможности роста внешней торговли, Иран опустился со второго на пятое место во внешней торговле Армении с годовым оборотом в 360 млн. долл. в 2018 г. [22]. Армения имеет постоянный дефицит торгового баланса с Ираном в размере примерно 90-175 млн. долл. в год. Основная доля формируется за счет закупки его газа, который преобразуется в электроэнергию и продается обратно в Иран на 60 млн. долл. [22].

Таблица 2.

Экспорт и импорт Республики Армения в ИРИ в 1999-2018 гг. (в тыс. долл. США) [14].

Год	Экспорт	Импорт	Год	Экспорт	Импорт
1999	34160.8	78450.4	2009	33 025.9	162 398.0
2000	30089.0	82328.4	2010	84 831.2	199 884.7
2001	31870.4	78120.5	2011	106 250.4	216 792.3
2002	31468.6	62615.4	2012	108 512.1	219 413.1
2003	22478.8	70187.3	2013	94 955.2	198 492.0
2004	30559.6	62284.7	2014	84 975.8	206 489.7
2005	28513.3	89166.6	2015	81 727.5	198 361.4
2006	29642.9	114399.5	2016	75 253.1	163 997.7
2007	38507.4	141663.0	2017	84 123.2	174 698.2
2008	25056.3	202991.2	2018	94 203.6	269 341.4

Если проследить торговлю между странами в динамике, то наблюдается тенденция к снижению размера товарооборота. В 2017 г. он снизился примерно на 40 % по сравнению с пиковым значением 2012 г. Сократились как

экспорт, так и импорт. Несмотря на эффект от снятия санкций с Ирана, в 2015-2017 гг. не было зарегистрировано заметного улучшения динамики взаимной торговли между странами [22].

Таблица 3.

Удельный вес ИРИ в экспорте и импорте Республики Армения в ИРИ в 1999-2018 гг. (в %) [14].

Год	Экспорт	Импорт	Год	Экспорт	Импорт
1999	14.7	9.7	2009	4.7	4.9
2000	10.0	9.3	2010	8.1	5.3
2001	9.3	8.9	2011	8.0	5.2
2002	6.2	6.3	2012	7.9	5.1
2003	3.3	4.0	2013	6.4	4.5
2004	4.2	4.6	2014	5.5	4.7
2005	2.9	4.9	2015	5.5	6.1
2006	3.0	5.2	2016	4.2	5.0
2007	3.3	4.3	2017	3.8	4.3
2008	2.4	4.6	2018	3.9	5.4

Туризм занимает значимое место во взаимоотношениях Армении и Ирана. В связи с этим 16 июня 2016 г. министры иностранных дел Армении и Ирана Эдвард Налбандян и Мохаммад Джавад Зариф подписали соглашение об отмене визового режима между

двумя странами [17]. Согласно данному документу граждане двух стран смогут без визездных виз находиться на территории другого государства в течение 90 дней.

Структура туристического потока между Арменией и Ираном разнородна. По данным

Всемирной туристической организации Армения в 2014 г. стала третьей, по посещаемости жителями Ирана страной после Турции и Ирака, обойдя в этом списке Азербайджан.

Всего за 2014 г. в страну въехало более 146 тыс. иранцев. Это более 7 % от общего количества иностранцев, посетивших Армению в этом году. Выбор иранцев вполне объясним. Иран – это закрытое общество, где ислам определяет все стороны жизни человека. Армения достаточно свободная и безопасная страна. Иранцы могут здесь вести себя более раскрепощенно, не соблюдая многие запреты. Большинство иранских туристов в Армении являлось уроженцами приграничных северных регионов Ирана – Зенджана, Тебриза, хотя нередко встречаются и жители Тегерана, и других областей страны. Иранцы часто приезжают на учебу в Армению. Поэтому значительное число проживающих уроженцев ИРИ в Армении являются студентами [13, с. 110]. Во время праздника Новруз (иранский Новый год) в 20-х числах марта каждого года поток иранских туристов увеличивается. Армению в эти дни посещает около 30 тыс. жителей Ирана. В среднем иранский турист тратит за поездку около 1000 долл. Многие обеспеченные иранцы проживают в элитных отелях и пользуются услугами дорогих ресторанов Еревана. В рамках 15-й Международной туристической выставки, проходившая в г. Тегеране 31 января 2020 г., Армения и Иран подписали меморандум о сотрудничестве в сфере туризма. В целом, можно отметить, что привлекательность Армении для туристов из Ирана неуклонно возрастает [13, с. 196].

В 2022 г. в Армении проживало около 3 тыс. граждан Ирана. Многие иранцы имеют бизнес в Ереване. С каждым годом в Армении увеличивается число иранских предпринимателей, вовлеченных в современную IT-сферу. Работники таких компаний зачастую создают контент для IT рынка Ирана.

В отношениях между странами существуют проблемы, мешающие армяно-иранскому экономическому сотрудничеству. Одна из главных проблем заключается в том, что в Иране действует относительно высокие импортные тарифы. Средние иранские пошлины на импорт превышают 15%. Иран достаточно сильно защищает свой внутренний рынок и в значительной степени полагается

на политику импортозамещения [20]. Естественно высокие пошлины негативно сказываются на импорте из Армении.

Другой проблемой является значительная разница в организации экономик Армении и Ирана. В Иране наблюдается высокая доля государственного сектора в экономике и сама она довольно закрытая. Армянская экономика более либеральная, больше зависит от динамики свободного рынка и роль государства в ней значительно ниже. Плохо налажено взаимодействие между двумя странами в банковской сфере. Армянские банки не представлены в Иране, а иранские за исключением «Меллат Банка» – в Армении. Торговые сделки, по сути, не обеспечены банковскими гарантиями, что заметно снижает деловую активность. Кроме того, в Иране действуют различные ограничения на иностранные инвестиции, поэтому иранский бизнес гораздо активнее вкладывает средства в относительно либеральную экономику Армении, чем армянский – в более закрытую экономику Ирана [15, с. 53]. Такие различия между экономическими системами не способствуют деловым контактам между армянскими и иранскими компаниями [20].

К сожалению, многие совместные проекты между Арменией и Ираном остаются замороженными или нереализованными. Так, стороны постоянно говорят о проекте строительства железной дороги Иран-Армения [19]. По предварительным оценкам стоимость его реализации составляет более 3 млрд. долл. Этот проект для Армении, находящейся между Турцией и Азербайджаном, имеет важное стратегическое значение [1, с. 77]. Но для Ирана он пока представляется нерентабельным, с экономической точки зрения.

Чиновники ИРИ неоднократно заявляли, что готовы на своей территории построить лишь небольшой участок дороги до границы с Арменией (90 км). Дальше Ереван, по мнению Тегерана, должен искать инвестиции самостоятельно. Тем более что в скором времени должна появиться железная дорога Иран-Азербайджан-Россия. Этот проект в Иране считают более перспективным.

Несмотря на то, что снятие санкций не сыграло значительной роли в изменении экономических отношений между Арменией и Ираном, торговля между странами интенсифицировалась на фоне вступления Армении в

Евразийский союз. В 2017 г. фиксируется определенный рост товарооборота между Ираном и Арменией. Импорт из Ирана в Армению значительно увеличился.

Данные Статистического комитета Республики Армения, показывают, что страна в 2018 г. экспортировала в Иран товаров на сумму 94,2 млн. долл., что на 11% больше, чем в 2017 г. Из Ирана ввозится товаров на сумму 269,4 млн. долл., что выше на 54,2 % по сравнению с 2017 г. В 2018 г. товарооборот между странами достиг 363,6 млн долл., увеличившись на 41% по сравнению с 2017 г. [7].

Доля электроэнергии в структуре экспорта Армении в ИРИ на 2018 г. составила 83,5% [7]. Из этого можно сделать вывод, что торговля энергоносителями продолжает играть решающую роль в экономических связях Армении с Ираном.

Стоимость электроэнергии, экспортированной в Иран в 2018 г. составила около 92 млн. долл. [7]. Примерно 15-20% производимой в Армении электроэнергии ежегодно экспортируется в Иран. В сравнении с 2017 г. объем электроэнергии, экспортированной из Армении в Иран 2018 г., увеличился на 67% или на 36,8 млн. долл. Таким образом, увеличение объема экспорта из Армении в Иран напрямую связано с увеличением объема поставок электроэнергии. Без учета электроэнергии, объем товаров, экспортированных в Иран в 2017 г., составил всего 18,1 млн долл., следовательно, без учета «энергетической сделки» экспорт из Армении в Иран имеет незначительные объемы.

В 2018 г. страна импортировала из ИРИ товаров на сумму более 275 млн. долл. Доля голубого топлива в этом объеме составляет 31% или 85 млн. долл. Объемы импортируемого Арменией газа также увеличились в 2018 г. на 27,3 млн. долларов или на 47% [7].

Летом 2018 г. Иран и ЕАЭС подписали договор о свободной торговле, оказывающий влияние на армяно-иранское сотрудничество в экономической сфере. Этот договор открывает широкие возможности для транзитной торговли Ирана с ЕАЭС при участии Армении.

Заключение (выводы). Основная политика Ирана в отношении Армении формируется в начале 90-х гг. XX в. Она была

направлена на установление тесных дипломатических и экономических связей. Для Ирана Армения выступала в качестве потенциального транзитера товаров и энергоносителей в Европу. В свою очередь для Армении Иран на протяжении долгого времени оставался важнейшим внешнеполитическим и экономическим партнером. Между странами не существует политических противоречий, что положительно влияет на развитие двустороннего экономического сотрудничества.

Однако, начиная с 2000 г. в товарообороте между государствами наступает стагнация. В рейтинге экономических партнеров Армении Иран со второго места переместился на пятое. Оба государства признают несоответствие между их тесным политическим партнерством и ограниченным масштабом экономического сотрудничества. Двусторонний товарооборот не превышает 400 млн. долларов. Это объясняется объективными трудностями во взаимной торговле. Армянским товарам трудно получить доступ к иранскому рынку, который защищен одними из самых высоких в мире таможенных пошлин. В то же время иранские товары на армянском рынке вынуждены конкурировать с более доступными товарами из других государств, в первую очередь из Китая и России. Наиболее важным для обоих государств является энергетическое сотрудничество, выражается в договоренности «газ в обмен на электричество». Трубопровод протяженностью 140 км, официально открытый в 2007 г., доставляет газ из Ирана в Армению, где большая его часть затем преобразуется в электроэнергию и поступает в северные провинции Ирана.

Некоторые изменения в армяно-иранской торговле наметились после 2015 г., когда Армения стала членом ЕАЭС. Страна стала активно продвигать соглашение о свободной торговле между союзом и ИРИ, которое заключается в мае 2018 г. После чего ожидается улучшение условий торговли между странами и повышение значимости Армении, как страны-посредника, предоставить ей более свободный доступ к иранскому рынку. Армяно-иранское экономическое сотрудничество имеет широкие перспективы не только в области электроэнергетики, но и в сфере транспорта, транзитной торговли и туризма.

Список литературы

1. Абрамян В.Г., Григорян В.В. Перспективы развития железнодорожного транспорта республики Армения // Актуальные вопросы экономических наук. Новосибирск. 2010. № 11-3. С. 76-79.
2. Армения и Иран подписали соглашение о строительстве приграничных ГЭС. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caucasianknot.net/articles/175600/> (дата обращения 18.01.2023).
3. «Голубые» мечты Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://armenia.gazprom.ru/press/about-company/2009/01/23/> (дата обращения: 15.03.2023).
4. Давтян В. Россия-США-Иран и энергетическая безопасность Армении // 21-й век. Пенза. 2009. №4 (12). С. 50-58.
5. Декларация о независимости Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.am/ru/independence/> (дата обращения: 18.01.2023).
6. Договор «О сотрудничестве, дружбе и добрососедстве» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ir> (дата обращения 18.01.2023).
7. Ергян С. Торговля Армения-Иран в 2018 г. Значительное увеличение веса импорта энергоносителей и цемента [Электронный ресурс]. URL: <https://hetq.am/hy/article/102873> (дата обращения: 20.01.2023). (на арм. яз.).
8. Коротышев А.П., Тюменкова А.С. Сотрудничество Республики Армения и Исламской Республики Иран в сфере энергетики и интересов России // Вестник ННГУ. 2012. №4-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-republiki-armeniya-i-islamskoj-respubliki-iran-v-energeticheskoj-sfere-i-interesy-rossii> (дата обращения: 19.02.2023).
9. Месамед В.И. Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия). М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 254 с.
10. Петросян Л. Армяно-иранские экономические отношения (1991-2008) [Электронный ресурс]. URL: http://ysu.am/files/03L_Petrosyan.pdf (дата обращения: 18.01.2023). (на арм. яз.).
11. Саргсян Л.Н. Перспективы развития торгово-экономических отношений между Арменией и Ираном // Региональные проблемы преобразования. Махачкала. 2018. №9. С. 195-203.
12. Сафарян А.А. Социально-эколого-экономические предпосылки развития туризма в республике Армения // Географический вестник. Пермь. 2016. №4 (39). С.109-111.
13. Сафарян Д.Н. Перспективы торгово-экономического сотрудничества Республики Армения и Ирана после снятия международных санкций // Via in tempore. История. Политология. Белгород. 2016. №8 (229). С.195-199.
14. Статистический комитет Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=586> (дата обращения: 25.01.2023).
15. Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С. Торгово-экономические отношения Ирана и Армении в контексте сближения Ирана с Евразийским экономическим союзом // Вестник Российский государственный гуманитарный университет. Москва. 2021. №3. С.49-63.
16. Чолахян В.А. Армяно-иранские связи: общность древней духовной культуры и многообразие форм исторического взаимодействия двух народов // История и историческая память. Саратов. № 18. 2019. С.68-78.
17. Эдвард Налбандян и Мохаммад Джавад Зариф подписали меморандум о либерализации визового режима между Арменией и Ираном [Электронный ресурс]. URL: <https://arm-world.ru/news/novostnik/11695-edvard-nalbandyan-i-mohammad-dzhavad-zarif-podpisali-memorandum-o-liberalizacii-vizovogo-rezhima-mezhdu-armenией-i-iranom.html> (дата обращения: 25.01.2023).
18. Энергетика в Республике Армения // Министерство энергетики и природных ресурсов Республики Армения. 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/energy/se/pp/gere/Nur-Sultan_June_2019/10._Hayk_Badalyan_Energy_in_the_Republic_of_Armenia.pdf (дата обращения: 25.01.2023).
19. Agreement signed on Armenia – Iran rail link // International Railway Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.railjournal.com/news/agreement-signed-on-armenia-iran-rail-link/> (дата обращения: 19.01.2023).
20. Avetian S. U.S. Sanctions and Iran: Potential Impact on Armenia's Economy [Электронный ресурс]. URL: <https://evnreport.com/economy/u-s-sanctions-and-iran-potential-impact-on-armenias-economy/> (дата обращения: 19.01.2023).

21. Therme C. The Irano-Armenian alliance [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Iran_alliance_russoarmenienne_Therme.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

22. Weiss A., Zabanova Y. The South Caucasus and Iran in the Post-Sanctions Era [Электронный ресурс]. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2017C24_wis_zbv.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

ARMENIAN-IRANIAN POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

The article is devoted to the analysis of the dynamics of development of Armenian-Iranian economic relations in the period from 1992 to 2018. Mutually beneficial relations in the economic and political spheres between the Islamic Republic of Iran and the Republic of Armenia originated in the early 1990s. From the point of view of Iran, forced to exist under the conditions of sanctions pressure, Armenia is a potential corridor for the entry of Iranian goods to European markets. Iran, in turn, is seen as an important economic partner for Armenia in the complex realities of the Nagorno-Karabakh conflict. The main directions of economic contacts between Iran and Armenia are analyzed. The important place of the energy sector in trade between countries was identified, in particular the importance of the Iran-Armenia gas pipeline. Iranian gas is supplied in exchange for the export of electricity from Armenia. It is energy that occupies an important place in economic contacts between states during the period under review. The tourism sphere as a prospective direction of development of Armenian-Iranian relations is considered separately. Difficulties hindering the growth of trade turnover between states are highlighted, influence of the sanctions regime on the development of trade relations between Iran and Armenia is considered. The impact of Armenia's entry into the Eurasian Economic Union in 2015 on the expansion of Armenian-Iranian economic ties is analyzed.

Keywords: foreign trade, Armenia, Iran, EAEU, export, import, energy cooperation, tourism.

References

1. Abrahamyan, V.G., Grigoryan, V.V. (2010). Perspektivy razvitiya zheleznodorozhnogo transporta respubliky Armeniya [Prospects of development of railway transport of the Republic of Armenia] // Aktual'nyye voprosy ekonomicheskikh nauk [Current issues of economic sciences]. Novosibirsk, 11-3, 76-79.
2. Armenia and Iran signed an agreement on the construction of border hydroelectric power plants [Electronic resource]. URL: <https://www.caucasianknot.net/articles/175600> (accessed: 18.01.2023).
3. «Blue» dreams of Armenia [Electronic resource]. URL: <https://armenia.gazprom.ru/press/about-company/2009/01/23> (accessed: 03/15/2023).
4. Davtyan, V. (2009). Rossiya-SSHA-Iran i energeticheskaya bezopasnost' Armenii [Russia-USA-Iran and Armenia's energy security] // 21-j vek [21st Century], 4 (12), 50-58.
5. Declaration of Independence of Armenia [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.am/ru/independence> (accessed: 18.01.2023).
6. The agreement «On cooperation, friendship and good neighborliness» [Electronic resource]. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ir> (accessed: 18.01.2023).
7. Yergnyan, S. Armenia-Iran trade in 2018. A significant increase in the weight of imports of energy carriers and cement [Electronic resource]. URL: <https://hetq.am/hy/article/102873> (accessed: 20.01.2023). (in Armenian).
8. Korotyshev, A.P., Tyumenkova, A.S. (2012). Sotrudnichestvo Respubliki Armeniya i Islamskoj Respubliki Iran v sfere energetiki i interesov Rossii [Cooperation of the Republic of Armenia and the Islamic Republic of Iran in the field of energy and interests of Russia] // Bulletin of the National Research University, 4-1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-republiki-armeniya-i-islamskoj-republiki-iran-v-energeticheskoy-sfere-i-interesy-rossii> (accessed: 02.19.2023).
9. Mesamed, V.I. (2015). Iran i nemusul'manskije strany Yuzhnogo Kavkaza (Armeniya i Gruzija) [Iran and non-Muslim countries of the South Caucasus (Armenia and Georgia)]. Moscow: Institute of the Middle East. 254 p.
10. Petrosyan, L. Armenian-Iranian economic relations (1991-2008) [Electronic resource]. URL: http://ysu.am/files/03L_Petrosyan.pdf (accessed: 18.01.2023). (in Armenian).
11. Sargsyan, L.N. (2018). Perspektivy razvitiya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij mezhdou Armeniej i Iranom [Prospects for the development of trade and economic relations between Armenia and

- Iran] // Regional'nye problemy preobrazovaniya [Regional problems of transformation], 9, 195-203.
12. Safaryan, A.A. (2016). Social'no-ekologo-ekonomicheskie predposylki razvitiya turizma v respublike Armeniya [Socio-ecological and economic prerequisites for the development of tourism in the Republic of Armenia] // Geograficheskij vestnik [Geographical Bulletin], 4 (39), 109-111.
13. Sakharyan, D.N. (2016). Perspektivy torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva Respubliki Armeniya i Irana posle snyatiya mezhdunarodnyh sankcij [Prospects for trade and economic cooperation between the Republic of Armenia and Iran after the lifting of international sanctions] // Via in tempore. History. Political science, 8 (229), 195-199.
14. Statistical Committee of the Republic of Armenia [Electronic resource]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=586> (accessed: 01/25/2023).
15. Filin, N.A., Koklikov, V.O., Khodunov, A.S. (2021). Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Irana i Armenii v kontekste sblizheniya Irana s Evrazijskim ekonomicheskim soyuzom [Trade and economic relations between Iran and Armenia in the context of Iran's rapprochement with the Eurasian Economic Union] // Vestnik Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet [Bulletin of the Russian State University for the Humanities], 3, 49-63.
16. Cholakhyan, V.A. (2019). Armyano-iranskije svyazi: obshchnost' drevnej duhovnoj kul'tury i mnogoobrazie form istoricheskogo vzaimodejstviya dvuh narodov [Armenian-Iranian ties: the commonality of ancient spiritual culture and the diversity of forms of historical interaction between the two peoples] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory], 18, 68-78.
17. Edward Nalbandian and Mohammad Javad Zarif signed a memorandum on visa liberalization between Armenia and Iran [Electronic resource]. URL: <https://arm-world.ru/news/novostnik/11695-edvard-nalbandyan-i-mohammad-dzhavad-zarif-podpisali-memorandum-o-liberalizacii-vizovogo-rezhima-mezhdu-armeniy-i-iranom.html> (accessed: 25.01.2023).
18. Energy in the Republic of Armenia // Ministry of Energy and Natural Resources of the Republic of Armenia. 2019 [Electronic resource]. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/energy/se/pp/gere/Nur-Sultan_June_2019/10_haik_badalyan_energiya_v_republik_armenia.pdf (accessed: 25.01.2023).
19. Agreement signed on Armenia – Iran rail link // International Railway Journal [Electronic resource]. URL: <https://www.railjournal.com/news/agreement-signed-on-armenia-iran-rail-link/> (accessed: 19.01.2023).
20. Avetian, S. U.S. Sanctions and Iran: Potential Impact on Armenia's Economy [Electronic resource]. URL: <https://evnreport.com/economy/u-s-sanctions-and-iran-potential-impact-on-armenias-economy/> (accessed: 19.01.2023).
21. Therme, C. The Irano-Armenian alliance [Electronic resource]. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Iran_alliance_russoarmenienne_Therme.pdf (accessed: 18.01.2023).
22. Weiss, A., Zabanova, Y. The South Caucasus and Iran in the Post-Sanctions Era [Electronic resource]. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2017C24_wis_zbv.pdf (accessed: 18.01.2023).

Об авторе

Акобян Ашхен Артаковна – ассистент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Гуманитарный институт Северо-Кавказский федеральный университет (Россия), E-mail: ashkhen.akopyan.94@mail.ru

Akopyan Ashkhen Artakovna – assistant of the department of foreign history, political science and international relations, Humanitarian institute of the North Caucasus Federal University (Russia), E-mail: ashkhen.akopyan.94@mail.ru

УДК 327

Анфайлов О.С., стажер-исследователь Центра ближневосточных и африканских исследований ИМИ, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Лошкарёв И.Д., кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ НА УКРАИНЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

В статье проводится анализ публикаций трех ключевых мозговых центров Африки южнее Сахары, посвященных причинам, последствиям, глобальному и региональному контексту украинского конфликта, а также его влиянию на страны Африки и их политический курс. Авторы рассматривают публикации аналитических центров, способных оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений в африканских государствах с целью оценки потенциала изменения их позиции относительно российской СВО, а также доминирующих в африканском экспертном сообществе представлений о влиянии украинского конфликта на международные отношения. В своих публикациях мозговые центры концентрируются на трех ключевых темах: глобальный контекст украинского конфликта и его последствия для мировой политики, влияние украинского конфликта на ситуацию в Африке и позиция некоторых стран Африки южнее Сахары по украинскому конфликту. Африканские эксперты видят в украинском конфликте проявление великодержавной конкуренции и рассматривают его как точку отсчета в будущем изменении мирового порядка. При этом они ясно видят его негативные последствия для экономической ситуации в странах Африки.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, российско-африканские отношения, мозговые центры, СВО России на Украине.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-36-44

Введение. В настоящий момент происходят глубокие структурные изменения сложившегося ранее мирового порядка, наблюдается упадок однополярного мироустройства как такового, а также глобальное перераспределение баланса политических и экономических сил на мировой арене [3].

В частности, речь идет об изменении степени политического и экономического влияния как стран Запада, так и России, Китая, стран Персидского залива, а также стран Африки. Многие эксперты считают, что именно украинский кризис, начавшийся в конце 2013-го-начале 2014-го годов и протекающий с 24 февраля 2022-го года в форме военно-политического конфликта с прямым или косвенным участием большинства современных международно-политических акторов, стал кульминацией давно назревавшего реформирования мирового порядка [2]. При этом, сам украинский кейс приобретает все более глобальный характер и оказывает значительное влияние на страны глобального Юга, в частности, страны Африки. Подобное развитие событий, в свою очередь, способно повлиять на российско-африканские отношения.

Для того чтобы иметь возможность полноценно исследовать влияние происходящих

изменений на африканские страны, а также оценить перспективы развития отношений между Россией и Африкой, следует уделить особое внимание изучению их отношения к украинскому конфликту, его причинам и последствиям.

При исследовании российско-африканских отношений особая роль отдается странам Африки южнее Сахары, поскольку они представляют большинство стран Африки. При этом, многие государства Африки – в последнее время укрепляют свои отношения с Россией [3].

Африканскому направлению российской дипломатии досталось тяжелое наследие – отмечает А.Л. Емельянов [1]. Начавшийся в 1980-х годах структурный кризис в экономике и связанные с ним политические процессы в большинстве африканских стран, а также перестройка в СССР, которая в конечном итоге привела к его распаду, негативно сказались на российско-африканских отношениях.

Поворот в сторону Африки в российской внешней политике произошел во второй половине 1990-х годов, когда в общественном сознании и среди правящей элиты начало формироваться осознание угрозы для нацио-

нальных интересов России, связанной с ориентацией на однополярную мировую структуру. Один из ранних признаков смены политического курса в сторону многополярного мира стало появление Концепции российской политики в Африке 1994 года, которая была пересмотрена и дополнена в 2000-м году [1].

Многие государства Африки рассматривают Россию как страну, готовую оказать помощь в становлении сбалансированной модели обеспечения безопасности на континенте [1]. Африканские страны выразили готовность к диалогу с РФ по широкому кругу вопросов, включая различные аспекты разоружения, создание зон без ядерного оружия и усиление международных и региональных механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов. Значительный интерес к России сформировался в странах континента на фоне роста усилий стран Запада и блока НАТО по дестабилизации ситуации Сахаро-Сахельском регионе и Северной Африке [5].

В первые годы 2000-ых начали развиваться научно-технические связи, в частности в области высоких технологий, таких как ядерная энергетика, астрофизика и мирное использование космического пространства (особенно в Нигерии и ЮАР). Новым явлением в российско-африканских отношениях тогда стало и сотрудничество в финансовой сфере. В рамках стратегического партнерства между Россией и Южной Африкой были установлены близкие деловые контакты между банками двух стран. Они ориентированы на совместное финансирование и поддержку инвестиционных проектов в различных отраслях промышленности, с акцентом на экспортно-ориентированные отрасли.

В конце июля 2023-го года в Санкт-Петербурге прошел саммит Россия-Африка, на котором среди прочих были представлены 15 государств Африки южнее Сахары лично президентами данных государств, а также еще одно государство (Эфиопия) было представлено премьер-министром страны. Результатом саммита стало принятие четырех деклараций, среди которых: о сотрудничестве в сфере информационной безопасности и укреплении взаимодействия в области борьбы с терроризмом; предотвращении гонки вооружений в космосе. Для реализации решений саммита был выработан план действий Форума партнерства Россия-Африка, а

также подписаны меморандумы о взаимопонимании с Межправительственной организацией по развитию и Экономическим сообществом государств Центральной Африки [4].

Чтобы корректно оценить основания для потенциального политического курса стран Африки южнее Сахары и его перспективы, а также возможности его изменения в сторону меньшей поддержки позиции России, необходимо изучить доминирующие представления о России среди лиц, принимающих решения в данных странах. Особое внимание следует уделить тому, какой видится роль России в украинском конфликте, какими представляются его причины и последствия как на глобальном уровне, так и в контексте региональных изменений.

Объект и методы исследования. Наиболее эффективным способом оценки таких представлений может стать анализ дискурса различных мозговых центров, работающих в изучаемом регионе. Содержание отчетов и иных публикаций таких центров представляются более информативными, чем заявления официальных лиц государств, поскольку лишены протокольного характера и не представляют официальную публичную позицию изучаемых стран, что снимает с них множество ограничений. При этом, такие публикации зачастую содержат аргументированные рекомендации к изменению политического курса страны в ту или иную сторону, а также собственную оценку происходящего. Более того, зачастую заказчиком различных отчетов от мозговых центров становятся именно органы государственной власти, имеющие прямое отношение к разработке и принятию политических решений. Поэтому, есть все основания полагать, что публикации мозговых центров мало того, что косвенно могут повлиять на политику стран южнее Сахары по отношению к России, так и в целом способны наиболее полно отразить представления о России в данных странах. Применение метода кейс-стади и анализа публикаций мозговых центров позволяет исследовать обсуждение вопросов внешней политики в стране и выявить главные направления мнений. Таким образом, на ранних этапах можно определить потенциальные изменения в позиции страны относительно российских вопросов.

Исследование влияния аналитических центров на процесс принятия внешнеполити-

ческих решений проводится уже на протяжении длительного времени. Тем не менее вопрос о роли таких центров в формировании внешнеполитических стратегий в странах Африки южнее Сахары остается относительно новым. Обсуждение этой темы началось недавно, что подчеркивает актуальность оценки влияния аналитических центров на процессы принятия решений в данном регионе. В этом контексте необходимо предоставить всесторонний обзор состояния аналитических центров в странах Африки южнее Сахары, чтобы более точно оценить их влияние на формирование внешнеполитических стратегий.

Результаты и их обсуждение. Число «мозговых» центров на Африканском континенте постепенно растет. В одном из самых цитируемых рейтингов аналитических центров, за авторством коллектива из Пенсильванского университета, существует отдельный региональный раздел по Африке, что подтверждает важность мозговых центров региона в производстве аналитики. В глобальный рейтинг мозговых центров (который включает 155 позиций) входит 15 центров из Африки южнее Сахары, что с одной стороны говорит о менее высоком уровне их работы по сравнению с европейскими центрами, по мнению авторов рейтинга, а с другой может свидетельствовать о растущей доле этих центров (уже более 10%) [6].

В данном разделе будет проведен анализ публикаций ключевых мозговых центров Африки южнее Сахары в отношении украинского конфликта. Для анализа были выбраны три мозговых центра: Африканский центр по конструктивному разрешению споров ACCORD (ЮАР), Центр политики и образования IMANI (Гана), Кенийский институт исследований и анализа государственной политики (Кения) и Совет по развитию исследований в области социальных наук в Африке CODESRIA (Сенегал). В региональном разделе доклада Пенсильванского университета, посвященном рейтингу аналитических центров Африки южнее Сахары, выбранные аналитические центры занимают лидирующие позиции. В глобальном же рейтинге данные мозговые центры котируются наиболее высоко по сравнению с остальными центрами изучаемого региона.

Африканский центр по конструктивному разрешению споров (АККОРД) (Юж-

ная Африка). Африканский Центр по Конструктивному Разрешению Споров имеет богатую историю, связанную с участием африканских стран в решении мировых конфликтов и поддержании мира. По данным рейтинга мозговых центров Пенсильванского университета Центр занимает первое место среди всех мозговых центров Африки южнее Сахары.

28 июля 2023 года на сайте ACCORD была опубликована статья под названием «Мирная миссия Африки в отношении Украины и России: переход к стратегии активного нейтралитета?» [9]. Эта публикация выделила важную роль африканских стран в дипломатических усилиях по урегулированию конфликта на Украине. В статье поднимались следующие ключевые аспекты:

–Африканские страны стали объектом дипломатического внимания в контексте украинского конфликта.

–Миссия африканских государств нацелена на смягчение конфликта и создание условий для диалога.

–Отсутствие единой позиции африканских стран отразилось в голосовании в Генеральной Ассамблее ООН.

–Африка стремится предостеречь международное сообщество от возможной эскалации конфликта.

–В то время как критики утверждали, что у Африки мало средств воздействия на Россию и Украину, способность Африки представлять себя как нейтрального посредника позволила провести встречи с президентами Зеленским и Путиным в короткие сроки.

–Африканская делегация представила десятипунктовый план для сбалансированного подхода.

–Украина и Россия проявили интерес к встрече с африканской делегацией.

–Африканские страны могут расширить свою деятельность для достижения более широкого консенсуса.

–Усилия Африки в сфере мира и дипломатии должны донести до мирового сообщества приоритет развития.

Данная публикация подчеркивает растущую роль, которую играют африканские страны в мировой дипломатии и урегулировании конфликтов, а конфликт на Украине становится окном возможности для Африки, чтобы активно проявить себя в качестве ми-

ротворца. Способность африканских государств действовать как нейтральные посредники и представлять себя без явной приверженности интересам как России, так и Украины позволила создать основу для диалога и разрешения конфликта.

Вторая публикация, опубликованная 22 сентября 2022 года, называется «Глобальная геополитическая конкуренция затрагивает Африку: сможет ли она сохранить свой голос?» [11]. Эта статья поднимает важные вопросы, связанные с влиянием мировых держав на Африку и ее способностью сохранить свой голос в условиях возросшей глобальной конкуренции в мировой политике. Ключевые тезисы, выдвинутые в данной публикации следующие:

Таким образом, можно заключить, что данная публикация от 22.09.2022 подчеркивает, что Африка становится объектом внимания мировых держав, которые конкурируют за влияние и ресурсы в регионе. Визиты высокопоставленных представителей из Германии, США, Франции и других стран свидетельствуют о стремлении контролировать ключевые африканские ресурсы и установить влияние в регионе. Внимание к африканскому региону приковано скорее из-за желания сохранить и нарастить в нем влияние на фоне растущего противостояния крупных мировых держав, а не из побуждений к равному сотрудничеству. Это также может влиять на представления о России и Украине в Африке, учитывая роль этих стран в мировой политике.

Третья публикация, опубликованная также 22 сентября 2022 года, называется «Африканские правительства и их международные партнеры должны усилить устойчивость Африки к продовольственной нестабильности, вызванной конфликтом на Украине» [8]. Эта статья акцентирует внимание на важности укрепления продовольственной безопасности в Африке в свете последствий украинского конфликта.

По мнению авторов публикации, конфликт на Украине оказал негативное воздействие на продовольственную безопасность в Африке. Африканским странам необходимо разработать стратегии и планы для преодоления снижения продуктивности сельского хозяйства и обеспечения стабильного доступа к продовольствию. При этом авторы подчеркивают важность придерживаться обязательств,

вытекающих из Мапутской декларации Африканского союза о сельском хозяйстве и продовольственной безопасности. К числу основных обязательств, изложенных в Декларации Мапуту, относятся [10]:

–Выделение бюджетных средств: государства-члены обязались в течение пяти лет после принятия декларации выделять не менее 10% своего годового национального бюджета на развитие сельского хозяйства и сельских районов.

–Проведение исследований и распространение знаний: страны обязались укреплять сектор сельскохозяйственных исследований и платформ для распространения знаний, чтобы обеспечить фермерам доступ к современной информации и технологиям, способным повысить их производительность.

–Доступ к рынкам: страны-участницы обязались улучшить доступ фермеров на рынки, включая развитие сельской инфраструктуры и транспортных сетей для облегчения доставки сельскохозяйственной продукции на рынки.

–Торговая политика: в декларации подчеркивается важность торговой политики, которая будет способствовать развитию внутриафриканской торговли сельскохозяйственной продукцией, снижению торговых барьеров и усилению региональной экономической интеграции.

–Гармонизация политики: декларация призвала страны гармонизировать свою сельскохозяйственную политику на региональном и континентальном уровнях, способствуя координации и сотрудничеству в решении проблем продовольственной безопасности.

С точки зрения ACCORD, в краткосрочной перспективе африканским странам следует наращивать усилия по обеспечению продовольствием уязвимых групп населения, поддерживать крупных производителей зерна, снимать ограничения на доступ к продовольственным рынкам и предоставлять фермерам необходимые посадочные материалы. В долгосрочной перспективе необходимо развивать континентальные и региональные подходы, продвигать климатически устойчивые технологии, инвестировать в исследования и разработки сельскохозяйственных систем и поощрять использование местных альтернативных культур.

Также авторы отмечают важность коор-

динации усилий разнообразных заинтересованных сторон. При этом, международные партнеры должны предоставить помощь и опыт для укрепления продовольственной безопасности Африки после украинского конфликта. В целом, для публикаций ACCORD характерно подчеркивание особой роли стран континента – в экономическом развитии мира и в возможном дипломатическом разрешении конфликта вокруг Украины.

Можно констатировать, что публикации данного аналитического центра уделяют внимание ситуации с продовольствием в Африке, которая зависит от текущего украинского конфликта, но не самому конфликту. В публикациях подчеркивается необходимость долгосрочных стратегий и сотрудничества как на национальном, так и на международном уровне для обеспечения устойчивого доступа к продовольствию в регионе.

Центр политики и образования IMANI (Гана). Центр политики и образования – это аналитический центр, базирующийся в Аккре, Гана. Будучи членом Фонда экономических исследований Atlas, аналитический центр применяет решения свободного рынка для решения сложных внутренних социальных проблем [7]. Он был основан в 2004 году Франклином Куджо, который в настоящее время занимает должность президента и главного исполнительного директора. Важно отметить также, что Куджо был избран Всемирным Экономическим Форумом в Давосе в качестве молодого лидера глобализма в 2010-м году [12].

Деятельность аналитического центра сосредоточена на следующих четырех тематических областях: верховенство закона, рост и развитие рынка, права личности, безопасность человека и институциональное развитие. Центр оказывает влияние в сфере государственного образования и политики Ганы посредством выступлений в средствах массовой информации, публикаций, исследований и семинаров.

В рамках данной статьи важно учитывать публикации, которые имеют прямое отношение к рассматриваемой теме. Одна из таких публикаций – статья под названием «Как текущий конфликт между Россией и Украиной повлияет на восстановление экономики Ганы после пандемии COVID-19» [13].

Авторы отмечают, что «сейсмические» последствия от проведения Россией СВО на

Украине затрагивают иные регионы мира. В частности, Гана, Кения и Габон выразили свое осуждение действий России в ходе чрезвычайной сессии ГА ООН 25 февраля 2022 года. Конфликт уже начал оказывать влияние на хрупкую мировую экономику и увеличивает риски для ее восстановления. В свою очередь, подъем цен на нефть и сырье для сельского хозяйства может вызвать экономические трудности в Гане. Гана – чистый экспортер сырой нефти, что делает ее уязвимой к колебаниям цен на нефть на мировых рынках. По мнению авторов публикации, Гане необходимо стремиться к самодостаточности и уверенности в собственных ресурсах как стратегии на долгосрочную перспективу. Таким образом, ускорение реализации программ по возобновляемым источникам энергии и городской мобильности становится неотложной задачей. Бюджетное финансирование после COVID-19, при этом, должно перейти от учета расходов к оценке результатов.

Публикация о влиянии конфликта между Россией и Украиной на экономику Ганы после пандемии COVID-19 подчеркивает необходимость внимательного мониторинга и адаптации стратегий развития. Гане следует активно работать над укреплением ее устойчивости к внешним экономическим факторам, включая колебания цен на нефть и сельскохозяйственные ресурсы. Иными словами, Центр политики и образования легитимирует леволиберальные рекомендации по экономической политике с помощью аналитических материалов по Украине и конфликте на ее территории.

Совет по развитию исследований в области социальных наук в Африке (CODESRIA). Совет по развитию социальных наук исследований в Африке (Council for the Development of Social Science Research in Africa), сокращенно CODESRIA, основанный в 1973 году, сразу же приобрел статус важного актора в области развития социальных наук на континенте. Основная миссия CODESRIA заключается в поддержке, содействии и развитии исследований в области социальных наук на африканском континенте. Организация ставит перед собой задачу содействия интеллектуальному развитию и формированию критического мышления среди ученых и исследователей в Африке.

CODESRIA успешно собрал и объединил множество ученых, исследователей и

ученых со всего континента, способствуя созданию богатой среды для обмена знаний и опытом. Организация также содействует выпуску научных публикаций, организации конференций и семинаров, а также обучению исследователей и научных кадров. CODESRIA не только активно участвует в поддержке научных исследований в Африке, но также выступает как важный актор в анализе событий мировой политики, оказывая влияние на интерпретацию событий, которые оказывают воздействие на африканский континент.

Важнейшей публикацией, отражающей ангажированность CODESRIA в анализе глобальных событий, можно назвать CODESRIA Bulletin Online, выпуск No. 7, от марта 2022 года. Этот выпуск, под заголовком «Интервенция России в Украину: Что это значит для Африки?», представляет собой попытку оценить последствия конфликта в Украине для африканского континента [14].

В данной публикации CODESRIA предоставляет аналитический обзор, включающий в себя оценку влияния конфликта в Украине на Африку. Автор – Юсуф Бангура – подчеркивает важную роль Африки в мировой политике и взаимосвязь событий в разных регионах мира.

Специальная военная операция России на Украине, начавшаяся в 2022 году, после долгих лет напряженных отношений, означает завершение правил и рамок безопасности, установленных после окончания Холодной войны. По мнению Ю. Бангуры, эта операция создает угрозу независимости стран Восточной Европы и бывших республик Советского Союза и усиливает антилиберализм в мировой политике.

Публикация поднимает вопросы, связанные с историческими событиями в России, начиная с перехода от коммунизма к капитализму, что сопровождалось экономическими трудностями и восприятием займов Международного валютного фонда как нарушения суверенитета России. Согласно публикации, стратегическое видение Путина включает в себя вызов либеральным ценностям и правилам однополярной системы, а также стремление вернуть утраченное влияние на территориях вдоль границы с Россией. Анализ публикации также подчеркивает, что этнические русские, проживающие в странах бывшего Советского Союза, стали основой

для легитимации военного и политического вмешательства России.

Публикация отмечает, что события, начиная с воссоединения с Крымом в 2014 году, побудили Россию к военной интервенции на Украину с потенциальной целью аннексии всей страны (что, на самом деле, не так, согласно заявлениям В.В. Путина – прим. авт.). Россия также стремится сократить экономическую зависимость от Запада и накопила огромные резервы для создания «крепостной экономики».

В данной публикации рассматривается роль России в разрушении «порядка, основанного на правилах», и подчеркивается ее недовольство собственной способностью догнать Запад экономически и технологически. В отличие от Китая, который использует существующие мировые договоренности для вызова западной гегемонии, Россия полагается на военную мощь как оружие для подтверждения своего статуса мировой державы.

Публикация отмечает, что экономические и технологические возможности России сравнительно незначительны по сравнению с такими крупными державами, как Соединенные Штаты и Китай, но она занимает второе место по военному потенциалу и имеет наибольшее количество ядерных боеголовок. Запад наложил обширные санкции на Россию, что свидетельствует о готовности изолировать ее от важных областей глобальных финансов, торговли, инвестиций, технологий, развлечений и путешествий.

Начало СВО на Украине обозначило тренд на возвращение «Железного Занавеса» и может привести к продолжительной нестабильности в Европе. Эти события также укрепили НАТО и побудили некоторые западные страны пересмотреть свою политику нейтралитета и рассмотреть возможность вступления в НАТО для защиты.

Публикация предупреждает, что СВО на Украине и глобальные изменения в мировой политике могут привести к восстановлению доктрины сфер влияния. Концепция сфер влияния исторически использовалась крупными державами, такими как Соединенные Штаты, Франция и Великобритания, для установления контроля над определенными регионами или странами. Доктрина сфер влияния не соответствует Уставу ООН или меж-

дународному праву, которое стремится запретить такое восприятие и поддерживать принципы суверенитета, территориальной целостности, равенства и прав человека.

Развивающиеся страны исторически сопротивлялись доктрине сфер влияния и военным альянсам, что привело к созданию Движения неприсоединения во времена Холодной войны. Потенциальное внедрение доктрины сфер влияния может привести к вмешательству более сильных держав и даже к реколонизации африканских стран и других регионов.

Публикация предсказывает, что ослабленная Россия, возможно, станет более непредсказуемой и конфронтационной и будет искать союзников в незападных регионах, включая Африку. Взаимодействие России с Африкой будет отличаться от советского периода, поскольку сегодняшняя Россия ориентирована на экономический результат и ищет выгодные возможности для сопряжения их с политическим сотрудничеством. Россия, находясь в более сложной мировой обстановке и под давлением западных санкций, стала более активной в поиске экономических и политических контактов в различных регионах мира, включая Африку.

Тем не менее, взаимодействие России с Африканским континентом вызывает определенные вопросы и беспокойство. Россия, как и другие мировые державы, проявляет интерес к африканским ресурсам, включая энергетические и природные ресурсы. Это может привести к эксплуатации и потенциальной утечке этих ресурсов, аналогичным действиям других мировых акторов, таких как Запад и Китай.

По мнению Ю. Бангуры, Россия также может использовать свое влияние в африканских странах для продвижения собственных интересов, включая поддержку авторитарных режимов и противодействие демократическим силам. Это может иметь негативное воздействие на политическую ситуацию в Африке и усугубить проблемы, связанные с правами человека и гражданскими свободами.

Таким образом, взаимодействие России с Африкой в контексте современных событий, таких, как российская СВО на Украине, вызывает опасения и требует внимательного наблюдения. Африка должна быть готова к сложным временам, так как текущий кризис

и его потенциальные последствия могут оказать существенное воздействие на политическую и экономическую обстановку в регионе. В целом, оценки CODESRIA во многом воспроизводят западные нарративы – о противостоянии авторитарного и демократического начал в современном мире, об изначальной агрессивности и технологической отсталости России, об оправданности расширения НАТО на восток, об опасности расширения российско-африканского сотрудничества.

Заключение. Проанализировав публикации трех ключевых мозговых центров Африки южнее Сахары относительно причин и глобального контекста украинского конфликта, а также его влияния на страны Африки, можно заключить, что африканское экспертное сообщество относится к российским действиям в контексте конфликта нейтрально или негативно. За противостоянием на Украине эксперты почти сразу увидели признаки конкуренции великих держав, проявляющейся в противостоянии России и НАТО, и стали рассматривать его как точку отсчета масштабных глобальных изменений. Рассуждая о причинах украинского конфликта и начала российской СВО, некоторые африканские эксперты прослеживают историю развития конфликта вплоть до распада СССР. Они указывают на то, что Россия воспринимает расширение НАТО на восток как недопустимое вмешательство в свою сферу влияния и интереса. В результате, защищая свои национальные интересы, Россия была вынуждена начать СВО. Другие авторы, скорее воспроизводят западные нарративы о противостоянии демократии и автократий.

Эксперты проанализированных исследовательских центров отмечают, что конфликт вокруг Украины вызвал целый ряд негативных экономических последствий, особенно сильно затронувших страны глобального Юга в целом и Африки южнее Сахары в частности. Под ударом оказались, к примеру, Кения и Гана, зависящие от цен на продовольствие, энергоносители и стабильности на мировых финансовых рынках. Однако при этом многие африканские государства стремятся продемонстрировать нейтральность в конфликте и воспользоваться открывшимся для них окном возможностей, чтобы заявить о себе как о полноправном акторе международных отношений и миротворце. Оценка украинского

конфликта африканскими экспертами говорит о перспективах сохранения нейтральной позиции многих африканских государств и

сохраняющемся стремлении искать точки соприкосновения и возможности для сотрудничества с Россией.

Список литературы

На русском языке

1. Емельянов А.Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары. - М.: МГИМО-Университет, 2012. - 492 с.
2. Михайленко А.Н. Украинский кризис в контексте становления нового мирового порядка // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, 2023. №6-1. С. 250-253.
3. Наследство колониализма и спасение демократии. Итоги саммита Россия - Африка / ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/18399539> (дата обращения: 30.07.2023).
4. Подобедова Л. Россия и Африка: новый этап большой энергетики // Энергетическая политика. – 2023. – №. 4 (182). – С. 34-41.
5. Репешко Е.А. Подход НАТО к разрешению Ливийского кризиса в событиях «Арабской весны» // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 1 (34). С. 172-176.

На английском языке

6. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / Think Tanks and Civil Societies Program, University of Pennsylvania. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (дата обращения: 30.07.2023).
7. About IMANI Center for Policy & Education [Электронный ресурс] URL: imanihghana.com. (дата обращения: 30.07.2023).
8. African Governments and their international partners need to boost Africa's resilience to the food insecurity caused by the Ukraine war / ACCORD [Электронный ресурс] URL: : <https://www.acCORD.org.za/analysis/african-governments-and-their-international-partners-need-to-boost-africas-resilience-to-the-food-insecurity-caused-by-the-ukraine-war/> (дата обращения: 30.07.2023).
9. Africa's Peace mission to Ukraine & Russia: Towards a strategy of active non-alignment? / ACCORD [Электронный ресурс] URL: <https://www.acCORD.org.za/analysis/africas-peace-mission-to-ukraine-russia-towards-a-strategy-of-active-non-alignment/> (дата обращения: 30.07.2023).
10. AU Maputo Declaration on Agriculture and Food Security, 2003.
11. Global geopolitical competition hits Africa: Can it maintain its voice? / ACCORD [Электронный ресурс] URL: <https://www.acCORD.org.za/analysis/global-geopolitical-competition-hits-africa-can-it-maintain-its-voice/> (дата обращения: 30.07.2023).
12. Franklin Cudjoe, Biography [Электронный ресурс] URL: <https://www.ghanaweb.com/person/Franklin-Cudjoe-3709> (дата обращения: 30.07.2023).
13. How the ongoing Russia-Ukraine conflict will impact Ghana's post-COVID economic recovery? / Imani Africa [Электронный ресурс] URL: <https://imaniafrica.org/2022/03/how-the-ongoing-russia-ukraine-conflict-will-impact-ghanas-post-covid-economic-recovery/> (дата обращения: 30.07.2023).
14. Russia's invasion of Ukraine: What does it mean for Africa? / CODESRIA Bulletin Online, No. 7, March 2022 [Электронный ресурс] URL: <https://journals.codesria.org/index.php/codesriabulletin/article/view/2056> (дата обращения: 30.07.2023).

RUSSIA'S SMO ON UKRAINE IN THE PUBLICATIONS OF THINK TANKS IN SUB-SAHARAN AFRICA

The article analyses the publications of three key think tanks in Sub-Saharan Africa on the causes, consequences, global and regional context of the Ukrainian conflict, as well as its impact on African countries and their political course. The authors examine the publications of think tanks that can influence foreign policy decision-making in African states in order to assess the potential for changing their position on the Russian SMO, as well as the dominant perceptions in the African expert community about the impact of the Ukrainian conflict on international relations. In their publications, the think tanks focus on three key topics: the global context of the Ukrainian conflict and its implications for world politics, the impact of the Ukrainian conflict on the situation in Africa, and the position of some Sub-Saharan African countries on the Ukrainian conflict. African experts see the Ukrainian conflict as a manifestation of great-power competition and see

it as a starting point for future changes in the world order. At the same time, they clearly see its negative consequences for the economic situation in African countries.

Keywords: Sub-Saharan Africa, Russian-African relations, think tanks, Russia's SMO in Ukraine.

References

In Russian

1. Emelyanov A.L. Postcolonial history of Sub-Saharan Africa. Moscow: MGIMO-University, 2012. - 492 с.
2. Mikhaylenko A.N. Ukrainian Crisis in the context of the formation of new world order // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation, 2023. №6-1.
3. Podobedova L. Russia and Africa: a new stage of big energy // Energy Policy. 2023. №4 (182).
4. The legacy of colonialism and the salvation of democracy. Results of the Russia-Africa Summit / TASS [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/18399539> (дата обращения: 30.07.2023).
5. Repeshko E.A. Approaches of the NATO towards Lybian crisis during the Arab spring// MGIMO Herald. 2014. № 1 (34). pp. 172-176.

In English

6. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / Think Tanks and Civil Societies Program, University of Pennsylvania. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (дата обращения: 30.07.2023).
7. About IMANI Center for Policy & Education [Электронный ресурс] URL: imanhana.com. (дата обращения: 30.07.2023).
8. African Governments and their international partners need to boost Africa's resilience to the food insecurity caused by the Ukraine war / ACCORD [Электронный ресурс] URL: : <https://www.acCORD.org.za/analysis/african-governments-and-their-international-partners-need-to-boost-africas-resilience-to-the-food-insecurity-caused-by-the-ukraine-war/> (дата обращения: 30.07.2023).
9. Africa's Peace mission to Ukraine & Russia: Towards a strategy of active non-alignment? / ACCORD [Электронный ресурс] URL: <https://www.acCORD.org.za/analysis/africas-peace-mission-to-ukraine-russia-towards-a-strategy-of-active-non-alignment/> (дата обращения: 30.07.2023).
10. AU Maputo Declaration on Agriculture and Food Security, 2003.
11. Global geopolitical competition hits Africa: Can it maintain its voice? / ACCORD [Электронный ресурс] URL: <https://www.acCORD.org.za/analysis/global-geopolitical-competition-hits-africa-can-it-maintain-its-voice/> (дата обращения: 30.07.2023).
12. Franklin Cudjoe, Biography [Электронный ресурс] URL:<https://www.ghanaweb.com/person/Franklin-Cudjoe-3709> (дата обращения: 30.07.2023).
13. How the ongoing Russia-Ukraine conflict will impact Ghana's post-COVID economic recovery? / Imani Africa [Электронный ресурс] URL: <https://imaniafrica.org/2022/03/how-the-ongoing-russia-ukraine-conflict-will-impact-ghanas-post-covid-economic-recovery/> (дата обращения: 30.07.2023).
14. Russia's invasion of Ukraine: What does it mean for Africa? / CODESRIA Bulletin Online, No. 7, March 2022 [Электронный ресурс] URL: <https://journals.codesria.org/index.php/codesriabulletin/article/view/2056> (дата обращения: 30.07.2023).

Об авторах

Анфайлов Олег Сергеевич – стажер-исследователь Центра ближневосточных и африканских исследований ИМИ, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия), E-mail: oleg.unfileoff@gmail.com

Лошкарёв Иван Дмитриевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия), E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Anfaylov Oleg Sergeevich – Intern Researcher at the Center for Middle Eastern and African Studies of the Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail: oleg.unfileoff@gmail.com

Loshkariov Ivan Dmitrievich – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Блохин В.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕЧАТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1918)^{2*}

Автор статьи показывает возможности, которыми обладала в период Первой мировой войны периодическая печать. При этом внимание сосредоточено не на формировании ею суждений о наиболее значимых и актуальных проблемах, событиях и фактах, а на вопросах, связанных с особенностями взаимоотношений прессы и военной цензуры. Очевидно, что вслед за властными структурами служащие цензурного ведомства отчетливо представляли роль газет и журналов в качестве одного из важных факторов воздействия на общественное сознание, видели в них проводников необходимых настроений. Военная цензура выступала в качестве инструмента, при помощи которого предпринималась попытка через периодические издания конструировать или хотя бы корректировать характер существовавших отношений и оценок. В статье на конкретных примерах показан механизм, позволявший российской цензуре в условиях войны выходить за пределы главного своего назначения по сохранению военной тайны, корректируя существовавшие общественные отношения. Если первая ее функция не вызывала в обществе возражений и поддерживалась печатью, то против неминуемых издержек, вызываемых попытками формирования настроений в обществе, выступала как российская пресса, так и Государственная Дума.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Государственная Дума, периодическая печать, Временное положение в военной цензуре, военная цензура, общественное мнение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-45-52

Введение. Для достижения победы в Первой мировой войне требовалась обязательная массовая поддержка населения, более основательная, чем та, которой обладали противники. Решить эту задачу можно было в том числе за счет установления нормальных отношений между правительством и периодической печатью. Российские власти с момента начала мобилизации приступили к масштабным преобразованиям в вопросах контроля над публичным пространством, в области создания новых образцов взаимодействия с общественным мнением.

Применительно к печатной продукции основной механизм введения военной цензуры заключался в том, что 20 июля 1914 г. в дополнение к основному цензурному законодательству были приняты «Временные положения о военной цензуре», распространявшиеся на печатные издания, эстампы, рисунки, фотографические снимки, конспекты публичных речей и докладов. В районах, подпадавших под категорию «находившихся на военном положении», она вводилась в «полном объёме» [12, д. 715, л. 1], т. е. все материалы до выхода в свет или до произнесения в

виде публичных выступлений должны были просматриваться военными цензорами.

На остальной территории страны была введена «частичная цензура», которая применительно к печатной продукции предусматривала необходимость предоставления издателями на утверждение только материалы, содержавшие военные сведения. За несоблюдение этих правил предусматривались денежные штрафы от 500 до 10000 руб. или заключение в тюрьму сроком до одного года. При повторном нарушении закона выход в свет периодического издания мог быть приостановлен на период от одного месяца до одного года [15, д. 2956, л. 9].

Еще одной особенностью отношений между военно-цензурными структурами и печатью являлся выпуск специальных уведомлений о том, что освещение того или иного события не отвечает задачам ведения войны и в целом национальным интересам. В России за период с 1912 г. и до начала военных действий было создано три сменявших друг друга перечня сведений, не подлежащих оглашению. По справедливому суждению П.В. Батулина – автора статьи, посвященной истории принятия

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»).

© Блохин В.Ф.

© Blokhin V.F.

перечней и их содержанию, эти документы «имели целью обеспечить секретность, но благодаря заложенным в 1912 г. структуре и исключительно военному характеру, не теряли из виду нужды печатной гласности» [1, с. 155].

Действительно, обновляемые каждый год перечни были нацелены на сохранение военной тайны, не претендуя на достижение политических целей, хотя такого рода попытки регулярно наблюдались со стороны Главного управления по делам печати, Департамента полиции, губернских администраций, да и военных структур.

Объект и методы исследования. В военных конфликтах прошлых лет плохо контролируемая пресса иногда допускала распространение считавшейся секретной информации. В условиях масштабной Первой мировой войны определенная общность взглядов цензуры и прессы обеспечивалась серьезностью наказания, а также установленным согласием военных властей и представителей печати. Однако с регулярной неизбежностью возникали ситуации, когда со стороны цензуры и печати допускались разного рода ошибки. Этот фактор отмечает большинство современных исследователей [10, 5, 3] проблемы: «Печать с первых дней войны страдала от непоследовательности и избирательной жёсткости военной цензуры» [3, с. 100].

В то же время в документах штабов армий, военных округов, в состав которых входили цензурные отделения и комиссии, регулярно отмечалось недостаточно высокое качество исполнения военными цензорами их обязанностей, указывалось на необходимость строгих наказаний виновных за допущенные промахи, вплоть до предания их суду.

Автор статьи анализирует содержание произведений печати как результат ее не всегда свободного взаимодействия с военно-цензурными структурами Российской империи, порождавшего возникновение неминуемых столкновений с запретами и ограничениями. Российская пресса видится также как обособленная система, в которой, по мнению немецкого социолога Н. Лумана (Niklas Luhmann), происходило конструирование реальности, с последующим формированием на ее основе общественного мнения: «Цензура могла действовать только по правилам массмедиа: она

должна была содействовать созданию желаемых конструкций и исключать независимую информацию, которую итак едва ли можно было бы добыть» [7, с. 19].

Специальные общеисторические методы исследования: проблемно-хронологический и историко-генетический помогли выстроить изученный документальный материал, проанализировать тексты периодических изданий, показать их связь с общественно-политической и экономической ситуациями в стране.

Результаты и их обсуждение. Закон о цензуре был принят в спешном порядке без участия Государственной Думы, которая 14 июня 1914 г., т. е. незадолго до начала войны, окончила свою вторую сессию и собралась 26 июля 1914 г. лишь на чрезвычайное однодневное заседание. Высочайше утвержденное 20 июля 1914 г. Временное положение о военной цензуре, в соответствии с законом, имело право на существование только два месяца после возобновления работы Государственной Думы. В течение этого срока, который в данном случае истекал 27 марта, законопроект должен был поступить на утверждение в законодательный орган. Однако Дума приступила к обсуждению закона о военной цензуре лишь в конце июля 1915 г.

Таким образом, Положение о военной цензуре в неизменном виде просуществовало в течение целого года войны, но и в самом начале его действия, и к моменту обсуждения ключевой являлась практически одна статья закона – тридцать первая. Она входила в главу IV «О военной цензуре произведений тиснения на театре военных действий» и была сформулирована следующим образом: «Военным цензорам вменяется в обязанности не допускать к опубликованию путём печати всякого рода сведений, хотя бы и не предусмотренных правилами, издаваемыми на основании ст. 11 сего положения, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства» [18].

Практически эта статья заключала в себе возможность, как это собственно и было обозначено в статье закона, цензорского вмешательства в содержание публикаций в печати. Вновь появилось определение, вокруг которого было немало дискуссий в предыдущие периоды действия российского цензурного законодательства

– «вредное для интересов государства».

При обращении к богатой цензурной истории XIX века невольно возникает аналогия, связанная с действием «Временных правил о цензуре и печати», принятых 6 апреля 1865 г. и предусматривавших отмену предварительной цензуры для периодических изданий Петербурга и Москвы. За сорок последующих лет с момента принятия этого закона, использовались прописанные в нем административные меры наказания за так называемое «вредное направление».

Смысл этого понятия тогда специально не был конкретизирован. В дальнейшем, вплоть до 1905 г., в законодательство о цензуре было внесено большое количество изменений и дополнений, но «вредное направление» сохранялось в качестве главного основания для наказаний [2, с. 109]. Это определение (суждение, усмотрение, положение, видение, условие) или эта точка зрения (концепция, мифология, формула), наконец, этот термин (подход, постулат, принцип) – все приведенные синонимы отражают многообразие смыслов, заложенных в приведенной формулировке, поскольку ее понимание не было застывшим и трансформировалось вместе с изменением печати, игравшей всё более важную роль в формировании общественного мнения.

Представленная статья посвящена раскрытию на конкретных примерах некоторых особенностей реализации 31 статьи Временного положения о военной цензуре.

Наличие особых полномочий, ориентированных на личное усмотрение, делало некоторых военных цензоров «излишне чувствительными» к материалам, публикуемым в печати. К тому же провинциальная и столичная пресса находились в разном положении. В Петрограде с самого начала войны было установлено строгое разграничение в цензуре. Офицеры читали лишь материалы газет, непосредственно затрагивавшие военные вопросы, а чиновники Главного управления по делам печати, назначенные на должности военных цензоров, но работавшие на основе непосредственных указаний своего гражданского начальства, обращали особое внимание на публикации, посвященные вопросам внутренней политики.

В провинции же гранки статей со ссылками на столичные газеты, не относившиеся к

военным вопросам, отсылались в редакцию со штампом «не подлежит военной цензуре» [13, д. 1568, л. 26–26 об.]. Объяснялась такая ситуация невозможностью привлечь достаточное количество подготовленных цензоров для анализа политических вопросов. Были и обратные случаи, когда опубликованные в провинциальных газетах материалы неожиданно запрещались в центральных изданиях. Действия цензоров при этом ставили в тупик редакторов, которые не могли уловить причину вмешательства контролировавшего органа в содержание готовившихся к выпуску изданий.

Например, для одобрения со стороны цензуры в газету «Новое время» в № 14454 от 3 июня 1916 г. был направлен материал, предназначенный для раздела «Внутренние известия». В нем со ссылкой на «Сибирскую жизнь» рассказывалось о том, что в Томске появились в большом количестве российские лапти, которых Сибирь никогда не знала. Спрос на лапти был столь велик, что полученные одной из местных мануфактурных фирм несколько сот пар были распроданы в течение одной недели. Много такой обуви отправлялось и в деревню, до сих пор ею не пользовавшуюся. Лыковые лапти выписывались преимущественно из Вятской губернии.

В статье также был задействован материал газеты «Костромской курьер» отмечавшей факты спекуляции лавочниками этим товаром. «В Костроме на улицах и на бульварах стали попадаться уже многие барыни и барышни, гимназисты и гимназистки обутыми в лапти. Цена на лапти возросла до 50 и даже до 80 коп. за пару» [16, д. 171, л. 50].

«Новое время» не без иронии отмечало, что есть на Руси и принципиальные противники лаптей, приведя выдержки из статьи еще одной провинциальной газеты под названием «Саратовский листок». В ней рассказывалось о «солидном казённом кредитном учреждении Саратова», в котором случился непредвиденный эпизод. «Управляющему бухгалтерией было доложено, что один из служащих кассового отдела уже третий день посещает занятия в простых лыковых лаптях. Носитель лаптей немедленно был вызван в кабинет управляющего, где после соответствующего внушения служащему было предложено или немедленно снять лапти и явиться на службу в штаблетах, или подать прошение об увольнении» [16, д.

171, л. 50]. Полученные от служащего оправдательные объяснения о том, что, имея всего 23 руб. в месяц жалованья, он должен был помогать престарелой матери и двум проживавшим с ним младшим братьям, на начальника не подействовали.

Весь этот материал газеты «Новое время» был перечеркнут цензором, вероятно, воспринявшем его как попытку ироничной критики властей, поскольку солдатские сапоги, а вслед за ними и вообще все изделия из кожи уже в первые месяцы войны превратились в предмет острого дефицита. Даже в начале мобилизации у новобранцев, призываемых на действительную военную службу, непосредственно в войсковых частях приобретались по твердым ценам принесённые ими вполне годные к употреблению вещи: «сапоги, полушубки, рубахи, исподние брюки, утиральники, носовые платки, портянки, шерстяные фуфайки и рубахи, наушники, башлыки, рукавицы и варежки, шаровары, кожаные поясные ремни» [6, д. 1152, л. 129]. Владелец всего этого набора одежды мог получить около 30 руб., т. е. сумму, превышавшую месячное жалованье упомянутого саратовского чиновника.

К объективным причинам, вызвавшим дефицит одежды и обуви, следует отнести масштабную мобилизацию, проведенную в короткие сроки. Председатель Московского комитета по делам печати А.А. Сидоров вспоминал о своем присутствии при приезде после начала войны Николая II в Москву. Император производил в Манеже смотр запасным, которые были призваны в войска: «По недостатку у интендантства форменной одежды установленного образца запасные были в разнообразных формах. Рассказывали, что царь обратил внимание на это разнообразие обмундирования и спросил командующего войсками генерала Сандецкого* о причинах такого разнообразия. Говорили, что генерал Сандецкий ответил: "Чтобы показать Вашему величеству различные образцы форм"» [17, с. 96]. В данном случае находчивость командующего войсками Московского военного округа сняла возникший вопрос, но сама проблема снабжения армии от этого не стала менее острой.

Призывались в армию миллионы из числа трудоспособного населения и за короткий промежуток времени их требовалось снабдить всем необходимым. В конце февраля 1915 г. Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич обратился с письмом к председателю Совета министров Ивану Логгиновичу Горемыкину, в котором, ссылаясь на недостаточную обеспеченность потребности действующих армий, просил обсудить вопрос о возможном широком привлечении к делу снабжения земских и общественных организаций, располагавших на местах опытными кадрами агентов, отсутствовавших в военном ведомстве [11, д. 850, л. 416].

В письме говорилось об особой потребности в сапогах, в конских подковах и в мясе. Для полного удовлетворения армии обувью требовалось сверх поставляемых на тот момент – миллион пар сапог *ежемесячно*. Для сравнения, в мирное время интендантство заготавливало всего один миллион шестьсот тысяч пар сапог *за целый год* [11, д. 850, л. 418].

Требовалось также получить до миллиона подков и ежемесячно еще дополнительно производить не менее пятисот тысяч штук. Наконец, потребность в мясе выражалась в огромной цифре – *пятнадцать тысяч голов крупного рогатого скота ежедневно* [11, д. 850, л. 417–417 об.].

Отвечая на основной вопрос, затронутый Верховным главнокомандующим, связанный с привлечением общества к решению проблем снабжения армии, Совет министров констатировал: «Конечно, трудно ожидать, чтобы, при всех усилиях общества, оно могло оказать исчерпывающее, в области снабжения наших армий, содействие, но несомненно, что широкое участие в этом деле общественного элемента, – помимо бесспорной практической его пользы, во всяком случае обезопасит правительство от неизбежных, при сложности обширности предстоящих заготовлений, нареканий» [11, д. 850, л. 419 об.].

Однако прозвучавшие в докладе Совета министров «О некоторых мерах по снабжению действующей армии. Особый журнал Совета министров 6, 10 и 17 марта 1915 года»

* Александр Генрихович Сандецкий – генерал от инфантерии. С 19 июля 1914 г. по 24 апреля 1915 г. во время мобилизации временно командовал войсками Московского военного округа, а до этого и с августа 1915 г. являлся начальником Казанского военного округа.

здоровые подходы к решению важных проблем налаживания обеспечения российской армии, практически не получили намеченной реализации. На наш взгляд, серьезным упущением выступала вполне оцененная, но не реализованная задача предотвращения критики правительства, путем разделения ответственности со всеми существовавшими на тот период общественными организациями.

Лишь 7 июня 1915 г. Николай II утвердил положение об Особом совещании для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения. В его состав входили председатель и четыре члена от Государственной Думы, четыре от Государственного совета, а также еще четыре представителя от торговли и промышленности. В Особом совещании были представлены сотрудники различных министерств: морского, финансов, путей сообщений, а также государственного контроля. Эта административная структура обладала правом требовать от предприятий, принадлежавших частным обществам, товариществам, а также отдельным лицам, преимущественного исполнения поступающих от него заказов [11, д. 850, л. 666].

С момента официального утверждения этой организации прошел год, но стоявшие перед ней острые вопросы снабжения так и не были решены. Пришлось в очередной раз прибегнуть к помощи военной цензуры с тем, чтобы исключить поводы для правительственной критики, поэтому казавшаяся не более, чем любопытной, статья о лаптях вызвала отрицательную реакцию военного цензора.

Возвращаясь к зарплате чиновника, о которой было сказано в статье «Саратовского листка» и «Нового времени», можно привести следующие цифры, которые колебались, но главным образом в сторону увеличения: обувные изделия, которые раньше имели цену 4-6 руб., стали стоить 15-18 руб., стоившие 8-11 руб., достигали цены в 30 руб., «да и то товара в некоторых городах почти нет» [8]. Семья из четырех человек, о которой шла речь в «Саратовском листке», из-за обувного дефицита и при такой зарплате оказывалась в очень тяжелом финансовом положении.

Автор статьи в газете «Минский голос» по поводу высокой стоимости обуви иронизировал: «Не в лаптях же, в самом деле, ходить

всем этим мелким чиновникам, учителям, конторщикам и тому подобному люду, получающему гроши!» [8]. В Саратове это как раз и произошло, а в целом по стране заметную роль в решении проблем снабжения армии начал играть фактор субъективный, выразившийся в беспомощности властей, по-прежнему с опаской относившихся к возможности привлечения общественных институтов.

В начале 1916 г. военное ведомство временно начало подготовку к летнему периоду военной кампании и проводило в городе Смоленске «соревнование» (торги) на поставку «липовых лаптей с веревками при них для обматывания портянок или без веревок со сдачей всего количества не позже 15 марта в городах Брянск, Смоленск, Витебск, Минск и Могилев в интендантские вещевые склады через войсковые приемные комиссии» [9]. К соревнованию должны были быть представлены образцы лаптей. Лапоть требовался летний, обыкновенного «русского образца». Таким образом, выглядевшая просто забавной и в чем-то непонятной заметка, оказалась для опытного глаза цензора недопустимой для печати и была удалена.

На этом месте, поскольку военное командование требовало минимизировать количество «белых пятен» на страницах газет, возникавших на местах удаленных цензурой статей, в «Новом времени» была помещена другая публикация, также в разделе «Внутренние известия» и под названием «Читинские впечатления» [4].

Объемная статья, не подверженная цензурным замечаниям, имела довольно критичный настрой. В ней речь шла о столице Забайкалья – Чите, для которой китайская экспедиция и японская война были, по словам автора, временем рассвета в качестве тылового города, «ворочавшего миллионами». После окончания Русско-японской войны значение Читы опять свелось к роли чиновничьего центра, а на момент написания статьи и этому значению был нанесён тяжёлый удар: из Читы переведено управление Амурской железной дороги. Опустели дома, подешевели квартиры, обезлюдил «роскошные гостиницы», рассчитанные на деловую публику, приезжавшую в Читу для решения «железнодорожных вопросов».

Не блестящие дела городского управления грозили ему крахом. В городе не было ни одной мощёной улицы. Красивые здания, большие магазины – и тучи пыли, когда проедет один-другой извозчик. «А что делается, когда поднимется ветер, трудно себе представить. Мелкая песчаная пыль засыпает глаза, попадает в лёгкие. Дышать трудно. Город словно в тумане, читинцы по большей части носят очки от пыли, вроде автомобильных. Читинской пылью шутить нельзя: от нее слепнут и люди, и лошади. Нигде нет столько слепых лошадей, как в Чите...» [4]

Автор статьи также рассказывал о богатстве Забайкалья. Не только о многочисленных минеральных водных источниках, но и о золоте, других ископаемых, которые были в этом мало исследованном крае. Громадные пространства еще ждут хозяина, – вывод автора статьи.

В то же время, рассуждая о местном населении, газетная публикация сетовала по поводу увеличения в Чите числа китайцев. Окраины заселены ими, по всем улицам китайские мелочные лавочки или китайские лотки, в которых «на грош товара». «Теперь на китайской улице праздник: прежде старались ограничить жёлтое нашествие, теперь китайцев ввозят в Сибирь для замены выбывших на войну рабочих. Не к добру это, – говорят читинцы, – привезти "ходю" (ходя – китаец) легко, а избавиться от него трудно» [4].

Заключение (выводы). Таким образом, военная цензура по мере развития межгосударственного конфликта всё в большей степени выполняла функцию своеобразного инструмента, при помощи которого осуществлялись попытки корректировки существовавших отношений. Две статьи, сменившие друг друга из-за цензурного вмешательства в одном из номеров газеты «Новое время», на наш взгляд, иллюстрируют высказанное соображение.

Материал об использовании лаптей в качестве обуви во время войны выглядит для современного читателя не более как занимательным, хотя и связанным с очевидными трудностями, которые испытывало население во время войны. Однако статья была полностью удалена цензором, усмотревшим в ней намеки на бездеятельность властей, не сумевших решить проблему обуви для армии и населения не только на начальном этапе

войны, когда проходила массовая мобилизация, но и в дальнейший период, несмотря на предпринятые административные усилия.

Содержание статьи о посещении столицы Забайкалья, хотя и представленная в виде заметок путешественника, выглядит для современного читателя скорее драматичной, во всяком случае, не внушавшей оптимизма. Богатый край оказался вне интересов тогдашней российской власти и испытывал трудности, выхода из которых автор статьи для себя со всей очевидностью не представлял. Однако тон изложения материала, поднятые негативные проблемы, не вызвали интереса у военной и гражданской цензуры. Статья без цензорских изъятий поступила в печать, разрушая представление о том, что цензор испытывал нескрываемое или плохо скрываемое удовлетворение от того, что он уничтожил очередной газетный текст.

Российские властные структуры в условиях Первой мировой войны уже отчетливо представляли роль газет и журналов в качестве одного из важных факторов воздействия на общественное сознание, видели в них проводников необходимых настроений как внутри страны, так и за ее пределами. Однако при этом в рядах различных чиновников сохранялись противоречивые взгляды на природе газет. Одни испытывали «деловое беспокойство» и старались защищать через печать взгляды, которых сами придерживались, стремились к популярности среди читателей, другие – наоборот хотели не предавать публичности просчеты в своей деятельности.

В этих условиях ст. 31 Временного положения о военной цензуре выступала в качестве одной из форм государственного влияния на распространяемую в стране информацию. Главное ее назначение сводилось к мобилизации общественного согласия, а через нее – к одобрению правительственных мер. Однако анализ конкретных примеров использования этой статьи военно-цензурного законодательства не позволяет в полной мере объективно дифференцировать официальную коммуникационную политику, определить ее внутреннюю динамику развития, поскольку доминирующей основой обращения к 31 статье Положения, носителем политики государства выступал конкретный цензор, по-своему пони-

мавший и чаще всего педантично следовавший формальному соблюдению инструкций.

Убедительным примером сказанному может служить жалоба редактора петроградской «Маленькой газеты» на имя начальника Петроградского военного округа на военного цензора, который из статьи «Ответы на вопросы» вычеркнул слово «социализм»: «...военная цензура, вероятно, по традиционной опасливости к слову "социализм" вычеркнула его и тем лишила всякого содержания статью, написанную открыто и явно против социализма, как он те-

перь втолковывается массам», – заявлял редактор. Начальник округа на это в своей резолюции после прочтения статьи отмечал: «Конечно, зачеркнуто неразумно. Не вижу препятствий к полному восстановлению» [14, д. 45, л. 61].

Этот эпизод был типичным для действий военных цензоров, но не характерным для действий печати, которая не считала возможным каждый раз обращаться в вышестоящие инстанции и предпочитала мириться с существовавшей ситуацией, обходя цензурные запреты своими собственными методами.

Список литературы

1. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 152–165.
2. Блохин В.Ф. О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2007. № 4. С. 109–115.
3. Богомолов И.К. Государственная Дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
4. Винницкий Н. Читинские впечатления // Новое время. 1916. № 14454. 3 июня.
5. Волковский Н.Л., Лаврук П.П. Первая мировая война 1914–1918 гг.: инструменты контроля и управления информацией в России // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. СПб., 2019. Вып. 9. С. 152–196.
6. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 2. Оп. 1.
7. Луман Никлас. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
8. Минский голос. 1916. № 2017. 15 марта.
9. Орловский вестник. 1916. № 36. 14 февраля.
10. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. М., 2013. С. 353–355.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2.
12. РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1.
13. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1.
14. РГВИА. Ф. 1343. Оп. 6.
15. РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА) [Russian State Historical Archive]. Ф. 778. Оп. 1.
17. Сидоров А. Из записок Московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1-3. С. 93–114.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. 20 июля 1914 г. Отдел первый. № 192. Ст. 2057 Об утверждении временного положения о военной цензуре.

REALIZATION OF A NEW STATE MODEL PRESS MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1918)

The author of the article shows the opportunities that the periodical press had during the First World War. At the same time, the attention is focused not on the formation of its judgments about the most significant and topical problems, events and facts, but on issues related to the peculiarities of the relationship between the press and the military censorship. Obviously, following the authorities, the employees of the censorship department clearly recognized the role of newspapers and magazines as one of the important factors of influence on public consciousness, and saw in them the conductors of necessary sentiments. Military censorship acted as a tool with the help of which an attempt was made through periodicals to construct or at least correct the nature of existing attitudes and assessments. The article uses specific examples to show the mechanism

that allowed Russian censorship in the conditions of war to go beyond its main purpose of preserving military secrecy by correcting the existing social relations. If its first function did not cause objections in society and was supported by the press, both the Russian press and the State Duma opposed the inevitable costs caused by attempts to shape public sentiment.

Keywords: Russian Empire, World War I, State Duma, periodicals, Provisional Provision on Military Censorship, military censorship, public opinion.

References

1. Batulin P.V. (2012) Perechni voennoj cenzury 1912–1923 gg. [Military censorship lists 1912–1923] // Leningradskij juridicheskij zhurnal [Leningrad Law Journal]. 2012. № 4 (30). S. 152–165.
2. Blohin V.F. (2007) O vrede «vrednogo napravleniya» (nachal'nyj etap realizacii novyj gosudarstvennoj modeli upravleniya pechat'yu v 60-e gg. XIX v. [On the harm of "harmful direction" (the initial stage of realization of the new state model of press management in the 60s of the XIX century)] // Vestnik molodyh uchenyh [Bulletin of Young Scientists]. Seriya: Istoricheskie nauki. 2007. № 4. S. 109–115.
3. Bogomolov I.K. (2022) Gosudarstvennaya Duma i cenzurnaya politika v gody Pervoj mirovoj vojny [The State Duma and censorship policy during the First World War] // Rossijskaya istoriya [Russian history]. 2022. № 4. S. 96–117.
4. Vinnickij N. (1916) CHitinskie vpechatleniya [Chita impressions] // Novoe vremya [New Times]. 1916. № 14454. 3 iyunya.
5. Volkovskij N.L., Lavruk P.P. (2019) Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 gg.: instrumenty kontrolya i upravleniya informaciej v Rossii [World War I, 1914–1918: Instruments of control and information management in Russia] // Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnyh trudov [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of scientific papers]. SPb., 2019. Vyp. 9. S. 152–196.
6. Gosudarstvennyj arhiv Bryanskoj oblasti [State Archive of the Bryansk Region] (GABO). F. 2. Op. 1.
7. Luman Niklas (2005). Real'nost' massmedia. [The reality of mass media]. M.: Praxis, 2005. 256 s.
8. Minskij golos [Minsky voice]. 1916. № 2017. 15 marta.
9. Orlovskij vestnik [Oryol Gazette]. 1916. № 36. 14 fevralya.
10. Patrusheva N.G. (2013) Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH veka. [The Censorship Department in the State System of the Russian Empire in the Second Half of the XIX – Early XX Century]. M., 2013. S. 353–355.
11. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) [Russian State Military History Archive]. F. 2003. Op. 2.
12. RGVIA. F. 2019. Op. 1.
13. RGVIA. F. 2031. Op. 1.
14. RGVIA. F. 1343. Op. 6.
15. RGVIA. F. 2067. Op. 1.
16. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. F. 778. Op. 1.
17. Sidorov A. (1918) Iz zapisok Moskovskogo cenzora (1909–1917) [From the Notes of the Moscow Censor (1909–1917)] // Golos minuvshago [Voice of the past]. 1918. № 1–3. S. 93–114.
18. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate. 20 iyulya 1914 g. [Collection of laws and orders of the government, published under the Governing Senate. July 20, 1914]. Otdel pervyj. № 192. St. 2057 Ob utverzhdenii vremennogo polozheniya o voennoj cenzure.

Об авторе

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета, E-mail: blohin.val@yandex.ru

Blokhin Valeriy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National History, Bryansk State University, E-mail: blohin.val@yandex.ru

Бобров Д.С., кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет (Россия)

СТАТУС ГОРНОЗАВОДСКОГО КОМПЛЕКСА А. ДЕМИДОВА НА АЛТАЕ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ПОЛЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Переход России в первой четверти XVIII в. к раннеимперской модели государственности требовал качественных изменений управленческого уклада: в частности, проведения ведомственно-отраслевых разграничений, встраивания крупных частных хозяйственных единиц в архитектуру регионального и общегосударственного поля. Статья имеет своей целью анализ характера складывания и ключевых параметров статуса Кольвано-Воскресенских заводов (Кольвано-Воскресенского горнозаводского ведомства) в административно-правовой системе Сибири в период принадлежности промышленного комплекса А. Демидову. Источниковую основу исследования составили материалы фондов Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Свердловской области, а также некоторые опубликованные документы. Автор показывает, что на начальном этапе формирования демидовского производственного округа на Алтае уровень, характер институциональных и функциональных разграничений не позволили полностью преодолеть правовую неурегулированность в административной сфере. К началу 1730-х гг. большинство связанных с Кольвано-Воскресенскими заводами наиболее острых вопросов межотраслевого взаимодействия было нормативно урегулировано. При этом со стороны гражданских властей Сибири на протяжении второй четверти XVIII в. наблюдались попытки завуалированного противодействия усилению влияния частновладельческих структур А. Демидова и его горнопромышленного комплекса на юге региона. **Ключевые слова:** А. Демидов; Берг-коллегия; Берг-привилегия; гражданские власти; Кольвано-Воскресенские заводы; Сибирь; Кузнецкий уезд; Алтай.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-53-62

Введение. Первая четверть XVIII в. для России стала временем интенсивных, кардинальных и масштабных преобразований, среди прочего, широко распространившихся на социально-политическую и производственно-экономическую системы. Переход к раннеимперской модели государственности требовал качественных изменений на пути структуризации и иерархизации управленческого уклада: проведения ведомственно-отраслевых разграничений, встраивания существовавших или только возникавших крупных административно-хозяйственных единиц (в том числе частновладельческих) в архитектуру регионального и общегосударственного поля. Это неизбежно усиливало значимость коммуникации разностатусных субъектов для функционирования институтов власти, причем на окраинах такие взаимодействия приобретали уникальную специфику и повышенную вариативность.

В Западной Сибири наиболее крупный горнопромышленный комплекс постпетровского времени сложился в одной из приграничных областей – междуречье Оби и Иртыша. Во второй четверти XVIII в. он принадлежал частному лицу, известному предпринимателю и заводчику Акинфию Демидову.

А. Демидову и его предприятиям посвящен довольно солидный круг научной литературы. Целый ряд крупных монографических исследований и знаковых статей прослеживают генеалогию рода и различные аспекты династической преемственности ведения предпринимательства представителями этого семейства [14; 16; 24; 27; 28]. Хронологическое и событийное измерения становления демидовского горно-металлургического комплекса на Алтае подробно рассмотрены в ряде ставших хрестоматийными работ барнаульских историков [3; 4; 10]. Заметны усилия сибиреведов по изучению пространственной локализации Кольвано-Воскресенского ведомства на региональных и общероссийских картах второй четверти – середины XVIII в. [5; 23]. Наконец, в последние два десятилетия наряду с интересом специалистов к теневой экономической деятельности А. Демидова [1; 11; 26] стали появляться публикации, в которых затрагивается законодательный статус горнозаводских комплексов России в раннеимперский период, а также освещаются некоторые аспекты административно-политической коммуникации предпринимателя и его подчиненных с гражданскими и ведомственными властями центрального, регионального

и местного уровней [2; 8; 15; 25].

Объекты и методы исследования. Колывано-Воскресенский производственный комплекс (горнозаводское ведомство) начал формироваться с подачи самого А. Демидова. В 1726 г. промышленник получил Берг-привилегию, санкционировавшую строительство металлургических мощностей на юге Западной Сибири, в Верхнем Приобье, уже через год на берегу реки Локтевки был открыт «Колыванский ручной завод». В сентябре 1729 г. пущено медеплавильное предприятие [4, с. 60–61; 10, с. 12], которое в административном дискурсе и практике XVIII в. стало именоваться Колывано-Воскресенскими заводами, поскольку включало в себя совокупность различных промышленных и управленческих объектов: само плавильное производство, группу обслуживавших его строений (в том числе оборонительные укрепления), а также рудники – источники сырья [3, с. 12–16]. В 1745 г. после смерти А. Демидова в истории Колывано-Воскресенского округа начинается переходный период, связанный с обследованием комиссией под руководством А.В. Беэра и завершившийся в 1747 г. указом Елизаветы Петровны о передаче административно-хозяйственной единицы под управление Кабинета Его Императорского Величества [4, с. 261–263, 265–268, 281–284; 10, с. 18–19]. К этому времени промышленный комплекс территориально охватывал южные районы Томского и юго-западные окраины Кузнецкого уездов, а также не относившиеся к этим административным единицам части предгорий Алтая и отдельные пространства вплоть до группы Верх-Иртышских крепостей.

Данная статья ставит своей целью анализ характера складывания и ключевых параметров статуса Колывано-Воскресенских заводов (Колывано-Воскресенского горнозаводского ведомства) в административно-правовой системе Сибири в период принадлежности промышленного комплекса А. Демидову. В последние десятилетия среди специалистов набирает популярность точка зрения об ошибочности восприятия этого частновладельческого округа как «демидовской вотчины», поскольку «земли Рудного Алтая оставались государственными и проживавшее здесь население подчинялось общегражданским ведомствам» [13, с. 48–49]. Степень

обоснованности такого подхода и аргументации также будут рассмотрены в текущей работе.

Источниковую основу исследования составили материалы фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) [18–22] и Государственного архива Свердловской области (ГАСО) [6], а также отдельные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ) [17] и хрестоматии по истории Алтая [9]. По своей видовой принадлежности подавляющая доля привлеченных документов относится к числу делопроизводственных, большинство составляют указы, резолюции, доношения. В статье предполагается сочетать преимущества и дискурс историко-юридического анализа с особым вниманием характеру и содержанию административной коммуникации между тремя разностатусными субъектами управленческого процесса: ведомственно-отраслевыми органами (в лице в первую очередь Берг-коллегии), А. Демидовым как частновладельцем и его управленческим персоналом, а также региональными и местными гражданскими властями.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрение столь сложного и неоднозначного вопроса о статусе в административно-правовом поле Сибири Колывано-Воскресенских заводов в первое двадцатилетие их функционирования немислимо без учета логики развития и специфики российского законодательства. В первой трети XVIII в. по многим параметрам оно продолжало оставаться феодальным и прецедентарным. Берг-привилегия 1719 г. практически не затронула вниманием проблему встраивания промышленных комплексов в региональную управленческую среду, их соотношение со структурами территориального администрирования. Усмотреть косвенную связь с соответствующими сюжетами можно лишь в двух моментах. П. 11 принятого Петром I законодательного акта гласил, что все рудокопные заводы принадлежали «только Нам (царю, правителю. – *авт.*) одним, яко Монарху», а п. 10 предполагал освобождение работавших на этих предприятиях мастеровых от денежной и рекрутской повинностей [17, № 3464, с. 761]. В этой связи следует признать, что Берг-привилегия, являясь важнейшим до-

кументом в истории развития российского экономического законодательства, создала особый режим функционирования горнорудных производств, но в краткосрочной перспективе лишь углубила неурегулированность связанных с ними административно-ведомственных взаимодействий. В реалиях российской раннеимперской правовой системы наиболее очевидным способом преодоления сложившейся юридической неопределенности, усиливавшейся по мере дальнейших управленческих преобразований петровского и постпетровского времени, становилось принятие ряда актов структурами отраслевого, а также общегосударственного управления.

В реляциях, адресованных Берг-коллегии, А. Демидов стремился обеспечить максимально выгодные, исключительные условия административного режима будущего горнопромышленного комплекса. Так, заводчик в своей «сказке» не стал называть точного числа войск, которых власти, по его мнению, должны были отправить для охраны предполагавшихся к строительству предприятий, но при этом требовал: «только б отпускали из тамошних гарнизонных для обережи заводов и руд по нашему требованию сколько человек, когда мы потребуем». Справедливости ради, стоит отметить, что горнопромышленник изначально обозначил готовность полностью оплачивать денежное и хлебное жалованье командированным военным [21, л. 7], в связи с чем консенсус по этому аспекту между предпринимателем, Берг-коллегией и гражданской администрацией Сибири был достигнут фактически по умолчанию.

В доношении от имени заводчика в Берг-коллегию 4 февраля 1726 г. содержалось восемь пунктов, один из которых представлял собой требование к властям обеспечить беспрепятственный пропуск продовольствия и прочих «припасов», направлявшихся для строителей предприятий, чтобы «работные люди в рознь не разбрелись и заводов в пусте не оставили». Аналогичный правовой режим А. Демидов предлагал установить и для перевозки инструментов, пороха и оружия, а также просил в будущем предоставлять транспорт для передвижения подчиненных, занятых на колыванских производствах, по фиксированным ценам [21, л. 9–9 об.] (эту

обязанность чуть позже Берг-коллегия возложила на губернские власти [19, л. 83 об.]). Последний пункт доношения, среди прочего, гласил: «мастеровых и работных людей в неволю с заводов никуда не брать и обиды им не чинить, и... ежели к размножению заводов и к поиску медных и протчих руд усмотрим впредь к пользе, чтоб по требованию нашему отпускать» [21, л. 9 об.]. Горнопромышленник не мог не знать упоминавшиеся выше положения Берг-привилегии 1719 г., поэтому такие притязания отражали стремление, с одной стороны, следовать устоявшемуся административному «тону», а с другой – получить особые гарантии обеспеченности будущих предприятий на Алтае персоналом, его неотлучности от производств.

В ответ на эти обращения Берг-коллегия 16 февраля 1726 г. выдала А. Демидову Берг-привилегию на строительство заводов в Томском и Кузнецком уездах [3, с. 7–8; 4, с. 60]. Документ не являлся законодательным актом, имел форму резолюции ведомства, адресованной конкретному лицу. Коллегия во многом согласилась с требованием выделения воинских подразделений для охраны промышленных производств, отметив: «когда он, Демидов, на те места потребует, велеть ему из Томска или Тобольска и из других тамошних сибирских городов... давать... тех гарнизонных салдат по сколько человек пристойно» [21, л. 11]. Последняя часть этой формулы в управленческом дискурсе первой трети XVIII в. предполагала отправку для охраны строившихся предприятий такого количества военных, которое не привело бы к критическому снижению обороноспособности крупных городов Западной Сибири. Гарнизоны абсолютного большинства из них в этот период состояли в основном из нерегулярных сил. За это А. Демидов и его подчиненные должны были постоянно поддерживать крепкую предосторожность от набегов джунгар и казахов, под страхом смертной казни не пропускать через предприятия за границу оружие и порох [21, л. 14–14 об.]. Позднее были введены дополнительные ограничения на продажу в Джунгарское ханство или вывоз в него изделий и продукции, произведенных на Колывано-Воскресенских заводах [22, л. 92–94]. Берг-коллегия согласилась не создавать препят-

ствий для транспортировки в Колывань необходимого количества оружия, а также пропустить до 100 пудов пороха «без всякого задержания» [19, л. 83 об.; 21, л. 12 об.]. 7-й пункт Берг-привилегии оговаривал предоставление посыльным, подчиненным А. Демидова подвод до Сибирского обер-бергамта за счет гражданских властей региона. Губернской канцелярии пояснялось: «понеже сие заводское дело новое и империи полезное, о котором за такую дальностию Берг-коллегии надобно иметь всегдашнее скорое известие» [21, л. 12 об. – 13]. В отношении статуса задействованных в производственном процессе лиц Берг-привилегия в значительной степени удовлетворила прошение горнопромышленника, хотя формулировки в документе оказались более расплывчатыми, нежели в доношении самого Акинфия.

Обращаясь к гражданским властям Сибири, Берг-коллегия не только в привилегии А. Демидову, но и в последующих документах требовала от губернской канцелярии, чтобы «тем заводам обид во взятыя людей и протчих делах без указа и, не описывая в Берг-коллегию или в Сибирской обер-бергамт, отнюд не чинить», а также неоднократно подчеркивала: «по силе помянутой привилегии и указов, и что определено вышеписанными пунктами не токмо [ни]какой остановки [не] чинить [Колывано-Воскресенским заводам Демидова], но и в чем возможно спомоществовать» [19, л. 84; 21, л. 13–13 об.]. Таким образом, для демидовских предприятий на Алтае декларировался особый административно-правовой режим, который в широком смысле можно назвать благоприятствованием.

М.В. Долгоруков, занимавший на тот момент пост губернатора Сибири, изначально довольно скептически смотрел на предоставление возможности А. Демидову строить промышленные объекты в Томском и Кузнецком уездах. В качестве аргументов государственный деятель приводил несколько обстоятельств.

1. Потенциальный дефицит войск для охраны стратегически значимых административных центров (Томска и Кузнецка), который мог возникнуть в случае одновременно и переброски части соединений, сил в Забайкалье (по требованию полковника И. Бухгольца) и выделения корпуса для охраны демидовских производств. В результате таких действий, по мнению М.В. Долгорукова, «тем пограничным

городам и уездам будет не без опасения».

2. промышленный комплекс А. Демидова якобы мог нанести ущерб ясачному сбору с коренного населения предгорий Алтая: «и от заведения тех заводов, и вырубления лесов, и жжения угля всякой зверь ис тех лесов отбудет; а по указом Вашего Императорского Величества и по грамотам ясашных волостей татар в лесныя их угодыя для рубки и жжения тех лесов никому в езжать невелено» [21, л. 24 об. – 25 об.].

Вместе с тем следует учитывать, что такое «возмущение» сибирского губернатора было хорошо завуалировано, выражено в виде своего рода опасений. Открытое недовольство и тем более противодействие строительству горнопромышленных предприятий в российских реалиях первой трети XVIII в. было немыслимо. Клаузула Берг-привилегии 1719 г. на этот счет содержала весьма категоричную формулу: лицам, которые «в сыскании, устройении и расширении... заводов запрещать и мешать будут, объявляется Наш [Царский] жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь» [17, № 3464, с. 762].

Берг-коллегия парировала М.В. Долгорукову тем, что «изумнительства никакого в том быть не от чего и на ясашных татарских землях, хотя оно заводское произведение и будет, и от того оным тако ж никакой противности не признаваецца, ибо в помянутых уездах (Кузнецком и Томском. – *авт.*) тамошним жителям для ясашных угодей... немалой общирности лесами довольствоватца весьма можно, а к заводу для рубки и жжения угля лес, хотя и потребен, точию де не гораздо на многом распространении» [21, л. 26 об.]. При этом сибирскому губернатору предписывалось внимательно следить за тем, чтобы А. Демидов размещал заводы на территории России, возведение производственных объектов за границей гражданские власти могли допустить только в случае согласования горнопромышленником своих действий с правителем Джунгарского ханства, заключения с ним некоего «контракта» [21, л. 27]. Берг-привилегия 1719 г. такие действия напрямую не запрещала: п. 1 позволял строить «как на собственных, так и на чужих землях», а п. 7 позволял и вовсе действовать без согласия «владельца» земли за компенсацию в размере 1/32 от прибыли [17, № 3464, с. 760–761].

Трудно спорить с тем, что эти положения на момент своего принятия предполагались законодателем только для российской территории. Однако в условиях сохранения значимости прецедентности и неурегулированности подобных отношений в высших нормативно-правовых актах, санкционированное органом отраслевого управления (Берг-коллегией) потенциальное нахождение горно-металлургических предприятий российских частновладельцев вне пределов государства могло не рассматриваться как правонарушение, при условии того, что такие промышленные комплексы функционировали для «государственной пользы».

В любом случае, учитывая правовой и административный факторы, М.В. Долгоруков не мог действовать иначе, кроме как благоприятствовать деятельности Колывано-Воскресенских заводов. Для этого губернатор, например, минимум дважды составлял дипломатические послания (дважды) к правителю Джунгарского ханства и его зайсанам, в этих документах подчеркивалось, что строительство предприятий в междуречье Чарыша и Алея велось «для государственной пользы», «на пустом месте, по указу... Императорского Величества». На основании этого М.В. Долгоруков требовал от хунтайджи не допускать набегов на промышленный комплекс, компенсировать причиненный ущерб [9, с. 33–34]. После громкого по своим последствиям нападения группы казахов на возводившиеся Колывано-Воскресенские заводы (в результате было украдено более 350 лошадей) [3, с. 17–18] губернские власти и приказчики А. Демидова стали обмениваться информацией, в том числе и разведывательного характера, о военно-политической обстановке в предгорьях Алтая и верховьях Иртыша [9, с. 34–35].

В указах воеводам Тарского, Томского и Кузнецкого уездов М.В. Долгоруков конкретизировал категорию войск, которые должны были направляться для охраны строившихся предприятий А. Демидова. Речь шла об иррегулярных подразделениях: «[посылать] служилых нерегулярных людей по усмотрению сколько пристойно, усматривая какое есть опасение» [21, л. 23 об.]. Отдельно еще раз оговаривался категорический запрет привлекать военных к металлургическим и хозяйственным

работам. Установленное в 1728 г. расписание предполагало отправку для охраны Колыванского завода 60 конных казаков (40 должны были присылаться из Томска и 20 из Кузнецка) в статусе годовальщиков с годичной или полугодовой ротацией. В 1730 г. вице-губернатор И.В. Болтин, не изменив общего количества военных, дислоцировавшихся в горнопромышленном комплексе, приказал командировать туда служилых людей только Кузнецкого уезда [2, с. 24; 20, л. 376 об. – 377].

Практически параллельно со снаряжением в Колывань первых служилых людей, еще до пуска медеплавильного предприятия началось привлечение для работы на строительстве податного населения близлежащих территорий, находившегося под юрисдикцией гражданских властей. С этими целями только из округа Белоярской крепости весной 1728 г. было направлено 25 крестьян [3, с. 14; 20, л. 102 об. – 103], а до конца следующего года в общей сложности из Кузнецкого и Томского уездов – более 400, они должны были трудиться до наступления «деловой крестьянской поры» [3, с. 17]. Юридический и хозяйственный статусы пребывания таких лиц на демидовских производствах Алтая до сих пор не прояснены в полной мере. А.В. Контев обоснованно считает, что эти крестьяне не являлись приписными, поскольку первая документально подтвержденная приписка к Колывано-Воскресенским заводам была проведена в 1738–1740 гг. Речь могла идти о временном переводе из нескольких окрестных районов для работ по возведению производственного комплекса части податного населения и использовании его труда за определенную плату [3, с. 19; 12, с. 98–102].

В данном случае важно учитывать еще два обстоятельства. Во-первых, решение кузнецкого воеводы отправить в Колывань государственных крестьян не являлось собственной инициативой управителя, логика была продиктована соответствующим указом сибирского губернатора и прошением руководившего строительством медеплавильного предприятия горного специалиста, гиттенфервальтера Н. Клеопина [20, л. 102 об. – 103]. При этом отсутствие в управленческом дискурсе различных уровней каких-либо заметных противоречий и даже дискуссий по

этому поводу в определенной степени указывает на понимание и согласие с происходившим всех субъектов административного процесса. Во-вторых, по всей видимости, перевод крестьян Кузнецкого и Томского уездов на Колывано-Воскресенские заводы в конце 1720-х гг., еще до проведения приписок с юридической точки зрения основывался на аналогии в праве. Прецедентом, с высокой долей вероятности, стала инструкция 1722 г. Петра I начальнику уральских горных заводов Г.В. де Геннину, один из пунктов которой гласил: «на первое время, пока ис Сенату определитца, у которого губернатора или воеводы будет требовать людей и протчих потребностей, давать им, не описываясь, дабы дела не остановить» [7, с. 552]. Отправленных по такому принципу в Колывано-Воскресенские заводы можно назвать «предприписными» – при отсутствии формально закрепленного правового их фактический, хозяйственный статус максимально сближался с приписным населением. В скором времени контингент рабочей силы демидовских предприятий Алтая стал пополняться и за счет сосланных провинившихся государственных крестьян. Однако значительная часть трудившегося в Колывани, но не принадлежавшего А. Демидову податного населения, была недовольна своим положением, что спровоцировало широкое волнение крестьян на строящемся заводе летом следующего 1729 г., буквально за полтора месяца до пуска медеплавильного производства [3, с. 20–21].

Еще более острым вопросом административных разграничений между демидовскими структурами управления и гражданскими властями уезда, а также региона становилась подсудность различных категорий правонарушений, происходивших на территории Колывано-Воскресенских комплексов. Ситуация в этой сфере резко обострилась к 1744–1745 гг., местные воеводы пытались использовать практики высылки подозреваемых в Кузнецк как инструмент не только сохранения влияния, собственной власти над податным и служилым населением, но и манипуляции частновладельческой администрацией [2, с. 26–27]. При этом юридически подведомственность судопроизводства была установлена еще в 1731 г. указом Сената Берг-коллегии. Документ, с од-

ной стороны, предполагал передачу гражданских и уголовных дел в отношении приписных крестьян, «горных и заводских служителей и протчих партикулярных заводчиков» в ведение Обер-бергамта, апелляционной инстанцией устанавливался губернатор [18, л. 60]. Однако, с другой – в этом акте ничего не говорилось об иррегулярных силах, занятых на охране металлургических предприятий, что создавало почву для соперничества, конкуренции гражданских и частновладельческих властей на локальном уровне. В сфере судебных полномочий указ проводил очевидную аналогию между правоохранительными компетенциями Обер-бергамта и уездных воевод. Как минимум, вплоть до середины 1740-х гг. сибирский губернатор, его канцелярия действительно исполняли функции высшей судебной власти региона по спорам о подведомственности дел и судебным процессам, участники которых принадлежали к служилому или податному населению Колывано-Воскресенских заводов [2, с. 27].

Подведомственность дел оказалась не единственным вопросом, где органы и структуры гражданского управления стремились усилить свое собственное административное влияние. К концу 1730-х гг. остро обострилась ситуация с привлечением демидовских мастеровых и работных людей Урала и Сибири к осуществлению конвоирования и отправлению ямской повинности (подводной гоньбы). А. Демидов использовал это как повод для обращения к центральным властям. В марте 1738 г. указ Генерал берг-директориума подтвердил положения и статус горнозаводских мастеровых и работных людей заводчика, установленные Берг-привилегией 1719 г., документ предписывал при конвоировании и гоньбе «как подводцы, так и проводников брать... со обретающихся по... тракту деревень, платя... поверстные и простойные денги» [6, л. 1–2 об.].

Заключение. Таким образом, на начальном этапе складывания демидовского производственного округа на Алтае уровень и характер институциональных и функциональных размежеваний не способствовали полному преодолению правовой неурегулированности в административной сфере Сибири. В конце 1720-х – начале 1730-х гг. большинство наиболее острых управленческих вопросов, требовавших разграничения и

уточнения (штат и источники комплектования заводских гарнизонов, подсудность многих категорий дел) были нормативно урегулированы, а в некоторых аспектах (отправка на промышленные производства государственных крестьян с близлежащих территорий) на основе прецедентарности выработаны адекватные организационные механизмы и практики. Тем не менее со стороны гражданских властей Сибири на протяжении второй четверти XVIII в. наблюдались попытки завуалированного противодействия усилению влия-

ния частновладельческих структур А. Демидова и его промышленного комплекса. В совокупности эти обстоятельства подтверждают, что горно-металлургический округ на Алтае в первые два десятилетия своего существования как юридически, так и с точки зрения административного дискурса не превратился в полноценную демидовскую вотчину. Он представлял собой особый вариант владельческой собственности, который в сибирской управленческой среде занимал гипертрофированно-гибридное положение.

Список литературы

1. Байдин В.И. О местонахождении тайного сереброплавильного завода А.Н. Демидова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат. XIV Всерос. науч. конф.: в 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. С. 56–74.
2. Бобров Д.С. Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 23–29.
3. Бородаев В.Б., Контев А.В. Как возникла Колывань // Колывань: история, культура и искусство сибирской провинции России. 1728–1998. Барнаул: Изд. Управ. арх. дела Админ. Алт. кр., 1998. С. 6–86.
4. Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алт. полиграф. комб., 2000. 336 с.
5. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). 2-е изд. Барнаул: Азбука, 2007. 214 с.
6. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 9.
7. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док. В 3-х т. Т. 2–3 / отв. ред. Е.В. Анисимов. М.: Древлехранилище, 2020. 848 с.
8. Иванова Е.Н. Письма Акинфия Демидова к власти имущим первой половины XVIII в. (к вопросу о диахронном подходе к политическому дискурсу в России) // Политическая лингвистика. 2019. № 3. С. 83–88.
9. История Алтая в документах и материалах, конец XVII – начало XX в. / сост. Ю.С. Булыгин и др. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. 351 с.
10. Контев А.В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири (конец XVII – первая половина XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 21 с.
11. Контев А.В. Легенда о тайной плавке А. Демидовым алтайского серебра: факты и вымысел // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 11–44.
12. Контев А.В. Формирование категории приписных крестьян на юге Западной Сибири (1730–1740-е гг.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С. 98–108.
13. Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 44–70.
14. Краснова Е.И. Такие разные Демидовы. СПб.: СПГУТД, 2007. 144 с.
15. Манин В.А. Формирование горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII–XVIII вв. Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2008. 203 с.
16. Мезенин Н.А. Династия Демидовых: исторические очерки. 2-е изд. Нижний Тагил:

Изд-во Нижнетагил. металлург. комб., 2003. 227 с.

17. ПСЗРИ. Собр. I (1649–1825). Т. V. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его Имп. Вел. канц., 1830. 780 с.
18. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Д. 11.
19. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Д. 120.
20. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 15.
21. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 131.
22. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 137.
23. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2012. 257 с.
24. Хадсон Х. Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке. СПб.: Свое изд-во, 2014. 113 с.
25. Черкасова А.С. История одного конфликта. Из переписки В.Н. Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник: исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский ин-т, 1994. С. 174–184.
26. Юркин И.Н. Торговая деятельность Акинфия Никитича Демидова в доносах в комиссию следствия о партикулярных заводах (1733–1736 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. мат. III Междунар. науч. конф. Коломна: Мос. гос. обл. соц-гум. ин-т, 2015. С. 261–269.
27. Юркин И.Н. Демидовы: столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2017. 446 с.
28. Юркин И.Н. Демидовы на пути к промышленной династии: стратегии обеспечения преемственности семейного дела // Уральский исторический вестник. 2021. № 3. С. 81–90.

THE STATUS OF A. DEMIDOV'S MINING COMPLEX IN ALTAI IN THE ADMINISTRATIVE LEGAL FRAMEWORK OF SIBERIA IN THE SECOND QUARTER OF THE XVIII CENTURY

Russia's transition to the early Imperial state model in the first quarter of the XVIII century required qualitative changes in the management model, for example realization of departmental and sectoral distinctions, incorporating of large private economic units in the regional and national structure. The purpose of the article is to analyze the formation and key parameters of the status of the Kolyvan-Voskresensk plants (Kolyvan-Voskresensk mining department) in the administrative legal system of Siberia during the period, when the industrial complex belonged to A. Demidov. The research was based on the materials of the collections of the Russian State Archive of Ancient Documents and the State Archive of the Sverdlovsk Region, as well as some published documents. The author shows that the formation of the Demidov's industrial district in Altai at the initial stage the level and nature of the realization of institutional and functional distinctions did not allow to completely overcome the legal unsettled situation in this area. Most of the critical problem of intersectoral cooperation in relation to the Kolyvan-Voskresensky plants were regulated in the early 1730s. The civil authorities made attempts to covertly resist the strengthening of the influence of A. Demidov's private ownership structures and his mining complex in the administrative system of Siberia in second quarter of XVIIIth century.

Keywords: A. Demidov; Berg-Collegia; Berg-privilege; civil authorities; Kolyvan-Voskresensk plants; Siberia; Kuznetsk district; Altai.

References

1. Baidin V.I. (2020). O mestonakhozhdenii taĭnogo serebroplavil'nogo zavoda A.N. Demidova [On the location of the secret silver melting plant A.N. Demidov]. *Ural industrial'nyĭ. Bakuninskie chteniĭa: mat. XIV Vseros. nauch. konf. [Industrial Ural. Bakunin Readings: Materials of the XIV All-Russian Scientific Conference]*. Ekaterinburg: UMTS UPI.
2. Bobrov D.S. (2017). Kolyvanskĭe zavody v politike kuznetskikh voevod vo vtoroi chetverti XVIII v. [The Kolyvan plants in the policy of the Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIII century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo state university]*, 4, 23–29.
3. Borodaev V.B., Kontev A.V. (1998). Kak vznikla Kolyvan' [How did Kolyvan arise]. *Kolyvan': istoriĭa, kul'tura i iskusstvo sibirskoi provintsii Rossii. 1728–1998 [Kolyvan: history, culture and art of the Siberian province of Russia. 1728–1998]*. Barnaul: Izd. Uprav. arkh. dela Admin. Alt. kr.

4. Borodaev V.B., Kontev A.V. (2000). U istokov istorii Barnaula [The early history of Barnaul]. Barnaul: Alt. polygraph. komb.
5. Borodaev V.B., Kontev A.V. (2007). Istoricheskiĭ atlas Altaĭskogo kraĭa: kartograficheskie materialy po istorii Verkhnego Priob'ĭa i Priirtysh'ĭa (ot antichnosti do nachala XXI v.) [The Historical atlas of Altai region: cartographic materials on the history of the Ob and the Irtysh river upper reaches (from antiquity to the early XXIth century)]. Barnaul: Azbuka.
6. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region]. F. 102. L. 1. F. 9.
7. Anisimov E.V. (ed) (2020). Zakonodatel'nye akty Petra I. Redakcii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki: sb. dok. [Legislative acts of Peter I. Editorial offices and draft laws, notes, reports, denunciations, petitions and foreign sources: collection of documents]. Vol. 2–3. Moscow: Drevlekhranilishche.
8. Ivanova E.N. (2019) Pis'ma Akinfiĭa k vlast' imushchim pervoi poloviny XVIII v. (k voprosu o diakhronnom podkhode k politicheskomu diskursu v Rossii) [Letters of Akinfiy Demidov to those who held power in the first half of the XVIIIth century (to the question of the diachronic approach to political discourse in Russia)]. *Politicheskaĭa lingvistika* [Political Linguistics], 3, 83–88.
9. Bulygin IŪ.S. (ed) (1991). Istoriiĭa Altaĭa v dokumentakh i materialakh, konets XVII – nachalo XX v. [History of Altai in documents and materials, the end of the XVII – beginning of the XX century] Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
10. Kontev A.V. (1997). Stanovlenie i razvitie gorno-metallurgicheskogo proizvodstva v Zapadnoi Sibiri (konets XVII – pervaiĭa polovina XVIII v.) [Formation and development of mining and smelting production in Western Siberia (late XVII – first half of the XVIII century)]. Cand. hist. Sci. Diss. Barnaul.
11. Kontev A.V. (2004). Legenda o taĭnoi plavke A. Demidovym altaĭskogo serebra: fakty i vymysel [The legend of A. Demidov's secret melting of Altai silver: facts and fiction]. *Istoriiĭa Altaĭskogo kraĭa. XVIII–XX vv.: nauchnye i dokumental'nye materialy* [The history of the Altai Region. XVIII–XX centuries: scientific and documentary materials]. Barnaul: Izd-vo BGPU.
12. Kontev A.V. (2019). Formirovanie kategorii pripisnykh krest'ĭan na iuge Zapadnoi Sibiri (1730–1740-e gg.) [Formation of the category of attached peasants in the South of Western Siberia (1730–1740s)]. *Vestnik Altaĭskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Altai state pedagogical university], 1, 98–108.
13. Konteva O.E., Kontev A.V. (2004). Territoriĭa Altaĭskogo kraĭa v obshchegrazhdanskoĭ i vedomstvennoi sistemakh upravleniĭa (XVIII v.) [Territory of the Altai Krai in general civil and departmental management systems (XVIII century)]. *Istoriiĭa Altaĭskogo kraĭa. XVIII–XX vv.: nauchnye i dokumental'nye materialy* [The history of the Altai Region. XVIII–XX centuries: scientific and documentary materials]. Barnaul: Izd-vo BGPU.
14. Krasnova E.I. (2007). Takie raznye Demidovy [Such different Demidovs]. SPb.: SPGUTD.
15. Manin V.A. (2008). Formirovanie gornozavodskogo zemel'nogo zakonodatel'stva Rossii vo vtoroi polovine XVII–XVIII vv. [Formation of the mining land legislation of Russia in the second half of the XVII–XVIII centuries]. Ekaterinburg: Ural. akad. gos. sluzhby.
16. Mezenin N.A. (2003). Dinastiĭa Demidovykh: istoricheskie ocherki [The Demidov Dynasty: historical essays]. Nizhniĭ Tagil: Izd-vo Nizhnetagil. metallurg. komb.
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection I (1649–1825). Vol. V. St. Petersburg: Print house II Ed. Own. His Imp. Vel. kant.
18. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient documents]. F. 271. L. 1. P. 1. F. 11.
19. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient documents]. F. 271. L. 1. P. 1. F. 120.
20. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient documents]. F. 517. L. 1. F. 15.
21. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient documents]. F. 1267. L. 1. F. 131.

22. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient documents]. F. 1267. L. 1. F. 137.
23. Soboleva T.N., Afanasyev P.A., Kuharenko A.E. & Bobrov D.S. (2012). Ekspluatatsiya prirodnyh resursov Altaya imperatorskim Kabinetom kak faktor razvitiya rossijskoj monarhii (XVIII – nachalo XX v.) [Exploitation of natural resources of the Altai by the Imperial Cabinet as a factor in the development of the Russian monarchy (XVIIIth – early XXth century)]. Barnaul: Azbuka.
24. Hadson H. (2014). Pervye Demidovy i razvitie chernoj metallurgii Rossii v XVIII veke [The first Demidovs and the development of iron industry in Russia in the XVIII century]. SPb.: Svoe izd-vo.
25. SHERKASOVA A.S. (1994). Istoriya odnogo konflikta. Iz perepiski V.N. Tatischeva s Nikitoj i Akinfiem Demidovymi [The history of one conflict. From the correspondence of V.N. Tatischev with Nikita and Akinfiy Demidov]. *Demidovskij vremennik: istoricheskij al'manah* [Demidovsky chronicle: historical almanac]. Book 1. Ekaterinburg: Demidovskij in-t.
26. URKIN I.N. (2015). Torgovaia deiatel'nost' Akinfiia Nikiticha Demidova v donosakh v komissiiu sledstviia o partikul'nykh zavodakh (1733–1736 gg.) [Trade activity of Akinfiy Nikitich Demidov in deletions to the committee of investigation about particular factories (1733–1736)]. *Torgovlia, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: sb. mat. III Mezhdunar. nauch. konf.* [Trade, merchantry and customs in Russia in the XVI–XIX centuries: collection of III International scientific conference writings]. Kolomna: Mos. gos. obl. sots-gum. in-t.
27. URKIN I.N. (2017). Demidovy: stoletie pobed [Demidovs: a century of victories]. M.: Molodaia gvardiia.
28. Yurkin I.N. (2021). Demidovy na puti k promyshlennoi dinastii: strategii obespecheniia preemstvennosti semeinogo dela [The Demidovs on the way to an industrial dynasty: strategies for ensuring the continuity of the family business]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 3, 81–90.

Об авторе

Бобров Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия), e-mail: bds-eureka@yandex.ru, РИНЦ AuthorID: 789838, ORCID: 0000-0001-6786-1321

Bobrov Denis S. – Cand. Sci. Hist., Associate Professor of the National History Department of Altai State University (Barnaul, Russia), ORCID: 0000-0001-6786-1321

Ванин А.А., аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Россия)

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ» САРАТОВА В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНАХ 1930-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ.

В статье рассматривается процесс развития городского планирования в Саратове в годы правления И.В. Сталина. Анализируются проблемы развития городского пространства, стоявшие в тот период перед градостроителями Саратова, генеральные планы города и их варианты, разрабатывавшиеся в 1930-х – начале 1950-х гг., а также факторы, влиявшие на процесс их разработки. Исследование базируется на использовании комплекса методологических приемов, включающих такие специальные методы исторической науки, как историко-генетический и проблемно-хронологический, а также междисциплинарного подхода – методов урбанистики и семиотики. Текущее развитие города сильно противоречило градостроительным планам, что влекло за собой постоянные и весьма значительные коррективы в проектных разработках на протяжении всего периода 1930-х – начала 1950-х гг. Постоянные изменения проектной документации вызывались и некоторыми корректировками в планах крупных строек всеобщего значения, таких, как строительство гидроэлектростанций. Однако несмотря на то, что генеральные планы постоянно урезались, масштабы этих разработок оставались довольно большими. Все они довольно слабо коррелировали с реальным экономическим положением и возможностями города, экономическими и политическими приоритетами государства в целом. Реализация этих планов была начата, однако в условиях экстенсивного развития советской экономики в первые пятилетки, а затем в тяжелых условиях войны и послевоенных лет и при низком уровне развития строительной индустрии не могла происходить в полной мере.

Ключевые слова: Саратов, городское пространство, областной центр, советское градостроительство, советская архитектура, советский неоклассицизм, генеральный план, концепция «социалистической реконструкции» города.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-63-74

Введение. Конец 1920-х гг. был переломным временем в развитии СССР. В этот период произошла централизация власти в руках И.В. Сталина, была свернута новая экономическая политика и провозглашена политика форсированной социалистической модернизации, предполагавшей проведение коллективизации и индустриализации. Эта модернизация сопровождалась процессом стремительной миграции, а фактически – бегства сельского населения в города. Во многих городах СССР в 1930-х – начале 1950-х гг. производилось масштабное промышленное строительство. Вследствие этих процессов происходил активный рост территорий городов, что влекло за собой необходимость четкого регулирования их развития – предварительного планирования в виде генеральных планов. Согласно ст. 83 Земельного кодекса РСФСР (вступил в действие 1 декабря 1970 г.) генеральный план – это комплекс документов (проектов застройки и планировки города), определяющих «... основные направления использования земель для промышленного, жилищного и иного строительства, благо-

устройства и размещения мест отдыха населения» [13, с. 217]. Однако в градостроительную практику Советского государства понятия «городской план» и «план планировки» вошли еще в 1925 г., когда Главное управление коммунального хозяйства НКВД РСФСР утвердило «Правила распланировки и застройки городов» [15, с. 37].

С переходом к форсированной модернизации социалистической экономики разработкой вышеуказанных планов стали заниматься государственные проектные институты градостроительного профиля – государственный трест по планировке населенных мест и гражданскому проектированию (г. Москва, 1929 г.; позднее – Государственный институт по проектированию городов (Гипрогор)) и государственный институт проектирования городов (Гипроград; г. Харьков, 1930 г.) [7, с. 3; 18]. В своей деятельности обе эти организации руководствовались основными приоритетами социально-экономического развития СССР. Поэтому на протяжении рассматриваемого периода пространство советских городов постоянно эволюциониро-

вало в зависимости от трансформаций внутриэкономического курса страны, что выражалось в значительном количестве генеральных планов. Крайне интересно рассмотреть, как в 1930–1950-е гг. развивалось городское планирование, трансформировались его принципы в таком крупном советском городе, как Саратов. В обозначенный период для этого города было разработано два генеральных плана – 1939 г. и 1950 г., а также целый ряд их предварительных вариантов. Им посвящались отдельные разделы в исследованиях уже сталинского периода [5; 14], однако планы развития города в них рассматриваются с позиций «генеральной линии партии», поэтому данные работы следует воспринимать скорее как источники. Речь о градостроительных планах в этих книгах шла в русле пропагандистского нарратива, освещались только положительные аспекты данных проектов и их реализации, пророча «светлое будущее» Саратову, а также в популярной форме повествовалось лишь о наиболее крупных мероприятиях (планы реконструкции центра Саратова, создания наиболее масштабных архитектурных ансамблей, в общих чертах благоустройства города). В более поздний период данная тематика затрагивалась в работе А.И. Осятинского [19], однако крайне поверхностно (освещались те же аспекты и мероприятия, что и в более ранних изданиях), хотя и с некоторыми критическими выводами в духе середины 1960-х гг. (критика квартального принципа застройки, продвижение идеи жесткого зонирования городского пространства). В одной из глав монографии Л.Г. Тарасовой [22] генеральные планы 1939 и 1950 гг. рассматриваются обзорно, также лишь в основных их аспектах. Генплан 1939 г. ее автор справедливо оценивает как утопический, а проект 1950 г. как более реалистичный. Промежуточные варианты данных генпланов Саратова исследователями ранее не рассматривались. К сожалению, авторы данных работ не указывают конкретных источников, которыми они руководствовались. Можно лишь предположить, что источники, использованные автором настоящей статьи, были рассмотрены исследователями поверхностно. Таким образом, данная проблема ранее не

подвергалась комплексному изучению.

Между тем огромный массив информации содержится в архивных источниках – материалах самих генеральных планов в виде пояснительных записок и экспертных заключений, стенограммах заседаний Саратовского горисполкома с обсуждением данных градостроительных документов и вопросов их составления, делопроизводственной документации; а также в местной периодической печати. Их изучение позволило более детально рассмотреть различные аспекты генпланов города, их промежуточные варианты, а также выявить факторы, влиявшие на принятие конечных решений.

Объекты и методы исследования.

Объектами исследования являются концепции развития городского пространства Саратова, выдвигавшиеся в обозначенный период. Оно базируется на использовании комплекса методологических приемов, включающих такие специальные методы исторической науки, как историко-генетический и проблемно-хронологический, а также междисциплинарного подхода, в частности, методов урбанистики и семиотики. С помощью историко-генетического метода удалось выявить и проследить истоки развития концепции «социалистической реконструкции» Саратова. Применение проблемно-хронологического метода позволило классифицировать и проанализировать различные ее аспекты. Инструментарий урбанистики позволил раскрыть смысл и проанализировать качество конкретных проектных решений в рамках данной концепции. С помощью методов семиотики удалось выявить символическое значение некоторых аспектов генеральных планов Саратова.

Результаты и их обсуждение. Разработка первого генерального плана г. Саратова изучаемого периода началась в 1929–1931 гг., одновременно со многими другими городами РСФСР¹, но только к началу 1937 г. был выработан рассчитанный на 15 лет его изначальный вариант [23]. В это время постепенно сошла на нет идея смычки города и деревни, нивелирования различия между ними, пропагандировавшаяся в том числе в статье «Город» главной книги Советского государства –

¹ В частности, тогда же началась разработка генеральных планов целого ряда городов Юга России – Железноводска, Пятигорска, Ессентуков, Кисловодска, Минеральных Вод [12, с. 378].

Большой Советской энциклопедии (первого издания) [8, столб. 117–119]. Еще быстрее, уже к моменту публикации этой статьи, была отвергнута и идея города-сада, популярная в 1920-е гг. [8, столб. 121]. Предпочтение проектировщики¹ отдавали развитию промышленности. На юго-западных окраинах города (в обширной Приволжской котловине) к началу 1950-х гг. предполагалось создать крупный промышленный центр (заводы подшипниковый, зуборезных станков, фабрики мебельная, столярная, обувная, кондитерская и др.). Следовательно, основным промышленным районом оставался Сталинский район (ныне Заводской)², однако новые промышленные предприятия планировалось разместить в том числе на территориях за железнодорожным вокзалом и в районе 2-й и 3-й Дачных остановок. В результате производство промышленной продукции в городе к 1950–1952 гг. должно было вырасти в 16 раз, а население – составить 600 тыс. чел. Для их размещения уже к 1940 г. планом намечалось ввести в эксплуатацию до 700 тыс. кв. м. новой жилой площади (главным образом 4–5-этажные жилые дома). Основным жилым районом оставалась историческая часть города, где, согласно проекту, планировалось разместить 250 тыс. чел. Предполагалось, однако, и освоение северных и северо-западных окраин города – в районе Саратовских сельскохозяйственного института (СХИ) и селекционной станции, которые вместе с другими учреждениями (Всесоюзным институтом зернового хозяйства, аэродромом и др.) намечалось перевести на другие территории [23].

В результате на плато Соколовой горы должен был возникнуть северо-западный район, имевший прямоугольную систему планировки с центром на северной границе зеленых склонов указанной возвышенности. Свообразными «воротами» в этот новый район города должна была выступить большая площадь на стыке ул. Аткарской и Б. Горной, которые наряду с другими городскими пространствами (ул. Советской, Астраханской,

просп. Кирова (ныне просп. Столыпина), Дегтярной пл. и др.) намечалось реконструировать [10, л. 104, 106, 108]. В результате по замыслам экспертов Главного архитектурно-планировочного управления (ГАПУ) Народного комиссариата коммунального хозяйства (НККХ) РСФСР в парадные магистрали города должны были превратиться просп. Кирова и ул. Радищева, в бульварные и транспортные магистрали – ул. Камышинская (ныне ул. Рахова), Б. Горная, Астраханская и М. Горького, а пл. Революции (ныне Театральная пл.) должна была стать общегородским центром, а общегородским фасадом, обращенным к р. Волге – ул. Чернышевского. Роль основной оси в формировании городского пространства отводилась ул. Ленина (ныне Московская). Кроме того, намечалось расширение культурно-бытовой инфраструктуры города за счет открытия в течение 15 лет более 200 новых школ, 300 детских яслей, четырех театров, семи кинотеатров, 11 поликлиник, шести больниц и шести гостиниц, 16 бань и 13 прачечных, а также ряда новых учебных заведений. В ближайшие четыре года предполагалось провести реконструкцию здания Крытого рынка для размещения в нем центрального городского универмага. За это же время новые торговые корпуса должны были появиться на Сенной пл. [23].

Однако предложенное в проекте решение по реконструкции Саратовского железнодорожного узла создавало угрозу развитию промышленности, которому проектировщики отдавали предпочтение. Изучавшая в начале 1938 г. этот проект бригада вышеупомянутых экспертов ГАПУ НККХ РСФСР отмечала, что размещение сортировочной станции Саратов-III близ узкой горловины между р. Волгой и восточными склонами Лопатиной горы затрудняло связь основной селитьбы с южными и юго-западными районами города, дробя последние на мелкие площадки и потенциально осложняя функционирование построенных в них промышленных предприятий. Недостаточными были признаны предусмотренные проектом резервы территории для развития

¹ Авторы проекта – инженер А.Г. Морозов, экономист В.А. Ермолаев; консультанты проекта – архитектор А.А. Галактионов, экономист П.П. Шевалье и геолог Б.А. Можаровский [10, л. 97, 105].

² Юго-западный Сталинский район города в то время ограничивался на севере станцией Саратов-III и Юнгеровским оврагом, на востоке – берегом Волги, на юге – границей защитной зоны нефтеперерабатывающего завода и р. Назаровкой, на западе – склонами гор от деревни Белозеровка до психколонии [10, л. 104].

предприятий металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Были обнаружены также отступления от нормативов санитарных зон на некоторых промышленных предприятиях. Поэтому охарактеризованный выше проект генплана г. Саратова был отправлен на доработку [10, л. 97, 105].

К концу 1939 г. архитектором И.С. Гуревичем данный план был скорректирован с учетом произошедших к этому времени изменений территории города¹. Этот вариант генплана был рассчитан уже на 20 лет, однако планировавшаяся численность населения Саратова оставалась прежней – 600 тыс. чел. при норме жилой площади в 9 м²/чел. Основными направлениями развития города так же, как и в варианте 1937 г., должны были стать юго-западное и северное [24].

На юго-западном направлении (Сталинский район) жилая застройка полукольцом должна была охватывать промышленный узел, частично сформировавшийся к тому времени в районе авиационного завода. Южнее, за пределами проектируемой застройки, предусматривалось отведение площадок под строительство крупного промышленного узла, в состав которого должен был войти и уже работавший в то время нефтеперерабатывающий завод [22, с. 80]. В целом застройка должна была занять территорию между Лопатиной горой и деревней Шарковка [24]. Планировочная схема развития этого направления предусматривала расширение индустриальных кластеров при хаотичной и дробной жилой застройке (она была практически реализована) [19, с. 141–142; 22, с. 80].

На северо-западном направлении граница застройки по плану 1939 г. проектировалась в районе 4-й Дачной остановки [24]. Вдоль железной дороги были отведены участки под промышленную застройку (ныне существующую), а селитебные территории размещались полосами по двум сторонам от нее на склонах Лысогорского и Соколовогорского плато. Это планировочное решение, вызванное, по-видимому, нежеланием уводить город от Волги в степь, не получило развития

в последующих генеральных планах и не было реализовано на практике [22, с. 80–81].

В новом варианте генерального плана максимально полно были учтены все рекомендации столичных экспертов (тем более, что автором нового проекта являлся один из них). В частности, центральной площадью города стала пл. Революции, а главной магистралью – ул. Ленина. Учтено было в проекте и планировавшееся строительство Камышинской плотины, и ул. Чернышевского стала трактоваться как будущая набережная Волги, подлежащая односторонней застройке домами в 5–6 этажей «с прекрасным архитектурным оформлением». В районе Улешей планировалось строительство речного порта, а рядом с Глебучевым оврагом – речного вокзала [24]. Идея разворота города к реке или морю тогда преломлялась в градостроительных документах многих городов, например, в генплане Ростова-на-Дону [12, с. 383].

Не были обойдены стороной и вопросы высотной композиции города. В качестве ее основы предлагался пространственный треугольник, одну из вершин которого должно было закрепить проектируемое высотное здание Дома Советов на пл. Революции, две других – высотные сооружения на максимальных отметках Лысой (на месте телевизионной башни) и Соколовой (на месте нынешнего памятника павшим солдатам «Журавли») гор [22, с. 81]. Тем самым предполагалось создать новую «небесную линию», новый облик города взамен утраченного (в значительной мере) в 1930-е гг. со сносом почти всех церковной исторического силуэта.

В целом проект планировки Саратова 1939 г. нес в себе характерные черты своего времени, являясь скорее мечтой о будущем, чем реальным, базирующимся на расчетных социально-экономических показателях и финансово подкрепленным планом. Свидетельством тому является, например, тот факт, что в соответствии с этим планом к концу расчетного срока 92% населения должно было уже

¹ В мае 1939 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ о расширении территории Саратова. В границы Сталинского района города были включены поселки Мордовский, Юнгеровка, Мачиновка, Шариковка, Лозгачевка, Токмаковка, Есиповка, Князевка, Набережный Увек, Ивановский Увек, Калашниково, Болдыревка, земли совхоза «Ударник» с поселком Екатериновка, территория полосы отчуждения РУЖД со станцией Саратов-III, земельные участки нефтескладов, нефтеперерабатывающего завода, завода комбайнов, института механизации сельского хозяйства [21].

проживать в 4–6-этажных домах, что в преимущественно 1–2-этажном Саратове означало снос почти всего существующего жилого фонда. К тому же генплану 1939 г. была характерна ситуация, типичная для данного периода советского градостроительства: запозывание разработок по комплексному планированию города от отвода территорий под промышленное строительство. Так, например, проектировщики не смогли обеспечить необходимых санитарно-защитных разрывов между существовавшими участками промышленных предприятий и проектируемыми жилыми районами [22, с. 79–81]. Через три месяца после утверждения первого в советский период истории города генерального плана нацистская Германия напала на СССР и поэтому его воплощение в жизнь было отложено. И хотя этот генплан в итоге практически не был реализован¹, тем не менее он своим появлением «крепко накрепко пристегнул» дальнейшее планирование городской территории к процессам индустриализации как составной части «развернутого социалистического развития».

После окончания Второй мировой войны перед СССР во весь рост встала задача восстановления городов и прочих населенных пунктов. Машина градостроительного проектирования, запущенная в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и активно работавшая в довоенный период, снова заработала на полную мощность. Возникли или получили дальнейшее развитие проектные институты градостроительного профиля во всех столицах союзных республик, ряде региональных центров. Прежде всего, конечно, разрабатывали проекты реконструкции разрушенных во время войны городов, столиц союзных республик, центров крупных регионов [22, с. 81]. Однако учитывая, что после окончания Второй мировой войны в Советском Союзе царил дефицит и хаос, планирование городов и реальная строительная практика значительно различались. Из-за конфликтов между отдельными учреждениями и вмешательства партийных органов и Союза архитекторов принятие решений затягивалось, а если они и принимались, то исполнялись далеко не всегда. К августу 1948 г. лишь 4 из 48 советских

больших городов – Минск, Петрозаводск, Ростов-на-Дону и Сталинград (Волгоград) – представили генеральный план, затребованный Советом Министров СССР еще в декабре 1947 г. [4, с. 49]. При этом, как видим, это были города, очень сильно пострадавшие в ходе боевых действий. Саратов же во время войны был тыловым городом и довольно мало пострадал от бомбардировок. Соответственно, перед городом не стояло задачи масштабного восстановления инфраструктуры, поэтому его реконструкция не могла быть в числе приоритетов руководства государства. Тем не менее, новый генеральный план для Саратова также начал разрабатываться.

В этих целях в июле 1948 г. в город пришла большая бригада московского института «Гипрогор» во главе с архитектором Л.А. Салищевым [3; 6]. В духе того времени проект получил название «Большой Саратов». Необходимость через 10 лет делать новый план развития города была связана с рядом новых градообразующих факторов. Во время Второй мировой войны в Саратов были эвакуированы многие промышленные предприятия; начата добыча газа в поселке Елшанка на северо-западной окраине Саратова, там же отведены площадки под строительство крупного промузла строительной индустрии [3; 22, с. 81]. 2 октября 1945 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Ленинского района в городе Саратове» в этой части города была образована соответствующая административно-территориальная единица [17, с. 9]. На одной части территории проектируемого в предыдущем генплане Северного жилого района уже функционировал аэропорт, а другая была отведена расположенному там НИИ сельского хозяйства под опытные поля. Часть территории Юго-Западного жилого района была занята под испытательный аэродром авиационного завода. Кроме того, во время войны активно шло бессистемное усадебное строительство, что также требовало учета и корректировки. Таким образом, ситуация за прошедшие 10 лет усложнилась и шансов на формирование достаточно компактной и целостной структуры города стало еще меньше [3; 22, с. 81].

Бригадой в итоге было представлено

¹ Однако многие его положения являлись составной частью последующих генпланов (в частности, создание бульвара на ул. Вавилова), а некоторые из них были впоследствии воплощены в жизнь в переработанном виде.

два варианта развития Саратова. Первый вариант предполагал расширение города в сторону Поливановки и Разбойщины (ныне пос. Соколовый) без занятия территории танкодрома и СХИ, а второй, напротив, задействовал эти территории. Второй вариант в итоге и был положен в основу разработки технико-экономического проекта, рассчитанного на 800 тыс. жителей города [11, л. 4–5]. Центр Саратова было решено расширить до Садовых улиц. Планировалось создать систему архитектурных ансамблей с равномерно расположенными площадями, парками, скверами, бульварами, перекидными мостами через железнодорожные пути для пешеходов и автотранспорта. В центре обустроивалась главная площадь для парадов. Аналогичные площади предполагалось создать в каждом районе Саратова. Все овраги города было намечено расчистить и озеленить, вокруг Саратова предусматривалось создание зеленого пояса для защиты от ветров, пыли, газов и суховеев, а в его окрестностях – сети домов отдыха и санаториев. Последние должны были раскинуться за Соколовой горой на базе открытых минеральных источников, а также в районе дачных остановок и на островах [3; 6]. В такой мере, как создание зеленых поясов, однако, четко просматривалась в качестве цели фиксация границы города, ограничение роста его территории, несмотря на название самого плана. Аналогичные идеи в то же время начали воплощаться в жизнь в Великобритании – концепция зеленых поясов в этой стране была закреплена в «Законе о планировании городского и сельского строительства» 1947 г. и остается в силе до настоящего времени, а сами зеленые пояса являются самой характерной чертой в британском городском планировании [16, с. 338–339]. Составление плана «Большой Саратов» намечалось закончить к середине 1949 г. [3].

В итоге подготовка проекта была осуществлена в срок. 6 июня 1949 г. вопросы разработки генплана города обсуждались на заседании Саратовского горисполкома [11, л. 1]. Судя по его стенограмме, однако, оживленных дискуссий новый градостроительный документ не вызвал. Главным архитектором города Д.В. Карповым тогда было прямо сказано, что генеральный план Саратова 1939 г. был абсолютно нереалистичным [11, л. 71]. К

тому времени остро стоял вопрос с защитными санитарными зонами промышленных предприятий ввиду их отсутствия, причем такое положение наблюдалось даже у строящихся заводов, в проектах которых данные зоны были указаны. Для того, чтобы предусмотреть эти зоны, генеральный план был направлен для рассмотрения в Государственную санитарную инспекцию и Московский санитарный институт им. Ф.Ф. Эрисмана.

Обращалось внимание также на разбросанность жилищного строительства предприятий, бесплановость строительства в их жилых поселках, вследствие чего они стали называться «аварийными». Как проблема также позиционировался разноразной этажности застройки в этих поселках [11, л. 7–8]. Имеющийся жилой фонд Саратова был сильно изношен.

В то же время в распоряжении муниципалитета имелось довольно много земельных территорий – более 31 тыс. га, однако сам город занимал лишь около 3,5 га. Эти огромные территории, однако, использовались различными организациями, и передача их под застройку сопрягалась с изъятием земель у этих организаций и соответственно предоставлением им других участков. К тому же существовало множество территорий, по санитарным и иным условиям признанных непригодными для проживания – овраги, оползневые зоны (береговая полоса от Увека до городского парка культуры и отдыха им. М. Горького (ГПКиО)), крутые склоны гор (Лысая гора). Строительство на этих участках, однако, продолжало вестись, поэтому такую практику предполагалось запретить. Вывести же имеющееся жилье с этих территорий город в тот период не мог себе позволить. Более того, из-за отсутствия свободных территорий градостроителями было решено освоить до 20 % склонов гор под жилищное строительство. Однако целый ряд поселков, находившихся на оползневых территориях – Увек, Ивановский Увек, Князевка, Лысогорский, Затон – намечалось в будущем все же снести.

Новый вариант генплана, также разработанный бригадой московского института «Гипрогор», но уже под руководством другого архитектора – В.А. Пашкова, был рассчитан на численность населения в 730–750 тыс. чел. и предполагал занятие территорий

на северо-западе до Поливановки с частичным задействованием пригородной территории колхоза им. Карла Маркса. Один из участков по Вольскому тракту отводился под освоение строящемуся заводу технического стекла. Застраивались также территория института зернового хозяйства до танкодрома и участок самого танкодрома с сохранением здания школы. В южной части города предполагалась реконструкция территории от завода силикатного кирпича и далее на юг с расширением города вдоль Астраханского шоссе и насколько возможно до склонов Лысой горы. Существующие промышленные предприятия района сохранялись на своих местах, а жилые поселки выносились по другую сторону железной дороги на Сталинград, отделяясь от промышленной зоны [11, л. 11–16].

Однако в связи с тем, что планы освоения под застройку нефтеносных районов к северу от города были отклонены, подверглись урезке и планы развития промышленности в Саратове, вследствие чего градообразующая численность кадров уменьшилась [11, л. 60]. Поэтому второй вариант проекта был рассчитан на численность населения города в 650 тыс. чел. [11, л. 20] (т.е. всего на 50 тыс. больше, чем в предыдущем генплане 1939 г.; реальная численность населения Саратова в следующем, 1950-м, году составляла 440 тыс. чел. [22, с. 82]). 20 % из них планировалось расселить в одноэтажных домах, 25 % – в 2–3-этажных и 55 % – в 3–5-этажных [5, с. 95; 11, л. 20]. Такое соотношение красноречиво свидетельствовало о положении Саратова как крупного города РСФСР. В менее крупных областных центрах, в частности, в Краснодаре, намечалось развивать в основном одноэтажную индивидуальную и 2-этажную застройку, расселив в ней по генплану города 1948 г. 75 % краснодарцев [12, с. 384]. 30 тыс. жителей намечалось расселить на месте близлежащих дачных мест в северном направлении от города. В качестве резерва позиционировались территории колхоза «Большевик», Поливановки с окрестностями, нефтеносных районов на севере города. Как крайность рассматривался вариант расселения на месте лесистых участков плато Лысой горы. Этот вариант генплана был рассчитан на 20–25 лет.

Центральная часть города, а также ул. Б.

Садовая, Астраханское шоссе до подшипникового завода, Красноармейское шоссе, земли зернового института, территории от 5-й Дачной до Поливановки, согласно плану, застраивались 3–5-этажными зданиями с нормой расселения не меньше 400 чел./га. 2–3-этажная застройка намечалась на территориях за Глебучевым оврагом, 2-этажная – в проектируемом поселке для рабочих подшипникового, нефтеперерабатывающего завода и нового завода синтетического спирта. В прибрежной зоне – от Волги до ул. Чернышевского – от нового строительства планировалось воздержаться в связи с вероятностью затопления этих территорий в результате намечавшегося строительства Куйбышевской и Камышинской плотин, однако начатое благоустройство набережной предполагалось завершить, в то же время не вкладывая больших финансовых средств [5, с. 95–97; 11, л. 20–25]. Намечалось соединить сад «Липки» с Приволжским сквером бульваром, произведя снос застройки на четной стороне Бабушкина взвоза. По словам разработчика генплана В.А. Пашкова, «это совершенно изменит лицо города, это просто откроется окно и сразу будет легче». Набережная же в случае реализации проекта Камышинской плотины должна была пройти по ул. Чернышевского [11, л. 27]. Сказанная архитектором фраза «откроется окно и сразу станет легче» показательна для сталинской культуры, мироощущение в которой отрывалось от реального существования, словно бы сползая на несколько десятков градусов южнее, до, по крайней мере, средиземноморских широт: в ней было всегда жарко независимо от показаний в данный момент термометра [20, с. 166–167]. Городу, соответственно, также было жарко, поэтому нужно было обеспечить поступление в него прохладного (но ни в коем случае не холодного) воздуха. При этом воздух должен был поступать со стороны водной поверхности – р. Волги. Пафос воды также был характерен для сталинской культуры 2 – она понималась почти как в «гидравлических обществах», то есть как основа существования [20, с. 170–171]. Поэтому город должен был повернуться лицом к воде и открыться ей. Эта установка преломлялась и в послевоенных генпланах других городов РСФСР – Ростова-

на-Дону, Новороссийска, Туапсе, Сталинграда и проч. [12, с. 383–385]. В целом предполагался снос 37 % существовавшего тогда жилого фонда, что довольно много, но, безусловно, более реалистично по сравнению с генпланом 1939 г. [22, с. 82].

В связи с намечавшимся строительством плотины вставал вопрос о переносе промышленных предприятий, находившихся на берегу Волги, а также Саратовской ГРЭС. Проектировщиками рассматривались возможности сохранения ГРЭС при поднятии воды в р. Волге, однако по подсчетам инженеров на это требовалось затратить огромные средства, несоизмеримые со значением самой станции, к тому же имевшей изношенное оборудование. Речной порт в случае реализации проекта плотины планировалось оснастить укрытиями от волн, оборудовав три гавани – нефтяную, лесную и центральную [11, л. 27–28]. По берегам Волги вдоль города намечалось провести берегоукрепительные работы [11, л. 47–48].

Основными магистралями города, согласно плану, были ул. Астраханская, параллельная ей Нагорная (видимо, планировавшаяся), Чернышевского и ул. Ленина. Последняя освобождалась от транспорта и должна была стать парадной улицей. Торговые склады на тогдашней пл. Революции планировалось постепенно убрать, освободив место для постройки нового здания Дома Советов [11, л. 29]. Практика расширения центральных площадей за счет торговых построек наблюдалась в тот период и в других городах РСФСР – в частности, в Ставрополе, где согласно генеральному плану города 1947 г. за счет сноса построек Верхнего базара расширялась пл. Ленина [12, с. 389]. ГПКиО в Саратове предполагалось постепенно расширять за счет Очкина места (ныне Первомайский пос.) и Дегтярной пл. до берега р. Волги. Намечалось создание новых стадионов, в том числе центрального и стадионов при Саратовском университете и институтах. Университету для этих целей предлагалось передать место бывшего ипподрома на Привокзальной пл. Так же, как и в предыдущем генплане, планировалось архитектурно оформить две возвышенности – Соколовую гору, где на террасированной площадке в форме пирамиды около кирпичного завода № 2 резервировалось место

для крупного монумента, и Лысую гору. Дачные районы с пионерскими лагерями, лесными школами и домами отдыха намечалось создать на плато Лысой горы и рядом с с. Пристанное на берегу Волги, где предполагалось организовать курорт на базе Саратовской минеральной воды.

Основными градообразующими кадрами для города являлись работники промышленности (64 % населения). Ведущими отраслями, определявшими профиль и дальнейшее развитие города, являлись машиностроение и металлообработка, а также нефтяная и химическая. Планировалось увеличение численности кадров в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности на 144 % и ее удельного веса в градообразующей группе кадров до 62 %, в нефтедобывающей и химической – на 67 %. Новые нефтеперерабатывающие и химические предприятия предполагалось разместить за пределами города, так как они должны были иметь санитарные зоны от 1 до 2 км, а уже существующие сохранить на своих местах. Намечалось также развитие деревообрабатывающей промышленности путем расширения восьмирамного лесокомбината и мебельной фабрики с выносом последней из центра города. Предприятия промышленности строительных материалов также предполагалось разместить за пределами застроенной территории города, в местах нахождения сырьевой базы для них. В легкой промышленности прогнозировалось увеличение численности кадров на 20 %, в пищевой – на 200 %, в мелкой и кооперативной – на 130 %, в целом в промышленности города – на 220 % (с 75000 до 165000), а рост градообразующих кадров вообще должен был составить 200 % [5, с. 96–102; 11, л. 29–40]. Около 54 мелких предприятий намечалось постепенно вывести из жилых районов в течение 20–25 лет (швейная фабрика в здании Крытого рынка; хлебозавод в здании, предназначенном под кинотеатр, на пл. Н.Г. Чернышевского [11, л. 41–43]; Саратовский механический завод Министерства совхозов СССР (ныне «Саратовдизельаппарат») и др. [11, л. 77–78]). Работников промышленности предполагалось расселять поблизости от предприятий. Площадь селитебной территории в городе должна была вырасти с 3720 до 6180 га. Для размещения всей

численности населения, исходя из установленной нормы 9 м²/чел., требовалось построить 6300 тыс. м² жилой площади. При этом в 1949 г. общая жилая площадь в Саратове составляла 1700 тыс. м², т.е. в среднем 3,9 м²/чел. [11, л. 44–46].

К 1950 г. окончательный вариант нового генерального плана Саратова был составлен [22, с. 81]. 23 августа 1952 г. он был утвержден распоряжением Совета Министров РСФСР [9, л. 35; 19, с. 159]. Согласно утвержденному документу, город не получал большого расширения. Проект также предполагал возведение многоэтажных жилых домов на месте малоценных построек, которые намечалось разобрать или перенести на новые места. Помимо этого, планировались надстройка капитальных 2–3-этажных зданий и засыпка оврагов с разбивкой на их месте парков. 4–5-этажные дома должны были занять 80 % от общего числа новостроек, 2–3-этажные – 10 % и одноэтажные – также 10 %. Главные магистрали – ул. Ленина, Чапаева, Чернышевского – застраивались уже зданиями в шесть и более этажей. Многоэтажные здания также должны были появиться на ул. 20-летия ВЛКСМ (ныне ул. Б. Казачья), просп. Кирова, пл. Революции (где размещался Дом Советов и напротив него устанавливался памятник В.И. Ленину) и Чернышевского. Все эти улицы и площади планировалось реконструировать в первую очередь. Помимо них, многоэтажная застройка предполагалась на ул. Б. Садовой, 2-й Садовой, в районе Саратовского автодорожного института (ныне СГТУ им. Ю.А. Гагарина), Дегтярной пл. в Октябрьском районе; на ул. Орджоникидзе, будущем просп. Энтузиастов и Астраханском шоссе – в Сталинском районе; на Красноармейском шоссе – в Ленинском районе. Все здания на этих улицах и площадях должны были составить единые архитектурные ансамбли. 2–3-этажное строительство предусматривалось лишь на периферийных территориях города к югу от подшипникового завода и вдоль Вольского тракта. Сетку улиц на окраинах планировалось упорядочить [1; 2; 14, с. 194–198].

Проект строительства плотины у Камышина к тому времени был отменен и вместо нее ниже по течению Волги в 1950 г. было начато сооружение Сталинградской ГЭС (ныне Волжская ГЭС). В среднем уровень воды в Волге должен был подняться на 10 м, а

ширина реки против города должна была достигнуть 10 км. Полностью затоплялись о. Казачий, городские пески и частично о. Зеленый [2; 14, с. 198]. По сравнению с проектом Камышинской плотины зона затопления уменьшалась, и поэтому красная линия застройки набережной Волги теперь должна была пройти по нечетной стороне ул. Покровской (ныне ул. Лермонтова). По берегу Волги от Бабушкина взвоза до Музейной пл. и от ГПКИО до ст. Улеши прокладывались бульвары, сам парк получал выход к набережной. Застроить набережную планировалось 5–7-этажными зданиями [1; 2; 14, с. 200]. Грузовой порт перемещался в район ст. Улеши, где на гребне затопленного о. Казачий предполагалось сооружение мола для охраны судов от высокой волны. Пассажирский порт и водные спортивные базы оставались в центре города. В районе расширившегося до берега Волги ГПКИО размещался яхт-клуб [2; 14, с. 200]. Намечалась также реконструкция существующих бульваров по ул. Рахова и Астраханской, восстановление бульвара по ул. Б. Горной, расширение парка в Ленинском и создание нового парка в Сталинском районах. В дальнейшем предполагалось открыть новые районные парки, увеличить площади лесопарков у Кумысной поляны, создать ботанический сад у Поливановки и санитарно-защитные зоны вокруг промышленных предприятий [1; 2; 14, с. 200]. Проектом предусматривалось дальнейшее развитие промышленности, главным образом металлообрабатывающей, строительной, легкой и пищевой [2].

Заключение (выводы). В целом текущее развитие города (прежде всего более активный рост его территории в северо-западном направлении и гораздо более слабый в северном после окончания Второй мировой войны) сильно противоречило градостроительным планам, что влекло за собой постоянные и весьма значительные коррективы в проектных разработках на протяжении всего периода 1930-х – начала 1950-х гг. Помимо этого, постоянные изменения проектной документации вызывались и некоторыми корректировками в планах крупных строек всесоюзного значения, таких, как строительство гидроэлектростанций. Однако несмотря на то, что генеральные планы постоянно урезались, масштабы этих разработок

оставались довольно большими. Все они довольно слабо коррелировали с реальным экономическим положением и возможностями города и, как ни парадоксально, экономическими и политическими приоритетами государства в целом. Реализация этих планов была начата, однако в условиях экстенсивного развития советской экономики в первые пятилетки, а затем в тяжелых условиях войны и послевоенных лет и при низком уровне развития строительной

индустрии не могла происходить в полной мере. Тем не менее, для центральной власти было крайне важно увековечить триумф и пафос советской идеологии в ее сталинском изводе, а затем и победу СССР во Второй мировой войне, в том числе и в облике городов, и даже декларативное его воплощение в виде масштабных градостроительных планов имело свой пропагандистский эффект.

Список литературы

1. Аралов В. Новый Саратов // Коммунист. 1952. 29 октября.
2. Аралов В. Саратов коммунистического завтра // Молодой сталинец. 1952. 1 августа.
3. «Большой Саратов» // Коммунист. 1948. 18 июля.
4. Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 416 с.
5. Бондарь Н.А., Стешин И.Н. Саратов. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951. 123 с.
6. Взгляд из Саратова. Хроники. XX век // Саратовские вести. 1999. 25 декабря.
7. Гипроград. Информация. К.: б/и, 1990. 21 с.
8. Город // Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 18. Город–Грац. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1930. Столб. 17–159.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А150. Оп. 2. Д. 630.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 670.
11. ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1137.
12. Есаулов Г.В. Архитектура Юга России: от истории к современности. Очерки. М.: Архитектура-С, 2016. 568 с.
13. Земельный кодекс РСФСР // Заседания Верховного Совета РСФСР 7-го созыва, седьмая сессия (30 июня – 1 июля 1970 г.): стенографический отчет. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1970. С. 189–236.
14. Ильин Б.И. Саратов. Исторический очерк. Саратов: Саратовское областное государственное издательство, 1952. 204 с.
15. Казанева Е.К. Становление архитектурной службы и должности главного архитектора России // Вестник ТГАСУ. 2009. № 1. С. 32–44.
16. Леви Дж.М. Современное городское планирование. М.: Strelka Press, 2020. 390 с.
17. Ленинский район – ровесник Победы. 65 лет. Саратов: б/и, 2010. 224 с.
18. Меерович М.Г. Гипрогор: организация и люди [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/russia/54884/istoriya-otechestvennogo-gradostroitelstva-giprogor-1929-1932-gg> (дата обращения: 30.09.2021).
19. Осятинский А.И. Строительство городов на Волге. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1965. 192 с.
20. Паперный В.З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.
21. Расширение городской черты // Коммунист. 1939. 5 мая.
22. Тарасова Л.Г. Взаимосвязь процессов управления и самоорганизации в развитии крупных городов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2009. 142 с.
23. Уланов А. Саратов через пятнадцать лет // Коммунист. 1937. 12 апреля.
24. Ялынычев А. Новый Саратов // Коммунист. 1940. 26 января.

**THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF «SOCIALIST RECONSTRUCTION»
OF SARATOV IN THE MASTER PLANS OF THE 1930S – EARLY 1950S.**

The article discusses the process of development of urban planning in Saratov during the reign of I.V. Stalin. The problems of development of urban space that faced the city planners of Saratov at that time, the general plans of the city and their variants developed in the 1930s - early 1950s, as well as the factors that influenced the process of their development are analyzed. The study is based on the use of a set of methodological techniques, including such special methods of historical science as historical-genetic and problem-chronological, as well as an interdisciplinary approach, in particular, the methods of urban studies and semiotics. The current development of the city strongly contradicted the city planning plans, which entailed constant and very significant adjustments in design development throughout the entire period of the 1930s - early 1950s. In addition, constant changes in project documentation were also caused by some adjustments in the plans for major construction projects of all-Union significance, such as the construction of hydroelectric power stations. However, despite the fact that the master plans were constantly cut back, the scale of these developments remained quite large. All of them rather weakly correlated with the real economic situation and opportunities of the city and, paradoxically, with the economic and political priorities of the state as a whole. The implementation of these plans was started, however, under the conditions of the extensive development of the Soviet economy in the first five-year plans, and then in the difficult conditions of the war and post-war years, and with the low level of development of the construction industry, it could not take place in full.

Keywords: Saratov, urban space, regional center, Soviet urban planning, Soviet architecture, Soviet neoclassicism, master plan, the concept of «socialist reconstruction» of the city.

References

1. Aralov V. (1952). Novyy Saratov [New Saratov]. *Kommunist [Communist]*, October 29.
2. Aralov V. (1952). Saratov kommunisticheskogo zavtra [Saratov of the communist tomorrow]. *Molodoy stalinets [Young Stalinets]*, August 1.
3. (1948). «Bol'shoy Saratov» [«Big Saratov»]. *Kommunist [Communist]*, July 18.
4. Bon T.M. (2013). «Minskiy fenomen». Gorodskoye planirovaniye i urbanizatsiya v Sovetskom Soyuze posle Vtoroy mirovoy voyny [«Minsk phenomenon». Urban planning and urbanization in the Soviet Union after World War II]. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya [ROSSPEN].
5. Bondar' N.A., Steshin I.N. (1951). Saratov [Saratov]. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo arkhitektury i gradostroitel'stva.
6. (1999). Vzgl'yad iz Saratova. Khroniki. XX vek [View from Saratov. Chronicles. XX century]. *Saratovskiy vesti [Saratov news]*, December 25.
7. (1990). Giprograd. Informatsiya [Giprograd. Information]. Kiev: without publishing house.
8. (1930). Gorod [City] // Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. 1st ed. Vol. 18. City-Graz. Moskva: Aktsionernoye obshchestvo «Sovetskaya entsiklopediya», columns 17–159.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. A150. S. 2. F. 630.
10. Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO) [State Archive of the Saratov Region (SASR)]. F. R-461. Op. S. F. 670.
11. GASO [SASR]. F. R-461. S. 2. F. 1137.
12. Yesaulov G.V. (2016). Arkhitektura Yuga Rossii: ot istorii k sovremennosti. Ocherki [Architecture of the South of Russia: From History to Modernity. Essays]. Moskva: Arkhitektura-S.
13. (1970). Zemel'nyy kodeks RSFSR [Land Code of the RSFSR] // Zasedaniya Verkhovnogo Soveta RSFSR 7-go sozyva, sed'maya sessiya (30 iyunya – 1 iyulya 1970 g.): stenograficheskiy otchet [Sessions of the Supreme Council of the RSFSR of the 7th convocation, seventh session (June 30 - July 1, 1970): verbatim report]. Moskva: Izdaniye Verkhovnogo Soveta RSFSR, 189–236.
14. Il'in B.I. (1952). Saratov. Istoricheskiy ocherk [Saratov. Historical essay]. Saratov: Saratovskoye oblastnoye gosudarstvennoye izdatel'stvo.
15. Kazaneva Ye.K. (2009). Stanovleniye arkhitekturnoy sluzhby i dolzhnosti glavnogo arkhitekta Rossii [Formation of the architectural service and the position of the chief architect of Russia]. *Vestnik TGASU [Bulletin of TGASU]*, 1, 32–44.
16. Levi J.M. (2020). Sovremennoye gorodskoye planirovaniye [Contemporary urban planning]. Moskva: Strelka Press.

17. (2010). Leninskiy rayon – rovesnik Pobedy. 65 let [Leninsky district is the same age as the Victory. 65 years]. Saratov: without publishing house.
18. Meyerovich M.G. Giprogor: organizatsiya i lyudi [Giprogor: organization and people]. Retrieved 30 September, 2021 from <https://archi.ru/russia/54884/istoriya-otechestvennogo-gradostroitelstva-giprogor-1929-1932-gg>.
19. Osyatinskiy A.I. (1965). Stroitel'stvo gorodov na Volge [City building on the Volga]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
20. Papernyy V.Z. (2016). Kul'tura Dva [Culture Two]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye.
21. (1939) Rasshireniye gorodskoy cherty [Expansion of the city limits]. *Kommunist* [Communist], May 5.
22. Tarasova L.G. (2009). Vzaimosvyaz' protsessov upravleniya i samoorganizatsii v razvitii krupnykh gorodov [Interrelation of management and self-organization processes in the development of large cities]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta.
23. Ulanov A. (1937). Saratov cherez pyatnadsat' let [Saratov fifteen years later]. *Kommunist* [Communist], April 12.
24. Yalynychev A. (1940). Novyy Saratov [New Saratov]. *Kommunist* [Communist], January 26.

Об авторе

Ванин Александр Андреевич – аспирант 3 года обучения кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Россия), E-mail: vaninaa987@gmail.com

Vanin Aleksandr Andreevich – 3-year post-graduate student of the Department of National History and Historiography, Saratov State University (Russia), E-mail: vaninaa987@gmail.com

Войт И.А., старший преподаватель кафедры государственного управления, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье)

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССОЗДАНИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Становлению Приднестровской Молдавской Республике, которая вот уже более 33 лет доказывает свою состоятельность мировому сообществу, способствовали исторические и политические предпосылки, которые особенно ярко выразились в сложившейся к концу 1980-х гг. ситуации на всей территории Советского государства. В статье рассматриваются последствия общесоюзного кризиса, вылившегося в появление самопровозглашенных государственных образований, среди которых и ПМР. Особое внимание в исследовании уделено анализу общественно-политических процессов, происходивших в 1988-1991 гг. в МССР и вновь образованной Приднестровской республики: политике национал-бюрократических элит МССР, которые увидели в перестройке шансы быстрого обогащения за счет ограбления собственных республики и народа; возрождению молдо-румынских национал-радикальных кружков, пропагандировавших сепаратистские антигосударственные настроения и сыгравших роль главных раздражителей общественно-политической обстановки в Советской Молдавии; борьбе противостоящих им сил в лице интердвижения «Унитате-Единство», некоторые лидеры которого впоследствии стали отцами-основателями ПМР. Также в работе подробно освещены этапы оформления самоопределившейся приднестровской государственности, воссозданной в результате общенародного волеизъявления посредством референдумов и съездов депутатов всех уровней Приднестровья.

Ключевые слова: кризис Советской государственности, национал-радикальное движение в МССР, референдумы, съезды депутатов всех уровней, приднестровцы, Приднестровская Молдавская Республика.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-75-83

Введение. В течение столетий приднестровские земли входили в самые различные государства – Киевскую Русь, Галицко-Волынское княжество, Золотую Орду, Русско-Литовское государство, Польское королевство, Крымское ханство, Речь Посполитую.

Во второй половине XVIII в. после чреды русско-турецких войн, Приднестровье обретает новый геополитический статус, став составной частью великой Российской империи. Согласно Ясского мирного договора 1792 г. территория Южного Приднестровья вошла в состав Российской империи. Присоединение к России в 1793 г. в результате второго раздела Польши Северного Приднестровья - территории Левобережного Поднестровья севернее р. Ягорлык [1, с. 46], - лишь закрепило важное геополитическое положение вновь приобретенных приднестровских территорий.

С конца XVIII в. вплоть до Гражданской войны и иностранной военной интервенции 1918-1920 гг. Приднестровье развивалось в условиях стабильности и мира. Это был один из самых продолжительных периодов приднестровской истории, который не был связан с войнами и вооруженными конфликтами

в регионе. Последнее способствовало активному заселению и освоению берегов Днестра казаками, русскими, молдавскими, украинскими крестьянами и военными поселенцами, немецкими и болгарскими колонистами, армянскими и еврейскими купцами, гагаузами, сербами и представителями других народов, бежавшими от турецкого ига с территории Балкан.

Таким образом, «на земле Приднестровья со второй половине XVIII в. начала складываться уникальная и многонациональная общность людей, практически не имеющая аналогов [4, с. 43].

За годы гражданской войны и иностранной военной интервенции в Приднестровье, геополитическое значение которого существенно изменилось в связи с оккупацией Бессарабии королевской Румынией, за власть боролись белогвардейцы и отряды Красной армии, представители украинской Центральной Рады и молдо-румынского «Сфатул Цэрий», петлюровцы и повстанческие крестьянские отряды различных «батьков». Здесь побывали французы, румыны, австрийцы и немцы. В дальнейшем, после окон-

чательной победы большевиков в Гражданской войне, приднестровские земли вошли в состав Херсонской (затем Одесской) и Подольской губерний Украинской ССР. Именно в этот период в истории Приднестровья наступил момент, когда она обрела первую в своей богатой истории государственность.

Некоторые исследователи считают, что «образование МАССР было, прежде всего, волонтаристским политическим шагом тогдашнего руководства Советского Союза» [15, с. 13]. Однако очевидно, что первая в истории государственность на Днестре – Молдавская АССР, была создана и стала развиваться согласно объективной логике советского государственного строительства. Также необходимо отметить, что «у Приднестровья впервые появилась своя Конституция, флаг, герб, исполнительные органы власти [1, с. 52]. Свою важную геополитическую миссию, - возвращение Бессарабии в состав СССР и «воссоединение бессарабцев с Советской Родиной» [17, с. 46], - МАССР однозначно выполнила, а опыт государственного строительства на Левобережье Днестра будет востребован спустя десятилетия.

Также отметим, что ликвидация первой республики в Приднестровье в 1940 г. посредством образования МССР не имела для ее народа особо драматических последствий. В бывшем Советском Союзе границы между республиками в житейском плане были условными. Поэтому полстолетия, пока Приднестровье находилось в составе СССР, никому и в голову не могла прийти мысль о выходе из состава Молдавской ССР, отделении или строительстве собственного Приднестровского государства. Наоборот, люди жили и творили на благо своей Великой Родины, не предчувствуя того, что может разразиться к концу 1980-х гг. и что принудит их к воссозданию республики в Приднестровье. На этих событиях, происходивших в СССР в процессе распада Великой державы и послуживших объективными политическими основаниями для воссоздания Приднестровской государственности, нужно остановиться подробнее.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования выступают общественно-политические процессы, происходящие в Советской Молдавии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., которые стали прямым следствием

самоопределения населения Приднестровья, приднестровцев посредством воссоздания Приднестровской государственности – Приднестровской Молдавской Республики.

Методологическую основу исследования составляют такие принципы научного познания как историзм и объективность. Следуя принципу объективности, автор настоящего исследования стремился избегать субъективных, ангажированных политико-идеологических суждений, что в свою очередь способствовало сбалансированному рассмотрению междисциплинарных аспектов проблемы.

Также, в процессе анализа проблемы использовался системный подход, применялись как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, описание и объяснение и др.), так и специальные исторические методы исследования.

Результаты и их обсуждение. К концу 1980-х гг. на территории практически всего пространства СССР стали возникать самопровозглашенные государства, что неразрывно было связано с процессом кризиса и распада Советской державы. Процесс распада Советского Союза явился одной из важнейших объективных социально-политических предпосылок становления приднестровской государственности. Что же можно считать важнейшими субъективными историческими и политическими предпосылками, приведшими к провозглашению народом Приднестровья второй государственности на Днестре?

В течение 1987-1988 гг. ситуация в МССР по сравнению с положением в других «горячих точках» СССР оставалась внешне спокойной. Однако подспудно напряжение возрастало из месяца в месяц. Политика генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и его окружения в высших эшелонах власти была ориентирована на целенаправленную мобилизацию общественных сил для дезинтеграции СССР. В качестве катализаторов этого процесса использовались демократические преобразования в самой КПСС, которые на деле катастрофически разрушили структуры огосударственной партии; возвращение противостоявших ей «неформальных» объединений, которые перерастали во всевозможные «народные фронты», с самого начала не скрывавшие свои сепаратистские тенденции и дезинтеграционные цели, открытие под

видом гласности каналов для разрушительной антигосударственной, национал-экстремистской, а подчас и прямо фашистской пропаганды и деятельности [17, с. 132].

Истинный смысл этих процессов не был понятен широким кругам общественности, поскольку всячески заинтриговывался пропагандистской шумихой. Первыми в этой ситуации «сориентировались» национал-бюрократические элиты. Они увидели в перестройке шансы быстрого обогащения за счет ограбления собственных республик и собственных народов, а поездки в национальные республики А. Яковлева и других крупных партийных «боссов», после отъезда которых, как правило, вспыхивали стачки на национальной почве, постепенно убеждали их, что при правильной постановке дела можно использовать «перестройку» не во вред себе, а на пользу.

В итоге, это привело к ситуации, когда определенные круги партийно-государственного чиновничества, ранее абсолютно лояльные к «центру», становятся вдруг «глубоко демократичными» и входят в когорту активных критиков союзного руководства за действительные или мнимые ошибки, за недостаточные темпы перестройки, за нерешительность, отсутствие смелости и размаха в реформах и т.д.

Как будто по команде из одного политического центра началось активное выпячивание на т.н. «суд общественности» вопросов и проблем, не имеющих на самом деле жизненно важного для каждого человека значения. «Органы печати и других СМИ вдруг принялись за исследование глубокого исторического прошлого, лингвистических проблем «титовых наций», начался усиленный поиск исторических несправедливостей и обид, которые были отдалены от современников столетиями и даже тысячелетиями. Как следствие – начался и поиск врагов той или иной нации, чаще всего среди соседей, живущих рядом, иногда на одной улице, в одном доме. Следующее следствие – обнаружение врага требовало его немедленного изгнания из родной среды, либо как минимум, – превращения в изгоя, человека второсортного, недостойного гражданства «возрождающейся нации» [3, с. 249-254].

Инициаторами раскола Молдавии, начавшегося уже в конце 1988 г., стали писа-

тели, журналисты и преподаватели кишиневских вузов, лидеры и руководители всевозможных «музыкально-литературных» кружков и объединений. Ими были сформированы национал-радикальные кружки и группы, объединившиеся впоследствии в Народный фронт (НФМ). Эта организация была подчинена националистическим идеям и стала основой раскола МССР на два противоборствующих лагеря.

Если говорить о предыстории образования НФМ, то следует отметить, что уже с января 1988 г. в центре Кишинева на «Аллее классиков» у памятника Штефану Великому начали собираться первые его представители. К апрелю ячейки будущего Народного фронта были распространены уже в 19 городах и районах МССР. Активными участниками будущей националистической организации были члены писательского Союза Молдавии (СПМ) – Л. Лари, Г. Виеру, А. Шалару, Г. Мазилу, Д. Михаил, Т. Черненко, И. Кацавейкэ, А. Вартик и др. Многие из них уже нет в живых, но мы опять наблюдаем политические «игры», когда видим, что именами националистов (Л. Лари, Г. Виеру) называют улицы Кишинева.

Так было положено начало становления Народного фронта Молдавии – основной политической организации национал-радикального толка, которая и спровоцировала назревавший раскол молдавского общества и в процессе своей деятельности ускорила отделение Приднестровского региона МССР. Это была одна из субъективных политических, а впоследствии и ментально-ориентационных предпосылок становления Приднестровской государственности.

Как ни странно, но никаких санкций к участникам митингов руководство МССР не применяло. Более того, с подачи Межведомственной комиссии по изучению проблем молдавского языка, попавшей под влияние националистов, Президиум Верховного Совета МССР 30 марта 1989 г. вынес на всенародное обсуждение законопроекты «О функционировании языков на территории МССР» и «О статусе государственного языка МССР». С этого момента уже ни для кого не было секретом, что националистические беспорядки в Кишиневе являются не случайными выходками.

Тирасполь принялся внимательно изучать опубликованные законопроекты. В течение апреля 1989 г. 90 трудовых коллективов города живо обсудили проекты законов, а 8 мая на митинге по случаю открытия мемориала жертвам оккупации в Тирасполе впервые публично прозвучал протест тираспольчан против языковой дискриминации. Характерно, что городской комитет Коммунистической партии Молдавии (ГК КПМ) не представил слова оратору В. Лесниченко до закрытия митинга. Тому удалось прорваться к микрофону только благодаря настойчивости и смелости. В тот же период начали поступать требования населения об организации митинга. Горком КПМ препятствовал его проведению. Но 11 мая на Производственном швейном объединении им. 40-летия ВЛКСМ все же был проведен митинг протеста против угрозы национализма. 12 мая там же прошло открытое партийное собрание по той же теме; было собрано 5 тысяч подписей под обращением к ЦК КПМ с требованием признать русский язык государственным наряду с молдавским. Это же требование 23 мая выдвинула X сессия городского Совета Тирасполя [13, с. 522].

В частности, в обращении к Президиуму Верховного Совета МССР тираспольские депутаты озвучили следующее: «Считаем, что альтернативным решением существующей языковой проблемы должно стать принятие закона о функционировании на территории МССР двух государственных (официальных) языков, молдавского и русского. Сессия считает необходимым продлить сроки обсуждения законопроектов до проведения пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям, а затем провести в Молдавии по обсужденным вопросам всенародный референдум» [12, с. 81].

Между тем события в Молдавии развивались стремительно. На политической арене все большее влияние набирал прорумынский Народный фронт, который официально был создан в мае 1989 г. Активисты НФМ в своих выступлениях говорили об объективном существовании двух румынских государств, что в свою очередь должно было бы вылиться в провозглашении Молдавии «Румынской Республикой Молдова». Также под давлением НФМ-овцев разрабатывалась новая редакция законопроектов о языке, которые должны

были стать еще более жесткими и непримиримыми. Предложения жителей Приднестровья никто и не собирался учитывать. Кто-то из депутатов этот проект закона сумел получить и опубликовать в полном виде в одной из тираспольских газет, в то время как в молдавских СМИ сложившую общественно-политическую ситуацию освещали крайне односторонне и предвзято.

В июне в Тирасполе начали возникать ячейки Интердвижения «Единство», зачатки которого появились еще в январе 1989 г. на правом берегу Днестра. В то время инициативная группа Интердвижения составила в основном из представителей русскоязычной интеллигенции Молдавии. В нее входили В. Андриевский, А. Сафонов, Н. Бабилунга, А. Большаков, А. Бут, А. Лисецкий, В. Солонарь и др. [10, с. 17].

В конце июня лидеры Тираспольского Интердвижения активно участвовали в учредительном съезде движения в Кишиневе. Их поездке активно препятствовал горком КПМ и особенно его первый секретарь Л. Цуркан. Впоследствии пленум горкома КПМ принял резолюцию, направленную фактически против интердвижения. Аналогичные события происходили и в других населенных пунктах Приднестровья. Все яснее проявлялась установка центрального комитета КПМ – не противодействовать Народному фронту Молдовы, который успел к тому времени объединить все националистические силы, для того, чтобы всячески препятствовать любой оппозиции фронту и достигнуть намеченной цели [11, с. 58].

Стремление масс к прогрессивным переменам ярко проявилось на следующем этапе событий, связанных с созданием в Приднестровье Объединенного Совета трудовых коллективов (ОСТК). Возглавил ОСТК Б.М. Штефан, который являлся одним из руководителей Тираспольского завода «Электромаш». ОСТК энергично принялся за работу. Было решено добиваться внеочередной сессии городского Совета, началась работа по проведению предупредительной забастовки. К середине августа стало совершенно ясно, что мнение русскоязычного населения Молдавии разработчики проектов Законов о языке намерены игнорировать, и на сессию Верховного Совета МССР 29 августа будет вынесен новый законопроект, еще более

ущемляющий интересы немолдавского населения. 16 августа началась предупредительная забастовка, в которой приняли участие около 30 тыс. рабочих с 30 предприятий города. На предприятиях с непрерывным циклом производства, которые по решению ОСТК воздержались от забастовки, прошли митинги в поддержку бастующих. В знак солидарности с ними на 2 часа приостановили работу многие предприятия Бендер, Рыбницы, Бельц [17, с. 151].

Тем не менее, Президиум Верховного Совета МССР 19 августа одобрил проекты законов и внес их на рассмотрение XIII сессии Верховного Совета. Забастовка вспыхнула с новой силой. Стал крупнейший завод республики – завод им. Кирова, «Электромаш» и другие «флагманы» молдавской индустрии. К сорока Тираспольским предприятиям присоединились 24 предприятия других регионов Молдавии, т.е. стачка приняла общереспубликанский характер. 25 августа в Тирасполе прошел 50-тысячный митинг. Одновременно в Кишиневе заседал Президиум Верховного Совета МССР, обсуждавший требования забастовщиков. В 6 часов вечера из Кишинева поступило сообщение: принято решение сессию проводить, требования забастовщиков игнорировать. Многотысячные митинги продолжались в Тирасполе 27 и 28 августа.

Как и следовало ожидать, 29 августа в Кишиневе начала работу сессия Верховного Совета МССР. За всю историю молдавская государственность не видела такого массового забастовочного движения, которое проходило в эти дни. В республике одновременно бастовало 179 трудовых коллективов; солидарность бастующим выражало еще более 400 коллективов, поддерживая их материально. Общее количество бастующих достигало 200 тысяч человек. «Это было не уличное буйство своры пьяных маргиналов, а осознанный массовый протест наиболее активной части общества, той части, которая остро почувствовала, что приближается большая беда, – раскол, рознь, горе, нищета, потеря близких, кровопролитие» [2, с. 65].

Но руководство МССР не захотело прислушаться к требованиям бастующих. Компромисс также не рассматривался. Таким образом, 31 августа законопроекты «О возврате молдавскому языку латинской графики» и «О

статусе государственного языка МССР» получили статус законов. Точно так же 1 сентября был принят закон «О функционировании языков на территории МССР». По мнению В.П. Степанова, «впервые за 200 лет (исключая межвоенный период) была осуществлена попытка ограничить официальное влияние русской культуры и языка. Это, естественно, не смогло не сказаться на ценностных ориентирах как мажоритарного этноса в Молдове, так и национальных меньшинств» [16, с. 18].

Принятие непопулярных законов придало забастовке новый импульс. К бастующим подключились кишиневские летчики и Бендерские железнодорожники. 3 сентября в Кишиневе остановилось более 30 предприятий, а в целом по республике – около 200. Кишинев оказался блокированным по воздушным и железнодорожным путям. На митинге Интердвижения 3 сентября 1989 г. приняло участие большое количество молдаван, которые усмотрели в принятых республиканским парламентом законах заряд огромной разрушительной силы не только под гражданский мир, но и под культурный суверенитет молдавской нации. Наиболее часто звучащая фраза «Ну врем сэ фим ромынь!» («Не хотим быть румынами!») каждый раз сопровождалась громом аплодисментов. Но руководство МССР оказалось непреклонным.

В середине сентября руководители забасткома встретились с М.С. Горбачевым. Он пообещал, что в случае прекращения забастовки вопрос о положении в Молдавии будет рассмотрен в Верховном Совете СССР. Забастовки были остановлены, но XV пленум ЦК КПСС, на котором от молдавской стороны выступал ярый сторонник отделения МССР от СССР первый секретарь ЦК КПМ С.К. Гроссу, ни к каким переменам в пользу разрешения внутривосточного кризиса в МССР не привел. После всего этого, забасткомы Кишинева, Бельц, Оргеева и других городов правобережной Молдавии больше не поднимались на выступления против правительства МССР. Жители же приднестровского региона (территории левобережного Поднестровья и Бендер с окрестными селами, находящихся на правом берегу Днестра) смириться со своим поражением и не собирались. Наоборот, отсутствие результата вкупе с накопленным опытом и самоуважением неизбежно

привели к идее необходимости продолжения борьбы, но уже за новую цель – собственную государственность, ибо только она была способна защитить их от национализма.

Роль руководителя революционной борьбой взял на себя сформированный еще в августе 1989 г. ОСТК, который объединил вокруг себя рабочих большинства заводов и фабрик приднестровского региона МССР. Основными центрами противостояния националистам стали, конечно же, крупные города, такие как Рыбница, Тирасполь, Бендеры и Дубоссары – здесь была сконцентрирована основная масса трудовых коллективов, явившихся основной силой революции.

Абсолютное большинство приднестровцев, а сюда нужно отнести как субъектов, так и объектов политической жизни региона, начиная с профессиональных политиков и управленцев и заканчивая простыми рабочими и крестьянами, приняли самое активное участие в референдумах и сходах граждан, как наиболее легитимной форме утверждения Приднестровской государственности [15, с. 125].

Референдумы и сходы граждан в городах и районах Приднестровья стали подлинной основной формирования независимой республики. «Их можно считать примером политической новации, так как именно их решения имели для будущего Приднестровья судьбоносное значение» [14, с. 154].

Во всенародном плебисците по вопросу образования Приднестровской Республики и вхождение в нее, прошедшем с декабря 1989 г. по ноябрь 1990 г. участвовало: Бендеры – 68 634 чел. (80% избирателей), за Приднестровскую Республику высказались 66 753 (97,3%); соответственно Тирасполь – 125 775 (93%) и 120 561 (95,9%), Дубоссары – 16 312 (77%) и 15 834 (97%), Дубоссарский р-н – 6 136 (30%) и 5 830 (95%); Рыбница – 32 097 (82%) и 29 232 (91%), Рыбницкий р-н – 23 498 (94%) и 22 479 (95,7%); Григориопольский р-н – 20 435 (57,6%) и 19 209 (94%); Каменский р-н – 22 130 (88%) и 21 687 (98%); Слободзейский р-н – 56 000 (70%) и 53 760 (96%) [8, с. 3].

Параллельно со всенародным обсуждением будущего приднестровского региона, 2 июня 1990 г. в Парканах состоялся I съезд депутатов всех уровней Приднестровья, на котором присутствовали 673 депутата [6, с. 12].

Съезд принял Декларацию о социально-экономическом развитии Приднестровья и сформировал Координационный Совет социально-экономического развития региона, который возглавил И.Н. Смирнов. Основы будущей приднестровской государственности были заложены именно в решениях I Съезда. Им были сформулированы положения, связанные с важнейшими вопросами общественно-политической и экономической жизни региона. Съездом было рекомендовано в срок до 1 сентября 1990 г. организовать и провести на всей территории левобережья Днестра референдумы о целесообразности образования Приднестровской Автономной ССР. Однако важно, что если летом 1990 г. всенародный плебисцит должен был рассмотреть вопрос о создании Приднестровской АССР в составе Молдавской ССР, то уже к осени приднестровцам предстояло высказаться о необходимости создания самостоятельной государственности. Основанием к этому послужил сам ход истории. Дело в том, что 23 июня Верховный Совет МССР принял Декларацию о суверенитете, которая де-факто вывела республику из состава СССР. А 28 июня, большинством голосов принимается Заключение комиссии Верховного Совета о политико-юридической оценке советско-германского договора о ненападении и дополнительного секретного протокола к нему, в котором фиксируется незаконность образования в 1940 г. Молдавской ССР путём присоединения Бессарабии к Молдавской Автономной Советской Социалистической Республике (МАССР).

Таким образом, молдавская власть в лице Верховного Совета признала незаконность вхождения левобережного Приднестровья в состав Советской Молдавии и юридически вернула политическую ситуацию ко времени до 2 августа 1940 г., когда существовала МАССР и не имеющая государственного статуса Бессарабия в составе Королевской Румынии.

По мнению очевидца тех событий И.Н. Галинского, «это стало реперной точкой кардинальных политических изменений в Молдавии. Так Советская Молдавия превратилась в Республику Молдова» [7].

В итоге, в населенных пунктах Приднестровья в референдумах и сходах граждан по

вопросу создания самостоятельной республики приняли участие 371 017 (79%) внесенных в списки избирателей. «За» ПМССР высказались 95,89% голосовавших, или 75,3% от общего числа избирателей [5, с. 75]. Таким образом, народ Приднестровья со всей определенностью высказался за создание своей государственности. 2 августа 1990 г. трудовой коллектив тираспольского завода литейных машин им. Кирова выступил с Обращением, в котором призвал жителей левобережья незамедлительно начать работу по проведению II съезда депутатов всех уровней Приднестровья. Данное Обращение нашло повсеместную поддержку.

Проведение съезда не заставило себя долго ждать. 2 сентября в здании Тираспольского городского театра на историческом II Чрезвычайном съезде депутатов всех уровней Приднестровья, в присутствии 636 делегатов – депутатов городских, районных и сельских Советов, а также народных депутатов СССР и ССР Молдова, был рассмотрен вопрос о целесообразности воссоздания государственности на территории Приднестровья. Идея создания самостоятельного государства, исходя и волеизъявления подавляющего большинства приднестровцев, стала лейтмотивом всех выступлений. Съездом провозглашалось образование Приднестровской Молдавской ССР в составе СССР. Вновь сформированный съездом приднестровский парламент – Временный Верховный Совет ПМССР – по единогласному решению депутатов возглавил И.Н. Смирнов. Также были приняты Декларация об образовании ПМССР и Декрет о государственной власти. Они легли в основу принятой спустя год Конституции ПМССР.

Выборы в Верховный Совет первого созыва ПМССР состоялись в ноябре 1990 г. На 11 избирательных округах (из 63) проголосовало свыше 91%, на 27 – от 81% до 90, на 15 – от 71% до 80, на 5 – от 61% до 70, на 3 – от 51% до 60 и только в двух округах проголосовало менее 50% избирателей [9, с. 4].

Символы государственности второй республики на Днестре – флаг и герб – были установлены 2 сентября 1991 г. Постановле-

нием Верховного Совета на основе атрибутики МССР, действовавшей до 1990 года. А 5 ноября на основании пожеланий жителей Приднестровья, Верховный Совет принял решение переименовать территориальное новообразование в Приднестровскую Молдавскую Республику.

Выводы. Катализатором создания второй республики на Днестре – Приднестровской Молдавской Республики – стали стремительно нарастающие в СССР центробежные тенденции и беспрецедентно быстрыми темпами слабеющая власть союзного центра, что привело к возрождению и оживлению в Молдавии «дремлющих» националистических сил и формированию общественных структур, ориентированных на выход из СССР. Последнее ставило население Приднестровья, лишенное своей государственности в 1940 г., перед реальной угрозой потери своей идентичности, вытеснения русского языка и русских из Молдавии, на протяжении столетий являвшихся гарантом стабильности и процветания Приднестровья.

Приднестровцам же, которые на протяжении 1989 и 1990 гг. активно проявляли свою гражданскую позицию посредством мирных митингов, демонстраций, забастовок и пытались обернуть вспять националистическое движение в МССР, пришлось провести референдумы, I и II съезды депутатов всех уровней Приднестровья и воссоздать собственную государственность для защиты своих языковых, этнических, экономических, культурных и других прав и интересов

Таким образом, возникла и окрепла ПМР – уникальное порождение сохранившейся у населения юго-западной границы России активной гражданской позиции и политической воли. Власть в Приднестровье оказалась в руках людей, ориентированных на идеи приднестровского патриотизма.

Также бесспорным является то, что приднестровский народ, воспользовавшись принадлежащим ему правом, без всякого диктата и вмешательства «сверху» попытался и смог самым демократичным путем определить свою дальнейшую судьбу – вновь построить легитимную и востребованную государственность на Днестре.

Список литературы

1. Бабилунга Н.В. (2008) История ПМР в кратком изложении // Приднестровье в макро-региональном контексте черноморского побережья: сборник статей; научный ред. Кимитака Мацузато; №18. 22-62. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18_ses/contents.html (04.05.2023)
2. Бабилунга Н.В. (2015) Приднестровье: шаги истории / Тирасполь. 72.
3. Бабилунга Н.В. (2019) Роль А.В. Суворова в исторической судьбе Приднестровья / Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции «Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своем и родном» под общ. ред. В.П. Степанова, С.М. Губаненковой. Орел-Комрат 19-21 апреля 2019. 249-254.
4. Бершин Е. (2002.) Дикое поле. Приднестровский разлом: Документальная повесть / Москва: Текст. 191.
5. Волкова А.З. (2006) Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989-2006гг.) / Тирасполь. 392.
6. Волкова А.З. (2006) Съезды депутатов всех уровней Приднестровской Молдавской Республики (1990-2006 гг.) /Тирасполь. 264.
7. Галинский И.Н., Галинский Я.О. (2018) Предпосылки образования и этапы становления непризнанного приднестровского государства / Право и современные государства 2018, №1, с. 34-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-obrazovaniya-i-etapy-stanovleniya-nepriznannogo-pridnestrovskogo-gosudarstva/viewer> (дата обращения: 14.10.2023)
8. Днестровская правда, №261, 29 ноября 1990. С.3
9. Днестровская правда. № 270, 21 декабря 1990. С. 4
10. Кодряну Г. (2002) Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР: роль и место спецслужб. / Тирасполь: «Типар». 208.
11. Кондратович Д.Ф. (1997) Предыстория Приднестровской Молдавской Республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. № 1. 57-59.
12. Непризнанная республика. Очерки. Документы. Хроника. В 6 т. Т. 1. Документы государственных органов Приднестровья (1997) / Отв. ред. и сост. В.Ф. Грызлов. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 292.
13. Он жизнь республике отдал: сб. статей Д.Ф. Кондратовича и воспоминания о нем: сборник (2003) / Бендеры: «Полиграфист». 592.
14. Осипова С.А., Короткова О.А. (2020) Генезис и становление Приднестровской государственности / Власть, №28(5). 151-158.
15. Приднестровская государственность: история и современность: сборник (2005) / Тирасполь: Изд-во Приднестровского ун-та. 280.
16. Степанов В.П. (2015) Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989-2014 гг.): моногр.: научное изд. / В. П. Степанов ; предисл. проф. М. Н. Губогло ; Рос. ин-т стратег. исслед. ; Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, Ин-т истории и гос. управления. – М.; Тирасполь. 224.
17. Феномен Приднестровья (2003) / Тирасполь: РИО ПГУ. 336.

HISTORICAL AND POLITICAL PRECONDITIONS FOR THE RESTORATION OF THE PRIDNESTROVIAN STATEHOOD

The formation of the Pridnestrovian Moldavian Republic, which has been proving its worth to the world community for more than 33 years, was facilitated by historical and political preconditions, which were especially clearly expressed in the situation that emerged by the end of the 1980s. throughout the territory of the Soviet state. The article deals with the consequences of the all-Union crisis, which resulted in the appearance of self-proclaimed state formations, including the PMR. Particular attention in the study is paid to the analysis of socio-political processes that took place in 1988-1991 in the MSSR and the newly formed Pridnestrovian Republic: the policies of the national-bureaucratic elites of the MSSR, who saw in perestroika the chances of quickly getting rich by robbing their own republic and people; the revival of Moldovan-Romanian national-radical circles, which propagated separatist anti-state sentiments and played the role of the main irritants of the socio-political situation in Soviet Moldavia; the struggle of the forces opposing them in the person

of the Unitate-Editstvo inter-movement, some of whose leaders later became the founding fathers of the PMR. The work also covers in detail the stages of formation of self-determined Pridnestrovian statehood, recreated as a result of the popular expression of will through referendums and congresses of deputies of all levels of Pridnestrovie.

Key words: crisis of Soviet statehood, national-radical movement in the MSSR, referendums, congresses of deputies of all levels, Pridnestrovians, Pridnestrovian Moldavian Republic.

Referenses

1. Babilunga N.V. (2008) History of the PMR in brief // Pridnestrovie in the macro-regional context of the Black Sea coast: collection of articles; scientific ed. Kimitaka Matsuzato; №18. 22-62. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18_ses/contents.html (04.05.2023)
2. Babilunga N.V. (2015) *Pridnestrovie: steps of history* / Tiraspol. 72.
3. Babilunga N.V. (2019) The role of A.V. Suvorov in the historical fate of Pridnestrovie / Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference "Intercultural dialogue and challenges of modernity: otherness and otherness in one's own and native" under the general. ed. V.P. Stepanova, S.M. Gubanenkova. Orel-Komrat April 19-21, 2019. 249-254.
4. Bershin E. (2002.) Wild field. *Pridnestrovian* fault: A documentary story / Moscow: Text. – 191.
5. Volkova A.Z. (2006) Referenda in the Pridnestrovian Moldavian Republic (1989-2006) / Tiraspol. 392.
6. Volkova A.Z. (2006) *Congresses of deputies of all levels of the Pridnestrovian Moldavian Republic (1990-2006)*, Tiraspol. 264.
7. Galinsky I.N., Galinsky Ya.O. (2018) Prerequisites for formation and stages of formation of the unrecognized Transnistrian state / Law and modern states 2018, No. 1, p. 34-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-obrazovaniya-i-etapy-stanovleniya-nepriznannogo-pridnestrovskogo-gosudarstva/viewer> (access date: 10/14/2023)
8. Dnestrovskaya Pravda, No. 261, November 29, p. 3
9. Dnestrovskaya Pravda, No. 270, December 21, p. 4
10. Codreanu G. (2002) Dniester fault. The Pridnestrovian Crisis and the Birth of the PMR: the Role and Place of the Special Services. / Tiraspol: "Tipar". 208.
11. Kondratovich D.F. (1997) Prehistory of the Pridnestrovian Moldavian Republic // Annual historical almanac of Pridnestrovie. No. 1. 57-59
12. Unrecognized republic. Essays. Documentation. Chronicle. In 6 vols. T. 1. Documents of state bodies of Pridnestrovie (1997) / Ed. ed. and comp. V.F. Gryzlov. - M.: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 292.
13. He gave his life to the republic: Sat. articles by D.F. Kondratovich and memories of him: a collection (2003) / Bendery: "Printing". 592.
14. Osipova S.A., Korotkova O.A. (2020) Genesis and formation of the Pridnestrovian statehood / Power, No. 28 (5). 151-158.
15. Pridnestrovian statehood: history and modernity: collection (2005) / Tiraspol: Publishing house of the Pridnestrovian University. 280.
16. Stepanov V.P. (2015) Ethnopolitical construction of civil identity on the two banks of the Dniester (1989-2014): monograph: scientific ed. / V. P. Stepanov; foreword prof. M. N. Guboglo; Ros. in-t strategist. research ; Pridnestrovian state un-t im. T. G. Shevchenko, Institute of History and State. management. – M.; Tiraspol. 224.
17. The phenomenon of Pridnestrovie (2003) / Tiraspol: RIO PGU. 336.

Об авторе

Войт Иван Алексеевич – старший преподаватель кафедры государственного управления, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье), E-mail: voitia_84@mail.ru

Voit Ivan Alekseevich – Senior Lecturer, Department of Public Administration Pridnestrovian State University named after. T.G. Shevchenko (Pridnestrovie). E-mail: voitia_84@mail.ru

Золотов В.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «БАСТАРДНОГО ФЕОДАЛИЗМА» В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Очерк представляет попытку осмысления названного концепта и реальности, стоящей за ним. Прослеживается история понятия, его содержания, оценивается релевантность традиционного политико-правового подхода в контексте научно-теоретического уровня современного исторического поиска. Обосновывается плодотворность предлагаемой источниковой основы анализа. Используя правовые акты, автор исследует реалии повседневности социального противостояния в английских графствах. Палата общин в XIV-XV вв. пытается регулировать практику применения закона о ливреях в контексте борьбы с произволом магнатов на местах, в желании обеспечить эффективное функционирование администрации графства, совершенство выполнения законов о выборах депутатов парламента. Последовательно анализируются этапы юридической практики борьбы с нарушениями антиливрейного законодательства. Она сводится к максимальному ограничению сложившейся традиции игнорирования магнатами правового порядка осуществления полномочий судебной-административной власти в графстве. Определяется характер конфликта социальных интересов основных социумов страны. По существу, речь идёт о противостоянии интересов джентри, лордов и королевского Совета кануна формирования элементов абсолютистской власти, зарождающихся основ сотрудничества короны и джентри, когда в обществе складываются новые представления о месте и роли королевской власти, новая идентичность основных социальных групп. Критически оценивается концепция универсальности отношений на основе «bastard feudalism» для позднего средневековья, игнорирование всего многообразия вертикальных и горизонтальных связей в обществе, их механизмов и содержания.

Ключевые слова: ливрея, «bastard feudalism», джентри, графство, законы о выборах, управление в графствах.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-84-94

Введение. Концепт «бастардного феодализма» привлёк внимание отечественных историков-англоведов в 70-х годах прошлого века в силу ряда обстоятельств теоретико-методологического характера. В те времена изучение истории островного королевства в незначительной степени определялось наследием политико-правового подхода, унаследованного от британской историографии XIX с её «Конституционной историей Англии» У. Стэббса. В историческом сознании учёного сообщества гуманистов судьба английского королевства убедительно подтверждала марксистскую доктрину о рубеже XV-XVI вв. как времени начала «разложения феодализма», конца средневековой эпохи. Угасание в сеньориально-вассальных отношениях, основе политической системы средневековья, значения земельной собственности интерпретировалось как невосполнимая потеря лордами страны властных полномочий. Такой тренд развития гармонично вписывался в контент «образцовой» модели перехода Англии к обществу Нового времени при всём своеобразии английского варианта, описанного в 24 главе «Капитала». Развитие исторической науки к началу

нынешнего столетия, ряд исследований последнего времени актуализирует тему данного понятия и стоящего за ним феномена.

Объект и методы исследования. Впервые это довольно нелицеприятное понятие использовал Ч. Пламмер в 1885 г. в введении к одному из изданий сочинения Д. Фортеस्कью «Governance of England» [25]. Историк использовал термин применительно к эпохе Эдуарда III, назвав её временем «псевдорыцарства» и коснувшись главным образом этической стороны феномена. В настоящее время главной чертой «незаконнорожденного феодализма» принято считать отсутствие жёстких наследственных и поземельных связей сеньора с вассалом, замена их «контрактными» отношениями между хозяином и слугой [15, с. 93]. Так, У. Дэнхем считает, что денежные выплаты уже в течение XIV в. вытеснили землю как звено между лордом и его вассалами [24]. По определению Э. Кэм, связи между лордами и вассалами остаются, но в новых условиях первым отличительным признаком становится то, что связь лордом и вассалом не обеспечивается землёй [21]. В основе отношений между лор-

дом и слугой уже не лежат поземельные отношения в какой-либо форме [32, p.161]. Необходимо отметить условность термина «незаконнорождённый феодализм». Поиск феодалами средств существования хотя и шёл помимо развития хозяйства (за пределами поместья), но в рамках того же феодального общества.].

Названные отношения оформляются в виде договоров, контрактов (*indenture*). Первые такие договоры датируются концом XIII в. Первоначально их необходимость была вызвана войнами, которые велись английскими королями в конце XIII - начале XIV вв. в Шотландии, Уэльсе. Чтобы иметь необходимое число вооружённых солдат, за военную службу стали платить [32, p.162]. В договорах тех лет мелочно регламентируются сроки договора, вооружение, амуниция, условия содержания людей, коней. Ю.И. Писарев в кратком обзоре проблем этого феномена, сделанном в упомянутой статье, допускает обусловленность распространения денежных «контрактных» феодалов XIV в. стремлением лордов убрать «лишних» субдержателей из вассальной цепи, дабы избежать потери земли вследствие субституции, возможность которой предусматривал статут *Quia Emptores* 1290 г. [15, с. 96].

С конца XIV- в XVвв. *indenture system* получает новое развитие. В исследованиях Е.А. Косминского эволюция товарно-денежных отношений, разложение феодальной хозяйственной системы ведёт к тому, что в Англии появляется всё больше людей, которые оказываются вне привычных, традиционных связей феодального общества. Из числа владельцев земли «вымывается» часть дворянства (либо они сохраняют небольшие остатки своих владений), разоряются различные категории держателей земли, в том числе и крестьяне. К этому следует добавить оставшихся не у дел ремесленников, других городских жителей. Новые формы хозяйствования не могли поглотить всех их, какая-то их доля сама не желала менять свои занятия и привычки. Эта часть населения составляет немалый контингент тех, кто ищет новых средств существования и сильных покровителей, которые могли бы предоставить им необходимое. Таковых они находят в лице лендлордов. В этих условиях «особое значение получает власть над людьми, не

столько над крестьянами, которых нельзя заставить платить повышенную ренту, сколько над вооружёнными людьми, которые являются источником и силы, и влияния, и военной добычи». Значительное количество полу-деклассированных элементов из обедневших дворянских семей, другие категории населения заключают с магнатами «контракт». Так формируются вооружённые свиты, которые являются не просто непременным атрибутом магнатской власти. Они выполняют роль инструмента аристократии, являясь одним из проявлений отмеченной Е.А. Косминским борьбы за землю и ренту внутри класса английских феодалов [11, с.72; гл. VI]. Члены свит были верными исполнителями воли хозяина. Основной заповедью каждого ливрейного слуги было «любить то, что любит господин, ненавидеть то, что он ненавидит» [21, p. 225].

Своих ливрейных слуг хозяин использует многообразно. Помимо обладания в качестве вооружённой силы в борьбе с соседями за землю, лорд насаждал своих слуг в органах управления на местах, что обеспечивало безнаказанность творимого им произвола, прикрывало в судебных тяжбах и конфликтах. Слуги выступали под покровительством магната как инициаторы долгих и запутанных судебных тяжб в пользу хозяина. Благодаря системе контрактов, лорды парламента доминировали в палате общин, сажая здесь своих людей. Мощь лордов теперь держалась не столько на значительных богатствах (этот источник оскудевал), сколько на широком развитии системы ливрейных дружин.

Освящая традицию владения свитой, государство в то же время практически не имело возможности контролировать в том или ином случае законность использования ливрей, порядок набора её членов, законы 1390 и 1427 гг. отмечают нарушение этих условий [10, с. 208-209]. Государство было бессильно против такой практики. Все эти обстоятельства вели к анархии в графствах, когда «за хозяина новые вассалы готовы биться даже против короля, даже против закона» [11, с. 59-76].

Расцвет этих отношений пришёлся на ланкастерский период. Результаты воздействия «*bastard feudalism*» оцениваются по-разному. Э. Кэм полагает, что «лорды больше всего выигрывали от этой системы [21, с. 225].

Часть историков считает, что подобные отношения расшатывали социальную структуру английского общества [29, р. 424; 21, р. 225]. Другие авторы, более поздние, утверждают, что такие отношения скорее стабилизировали общество [28, р. 3; 35, р. 168; 30, р. 180].

Результаты и их обсуждение. Современники не знали такого понятия, проследить историю его феномена непросто. Прямые свидетельства реальности, стоящей за ним, не многочисленны [3, р. 4. Хроника сообщает, что герцог Глостер, дядя малолетнего Генриха VI, обладал свитой из 300 «друзей», часть которых была «немцами»]. Фактически единственным полноценным источником по этому вопросу являются правовые документы, они могут сказать гораздо больше. Несомненно, «бастард феодализм», как он описан в литературе, был воплощением определённой коррозии общественной организации страны. Анализ правового регулирования такой деструкции поможет лучше понять, что в действительности стоит за этим термином.

Юридическая практика того, что с конца XIX в. носит столь хлёсткое название, родилась, очевидно, в ходе попыток регулирования королевского законодательства о ливреях. Первым шагом такой политики можно считать закон о ливреях 1390 г. Об этом говорит и М. Хикс [27, р.15]. "Ни герцог, ни граф, ни барон, ни баннерет» [Баннерет – «опоясанный мечом» рыцарь, выделяющийся своим состоянием среди других рыцарей и имеющий право на квадратный штандарт (bannier) вместо обычного треугольного значка на древке копья [См.: 14, с. 63; 15, с. 89.] не имеют права брать в ливрею «рыцаря или сквайра, если он не нанимается на срок своей жизни» (for the Term of his life) или если нанимаемый «не знаком и не известен ближайшему окружению хозяина» (or unless he be a Domestic and Familiar abiding in his Houshold) [38, р. 74-75. Далее - SR]. Таким образом, существенным, если не главным условием формирования такой свиты становится статус хозяина ливреи (не ниже «благородного» рыцаря, то есть прошедшего особую процедуру посвящения в рыцарский ранг). Членами ливреи могут стать обладатели статуса не ниже сквайра и на условиях пожизненного контракта. Очевидно, в ливрею могут войти и лица рангом ниже сквайра, не являющиеся

джентри, однако они должны быть из ближайшего окружения хозяина (возможно, входящие в его хаусхолд).

На парламенте 1429 г. очередной билль ужесточает условия формирования ливрей. Он запрещает их комплектование просто рыцарям и лицам более низкого сословия [38, р. 240]. Свидетельство вольной трактовки закона 1390 г.? Этот же билль признаёт, что лорды, то есть хозяева свит, нарушают законы о ливреях и требуется наказывать лордов «так же, как наказываются рыцари и другие лица меньшего ранга» [38, р. 241]. То есть речь идёт о незаконных ливреях. Однако авторы билля вынуждены признать, что судьи не могут обвинить нарушителей, судебных чиновников, из-за «великой поддержки» (магнатов – В.З.), оказываемой местным судьям [38, р. 240]. Названные законы становятся более понятными вкупе со свидетельствами коммонеров о давлении ливрей на судебный аппарат в графствах, в которых проходят выборы членов нижней палаты. В 1407 г. общины жалуются на нарушения (undue) в выборах рыцарей графств в парламент, чему содействуют шерифы. В законе 1410 г. конкретизируются наказания для шерифов в случае злоупотребления своими полномочиями [38, р. 156, 162].

Эти примеры показывают обыденность того порядка, которым в немалой степени определяется существование свит по найму. Их состав, цели использования, степень активности диктуются конкретной ситуацией обращения к такому рычагу воздействия хозяев свит. Жалобы на деятельность свит являются реальностью повседневности. При этом, напомним, ливрейные свиты правомочны, освящены королевским законом.

Очевидно, следует согласиться с английскими историками – то, чему в конце XIX в. дали название *bastard feudalism*, для современников было отклонением от правовой нормы, её нарушением. Феномен, пускай косвенно, убедительно зафиксировали тексты статутов, в которых так или иначе говорится о ливреях, он признаётся «частью привычной ткани [общества], <...> скрытой структуры общественной организации» [22; 20, р. 7].

Статуты о ливреях и нарушениях их практики существования высветили многие проблемы изучения данного явления. До сих пор в историографии не сложилось общего

представления о его хронологических границах, однозначного толкования. М. Хикс говорит о незнании нами всех обстоятельств формирования соответствующих законов в палате общин. Закон 1390 года, очевидно, первый в их ряду, содержит, по мнению историка, три варианта интерпретации его содержания. Он рассматривается как решительная попытка джентри ограничить злоупотребления лордов, но частично выхолощенная; как попытку коммонерами обрести всевластие по вопросу о ливреях; как одна из попыток королевской власти положить конец незаконной практике найма свитских.

До сих пор не изучены контексты принятия данного закона, результаты его применения частично и в целом [27, р. 15; 20, 127ff; 5, с. 214-216]. По мнению А.Г. Праздников [16, с. 72-78], именно «бастардный феодализм» привёл к формированию ливрей крупных феодалов, которые стали основой враждующих армий во время Войн Роз» [16, с. 73]. В таком случае, началом данного феномена можно считать фьеф-рентные отношения, они тоже не требовали земельного ресурса. Феномен заявил о себе, стал частью социальной жизни, очевидно, в законодательстве, связанном с нарушениями законов королевства на уровне графств страны. Д. Беллами в упомянутой книге говорит прежде всего о нарушениях законов на местах, давлении на местное судопроизводство, шерифов, на процесс упорядочивания их формирования и использования, но не о феномене как таковом. Включая феномен «бастардного феодализма» в отношения на основе indenture system, упомянутый отечественный автор опускает огромное разнообразие типов сотрудничества, которые выходили за пределы строго фиксированных патронажно-клиентальных связей, ограничивает многообразие механизмов таких связей. Следует заметить, что представление о вассалитете сложилось в те историографические времена, когда за Средними веками отрицали политическую власть и всякое понятие о публичности. Ещё с начала XIV в. в Европе начинается ускоренное развитие правовой теории, переход от разноречивого обычного права раннего Средневековья к более унифицированному профессиональному правоведению последующих столетий. Профессионализм правоведов стремился рационализировать хитросплетения обычного права,

оформить их в более или менее согласованные между собой правила [4, с. 25-32; 18, с. 8-57]. Стереотип феодально-вассальных отношений по сей день мешает в полной мере оценить публично-правовые основы общественной жизни Средневековья.

Если желать продвинуться в понимании сути дела, надо оставить слово «вассалитет», под чьей вывеской проходят несопоставимые типы отношений между правителем и подданными, патроном и клиентом, землевладельцем и держателем, нанимателем и слугой, военным предводителем и солдатом. Вместо термина, за которым не стоит какой-то универсальный принцип, плодотворнее изучать конкретные механизмы межличностных и коллективных отношений и ценностей. В широком спектре служб играет роль не материализующаяся идея вассалитета, а статус сторон, социальная дистанция между ними и то, что им друг от друга нужно. Только юристы XVI-XVIII вв., в особенности те из них, кто специализировался на изучении феодального права («февдисты») придали вассально-ленным отношениям стройность и чёткость, который они раньше не имели [4, с. 25,30], конвенциональное звучание.

Картина многочисленных связей, сложившаяся в историографии социальной истории королевства позднего Средневековья, подтверждает существование «несопоставимых типов отношений» сторон некоего соглашения, основанного на других принципах и ценностях. Чувство долга, ответственности, родственные и соседские связи, личных симпатий, взаимопомощь, многое другое подобное, и не скреплённое никакими письменными обязательствами [6, с. 5-17, 28-38; 9, с. 213-217; 2, с. 35-82].

Несомненно, Праздников в названной статье упрощает картину феодальных связей позднего Средневековья, фактически сводя их от сеньориально-вассальных отношений к отношениям в рамках «бастардового феодализма». На первый план, в том числе в реальности того времени, выходят, повторюсь, конкретные механизмы межличностных и коллективных отношений и ценностей, в широком спектре служб играет роль не материализующаяся идея вассалитета, а статус сторон, социальная дистанция между ними и то, что им друг

от друга нужно. Чего одного стоит состав «концентрирующих кругов», расходящихся от лорда, властвующего в том или ином графстве, представленный Е. Браун [2, с. 35-82]. Наш автор смешивает разные по содержанию и характеру процессы, не пытаясь строго обосновать «технологии» социальных связей в обществе. Едва ли оправдано столь категорично выводить анализируемый феномен только из практики существования ливрей [16, с. 73].

В созданной им панораме торжества феномена наш автор не дифференцирует место и роль разных акторов в той или иной конкретной ситуации. Ссылаясь на вышеупомянутую статью М. Хикса, он продлевает существование феномена до эпохи Тюдоров и ранних Стюартов, ставших «временем позднего «бастардного феодализма», который, в сущности, мало чем отличался от своего «классического» варианта» [16, с. 74]. Очевидно, названный автор не учёл информации, представленной Д. Россом в своей статье, и которую упоминает [16, с. 76]. Её содержание только о родовитой аристократии и ни о чём другом [37, р. 1027-1059].

Право на рыцарское звание и более широко – на титул вообще никогда не считался в Средние века как безусловно принадлежащий человеку от рождения. Оно целиком зависело от воли короля и от прохождения через соответствующую процедуру возведения или вступления в наследственные права. Только со временем традиция такого возведения и титула становится наследственной. Очевидно, возможность подданных владеть такими титулами-должностями по наследственному праву продуцировала высшую или титулованную знать [17, с. 77]. Родовитая верхушка общества и в позднее Средневековье продолжала хранить верность такой духовной ценности былых времён, как «честь», возведение в рыцарский ранг, краеугольному камню аристократической культуры [3, с. 247-253; 13, с. 312-313]. Представление лордом от имени короля рыцарского статуса за заслуги военной службы давно исчезли, рыцарское держание сохранялось, но представление о том, что владение землёй и «манором» дарует статус и «честь», сохранялись, они были важны. Продолжалась традиция омажа, суда равных (honorial courts), вымо-

рочные права, помощь вассала в трёх известных случаях, пышные церемонии с большим количеством гостей, знатных свидетелей. Посвящение в рыцарское достоинство оставалось важным элементом аристократической культуры позднего средневековья, здесь феодальные традиции не умирали [37, р. 1027].

На этом фоне земля хотя и продолжала играть роль одной из ведущих ценностей, постепенно утрачивала прежнюю роль творца привилегий. Право на дарование титула переходило исключительно в ведение короны [См.: 17, с. 77-78]. Земля продолжала «держаться» от сеньора. «Размывая» земельное содержание в отношениях лорда, *mesne* лорда, и вассала, наш историк и в условиях абсолютистского государства находит изучаемый феномен. Отсюда, его логика, когда он утверждает, ссылаясь на Д. Росса, что «вплоть до эпохи Тюдоров сохранялся не только «бастардный», но даже «классический» феодализм» [16, с. 76].

Поиск А. Праздниковым случаев названного «феодализма» ведётся путём арифметических подсчётов имён участников «войн роз» на основе умозрительного заключения о всеобщности распространения феномена «по горизонтали и вертикали» [16, с. 75], во времени и пространстве средневековья. «Те из них, которые могут быть отнесены к *любым* проявлениям «бастардного феодализма», прослеживаются в незначительной степени <...> они охватывают лишь около 14% среднего и мелкого дворянства» [16, с. 76]. Такой цифрой автор разочарован. Однако у него имеется объяснение подобному результату – это прежде всего скудость источников, следует ссылка на упоминавшегося М. Хикса (без упоминания страницы), который *предположил* (везде курсив мой – В.З.), что письменные договоры не заключались с людьми из ближайшего окружения и личными слугами, и фиксировали лишь «экстраординарные» случаи. Поэтому их незначительное количество [16, с. 77] не может служить доказательством слабости распространения связей на основе *личной зависимости* (может быть, патронажно-клиентальных отношений? - В.З.).

Ещё одной причиной незначительности результатов подсчётов, продолжает автор, является то, что большую часть армий лордов

составляли не люди из их ближайшего окружения (тогда скорее люди из *отрядов лордов*, масштабы более уместные – В.З.), а *арендаторы*, то есть те, кто жил на территории их поместий на условиях, отличных от рыцарской службы. Если *допустить*, что это были простые арендаторы (мелкие дворяне и лица статусом ниже), то отсутствие о них сведений в «серийных» источниках вполне объяснимо. Они не были вовлечены в «активные социально-политические отношения на местах». Отказать же лорду в периоды обострения политической борьбы не могли, тем более военная служба оплачивалась (на условиях *indenture system?* – В.З.) [16, с. 77]. Вывод – масштабы «бастардного феодализма» всё-таки были значительнее, чем показывают «точно установленные факты», но при этом последние не объясняют участие в Войнах Роз даже половины известных лиц [16, с. 77]. Интерпретация автором скудных результатов подсчёта впечатляет, и, если источник молчит, тем хуже для источника.

Для большей убедительности подсчётов наш автор в паутину «бастардного феодализма» помещает и так называемые хаузхолды. Данное понятие используется для обозначения окружения лорда. Специальные исследования по хаузхолду лордов отсутствуют. Однако по аналогии с королевским хаузхолдом, изученного Е. Бакалдиной [1, с. 47-109], мы имеем представление о его структуре, функциях и составе его членов. Институт делится, как правило, на две части - палату для демонстрации великолепия окружения лорда (репрезентативные функции) и дом, отвечающий за снабжение и поставки продовольствия, это «высшие» и «низшие» ступени хаузхолда. Слуги хаузхолда представлены фигурами *ministers*, связан с особыми судебными полномочиями и *servaunts* - все категории слуг лорда в самом широком смысле. *Laborer* – слуга низшего ранга, «другие семь грумов, именующихся *laborers*, должны быть назначены для уборки, ношения воды, поддержания огня и других необходимых вещей». Возможно, все слуги подразделялись на две категории – камергеры, йомены, привратники; грумы и работники (*laborer*).

Слуги хаузхолда имели и военные обязанности. Не только оруженосцы, но и секре-

тари, йомены, грумы и другие с самых верхних слоёв до низших отправлялись в военные походы. Слуги (королевского! – В.З.) хаузхолда возглавляли собственные отряды, под своим знаменем собирали арьер-вассалов. Хаузхолд Эдуарда IV представлял типичную модель институции, не выделялся из череды ему подобных [1, с. 98-99, 101].

Ближайшее окружение Хемфри Стаффорда, графа Бекингема, которое описывает наш автор, по сути, хаузхолд графа, в разное время периода 1436-1457 годов насчитывало от 56 до 129 человек. Этот единственный пример сопровождается замечанием, что домохозяйство графа представлял собой королевский двор в миниатюре. Всех его участников автор зачисляет в ливрейные слуги, то есть по договору *indenture system*, в том числе чемберлена, стюарда, казначея. Да, члены хаузхолда могли в случае необходимости нести и военные обязанности, но едва ли с ними заключали на этот случай договор, дающий статус ливрейного. Сам автор в своей статье от 2011 года окружение одного из лордов-«изменников» никак не называет ливрейными слугами [16].

Вернёмся к единственно надёжным свидетельствам присутствия феномена в английском обществе того времени – правовым памятникам. Законодательство о ливреях подтверждает юридически законным существование ливрей и рождено борьбой джентри за своё место в обществе. Правовые акты являются косвенным воплощением в провинции порядков, позже названных «бастард феодализмом». Но не только, нечто и другим. Содержание законодательства о нарушениях судопроизводства в графствах, злоупотреблениях шерифов, борьба вокруг законов о выборах депутатов нижней палаты означают контрапункты социально-политической ситуации в стране, объясняют столь активное правотворчество в стенах нижней палаты парламента.

Английское графство при слабых королях (Ричарде II, Генрихе VI, правление сильного Генриха V было недолгим) стало местом противостояния трёх сил – королевской власти, магнатов и общин. Такой подход вполне коррелируется с определяющим, известным в британской историографии трендом социально-политического развития общества в XV в. – противостоянием лордов и джентри в

условиях нестабильности королевской власти. Несомненно, следует согласиться с наблюдениями английских историков о соотношении расцвета практики «бастардного феодализма» и периодического ослабления королевской власти в XIV-XV вв., при сильных королях «бастардный феодализм» не мог получить развития [32, р. 23; 33, р. 15-106].

Закон о выборах 1429 г. пытается исключить любую возможность расширения состава ливрей за счёт людей «небольшого состояния» или вообще «его не имеющего». Попыткой ограничить социальный состав свиты на выборах депутатов, сделать ливрею «законной», стала норма, признающая в рядах избирателей только «статусных» лиц - обладателей определённого имущественного ценза и ценза оседлости и фригольдерского держания [38, р. 243]. Избирательный закон 1445 г. – ещё одна попытка решить проблему присутствия на выборах в графстве ливрей, вводит социальный ценз для кандидатов в депутаты парламента, ими могут избираться лишь рыцари, сквайры и джентльмены по рождению, то есть лица дворянского звания [38, р. 342]. По сути, желание избавить процедуру избрания от физического присутствия маргинальных групп «незаконных» ливрей, ограничив, таким образом, деструктивную роль ливрей как орудия лордов в конкретной ситуации выборов. Объединяет все рассмотренные законы произвол на местах. В тени узаконенных ливрей, очевидно, наблюдаем только их подобию.

Модель столкновения трёх сил - магнаты – общины в графствах – королевская власть так или иначе присутствует в британской историографии истории Англии XV в. Макфарлан декларирует благотворность существования ливрейных свит для стабилизации общества в силу того, что в стране власть поделена между короной, лордами и коммонерами. Разделение ответственности между нобиллями и джентри обеспечивало на местах очень важные для тех и других интересы. Сложно принять категоричность английского историка, утверждающего, что «обладание ливреей делало лорда мощным регулятором социального поведения общества» при том, что учёный отдаёт дань признания тем «проницательным» джентри, которые отказывались слепо следовать за магнатами, ведших

их к краху [6, с. 5-6]. Очевидно, роль общин того времени недооценивается.

Не случайно ученики и последователи мэтра большее внимание уделили месту и роли джентри в истории столетия. Д. Харрис замечает, что исследование джентри так же важно, как и изучение аристократии. Он считает, что увеличение удельного веса неродовитого дворянства, джентльменов, сквайров, рост числа йоменов означало появление нового слоя населения, накопившего богатства и желающего иметь доступ к власти. Историк считает, что этот слой землевладельцев был не зависим от баронов в своих отношениях с властью [26]. Исследование К. Карпентер джентри Уорвикшира при позитивной оценке многочисленных неформальных связей между лордами и джентри более сдержанно оценивает роль аристократии в политической жизни страны [6, с. 16-17]. Изучение самых разных аспектов существования сословия, внутренние связи повседневности и управления в графствах в межличностных контактах, расходящихся «концентрическими кругами» от лорда, формируют новую идентичность джентри.

В данном контексте интересны наблюдения Б. Монтгомери за поведением участников восстания Джека Кэда через призму политических ценностей джентри. Историк называет восстание вызовом существующим порядкам, что создаёт феномен «лояльного восстания» [34, р. 581]. Почему ополчение считало возможным выступить «лояльно» против власти? Политическая жизнь королевства обычно была закрыта для коммонеров, так как они не были вооружены. Средневековое же общество, по крайней мере, теоретически приравнивало ношение оружия к праву политического голоса. Ношение оружия, военная сила, таким образом, давало право политического голоса, одновременно делало его обладателя социально значимым. Субъект этого права, носитель оружия, становился ответственным за политический порядок в стране.

Действительно, сословие джентри в истории средневековой Англии всегда играло особую роль. Щитовые деньги первого короля анжуйской династии сделали мелких рыцарей ближе к пониманию реальных нужд общества, отодвинув на второй план эфемерность статуса. Место, которое они занимали

в повседневной жизни графства, их роль в системе местного судопроизводства и управления, формировало чувство ответственности перед обществом.

Заключение (выводы). История «бастардового феодализма» - не процесс «разложения феодализма», не обыденная история взаимоотношений лордов и джентри. В ней начинают проследиваться процессы эволюции содержания, методов и механизмов формирования принципов взаимоотношения королевской власти и подданных кануна станов-

ления абсолютистского государства. Уже в середине столетия в общественном мнении королевства встречаем образ правителя, окружившего себя толковыми, думающими советниками [39, р. 11, 214, 216]. Идея взаимных обязанностей власти и общества, в целом чуждая аристократии, уже существовала в английском обществе. И первым полем битвы построения такого государства становятся графства страны и королевский Совет [19, с. 121-122; 3, с. 247-249]. Исторически особое место и роль в английском обществе сословия джентри породили рассмотренный феномен.

Список литературы

1. Бакалдина Е.В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV- XVII веков / Ред. и сост. С.Е. Фёдоров. СПб., 2011. - 386 с. (Труды исторического факультета СПбГУ. Том 7). С. 47-109.
2. Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 208 с.
3. Гай Д. Эпоха Тюдоров (1485-1603) // История Великобритании / Под ред. Моргана К.О. М.: Весь мир, 2008. С. 237-301.
4. Дубровский И.В., Уваров П.Ю. Феод, сеньория и вассалитет // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. тома П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2012. С. 25-32.
5. Золотов В.И. Избирательные законы 1429 г. и 1445 г. в Англии (социально-политический аспект) // Власть и политическая культура в средневековой Европе / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М.: ИВИ РАН, 1992. С. 206-216.
6. Золотов В.И. К.Б. Макфарлан и современные подходы к изучению социальной истории Англии XV века [1995] // Золотов В.И. Английское общество XV века на пороге перемен. Брянск: Новый проект, 2022. С. 5-17.
7. Золотов В.И. Горизонтальные и вертикальные связи социальных общностей в позднесредневековой Англии [1999] // Золотов В.И. Английское общество XV века на пороге перемен. Брянск: Новый проект, 2022. С. 28-38.
8. Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск: Курсив, 2010. – 232 с.
9. Золотов В.И. Затянувшееся немирье мира джентри // Средние века. 2017. № 78 (3). С. 213-217.
10. Золотов В.И. Современники и подданные короны Англии XV в.: образы власти // Блуменау С.Ф., Золотов В.И. и др. Социокультурные трансформации в переходные периоды истории / Под. ред. А.В. Сагимбаева. Брянск: РИСО БГУ, 2021. С. 5-13.
11. Косминский Е.А. Вопросы аграрной истории Англии в XV в. // Вопросы истории. 1948. № 1. С. 59-76.
12. Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.-Л., 1947. Гл. VI.
13. Моррилл Д. Стюарты (1603-1688) // История Великобритании / Под ред. Моргана К.О. М.: Весь мир, 2008. С. 303-320.
14. Писарев Ю.И. К вопросу о характере и составе свит английских феодалов первой половины XIV в. // Вестник МГУ. История. 1972. № 3.
15. Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. // Средние века. 1973. № 37.
16. Праздников А.Г. К вопросу о «бастардном феодализме» // Средние века. 2020. № 81(1) С. 72-78.
17. Фёдоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб.: Алетейя, 2005. – 525 с.

18. Филиппов И.С. Размышления о книге С. Рейнольдс «Феодалы и вассалы» и её восприятие в современной медиевистике // *Средние века*. 2015. № 76 (3-4). С. 8-57.
19. Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб.: Алетейя, 2003 [1973]. – 203 с.
20. Bellamy J.G. *Bastard Feudalism and Law*. 1989.
21. Cam H.M. The decline and fall of English Feudalism // *History*. 1940. V. XXV. № 99.
22. Carpenter C. The Beauchamp affinity: a study of bastard feudalism at work // *EHR*. 1980. V. XCV. N 514.
23. *Chronica monasterii S. Albani. Annales Monasterii S. Albani, a Johanne Amundesham, monacho* / Ed. H.T. Riley. V. I. L., 1870.
24. Dunham W.H. Lord Hastings' Indentured Retainers, 1461-1483. The Lawfulness of Livery and Retaining under the Yorkists and Tudors. New-Haven (Conn.). 1959.
25. J. Fortesque. *The Governance of England* / Ed. C. Plummer. Oxford, 1885.
26. Harris J. Introduction // K.B. McFarlane *England in the Fifteenth Century. Collected Essays*. L., 1981.
27. Hicks M. A. The 1468 Statute of Livery // *Historical Research*. 1991. V. 64. N. 153. P. 15-28.
28. Holmes G. *The Estates of the Higher Nobility in Fourteenth century England*. Cambridge, 1957.
29. Jolliffe J.E. *The Constitutional History of England*. N.Y.-L., 1937.
30. Lander J.H. *Conflict and Stability in Fifteenth-Century England*. L., 1969.
31. McFarlane K.B. «Bastard Feudalism» // *The Bulletin of Institute of Historical Researches*. V. XX. N. 61. 1945.
32. McFarlane K.B. «Bastard feudalism» // *England in the Fifteenth Century*. L., 1981 [1945].
33. McFarlane. *The Nobility of Later Medieval England*. Oxford, 1973.
34. Montgomery B. Armed Force and Civil Legitimacy in Jack Cade's Revolt, 1450 // *EHR*. V. 68. N 477. 2003.
35. Powick M. *Military Obligation in Medieval England*. Oxford, 1962.
36. Prince A.E. *The Indenture System under Edward III* // *The Historical Essays in Honour of James Tait*. Manchester, 1933.
37. Ross J. The English Aristocracy and Mesne Feudalism in the Late Middle Ages // *EHR*. 2018. V. 133. N 564. P. 1027-1059.
38. *The Statutes of the Realm*. V. II. L., 1816.
39. Walker S. *Political Culture in Later Medieval England* / Ed. M.J. Braddick. Manchester, 2006.

**SOCIAL ASPECTS «BASTARD FEUDALISM» IN HISTORY ENGLAND SOCIETY
ON THE LATER MIDDLE AGES**

This article is dedicated to a try to comprehend the concept «bastard feudalism» and the reality behind it. The history of the concept and its content are traced. Within the context of scientific-theoretical level of modern historical research relevance of traditional political and legal approaches is evaluated. The fruitfulness of the research base is explained. Using legal acts, author analyzes routine of social confrontation within counties of England. In XIV-XV centuries, House of Commons tried to regulate practice of applying livery's law to fight against oppressive magnates at local level, in order to provide effective functioning of counties' administration and to master implementation of laws on elections for the House of Commons. Legal practices for countering violations of laws against livery are analyzed sequentially. These practices are realized in limiting the established tradition of magnates' ignoring of the legal system and authority's exercise of powers in the county. Nature of the conflict of main country communities' social interests is defined. The article sheds light on interest's confrontation between gentry, lords and royal Council in the beginning of forming absolute monarchy's elements and originating basis of cooperation among gentry and the Crown, when society formed new concepts of place and role of monarch, new identity of main social groups. A concept of relationship comprehensiveness based on «bastard feudalism» for the Later Middle Ages and disregard for diversity of vertical and horizontal relations in society, their mechanisms and content are evaluated critically.

Keywords: livery, «bastard feudalism», gentry, county, elections in the UK, county administration

References

1. Bakaldina, E.V. (2011). Departamenti, sluzhbi i dolzhnosti v khauskholve Eduarda IV. Korolevskiy dvor v Anglii XV- XVII vekov / Red. i sost. S.E. Fyodorov. SPb., - 386 s. [England Royal Court XV-XVII century]. Trudi istoricheskogo fakulteta SPbGU. [*Transactions of historical faculty St-Peterburg University*]. 7. S. 47-109.
2. Braun, E.D. (2016). Voyny Roz: Istoria. Mifologia. Istoriografia. M.-SPb. [Wars of Roses. History. Mythology. Historiography]. 208 s.
3. Gay, D. (2008). Epokha Tyudorov (1485-1603) [Tudor's Epoch] // Istoria Velikobritanii / Pod red. K.O. Morgana. [Great Britain History] M.: Ves mir, 2008. S. 237-301.
4. Dubrovskiy, I.V., Uvarov, P.Yu. (2012). Feod, sen'oria i vassalitet. [Feod, manor, vassalage]. *Vsemirnaya istoria. T. 2. Srednevekovie tzivilizatsii Zapada i Vostoka*. Otv. red. P.Yu. Uvarov. M.: Nauka. S. 25-32.
5. Zolotov V.I. (1992) Izbiratel'nye zakony 1429 g. i 1445 g. v Anglii (social'no-politicheskij aspekt) [Electoral laws of 1429 and 1445 in England (socio-political aspect)] // *Vlast' i politicheskaya kul'tura v srednevekovoj Evrope* / Otv. red. E.V. Gutnova. M.: IVI RAN, 1992. S. 206-216.
6. Zolotov, V.I. (2022). K.B. Makfarlan i sovremennye podkhodi k izucheniyu sotzialnoy istorii Anglii XV veka [1995]. [K.B. McFarlane and modern approaches to studies England history XV century]. Zolotov V.I. *Angliyskoe obschestvo XV veka na poroge peremen*. [English Society XV century at the threshold of transition]. Bryansk: Noviy proekt, 2022. S. 5-17.
7. Zolotov, V.I. (2022). Gorizontálne i vertikalne svyazi sotzialnikh obzchnostey v pozdnesrednevekovoy Anglii [1999]. [Horizontal and vertical ties of social groups In Late Medieval England]. Zolotov V.I. *Angliyskoe obschestvo XV veka na poroge peremen*. Bryansk: Noviy proekt, 2022. S. 28-38.
8. Zolotov, V.I. (2010). Obschestvo i vlast' v pozdnesrednevekovoy Anglii XV veka. [The Society and Rule Late Medieval England XV century]. Bryansk: Kursiv, 2010. – 232 s.
9. Zolotov, V.I. (2017). Zatyanusheesya nemir'e mira dzhentri. [Continuous unpeaceable jentry universe]. *Srednie veka*. [Studies on Medieval History]. 2017. N 78 (3). S. 213-217.
10. Zolotov, V.I. (2021). Sovremenniki i poddannye koroni Anglii XV v.: obrazi vlasti. [Contemporaries and subjects of England crown: shapes of power]. Blumenau S.F., Zolotov V.I. et al. *Sotziokulturnie transformatsii v perekhodnie periody istorii*. [Blumenau S.F., Zolotov V.I. et al. Sociocultural transformations during transit time]. Pod red. A.V. Sagimbaeva. Bryansk: RISO BGU, 2021. S. 5-13.
11. Kosminskiy, E.A. (1948). Voprosi agrarnoy istorii Anglii v XV v. [Problems of agrarian history England XV century]. *Voprosi istorii*. [Problems of history]. 1948. N 1. S. 59-76.
12. Kosminskiy, E.A. (1947). Issledovaniya po agrarnoy istorii Anglii XIII v. [Studies on agrarian history England XIII century]. M-L., 1947. Glava. VI.
13. Morrill, D. (2008). Styuarti (1603-1688). *Istoria Velikobritanii* Pod red. K.O. Morgana. [Great Britain History] M.: Ves mir, 2008. S. 303-320.

14. Pisarev, Yu.I. (1972). K voprosu o kharaktere i sostave svit angliyskikh feodalov pervoy polovini XIV v. Vestnik MGU. Istoria. 1972. N 3. [Questions of nature and composition English feudalist retinues during first part XIV century. Herald of Moscow State University. History.
15. Pisarev, Yu.I. (1973). Mesto sluzhivogo ritzarstva v sotzial'no-politicheskoy zhizni Anglii XIV v. [The knighthood post on social-political life England XIV century] // Srednie veka. [Studies on Medieval History]. 1973. N 37.
16. Prazdnikov, A.G. (2020). K voprosu o «bastardnom feodalizme» [To question about “bastard feudalism”] // Srednie veka. [Studies on Medieval History]. 2020. N 81(1). S. 72-78.
17. Fyodorov, S.E. (2005). Rannestuyartovskaya aristokratia (1603-1629). [Aristocracy of Early Stuart Period]. SPb. – 525 s.
18. Filippov, I.S. (2015). Razmishlenia o knige S. Reinolds «Feodi i vassali» i yeyo vospriyatiye v sovremennoy medievistike [Reflections on S. Reindols “Feods and vassals” and its interpretation in current studies medieval history]// *Srednie veka*. [Studies on Medieval History]. 2015. N 76 (3-4). S. 8-57.
19. Shtokmar, V.V. (2003). Istoria Anglii v srednie veka. [England Medieval History]. SPb.: Aleteya, [1973]. – 203 s.
20. Bellamy J.G. (1989) Bastard Feudalism and Law.
21. Cam H.M. (1940) The decline and fall of English Feudalism // History. V. XXV. № 99.
22. Carpenter C. (1980) The Beauchamp affinity: a study of bastard feudalism at work // EHR. V. XCV. N 514.
23. Chronica monasterii S. Albani. Annales Monasterii S. Albani, a Johanne Amundesham, monacho / Ed. H.T. Riley. V. I. L., 1870.
24. Dunham W.H.(1959) Lord Hastings' Indentured Retainers, 1461-1483. The Lawfulness of Livery and Retaining under the Yorkists and Tudors. New-Haven (Conn.).
25. J. Fortesque. (1885) The Governance of England / Ed. C. Plummer. Oxford.
26. Harris J.(1981) Introduction // K.B. McFarlane England in the Fifteenth Century. Collected Essays. L.
27. Hicks M. A.(1991) The 1468 Statute of Livery // Historical Research. V. 64. N. 153. P. 15-28.
28. Holmes G.(1957) The Estates of the Higher Nobility in Fourteenth century England. Cambridge.
29. Jolliffe J.E.(1937) The Constitutional History of England. N.Y.-L.
30. Lander J.H. (1969) Conflict and Stability in Fifteenth-Century England. L.
31. McFarlane K.B. (1945) «Bastard Feudalism» // The Bulletin of Institute of Historical Researches. V. XX. N. 61.
32. McFarlane K.B. (1981) «Bastard feudalism» // England in the Fifteenth Century. L., 1981 [1945].
33. McFarlane. (1973) The Nobility of Later Medieval England. Oxford.
34. Montgomery B. (2003) Armed Force and Civil Legitimacy in Jack Cade's Revolt, 1450 // EHR. V. 68. N 477.
35. Powick M. (1962) Military Obligation in Medieval England. Oxford.
36. Prince A.E. (1933) The Indenture System under Edward III // The Historical Essays in Honour of James Tait. Manchester.
37. Ross J. (2018) The English Aristocracy and Mesne Feudalism in the Late Middle Ages // EHR.V. 133. N 564. P. 1027-1059.
38. The Statutes of the Realm. V. II. L., 1816.
39. Walker S. (2006) Political Culture in Later Medieval England / Ed. M.J. Braddick. Manchester.

Об авторе

Золотов Всеволод Иванович – доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет (г. Брянск). E-mail: viz.volic@yandex.ru.

Zolotov Vsevolod Ivanovich – Doctor of Sciences in History, Professor, Bryansk State University. E-mail: viz.volic@yandex.ru.

Кодин Е.В., доктор исторических наук, профессор, Смоленский государственный университет (Россия)

Граф Я.Ю., магистрант кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия)

РЕПРЕССИВНАЯ ПРАКТИКА СТАЛИНИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СМОЛЕНСКИХ ИСТОРИКОВ

В статье рассматривается процесс формирования исследовательского направления по изучению репрессивной практики сталинизма на Смоленщине. Отмечается, что для историков репрессии стали объектом изучения только в 1990-е годы, когда появилась возможность работать с архивными материалами. К этому времени были переведены и изданы на русском языке работы американских исследователей, подготовленные на документах «Смоленского архива» – Мерла Фэйнсоды и Роберты Маннинг. Доступ к архивам и возможность знакомства с различными методологическими подходами по проблематике репрессий позволили смоленским исследователям взяться за разработку отдельных направлений репрессивной практики сталинизма в регионе. Вначале О.В. Кобец и Р.В. Шамшин проанализировали практику колхозного строительства и раскулачивания на Смоленщине, выявив причины незначительности крестьянского сопротивления государственной политике в деревне рубежа 1920-1930-х годов. Б.В. Макеев, получив доступ к документам архива УФСБ по Смоленской области, показал деятельность органов прокуратуры и суда по рассмотрению уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937-1938 гг. В работах О.В. Корниловой получила свое развитие тема ГУЛАГа на примере Вяземлага по строительству автомагистрали Москва-Минск. Самым значимым результатом многолетнего труда смоленских историков по репрессивной практике сталинизма в регионе стало формирование и издание многотомного смоленского мартиролога «Книга памяти жертв политических репрессий» и создание на его основе электронной картотеки жертв политических репрессий за 1917-1953 гг.

Ключевые слова: сталинизм, репрессии, Смоленщина, историография, смоленские историки.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-95-104

Введение. Тема репрессий сталинской эпохи стала активно входить в сферу исторической науки только после 1991 г., когда началась так называемая «архивная революция», хотя первые попытки понять и объяснить феномен сталинизма были предприняты в годы перестройки. Вначале тема сталинизма получила свое воплощение в полемическом сборнике «Историки спорят» [3]. Еще большую дискуссию вызвала книга Л.А. Гордона и Э.В. Клопова «Что это было?» [20]. Одновременно появится и уже непосредственно посвященная личности И.В. Сталина двухтомная работа Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия» [2]. К началу 1990-х годов феномен сталинизма станет уже неотъемлемой частью и предметом исторического анализа. Центральное место здесь с самого начала займет тема репрессий. При этом далеко не все регионы страны сразу же активно включатся в исследование сложных процессов сталинской репрессивной политики. В Смоленской области в ходе активной разработки данной проблематики на базе государственного университета, по сути, будет

создано целое научное направление.

Объекты и методы исследования. Смоленскими учеными изучение репрессивной практики в регионе существенно шире в хронологическом аспекте; оно начинается с 1917 года и завершается 1950-ми годами. Тем не менее, в настоящей работе объектом изучения в первую очередь стали исследования по репрессиям в сталинские 1930-е годы. В связи с полученной возможностью ознакомления отдельными учеными с непосредственными архивно-следственными делами и формированием электронной базы данных Смоленского мартиролога, значительно иными стали и методы работы с архивным источником, особенно в части обвинительных заключений, признательных показаний и др.

Результаты и их обсуждение. На Смоленщине научная разработка проблематики сталинских репрессий начнется всего лишь немногим позже столичных публикаций. Первые сведения об имевших место в регионе судебных процессах периода Большого террора

читатель мог почерпнуть не из работ историков, а из «Воспоминаний» Б.Г. Меньшагина, служившего в довоенном Смоленске адвокатом, ставшим в годы немецкой оккупации бургомистром города, за что был осужден на 25 лет, отсидев после 6 лет следствия оставшиеся 19 лет во Владимирской тюрьме. «Воспоминания» Меньшагина были подготовлены к печати и изданы в Париже в 1988 г. [16]. В своих мемуарах автор довольно подробно описывает некоторые судебные процессы второй половины 1930-х годов на Смоленщине, где он выступал в качестве адвоката. При этом обоснованные сомнения в правдивости слов Меньшагина о его реальной помощи своим подзащитным высказывает в своем исследовании смоленских показательных процессов 1937-1938 годов Б.В. Макеев [13, с. 315].

События, связанные с именем Меньшагина, получили свое продолжение в недавно изданной коллективной работе «Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы», вдохновителем и организатором подготовки которой стал П.М. Полян [1]. Здесь «Воспоминания» Меньшагина снабжены подробными комментариями составителей, что делает их более исторически весомыми. В целом же мемуары бывшего адвоката, с одной стороны, хорошо показывают всю надуманность судебных процессов по вредителям на Смоленщине 1937-1938 годов, с другой стороны, то, что адвокатские возможности по защите обвиняемых все же имелись. Хотя последнее обстоятельство может относиться только к рассмотрению дел в «нормальных» судебных заседаниях, исключая внесудебные органы репрессии (тройки, особые совещания...).

Очевидно также, что представленная нами работа Меньшагина никак не повлияла на усиление научного интереса к репрессивной практике сталинизма на примере отдельного региона страны. В этом вопросе Смоленщина не стала исключением: здесь, как и в целом по стране, накопление необходимого багажа исторического знания по данной проблематике начнет проявляться только к концу 1990-х годов.

Хотя первые публикации появились несколько раньше. В 1995 г. на основе в первую очередь документов так называемого «Смоленского архива» Е.В. Козин подготовил небольшую по объему книгу «Смоленский

нарыв» [8], в которой была показана внутренняя природа показательной чистки в партийных и государственных структурах губернии в 1928-1930 гг., свидетельствующая о завершении процесса формирования вертикали сталинской системы управления.

К этому времени будет переведена на русский язык и издана в 1995 г. в Смоленске работа профессора Гарвардского университета Мерла Фэйнсоды «Смоленск под властью Советов» [19], впервые опубликованная в США еще в 1958 г. [26]. Данная работа Фэйнсоды была также подготовлена исключительно на документах оказавшегося после войны в США «Смоленского архива» – незначительной по объему части вывезенного в годы войны нацистами областного партийного архива (538 дел). В оценке редактора и автора вступительной статьи в издании на русском языке Е.В. Козина отмечается, что данная работа стала «поистине “настойной книгой” для нескольких поколений западных советологов» [19, с. 16].

Материалы по репрессивной практике сталинизма имеются в разных разделах книги Фэйнсоды. Непосредственно работе органов прокуратуры и суда посвящена девятая глава «Машина правосудия: прокуратура и суд». Автор отмечает, что в то время как суды оставались в подчинении Народного комиссариата юстиции, прокуратура приобретала все более независимый статус по отношению к органам правосудия. Хотя на практике далеко не все обстояло именно так. «Надзаконно, подзаконно и законно, – заключает Фэйнсод, – прокуратура и суд продолжали функционировать в качестве орудия партийной диктатуры» [19, с. 198], реальное положение системы законности «было прислужническим и зависимым, от нее нельзя было ожидать одинаково жестких мер по отношению к «слугам» и «господам» [19, с. 213].

Вскоре после публикации книги Фэйнсоды были переведены на русский язык три статьи американского историка из Бостона Роберты Маннинг, в которых она исследовала репрессивную практику сталинизма на примере отдельного Бельского района, входившего изначально в состав Смоленской губернии, а затем в Западную область с административным центром в Смоленске (ныне находится в составе Тверской области). В

1998 г. означенные работы были изданы отдельной книгой [15].

Исследование Маннинг примечательно в первую очередь тем, что различные аспекты репрессивной практики сталинизма рассматриваются здесь не через призму решений Кремля, а через их непосредственное преломление на уровне одного затерянного в лесах Бельского района Смоленщины.

Многие проблемы в деятельности репрессивной машины автор объясняет кадровым голодом в районе. Маннинг приводит пример работы районного судьи М. И. Брандина, назначенного на эту должность в 1934 г. и не имевшего ни «малейшей юридической подготовки» и какого-либо опыта практической работы в системе правосудия. Однако ему только за период с 1 января по 1 сентября 1937 г. пришлось рассмотреть 1424 дела, из них 406 уголовных и 1018 гражданских, то есть по семь дел в день при шестидневной рабочей неделе без выходных и отпусков. И это при том, что Брандин одновременно отвечал за надзор над работой 34 сельских судей и инструктирование их по вопросам советского законодательства, как большей частью малообразованных, выбранных из числа местных крестьян [15, с. 17]. Говорить о качестве работы судебной системы в такой ситуации не было оснований, заключает Маннинг. Как в прочем и о работе местной прокуратуры, штат которой состоял из прокурора и полуистеричной секретарши, совершившей несколько неудавшихся попыток самоубийства, и которая «не могла делать ничего, кроме как терять или откладывать в сторону не расследованные жалобы» [15, с. 18].

Общая картина анализа зарубежных публикаций по репрессивной практике сталинизма на Смоленщине нашла свое отражение в конце десятилетия в монографии Е.В. Кодина «Смоленский архив» и американская советология» [7]. Автор отмечает, что террор существенно поменял работу органов правосудия. Обычные дела принудительно переводились в категорию политических, расследования проводились без достаточных на то оснований. Имело место и общее падение норм профессионализма в органах правосудия, поскольку из-за непомерных перегрузок дела нередко попадали для рассмотрения в руки новых, без опыта работы, а не-

редко и без специальной подготовки служащих. Даже без учета политической обстановки, замечает Е.В. Козин, соблюсти нормы законности в таких условиях не представлялось возможным, закон становился олицетворением беззакония [7, с. 200].

Постепенно и в первую очередь благодаря публикациям, связанным с материалами «Смоленского архива», Смоленск становится притягательным местом для российских и зарубежных исследователей сталинизма.

Летом 1998 г. на базе Смоленского государственного педагогического университета прошла международная научная конференция «Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении российских и зарубежных историков». Наряду со смоленскими учеными в работе конференции приняли участие ведущие российские историки, в том числе заведующий сектором Института российской истории РАН В.П. Данилов, заведующий кафедрой истории Института переподготовки и повышения квалификации МГУ имени М.В. Ломоносова А. И. Токарев, а также зарубежные исследователи, включая профессора Торонтского университета Линн Виолу, профессора Бостон колледжа Роберту Маннинг и других. Впервые на Смоленщине стало возможным сравнить позиции историков разных стран и методологических школ и направлений, исследующих российскую историю не столько на федеральном, сколько, и в первую очередь, на региональном уровне. В ходе работы конференции сталинизм рассматривался как политический режим, «тяготевший к тоталитарному варианту организации власти», что проявлялось «в узурпации всей полноты власти в стране ограниченным кругом партийной элиты с одновременным установлением фактически единоличной диктатуры И.В. Сталина» [18, с. 3]. Аспекты репрессивной практики сталинизма здесь рассматривались лишь в части проблем коллективизации и раскулачивания.

Тема ликвидации кулачества на Смоленщине, как административного центра Западной области, получила свое развитие в диссертационном исследовании и соответствующих публикациях Р.В. Шамшина [21, 22, 24]. Начиная с первого заседания тройки при Западном обкоме ВКП (б) 10 февраля

1930 г., автор показывает две волны раскулачивания в регионе: весна-лето 1930 г. и тот же период 1931 г. на основе постановления Западного обкома ВКП(б) от 10 марта 1931 г. «О выселении кулачества из пределов области».

В оценке Р.В. Шамшина процедура раскулачивания строилась по следующей схеме. Областная тройка в составе секретаря обкома партии, председателя облисполкома, полномочного представителя ОГПУ направляла указания районным тройкам, те, в свою очередь, действовали через уполномоченных, руководивших операцией на местах. Полномочные представители ОГПУ определяли по районам число лиц, подлежащих аресту. Арестованных свозили в соответствующие отделы ОГПУ. Следствия по их делам рассматривались в срочном порядке тройками по внесудебному разбирательству. В целом к концу 1931 г, отмечает Р.В. Шамшин, «можно было говорить о действительной ликвидации кулачества как класса» [23, с. 20-21].

При этом, указывает автор исследования, прокуратура области оказалась не на стороне зажиточной части крестьянства. Органы исполнительной власти «не воспринимали прокуратуру как серьезную надзорную структуру, – пишет Шамшин. – В борьбе с кулаком с ней мало считались. А отсутствие соответствующих кадров не позволяло прокуратуре противостоять даже самым вопиющим злоупотреблениям по отношению к кулакам» [23, с. 23].

Р.В. Шамшин особое внимание уделяет работе уполномоченных районных троек, которые назначались из числа «наиболее проверенных, партийно выдержанных коммунистов» [22, с. 65]. Уполномоченный был обязан в течение двух дней по прибытии на село проверить все данные по намеченным к раскулачиванию и выселению кулаков, ознакомить о цели своего приезда секретаря партячейки, провести закрытое бюро, а затем и собрание партячейки, уведомить председателя сельсовета. После этого, организовав охрану во избежание побега кулаков, следовало провести заседание группы бедноты, комсомольской ячейки, заседание сельсовета и правления колхоза. Решение о раскулачивании и выселении в тот же день подлежало утверждению на собрании колхозников, бедноты и середняцкого актива деревни. Это же собрание созда-

вало комиссию исполнения, которая немедленно приступала к проведению в жизнь принятого решения [22, с. 66].

При этом, отмечает Р.В. Шамшин, решение тройки в лице уполномоченного обжаловать было почти невозможно. Прокурорам предписывалось принимать жалобы по раскулачиванию только при наличии достаточно весомых документов и материалов. И даже в случае обоснованной жалобы само рассмотрение и расследование по ней не должно было приостанавливать реализацию решения тройки [22, с. 67]. Фактически, заключает автор, даже не сама тройка, а один ее уполномоченный уже олицетворял собой «всю полноту власти партии по отношению к крестьянству» [22, с. 71].

Но даже в таком ситуации массового насилия над деревней смоленское крестьянство не оказывало какого-либо активного, тем более организованного и массового сопротивления практике раскулачивания и колхозного строительства. Об этом в своем исследовании пишет О.В. Кобец [6]. Да, на Смоленщине имели место и пассивные и активные формы неприятия новой государственной политики в деревне, отмечает исследователь, (антисоветская агитация, создание лжеколхозов, террористические акты ...), однако массовых крестьянских выступлений в смоленской деревне «фактически не было», заключает О.В. Кобец, [6, с. 19].

В значительной степени этому способствовала и репрессивная деятельность в деревне внесудебных органов репрессии – троек. За 1928-1933 годы, приводит статистику О.В. Кобец, тройками было осуждено 3437 человек (66% от общего числа), коллегией ОГПУ – 884 человека, или 17%, и особым совещанием – 528 человек, или 10%. Эти цифры показывают, что основная роль в подавлении крестьянского сопротивления была отведена органам внесудебной репрессии. Суд и прокуратура, заключает автор, не только не встали на правовую защиту крестьянства, но, наоборот, активно включились в проведение «классовой линии» по отношению к «антисоветской» части деревни [6, с. 21-22]. Основным же фактором, не допустившим организованного крестьянского сопротивления в регионе, явился, в оценке О.В. Кобец, высокий процент хуторизации смоленской деревни, что не способствовало объединению крестьян для

массовых выступлений [6, с. 22].

Далее тема репрессий получит свое многогранное освещение в 2009 г. на площадке Смоленского государственного университета в ходе работы масштабной по составу участников международной научной конференции «История сталинизма: репрессированная российская провинция» [4].

Ко времени проведения названной конференции в Смоленске на протяжении шести предшествующих лет велась серьезная работа по формированию и изданию региональной Книги памяти жертв политических репрессий. Всего было издано семь томов «Смоленского мартиролога» [5]. Первый том «Книги памяти» был подготовлен смоленским краеведом А.А. Забелиным и издан в 2001 г. [17]. Одновременно коллективом Смоленского государственного педагогического университета совместно с сотрудниками архива регионального управления ФСБ была создана электронная картотека жертв политических репрессий Смоленской области за период с 1917 по 1953 гг. Данная картотека, как новый исторический источник, была представлена на пленарном заседании конференции в докладе руководителя проекта Е.В. Кодина.

База данных формировалась на основе картотеки репрессированных по архивно-следственным делам, хранящимся в архиве Смоленского управления Федеральной службы безопасности. Она включает в себя более 32 тысяч персоналий, из которых почти 27 тысяч человек были репрессированы в территориальных рамках Смоленщины за 1917-1953 гг. Проработанные смоленские материалы со всей очевидностью подтверждают три имевших место в целом по стране всплеска репрессивной практики: 1930-1933 годы – борьба с кулачеством; 1937-1938 годы – период Большого террора; и 1942-1943 годы – самый критичный момент в ходе Великой Отечественной войны. Более детально репрессии на Смоленщине будут показаны профессором Е.В. Кодиным в тематической монографии 2011 г. «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг.» [9].

До этого в 2007 г. Б.В. Макеевым будет защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Деятельность органов прокуратуры и суда по

рассмотрению уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937-1938 гг. (на материалах Западной и Смоленской областей)» [14]. В работе впервые дана характеристика структуры и кадрового состава органов прокуратуры, суда и государственной безопасности НКВД, выделены особенности сосуществования систем судебного и внесудебного расследования уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в середине и во второй половине 1930-х годов.

Б.В. Макеев отмечает, что начиная с августа 1937 г. массовые политические репрессии стали осуществляться не только органами государственной безопасности, но и прокуратурой. Репрессивная деятельность сотрудников прокуратуры выразилась, в первую очередь, в массовой квалификации всевозможных проступков и упущений в области сельского хозяйства, порой даже самых малозначительных, в качестве контрреволюционных преступлений. Нарушение уголовно-процессуального законодательства и неизбежно вытекавшее из этого насилие над арестованными производились не столько при попустительстве, сколько при непосредственном «соучастии» сотрудников прокуратуры, по сути осуществлявших подготовку судебных процессов руками работников НКВД [14, с. 20].

Наиболее детально и полно роль прокуратуры в судебных процессах периода Большого террора представлена в статье Б.В. Макеева «Деятельность местных судебно-прокурорских органов по расследованию дел о контрреволюционных преступлениях во время массовых политических репрессий 1937-1938 годов» [13, с. 281-330]. В ней автор показывает связь массовых репрессий с масштабной чисткой смоленских прокуроров летом-осенью 1937 г., в результате которой к ноябрю 1937 г. в четырех районах из 49 должность прокурора вообще оставалась вакантной, а «оставшиеся на своих местах и недавно принятые на работу сотрудники были вынуждены сделать определенные выводы и включиться в проведение репрессивной политики» [13, с. 296]. Так называемые «перегибы» в работе становились неизбежными.

Особое место в репрессивной практике сталинизма занимала система ГУЛАГа НКВД. Именно этому аспекту на примере Вя-

земского лагеря посвящены работы О.В. Корниловой, защитившей в 2013 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Вяземлаг и строительство автомагистрали Москва-Минск (1936-1941 гг.): особенности использования принудительного труда» [11]. На основе материалов диссертационного исследования автором была подготовлена и издана в 2014 г. монография «Как строили первую советскую автомагистраль (1936-1941 гг.)» [12].

В работах О.В. Корниловой Вяземлаг представлен фактически уже в рамках будущей концепции «другого ГУЛАГа»: не как лагерь физического уничтожения «антисоветского элемента» по Солженицыну, а, в первую очередь, как производственная структура с рабочей силой из числа заключенных с малыми сроками осуждения. Для Вяземлага были установлены строгие ограничения на содержание в нем категорий осужденных по большинству пунктов статей 58 и 59 Уголовного кодекса. Таких заключенных, в оценке О.В. Корниловой, в Вяземлаге было в разные периоды в 5-17 раз меньше, чем в среднем в лагерях НКВД [11, с. 18]. Вместе с осужденными в лагере работали и вольнонаемные: в 1940 г. численность вольнонаемных в лагере выросла до 30% всего контингента занятых на строительстве шоссе [11, с. 20]. Таким образом, как по параметрам рабочей силы, так и по другим аспектам, заключает автор, Вяземлаг существенно отличался от основной массы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

Внутри лагерные репрессии в Вяземлаге были единичны. В нем имелось отделение областного суда Западной области, то есть свой так называемый «лагерный суд». Осенью 1937 г. в нем работала «тройка» в составе председателя и двоих судей. Имелся свой прокурор, который осуществлял надзор за следственными делами, находившимися в производстве сотрудников третьего отдела НКВД [12, с. 26-28]. Самым резонансным для Вяземлага стало дело, связанное с арестом за невыполнение плана земляных работ в 1937 г. начальника Вяземлага П.А. Петровича, главного инженера строительства М.М. Левина, его заместителя К.К. Дембовского и пяти инженеров-руководителей производственных отделов. Всех их обвинили во вредительстве, выразившемся в

затягивании строительства, растрате государственных средств и намеренно низким качестве работ [12, с. 56]. Приговор – высшая мера наказания. Реабилитированы все были в 1956 г. В сравнении с другими лагерями системы ГУЛАГа, заключает О.В. Корнилова, Вяземлаг представлял собой в первую очередь производственно-хозяйственную структуру с большим количеством вольнонаемных рабочих и служащих, нежели часть репрессивной машины 1930-х годов, нацеленной на физическое уничтожение заключенных.

Неким промежуточным обобщением по теме репрессий на Смоленщине за весь послереволюционный период вплоть до смерти Сталина стала уже названная нами книга Е.В. Кодина «Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг.», изданная в 2011 г. [9].

В первую очередь следует отметить главный тезис Е.В. Кодина о том, что смоленские материалы не дают оснований к утверждению, что вся история советской России, включая послевоенный период – это время перманентного государственного террора по отношению к собственному народу [9, с. 16]. Ничем неоправданное безумие на Смоленщине, в оценке автора, это 1937-1938 годы. Если в целом за весь исследуемый период (1917-1953 гг.) в регионе было приговорено к расстрелу 7532 человека, то на так называемый Большой террор приходится 6990 человек, или 92,8% от общего числа. Из этого количества в 1937 г. было расстреляно 3711 человек, в 1938 – 3279 человек, что составляет по 49,3 % и 43,5% соответственно от общей цифры приговоренных к высшей мере наказания [9, с. 17].

В оценке Е.В. Кодина, материалы «Смоленского мартиролога» со всей определенностью свидетельствуют и о том, что основным «инструментом» репрессивной политики государства станут не судебные, а различные внесудебные органы репрессии: в первую очередь «тройки» и особые совещания. Тройкам были подсудны все дела о контрреволюционных преступлениях. На первом этапе у них было право рассматривать дела с обязательным представлением своих решений на утверждение коллегии ОГПУ, позже им было предоставлено право окончательного вынесе-

ния решений по всем делам вплоть до применения высшей меры наказания. Именно тройка стала на Смоленщине самым безжалостным органом репрессии в годы Большого террора. Всего тройками было осуждено в области за период с августа 1937 по декабрь 1938 гг. 10 734 человека. Для сравнения за это же время через спецколлегию «прошли» 176 человек, особым совещанием были осуждены 820 человек [9, с. 142].

В ходе реализации печально известного приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» по линии прокуратуры последовали указания, согласно которым прокурорские работники не только не должны были препятствовать репрессивной деятельности сотрудников органов госбезопасности, но даже оказывать им посильное содействие. Соблюдения процессуальных норм и предварительных санкций на арест не требовалось, подчеркивают в своем исследовании «Как террор стал “Большим”» М. Юнге и Р. Биннер [25, с. 98-99]. Все это неминуемо привело к многочисленным человеческим жертвам и страданиям.

Е.В. Козин обращает особое внимание на кадровую проблему в среде следственно-прокурорских работников Смоленщины, которых отличал низкий профессиональный и образовательный уровень. Отмечается, что к началу 1936 г. около 45% следственно-прокурорских работников Западной области никогда раньше в органах юстиции не работали, они или прошли краткосрочные курсы, или вообще не имели специальной юридической подготовки. К числу последних относились и 30 районных прокуроров. Оставлял желать лучшего и уровень общего образования сотрудников прокуратуры: из 74 районных прокуроров Западной области в апреле 1936 г. высшее образование имели только четверо, среднее – 16 человек, образование остальных

прокуроров было «нисшим» [9, с. 100]. Рассчитывать на качественный прокурорский надзор и законность принимаемых следователями решений вряд ли было возможно.

В конце 1938 г. решениями центральных государственных и партийных органов массовые репрессии были остановлены. 17 ноября приказом НКВД № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года» немедленно прекращалось производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, объявлялись утратившими силу связанные с массовыми репрессиями ведомственные приказы, циркуляры и распоряжения НКВД СССР, все следственные дела, находившиеся в производстве в органах НКВД, предписывалось направлять в суды или на рассмотрение в Особое совещание при НКВД СССР. По сути это означало окончание Большого террора.

Заключение. Репрессивная практика сталинизма – трагичная страница в истории России. Многие десятилетия тема оставалась закрытой для исторических исследований. В настоящее время административных преград для объективной оценки сталинских репрессий не существует: архивы открыты, доступ к делам ничем не ограничен (конечно, кроме материалов с грифом «секретно»), идеологических и политических запретов на тематику исследований нет. Несмотря на значительность уже проделанной историками работы, тема сталинизма еще далеко не исчерпана: требуют дальнейшей разработки не только многие «частные» вопросы, но и концептуальные, в том числе методологические подходы к оценке сталинской репрессивной практики. В этой работе важен будет и вклад региональных историков. На Смоленщине на фоне значительной проработки периода 1920-1930-х годов значительного внимания требует к себе репрессивная практика позднего (послевоенного) сталинизма.

Список литературы

1. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. и подг. текста П.М. Полян. М.; СПб.: Нестор-История. 2019. 824 с.
2. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: В 2 кн. Кн 1. М.: Новости, 1989. 620 с., Кн. 2. М.: Новости, 1989. 683 с.
3. Историки спорят: Тринадцать бесед / [Под общ. ред. В.С. Лельчука]. М.: Политиздат, 1988. 508 с.

4. История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. / под ред. Е.В. Кодина. М.: РОССПЭН, 2011. 599 с.
5. Книга памяти жертв политических репрессий. Смоленский мартиролог. Отв. редактор Е.В. Кодин. Том 1. Кн.1 (расстрельные списки). А-К. Смоленск: СмолГУ, 2006. 528 с.; Том 1. Кн. 2 (расстрельные списки). Л-Я. Смоленск: СмолГУ, 2006. 544 с.; Том 2. А-Г. Смоленск: СГПУ, 2003. 584 с.; Том 3. Д-К. Смоленск: СГПУ, 2004. С.656; Том 4. Л-О. Смоленск: СГПУ, 2004. 498 с.; Том 5. П-С. Смоленск: СГПУ, 2005. 608 с.; Том 6. Смоленск: СмолГУ, Т-Я, 2007. 448 с.; Том 7. А-Я. Смоленск: СмолГУ, 2008. 320 с.
6. Кобец О.В. Сопротивление смоленского крестьянства государственной политике в деревне, 1928-1933 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 23 с.
7. Кодин Е.В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск: СГПУ, 1998. 288 с.
8. Кодин Е.В. «Смоленский нарыв». Смоленск: СГПИ, 1995. 112 с.
9. Кодин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 270 с.
10. Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9-11 октября 2009 г. / под ред. Е.В. Кодина. М.: РОССПЭН, 2011. С.41-52.
11. Корнилова О.В. Вяземлаг и строительство автомагистрали Москва-Минск (1936-1941 гг.): особенности использования принудительного труда: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013. 22 с.
12. Корнилова О.В. Как строили первую советскую автомагистраль (1936-1941гг.). Смоленск: Свиток, 2014. 248 с.
13. Макеев Б.В. Деятельность местных судебно-прокурорских органов по расследованию дел о контрреволюционных преступлениях во время массовых политических репрессий 1937–1938 годов // Провинциальная власть система и ее представители, 1917 - 1938 гг. / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2005. С. 281-330.
14. Макеев Б.В. Деятельность органов прокуратуры и суда по рассмотрению уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в 1937-1938 гг. (на материалах Западной и Смоленской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007. 22 с.
15. Маннинг, Роберта. Бельский район, 1937 год /Перевод с англ. Е.В. Кодина. Общая редакция и составление кандидата исторических наук Е.В. Кодина. Смоленск: СГПУ, 1998. 125 с.
16. Меньшагин Б.Г. Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... / Подг. к печати А. Грибановым, Н. Горбаневской, Г. Суперфином; предисл. А. Грибанова (без подписи); коммент. и послесл. комментатора Г. Суперфина. Париж: YMCA-Press, 1988. 247 с.
17. По праву памяти: Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Т.1: Смоленский мартиролог: А–Я / Сост. А. Забелин. Смоленск: Смядынь, 2001. 608 с.
18. Сталинизм в российской провинции: смоленские архивные документы в прочтении российских и американских историков. Под общей редакцией Е.В. Кодина. Смоленск: СГПУ, 1999. 312 с.
19. Фэйнсод, Мерл. Смоленск под властью Советов. Перевод с английского Л. А. Кузьмина. Редактор и автор вступительной статьи Е. В. Кодин. Смоленск: ТРАСТ – ИМАКОМ, 1995. 496 с.
20. Что это было? : Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. М.: Политиздат, 1989. 318 с.
21. Шамшин Р.В. Единый сельхозналог как метод экономического давления на кулака, 1928-1931 гг. (на материалах Западной области) // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 2. С.223–232.
22. Шамшин Р.В. Институт уполномоченных райтроек как проводник политики партии по ликвидации кулачества как класса в Западной области, 1930-1931 гг. Смоленщине // Историю пишут аспиранты. Выпуск седьмой / под ред. Е.В. Кодина; Смол. гос. ин-т. Смоленск:

СмолГУ, 2007. С. 63-72.

23. Шамшин Р.В. Ликвидация кулачества в Западной области, 1929-1931 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. 26 с.

24. Шамшин Р.В. Роль прокуратуры в процессе раскулачивания, 1930-1931 гг. // Край Смоленский. 2009. №3. С.15–27.

25. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. С.98- 99.

26. Fainsod, Merle. Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1958, 484 pp.

THE REPRESSIVE PRACTICE OF STALINISM IN THE STUDIES OF SMOLENSK HISTORIANS

The article discusses the process of forming a research direction for the study of the repressive practice of Stalinism in the Smolensk region. It is noted that for historians, repressions became an object of study only in the 1990s, when it became possible to work with archival materials. Access to the archives and the opportunity to get acquainted with various methodological approaches to the problems of repressions allowed Smolensk researchers to take up the development of certain areas of the repressive practice of Stalinism in the region. Initially, O.V. Kobets and R.V. Shamshin analyzed the practice of collective farm construction and dekulakization in the Smolensk region, identifying the reasons for the insignificance of peasant resistance to state policy in the village at the turn of the 1920s-1930s. Makeev, having gained access to the documents of the archive of the FSB in the Smolensk region, showed the activities of the prosecutor's office and the court for the consideration of criminal cases of counter-revolutionary crimes in 1937-1938. In the works of O.V. Kornilova, the theme of the GULAG was developed on the example of the Vyazemlag for the construction of the Moscow-Minsk highway. The most significant result of the long-term work of Smolensk historians on the repressive practice of Stalinism in the region was the formation and publication of the multi-volume Smolensk martyrology "Book of Memory of Victims of Political Repressions" and the creation on its basis of an electronic file of victims of political repressions for 1917-1953.

Keywords: Stalinism, repressions, Smolensk region, historiography, Smolensk historians.

References

1. Boris Men'shagin: Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty / Sost. I podg. Teksta P.M. Polyan. M.; SPb.: Nestor-Istoriya. 2019. 824 s.

2. Volkogonov D.A. Triumf i tragediya: V 2 kn. Kn 1. M.: Novosti, 1989. 620 s., Kn. 2. M.: Novosti, 1989. 683 s.

3. Istoriki sporyat: Trinadcat' besed / [Pod obshh. Red. V.S. Lel'chuka]. M.: Politizdat, 1988. 508 s.

4. Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossijskaya provinciya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Smolensk, 9-11 oktyabrya 2009 g. / pod red. E.V. Kodina. M.: ROSSPE'N, 2011. 599 s.

5. Kniga pamyati zhertv politicheskix repressij. Smolenskij martirolog. Otv. 103spirant E.V. Kodin. Tom 1. Kn.1 (rasstrel'nye spiski). A-K. Smolensk: SmolGU, 2006. 528 s.; Tom 1. Kn. 2 (rasstrel'nye spiski). L-Ya. Smolensk: SmolGU, 2006. 544 s.; Tom 2. A-G. Smolensk: SGPU, 2003. 584 s.; Tom 3. D-K. Smolensk: SGPU, 2004. S.656; Tom 4. L-O. Smolensk: SGPU, 2004. 498 s.; Tom 5. P-S. Smolensk: SGPU, 2005. 608 s.; Tom 6. Smolensk: SmolGU, T-Ya, 2007. 448 s.; Tom 7. A-Ya. Smolensk: SmolGU, 2008. 320 s.

6. Kobec O.V. Soprotivlenie smolenskogo krest'yanstva gosudarstvennoj politike v derevne, 1928-1933 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2006. 23 s.

7. Kodin E.V. «Smolenskij arxiv» I amerikanskaya sovetologiya. Smolensk: SGPU, 1998. 288 s.

8. Kodin E.V. «Smolenskij naryv». Smolensk: SGPI, 1995. 112 s.

9. Kodin E.V. Repressirovannaya rossijskaya provinciya. Smolenshhina. 1917-1953 gg. M.: ROSSPE'N, 2011. 270 s.

10. Kodin E.V. E'lektronnaya baza dannyx zhertv politicheskix repressij Smolenskoj oblasti kak istoricheskij istochnik // Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossijskaya provinciya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Smolensk, 9-11 oktyabrya 2009 g. / pod red. E.V. Kodina. M.: ROSSPE'N, 2011. S.41-52.

11. Kornilova O.V. Vyazemlag I stroitel'stvo avtomagistrali Moskva-Minsk (1936-1941 gg.): osobennosti ispol'zovaniya prinuditel'nogo truda: atoref. dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2013. 22 s.

12. Kornilova O.V. *Kak stroili pervuyu sovetskuyu avtomagistral' (1936-1941gg.)*. Smolensk: Svitok, 2014. 248 s.
13. Makeev B.V. *Deyatel'nost' mestnykh sudebno-prokurorskich organov po rassledovaniyu del o kontrrevolyucionnykh prestupleniyakh vo vremya massovykh politicheskikh repressij 1937–1938 godov // Provincial'naya vlast' sistema I ee predstaviteli, 1917 – 1938 gg. / pod red. E.V. Kodina*. Smolensk: Smolenskij gosudarstvennyj universitet, 2005. S. 281-330.
14. Makeev B.V. *Deyatel'nost' organov prokuratury I suda po rassmotreniyu ugovolnykh del o kontrrevolyucionnykh prestupleniyakh v 1937-1938 gg. (na materialax Zapadnoj I Smolenskoj oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Bryansk, 2007. 22 s.
15. Manning, Roberta. *Bel'skij rajon, 1937 god /Perevod s ang. E.V. Kodina*. Obshhaya redakciya I sostavlenie kandidata istoricheskikh nauk E.V. Kodina. Smolensk: SGPU, 1998. 125 s.
16. Men'shagin B.G. *Vospominaniya: Smolensk... Katyn'... Vladimirskaia tyur'ma... / Podg. K pechati A. Gribovym, N. Gorbanevskoj, G. Superfinom; predisl. A. Gribova (bez podpisov); 104spiran. I poslesl. Kommentatora G. Superfina*. Parizh: YMCA-Press, 1988. 247 s.
17. *Po pravu pamyati: Kniga pamyati zhertv nezakonnykh politicheskikh repressij*. T.1: Smolenskij martirolog: A–Ya / Sost. A. Zabelin. Smolensk: Smyadyn', 2001. 608 s.
18. *Stalinizm v rossijskoj provincii: smolenskie arxivnye dokumenty v prochtenii rossijskikh I amerikanskikh istorikov*. Pod obshhej redakciej E.V. Kodina. Smolensk: SGPU, 1999. 312 s.
19. *Fe'jnsod, Merl. Smolensk pod vlast'yu Sovetov*. Perevod s anglijskogo L. A. Kuz'mina. Redaktor I avtor vstupitel'noj stat'ii E. V. Kodin. Smolensk: TRAST – IMAKOM, 1995. 496 s.
20. *Chto e'to bylo? : Razmyshleniya o predposylkax I itogax togo, chto sluchilos' s nami v 30-40-e gody / L. A. Gordon, E'. V. Klopov*. M.: Politizdat, 1989. 318 s.
21. *Shamshin R.V. Edinyj sel'hoznaolog kak metod e'konomicheskogo davleniya na kulaka, 1928-1931 gg. (na materialax Zapadnoj oblasti) // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 2. S.223–232.
22. *Shamshin R.V. Institut upolnomochennykh rajtroek kak provodnik politiki partii po likvidacii kulachestva kak klassa v Zapadnoj oblasti, 1930-1931 gg. Smolenshhine // Istoriyu pishut 104spirant. Vypusk sed'moj / pod red. E.V. Kodina; Smol. Gos. In-t. Smolensk: SmolGU, 2007. S. 63-72.*
23. *Shamshin R.V. Likvidaciya kulachestva v Zapadnoj oblasti, 1929-1931 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. Bryansk, 2010. 26 s.
24. *Shamshin R.V. Rol' prokuratury v processe raskulachivaniya, 1930-1931 gg. // Kraj Smolenskij*. 2009. №3.S.15–27.
25. *Yunge M., Binner R. Kak terror stal «Bol'shim». Sekretnyj prikaz № 00447 I texnologiya ego ispolneniya*. M.: AIRO-XX, 2003. S.98- 99.
26. *Merle Fainsod. Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1958, 484 pp.

Об авторах

Кодин Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: EVKodin@yandex.ru
Граф Яна Юрьевна – магистрант кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: yanagraf@yandex.ru

Kodin Evgenii Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Smolensk State University (Russia), E-mail: EVKodin@yandex.ru
Graf Yana Yuryevna – Master's student of the Department of Russian History, Smolensk State University (Russia), E-mail: yanagraf@yandex.ru

Кондратенко С.Ю., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия).

СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЕ ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье раскрываются особенности советско-болгарского военного сотрудничества в последние месяцы Великой Отечественной войны. В сентябре 1944 г. в Болгарии к власти пришло правительство Отечественного фронта, которое разорвало отношения с нацистской Германией и перешло на сторону Антигитлеровской коалиции. Советское военно-политическое руководство было заинтересовано в участии болгарских войск в боевых действиях против Германии и в кратчайшие сроки приступило к налаживанию военного сотрудничества с новым болгарским правительством. Сотрудничество двух стран в военной области имело ряд существенных особенностей, которые учитывались обеими сторонами при принятии решений. Осенью 1944 г. советское командование планировало в кратчайшие сроки задействовать болгарские войска в боевых действиях в Югославии, поэтому оно стремилось ограничить масштабы военных преобразований правительства Отечественного фронта. После освобождения большей части Югославии, было принято решение ограничить участие болгарских войск в боевых действиях, что способствовало развертыванию масштабной реорганизации вооруженных сил Болгарии при материально-технической и организационной помощи Красной армии.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Болгария, СССР, Красная армия, военное сотрудничество, Отечественный фронт, Союзная контрольная комиссия, 3-й Украинский фронт, 1-я болгарская армия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-105-115

Введение. История Великой Отечественной войны является одним из важнейших направлений современных исторических исследований. «Архивная революция» позволила специалистам расширить источниковую базу своих работ и обратиться к малоизученным страницам войны. Одним из недостаточно изученных вопросов завершающего периода Великой Отечественной войны является взаимодействие Красной армии с вооруженными силами стран Юго-Восточной Европы, особенно с бывшими союзниками нацистской Германии – Румынией и Болгарией.

9 сентября 1944 г. к власти в Болгарии пришел Отечественный фронт, который разорвал отношения с Германией и объявил ей войну. На завершающем этапе войны болгарские войска участвовали в боевых действиях совместно с Красной армией. Советское военно-политическое руководство пристально наблюдало за процессами в Болгарии и оказывало новому прокоммунистическому правительству необходимую помощь и поддержку, в том числе и военную. Советско-болгарскому военному сотрудничеству в 1944-1945 гг., посвящена данная статья.

Объект и методы исследования. Обь-

ектом настоящего исследования является советско-болгарское военное сотрудничество в последний период Великой Отечественной войны (сентябрь 1944 – май 1945 гг.). Методологической основой исследования выступили принципы историзма и объективности, специально-исторические методы - историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. После начала Второй мировой войны Болгария объявила о своем нейтралитете, однако в болгарских военно-политических кругах были сильны прогерманские настроения, подкреплявшиеся экономической зависимостью страны от Германии. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Берлинскому (Тройственному) пакту. В тот же день германские войска вступили на территорию Болгарии для подготовки агрессии против Греции и Югославии. После их разгрома в апреле – мае 1941 г. Болгария аннексировала некоторые югославские и греческие области. Болгарские войска были привлечены для несения оккупационной службы на захваченных территориях и борьбы с партизанами. Под давлением Германии, 12 декабря 1941 г. Болгария объявила

войну США и Англии, но с СССР она сохранила дипломатические отношения.

Пронацистская ориентация правительства вызывала недовольство в широких слоях болгарского населения, в том числе и среди высшего офицерства. Некоторые представители болгарской политической и военной элиты, в целях борьбы с пронацистским режимом, пошли на сотрудничество с разведками стран Антигитлеровской коалиции. Наиболее известными агентами советских спецслужб были генерал Владимир Заимов и Александр Пеев. До своего раскрытия в марте 1942 г. от «группы Заимова» в Главное разведывательное управление генерального штаба Красной армии регулярно поступала военная и военно-политическая информация о положении в Болгарии, Германии, Турции, Греции. Высокую оценку советских разведслужб заслужили переданная в июле 1941 г. информация об отношении болгарского правительства к СССР после нападения Германии на Советский Союз, а также подробные сведения о численности и передвижении румынских и венгерских войск, отправлявшихся на советско-германский фронт [1. С. 330]. «Группа Пеева» до 1943 г. передала в «центр» порядка 400 радиogramм, в которых содержались в том числе и предупреждение о подготовке вермахта к нападению на СССР, переданное незадолго до 22 июня 1941 г.; сведения о том, что Япония не нападет на Советский Союз и сообщение, что Болгария не пошлет свои войска на советско-германский фронт [1. С. 332].

Вступление Болгарии во Вторую мировую войну привело к возникновению партизанского движения. Летом 1942 г. по инициативе Болгарской коммунистической партии был создан Отечественный фронт, ставший широкой коалицией антифашистских сил в Болгарии. Поражения вермахта на фронте в 1943 – 1944 гг. и эксплуатация болгарской экономики Германией, привели к росту в стране антигерманских настроений и расширению партизанского движения.

Внутриполитическая ситуация в Болгарии резко обострилась после падения режима И. Антонеску в Румынии и выхода советских войск на румыно-болгарскую границу. 5 сентября 1944 г. Советский Союз объявил войну

Болгарии и через три дня – 8 сентября – войска 3-го Украинского фронта вступили на болгарскую территорию. Болгарское правительство обратилось к СССР с просьбой о перемирии и приказало своим войскам не оказывать сопротивления Красной армии. В ночь на 9 сентября власть в стране перешла к правительству Отечественному фронту, которое возглавил К. Георгиев.

15 сентября 1944 г. советские войска вступили в Софию. На следующий день, в целях скорейшего разгрома германских войск, командующий 3-м Украинским фронтом маршал Ф.И. Толбухин обратился к военному министру Болгарии генерал-майору Д. Велчеву с вопросом об оперативном подчинении болгарской армии командованию фронта, на что, 18 сентября, был дан положительный ответ со стороны военного министерства Болгарии.

Общая численность вооруженных сил Болгарии в сентябре 1944 г. составляла 454 тыс. чел., из них 272 тыс. солдат и офицеров находились в действующей армии, которая состояла из 10 пехотных и одной кавалерийской дивизий, танковой, кавалерийской, пограничной бригады и воздушной эскадры. На их вооружении состояли 2 139 орудий и минометов, 168 танков и штурмовых орудий, 141 самолет. В резерве находилось 182 тыс. чел. [13. С. 115]. Боевая выучка болгарских войск была ограничена устаревшей военной доктриной и отсутствием современного вооружения и военной техники, прежде всего бронетехники и авиации [12. Р.17]. Между офицерами – выходцами из привилегированных сословий и солдатами в основной своей массе простыми крестьянами наблюдался значительный культурный и социальный разрыв. Офицеры предпочитали поддерживать дисциплину строгими мерами, что создавало благоприятную почву для конфликтов, недопустимых в военное время. Решать данные проблемы пришлось уже новой болгарской власти.

Практически сразу после прихода к власти правительство Отечественного фронта начинает чистку армии от офицеров и генералов с монархическими и фашистскими взглядами.

Прежде всего, были произведены перестановки в высшем командовании. Новым военным министром был назначен генерал-майор Д. Велчев. Главнокомандующим стал бывший военный министр генерал-майор И. Маринов.

Генеральный штаб возглавил генерал-майор Р. Славков, который заменил некоторых начальников отделов и отделений Генерального штаба, признанных неблагонадежными.

Из армии было уволено значительное число генералов и офицеров, заподозренных в профашистских взглядах или нелояльности новой власти. Те, кто принимал участие в карательных операциях против партизан, были отданы под суд. Военные корреспонденты газеты «Правда» в донесении секретарю ЦК ВКП(б) сообщили о встрече с артиллерийским полком в котором не было ни одного офицера, так как «все они арестованы как враги народа», далее они отмечали, что «аресты офицерского состава в болгарской армии имели массовый и повсеместный характер. Очень многие эшелоны, отправляющиеся на фронт уже с проверенным офицерским составом, к линии фронта подходили без офицеров. Они были арестованы в пути» [11. С. 112].

Образовавшийся некомплект командных кадров решили восполнить за счет офицеров запаса и командиров партизанских отрядов.

Приказом военного министра от 11 сентября 1944 г. на офицерские должности с присвоением соответствующих воинских званий было назначено около 800 бывших партизан [7. С. 201]. Среди них были командиры партизанских отрядов Д. Джуров, А. Семерджиев, И. Врачев, Р. Дамянов, Д. Диков, а также политические руководители Т. Живков, Г. Грозев, И. Бычваров.

Из запаса на действительную военную службу были призваны 45 офицеров [6. С. 161], бывших членов Военного союза, уволенных в конце 1930-х гг., после установления режима личной власти царя Бориса III. В основном они были назначены на высшие командные должности. В их числе был будущий командующий 1-й армии генерал-майор В. Стойчев и командир бронетанковой бригады генерал-майор С. Трендафилов.

В новую Болгарскую армию влились и вернувшиеся в страну политэмигранты – участники сентябрьского вооруженного восстания 1923 г. и бойцы интербригад испанской республиканской армии. Число их было невелико, однако через некоторое время многие из них заняли ответственные командные посты. Так, И. Кинов в декабре 1944 г. возгла-

вил Генеральный штаб, а З. Захариев стал заместителем командующего ВВС.

22 сентября 1944 г. была введена должность помощника командира, который отвечал за политико-моральное состояние вверенного соединения или объединения. На эту должность назначались видные функционеры Болгарской рабочей партии (коммунистов), командиры и политкомиссары партизанских отрядов и бывшие политзаключенные [6. С. 161]. Помощник командира осуществлял контроль БРП(к) над соответствующим офицером и в случае выявления фактов его нелояльности новой власти мог его сместить. Эта должность стала одним из инструментов ликвидации профашистских и монархических взглядов в армии и укрепления влияния болгарских коммунистов в армейской среде.

Одновременно с чистками в офицерском корпусе проводилась реорганизация армии, которая преследовала цель заменить старую «буржуазную» армию – новой «демократической» готовой к борьбе с нацистской Германией. Реорганизация сопровождалась частичной демобилизацией – так, за короткий срок было расформировано 9 пехотных дивизий [7. С. 201]. Некомплект личного состава планировалось восполнить за счет мобилизации, которую правительство Отечественного фронта объявило 19 сентября 1944 г. со сроком окончания 26 сентября. Однако ухудшение ситуации на фронте вынудило болгарское руководство ускорить мобилизацию и завершить ее 24 сентября.

Вместе с мобилизованными в Болгарскую армию вливались, бывшие партизаны, которыми комплектовали особые «гвардейские» части и соединения. Так, 11 сентября 1944 г. из партизанских отрядов были сформированы 1-я гвардейская Софийская пехотная дивизия и 13-й гвардейский пехотный полк. Отдельные гвардейские батальоны были направлены в соединения действующей армии для укрепления их дисциплины и боеспособности, а в соответствии с приказом военного министра от 21 октября 1944 г. гвардейские роты численностью в 158 человек должны были быть созданы во всех пехотных полках. Всего до конца войны были сформированы следующие гвардейские части и соединения: 1 дивизия, 4 полка, 36 батальонов и 135 рот, в которых проходили службу 38 тыс. чел. [16. С. 185-186, 236].

Благодаря принятым мерам к октябрю 1944 г. численность Болгарской армии была доведена до 474 тыс. чел. [6. С. 161].

Советское военно-политическое руководство пристально наблюдало за процессами, происходившими в Болгарской армии. Согласно донесениям политорганов Красной армии массовые аресты офицеров приводили к падению дисциплины в болгарских войсках. Так, в донесении начальника 7-го управления ГлавПУ РККА генерал-майора М.И. Бурцева отмечалось, что «отношение некоторой части солдат к офицерам, особенно из мобилизованных в последнее время, недоверчивое, считают, что среди них много фашистов. Налицо несомненное снижение дисциплины как по причине того, что в армию пришли вновь мобилизованные, так и вследствие того, что приведенные в движение последними событиями солдатские массы не везде еще введены в рамки необходимой воинской дисциплины» [11. С. 122]. Военные корреспонденты газеты «Правда» в донесении секретарю ЦК ВКП(б) описывали атмосферу страха, царившую среди болгарских офицеров, и случаи крайней неприязни солдат к своим командирам, что выражалось в пренебрежении элементарными нормами воинской дисциплины: «В личных беседах со многими офицерами мы убедились, что у них существует чувство боязни солдат, чувство неуверенности в своем положении, неуверенности в завтрашнем дне. Кроме того, в отношениях солдат и офицеров появилось резкое падение воинской дисциплины. Многие солдаты явно пренебрегают воинскими приветствиями по отношению к своим офицерам, и офицеры не решаются им сделать замечание, хотя никто не отменял в Болгарской армии приказа об отдавании воинских приветствий» [11. С. 113].

Радикальные преобразования в Болгарской армии обсуждались на самом высоком государственном уровне. На переговорах о перемирии в Москве В.М. Молотов задал болгарской делегации (П. Стайнов, Д. Терпешев, Н. Петков, П. Стоянов) несколько вопросов относительно положения в армии и отметил, что там имеется «левый уклон», и что наличие «дисциплинированной и боеспособной армии» предполагает необходимость сохранения опытного, готового выполнять боевые задачи офицерства, возвращения на

службу уволенных по тем или иным причинам офицеров. Советская сторона рекомендовала для нормализации положения в армии создать специальные государственные комитеты, которые бы на основе фактов объективно определяли «качество» того или иного офицера. Эти соображения были изложены начальнику штаба Болгарской армии П. Илиеву и секретарю ЦК БРП(к) Т. Костову 27 сентября 1944 г. [4. С. 331].

Таким образом, советское военно-политическое руководство в отношении Болгарской армии действовало в соответствии с военно-стратегическими целями войны и стремилось как можно быстрее задействовать ее в боевых действиях на территории Югославии.

29 сентября 1944 г. состоялись переговоры командующего 3-м Украинским фронтом маршала Ф.И. Толбухина с болгарской делегацией на которых был затронут вопрос о координации совместных действий советских и болгарских войск в ходе наступления в Югославии. Для борьбы с нацистской Германией Болгария направила на фронт три армии – 1-ю (1-я и 2-я пехотные дивизии; общая численность – 36 518 чел. [14. С. 26]; командующий – генерал-майор В. Стойчев); 2-ю (1-я гвардейская, 4-я, 6-я, 9-я, 12-я пехотные, 2-я кавалерийская дивизии, бронетанковая и 4-я пограничная бригады; общая численность – 80 000 чел. [6. С. 163]; командующий – генерал-майор К. Станчев) и 4-ю (5-я пехотная дивизия и 2-я кавалерийская бригада; [14. С. 27] командующий – генерал-майор Б. Урумов).

Болгарские войска обеспечивали южный фланг 3-го Украинского фронта на территории Югославии и до середины ноября совместно с Красной армией осуществили несколько операций: Нишская, Косовская, Страцинско-Кумановская, Брегалница-Струмицкая и др.

8 октября 1944 г. три болгарские армии перешли в наступление: 1-я армия – в направлении София-Ниш, 2-я армия – Кюстендил-Скопье и 4-я армия – Велес. Им противостояли дивизии германской группы армий «Е». В ходе тяжелых боев соединения 2-й армии сломили сопротивление противника и способствовали освобождению крупного югославского города Ниш. В этих боях особо отличилась бронетанковая бригада, которая сыграла решающую роль в разгроме 7-й добровольческой горной

дивизии СС «Принц Евгений». 1-я и 4-я армия, наступая в Македонии, столкнулись с хорошо подготовленной обороной противника, которую не удалось прорвать с ходу и болгарские войска были вынуждены втянуться в затяжные бои. После освобождения 20 октября 1944 г. югославскими и советскими войсками Белграда, сложились благоприятные условия для разгрома противника в южной Югославии. В конце октября 2-я армия начала Косовскую операцию. Сломив ожесточенное сопротивление вражеских войск, болгарские войска 19 ноября 1944 г. освободила г. Приштина. В это же время 1-я и 4-я армия преследовали отступающие германские соединения в Македонии. К концу ноября 1944 г. болгарские армии завершили наступательные операции в южной Югославии, освободив от оккупантов значительную территорию.

Советское командование отмечало ряд существенных недостатков в организации и ведении боевых действий болгарскими войсками. Например, в письме заместителя командующего войсками 3-го Украинского фронта генерал-полковника С.С. Бирюзова главнокомандующему Болгарской армией от 22 октября 1944 г. указывались следующие недочеты в действиях болгар: «Взаимодействие пехоты с артиллерией и минометами в ряде случаев организовано плохо; не организуется преследование отходящего противника; офицерский состав и до сего времени часто не проявляет нужной требовательности и твердости; выполнение отдаваемых командирами дивизий приказов не контролируется; связь с частями организуется плохо; офицерский состав в бою отстает от своих подразделений, теряя управление; неудовлетворительно организуется боевое охранение» [11. С. 127-128].

Слабая боевая выучка личного состава Болгарской армии накладывала ограничения на их дальнейшее использование в боевых действиях против вермахта. Исходя из этого, советское военно-политическое руководство считало необходимым сократить количество болгарских войск на фронте. Данному решению также способствовало и изменение внутри- и внешнеполитического положения Болгарии после подписания 28 октября 1944 г. соглашения о перемирии со странами Антигитлеровской коалиции.

Органы советской военной администрации активно содействовали выполнению всех пунктов соглашения. При этом особое внимание уделялось контролю над исполнением обязательств Болгарии по ее участию в войне против Германии и по предоставлению товаров (горючего, продуктов питания и т.п.), которые требовались советским войскам. К концу 1944 г. поставки болгарского продовольствия и иных ресурсов заняли важное место в снабжении 3-го Украинского фронта. Предприятия страны выполняли советские заказы, а государственные ведомства и учреждения оказывали безвозмездную помощь Красной армии. Например, в соответствии со специальным постановлением болгарского правительства советские ветеринарные службы получили право бесплатно использовать государственные ветеринарно-лечебные заведения страны. В конце октября – начале ноября 1944 г. софийские фабрики изготовили 45 тыс. котелков для 3-го Украинского фронта, а болгарские нефтеперерабатывающие заводы до конца 1944 г. для нужд советских войск переработали 2 тыс. т нефти и 2 тыс. т смеси бензина с газойлем на общую сумму 3,8 млн. левов (253 330 руб.) [16. С. 139, 205, 254–255]. Таким образом, болгарское народное хозяйство использовалось советским командованием для тылового обеспечения войск 3-го Украинского фронта.

Важным направлением деятельности Союзной контрольной комиссии был контроль над выполнением обязательств болгарской стороны по ликвидации любых проявлений фашизма и содействие в демократизации политического режима, контроль над роспуском всех прогитлеровских и других фашистских политических, военных, военизированных, а также других организаций, которые вели враждебную Объединенным Нациям пропаганду. СКК должна была осуществлять проверку выполнения правительством Отечественного фронта пункта о выявлении, задержании лиц, обвиняемых в военных преступлениях военных, и суда над ними и проч. [11. С. 131, 146].

Выполнение болгарской стороной указанных пунктов соглашения о перемирии сопровождалось продолжением массовой чистки в армии. Рядовые коммунисты ее активно поддерживали и считали, что она необходима для построения по-настоящему

«народной армии». Так, коммунисты Бургаса на областной партийной конференции 23 октября 1944 г. решили направить правительству ряд предложений по усилению Болгарской армии, в том числе «в целях восстановления доверия солдат к своим командирам провести настоящую, безжалостную чистку от всех офицеров и унтер-офицеров, проявивших себя убийцами, хулиганами, ворами и активными проводниками фашистской идеологии». Через два дня, 25 октября, на заседании ЦК БРП(к) был образован Военный отдел ЦК, на который были возложены обязанности по партийно-воспитательной работе в армии, подготовке новых военных кадров, завершении чистки армии от фашистских элементов, обновлении армии и преобразовании ее в народно-демократическую национальную армию [16. С. 209, 234–235].

Репрессивная политика новых болгарских властей и стремление к радикальным преобразованиям в армии приводили к росту оппозиционных настроений среди офицерского корпуса. Возникали тайные офицерские союзы и организации, которые в конце ноября 1944 г. предприняли попытку перехватить у коммунистов инициативу в борьбе за армию.

23 ноября 1944 г. Совет министров по предложению Д. Велчева принял постановление № 4, согласно которому все офицерские чины действующей армии и запаса, совершившие или обвинявшиеся в совершении преступлений по закону о Народном суде, а также обвинявшиеся в злодеяниях, связанных с войной, могли быть направлены в действующие части, чтобы непосредственным участием в боях против немецких войск искупить свою вину. Право устанавливать, на кого из военнотружущих распространялось это постановление, было дано военному министру [4. С. 332]. С.С. Бирюзов, в то время генерал-полковник и заместитель председателя СКК, в своих воспоминаниях отмечал, что Д. Велчев сразу приступил к реализации положений этого постановления: «Он немедленно освободил из под ареста фашистских военных преступников из числа генералов и офицеров, а заодно приказал “взять под охрану” все правительственные учреждения, и в первую очередь правительственную радиостанцию» [3. С. 267]. Власть Отечественного

фронта пошатнулась, в результате чего болгарские коммунисты были вынуждены обратиться за поддержкой к Советскому Союзу. Заграничное руководство БРП(к) во главе с Г. Димитровым расценило действия Велчева как провокационные, ведущие к правительственному кризису. Члены ЦК БРП (к) Т. Костов и А. Югов обратились в СКК за поддержкой. В телеграмме Костова Димитрову в Москву отмечалось, что Бирюзов резко отреагировал на постановление Велчева и даже заявил, что в случае крайней необходимости поставит вопрос о выводе болгарских войск из Софии [4. С. 332]. Под давлением советского военно-политического руководства постановление № 4 было отменено, и теперь уже ничто не препятствовало коммунистам в установлении полного контроля над вооруженными силами Болгарии.

Несмотря на то, что советское командование, как отмечалось выше, критически относилось к чисткам и преобразованиям в армии, в условиях возможного военного мятежа оно полностью поддержало БРП(к). Военно-политическое руководство СССР было заинтересовано в сохранении власти Отечественного фронта, который рассматривался как союзник не только в борьбе с нацистской Германией, но и в укреплении советского влияния на Балканах после войны. Кроме того, к концу ноября 1944 г. Болгарская армия выполнила поставленные перед ней задачи, и в сложившихся условиях не было необходимости в ее активном участии в боевых действиях. Таким образом, болгарские коммунисты получили возможность в относительно спокойных условиях проводить реорганизацию армии.

Как отмечалось выше, 28 октября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии между Болгарией и странами Антигитлеровской коалиции, в котором указывалось, что «Правительство Болгарии обязывается содержать и предоставлять такие сухопутные, морские и воздушные силы, которые могут быть определены для службы под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования» [11. С. 130]. 17 ноября 1944 г. состоялась встреча маршала Ф.И. Толбухина с представителем правительства Отечественного фронта по вопросу о дальнейшем участии Болгарии в войне против Германии. Советское командование предложило Болгарии

направить на фронт одно оперативное объединение, схожее по своей организации и возможностям с советской общевойсковой армией [8. С. 239-240; 6. С. 172].

На следующей день на встрече болгарской делегации с представителями СКК, главнокомандующий вооруженными силами Болгарии генерал-майор И. Маринов исходя из того, что «Болгарская армия дала почти полное военное напряжение и истощила до большей степени все свои материальные возможности», сообщил советской стороне о готовности направить на фронт одну армию в составе «5 пехотных дивизий (или 4 пехотных дивизий и одной бронетанковой дивизии при предположении, что советское командование даст необходимые для вооружения одной бронетанковой дивизии танки и автомашины)». Маринов указывал, что советское командование в первое время должно взять на себя снабжение болгарских войск трофейным вооружением, автотранспортом, продовольствием и иным интендантским имуществом, так как снабжение из Болгарии будет крайне затруднено из-за разрушенной железнодорожной сети. Например, одним сапог болгарским солдатам требовалось 50 тыс. пар [5]. Ф.И. Толбухин поддержал план дальнейшего участия болгарских войск в войне, предложенный Мариновым, но ответил отказом на просьбу о снабжении Болгарской армии автотранспортом и некоторыми видами интендантского имущества [11. С. 140].

По приказу болгарского генерального штаба от 21 ноября 1944 г. была сформирована 1-я болгарская армия. В нее вошли 6 пехотных дивизий (3-я, 8-я, 10-я, 11-я, 12-я и 16-я), общей численностью 130 тыс. чел. [14. С. 74]. На должность командующего армией был назначен генерал-лейтенант В. Стойчев, помощником командующего стал генерал-майор Ш. Атанасов. Представителем 3-го Украинского фронта при армии был назначен подполковник Н.И. Горшков [14. С. 74-75].

В ходе формирования и развертывания армии болгарское военно-политическое руководство стремилось укрепить влияние Отечественного фронта среди ее личного состава. С этой целью в дивизии, полки, дружины (батальоны), а в ходе боевых действий и в каждую роту были направлены идеологически подготовленные помощники командиров с боевым

опытом, которые развернули активную пропагандистскую работу [2. С. 192]. Данная мера была не лишней, так как в то время в армейских рядах были распространены настроения о ненужности продолжения войны с Германией и Венгрией. К моменту выдвижения армии на фронт помощникам командиров удалось переломить настроения личного состава, укрепить его морально-психологическое состояние и все ее соединения были готовы к выполнению боевых задач.

В конце 1944 г. в тяжелом положении оказались болгарские ВВС. На их вооружении находилось всего 77 исправных боевых машин, из которых только половина была современных типов. В связи с этим было принято решение, что авиационную поддержку 1-й болгарской армии будет оказывать советская 17-я воздушная армия. Болгарские ВВС смогли направить на фронт лишь четыре вспомогательные эскадрильи: курьерскую, транспортную, разведывательную и связи (10 самолетов – 3 Fi-156, 4 Do-17P, 2 Ju-52/3m и 1 Me-108). До конца войны они выполнили 680 боевых самолетовылетов [15. С. 57].

Армия поступила в оперативное подчинение советского 3-го Украинского фронта. Расходы по ее содержанию взяло на себя Болгарское государство, а все вопросы относительно действий армии и ее снабжения решались болгарским генеральным штабом совместно с советским командованием.

8 декабря 1944 г. маршал Ф.И. Толбухин приказал 1-й болгарской армии сосредоточиться в междуречье Дуная и Савы, в 70 км северо-западнее Белграда, сменить на позициях советский 68-й стрелковый корпус и 1-й армейский корпус НОАЮ, и подготовиться к наступлению.

Утром 22 декабря 1944 г. после артиллерийской подготовки соединения 1-й армии перешли в наступление, имея задачу совместно с 1-м армейским корпусом НОАЮ прорвать оборону противника на участке Сотин–Шид, овладеть Грабово, а затем развивать наступление на Вуковар и Осиек. Болгарские и югославские войска, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением противника, не смогли выполнить поставленную задачу и в последние дни декабря 1944 г. наступление было остановлено.

30 декабря 1944 г. командование 3-го

Украинского фронта поставило 1-й армии новую боевую задачу – сосредоточиться в юго-западной Венгрии в районе города Печ. К середине января 1945 г. болгарские войска заняли указанные районы и приступили к возведению оборонительных позиций с целью не допустить прорыва противника на левом фланге 3-го Украинского фронта.

В феврале 1945 г. начальник болгарского Генерального штаба генерал-майор И. Кинов представил командованию Красной армии план реорганизации и перевооружения Болгарской армии – теперь она должна была состоять из 12 пехотных, кавалерийской, авиационной дивизий, двух танковых бригад, двух военно-морских баз и Дунайской флотилии [8. С. 241-242]. Все соединения предполагалось сформировать по штатам Красной армии и оснастить советским вооружением и военной техникой.

После всестороннего изучения представленного плана в Генеральном штабе Красной армии, Ставке ВГК и ГКО советское военно-политическое руководство приняло решение его поддержать. 14 марта 1945 г. было принято Постановление ГКО № 7827сс «Об отпуске болгарскому правительству вооружения, автотранспорта и военного имущества» для формирования пяти пехотных дивизий, танковой бригады, двух армейских артиллерийских полков, смешанного авиакорпуса. Кроме того, было решено принять 27 болгарских офицеров для обучения в академиях Красной армии. Болгарской армии передавались 18 880 винтовок и карабинов, 6 065 пистолетов ТТ, 9 615 пистолетов-пулеметов, 420 станковых пулеметов, 1 270 ручных пулеметов, 40 крупнокалиберных пулеметов, 370 минометов, 310 артиллерийских орудий советского производства, 100 105-мм трофейных немецких гаубиц, 153 зенитных орудия, 380 автомобилей, 14 мотоциклов, 65 танков Т-34-85, 4 бронемашин, 120 истребителей Як-9, 120 штурмовиков Ил-2 и 96 бомбардировщиков Пе-2 [9]. Вместе с военной техникой в болгарские войска было направлено необходимое число советских офицеров-инструкторов, на которых была возложена «задача оказания помощи командованию частей и соединений Болгарской армии в вопросах подготовки и обучения личного состава и, главным образом,

офицерских кадров, по применению и использованию отпускаемого Болгарской армии советского вооружения» [10]. Так, для помощи в освоении переданных Красной армией самолетов болгарская сторона попросила прислать 24 инструктора [11. С. 171].

Факт получения Болгарией военной помощи от Советского Союза подчеркивал ее отличие от другой страны, бывшей союзницы Германии, также перешедшей на сторону Антигитлеровской коалиции – Румынии. Бухарест не только не получал в годы войны военную технику от СССР, но был вынужден под давлением советской стороны вернуть все трофейное вооружение, захваченное в боях с Красной армией.

Такое положение Болгарии может быть объяснено, во-первых, тем, что болгарские войска не участвовали в боевых действиях на советско-германском фронте. Во-вторых, тем, что в сентябре 1944 г. к власти пришло правительство Отечественного фронта, тон в котором задавали коммунисты, чьи лидеры ранее играли важную роль в Коминтерне и имели особые отношения с советским политическим руководством.

Масштабное советско-болгарское военно-техническое сотрудничество, начатое в 1945 г., стало новым этапом в развитии болгарских вооруженных сил. Пока войска, дислоцированные на родине, начинали осваивать новую военную технику, 1-я болгарская армия продолжала участвовать в боях с вермахтом.

После ликвидации во второй половине февраля 1945 г. будапештской группировки германо-венгерских войск, сложились благоприятные условия для наступления советских войск на венском направлении. Командование вермахта приняло решение в начале марта 1945 г. провести наступательную операцию в Венгрии с целью разгрома советских войск на данном стратегическом направлении, прикрыв, тем самым, Вену и южные регионы Германии.

6 марта 1945 г. германские и венгерские войска перешли в наступление. Началась Балатонская стратегическая оборонительная операция. Участие болгарских войск в ней выделяется в Дравскую оборонительную операцию. На капошварском направлении, в полосе обороны советской 57-й армии в первый день наступления врагу удалось прорвать оборону

299-й стрелковой дивизии. По просьбе командующего армией генерал-лейтенанта М.Н. Шарохина из резерва на передовую были выдвинуты части 10-й и 12-й болгарских пехотных дивизий. Полторы недели шли ожесточенные бои, советские и болгарские войска отразили все попытки противника прорвать главный оборонительный рубеж. К 19 марта наступление германских войск на капошварском направлении было остановлено.

В полосе обороны 1-й болгарской армии противник наносил вспомогательный удар с целью оттянуть резервы 3-го Украинского фронта на второстепенное направление. Ранним утром 6 марта германские войска группы армий «Е» форсировали Драву и начали расширение захваченных плацдармов. К 12 марта дивизии 4-го болгарского корпуса остановили продвижение врага, а к 19 марта противник был вытеснен с северного берега Дравы. В ходе Дравской операции героические действия болгарских войск, продемонстрировавших высокую боеспособность, основанную на возросшем уровне боевой выучки личного состава, сохранили целостность левого фланга 3-го Украинского фронта и нанесли поражение дивизиям германской группы армий «Е». Общие потери 1-й армии в Дравской операции составили 6700 человек [6. С. 175].

После успешного завершения Балатонской оборонительной операции 1-я армия была переброшена к границам Австрии. 29 марта 1945 г. болгарские войска, обеспечивая левый фланг 3-го Украинского фронта в ходе Венской наступательной операции, перешли в наступление вдоль северного берега Дравы в общем направлении венгерского города Надьканижа. В болгарской историографии данная

операция известна как Мурская. Болгарские войска прорвали несколько оборонительных линий германских войск и в начале мая вышли в район австрийского города Лайбниц, где 1-я болгарская армия и завершила войну.

Общие потери Болгарской армии в войне на стороне Антигитлеровской коалиции составили около 32 тыс. чел., из них убитыми – 9 734 чел. [14. С. 172]. 360 болгарских генералов, офицеров и солдат были награждены советскими орденами, а 120 тыс. человек – медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [8. С. 243].

После прихода к власти в Болгарии в сентябре 1944 г. Отечественного фронта и разрыва страной союзнических отношений с нацистской Германией, советское военно-политическое руководство было заинтересовано в участии болгарских войск в освобождении Югославии. Поэтому на правительство Отечественного фронта оказывалось определенное давление, чтобы оно изменило подход к «революционным» преобразованиям в армии, которые вылились в массовые чистки офицерского состава и снижали боеспособность Болгарской армии. После освобождения большей части Югославии, в котором приняли участие три болгарские армии, советское руководство поддержало преобразования Отечественного фронта в армии, так как планировало на завершающем этапе войны задействовать ограниченные болгарские силы. В начале 1945 г. началась масштабная реорганизация Вооруженных сил Болгарии при материальной и организационной поддержке СССР. Таким образом, советское правительство стало рассматривать Болгарию как своего союзника в Юго-Восточной Европе.

Список литературы

1. Баева И. На службе у идеологического противника своей страны. Болгары, сотрудничавшие с советской разведкой во время Второй мировой войны // Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.). — М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 319 – 338.
2. Вклад болгарского народа в разгром фашистской Германии. – Москва: Воениздат, 1967.
3. Бирюзов С.С. Советский солдат на Балканах. Москва: Воениздат, 1963. 336 с.
4. Васильева Н.В. От войны к миру: некоторые дискуссионные аспекты политики советских военных властей в Болгарии (сентябрь 1944-май 1945 гг.) // Историческая болгаристика (К 100-летию со дня рождения профессора Л.Б. Валева). Сб. статей. Москва: Институт славяноведения, 2016. С. 323-338.
5. Документальная коллекция НИИВИ ВАГШ ВС РФ. Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. Л. 50–51, 56.
6. Зафиров Д. Болгарская народная армия в борьбе против гитлеристского вермахта // 65

години от победата над фашизма. Сборник доклади от българо-руска научна конференция “65 години от победата над фашизма, края на Втората световна война и приноса на България”. 18.02.2010 година – София. София, 2010. С. 158-177.

7. Освободительная миссия советских вооруженных сил во Второй мировой войне. Москва: Политиздат, 1971. 518 с.

8. Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов (1944-1945 гг). Москва: Наука, 1970. 676 с.

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 88, 94, 98.

10. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 90, 91, 94, 95.

11. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14(3-2). Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах, 1944-1945: Док. и материалы. Москва: Терра, 2000. 688 с.

12. Order of the Battle and Handbook of the Bulgarian Armed Forces. Washington, 1943. 132 p.

13. Българска история. Книга втора: Паметни битки и сражения. София, 2012. 145 с.

14. Данов А. Отечественната война 1944-1945. София: Партиздат, 1972. 180 с.

15. Недялков Д. Въздушната мощ на Царство България. Част IV. София: Фарк ООД 2001. 62 с.

16. Отечественната война на България 1944-1945: документи, материали. Т. 2. София: Военно издателство, 1980. 462 с.

SOVIET-BULGARIAN MILITARY COOPERATION AT THE FINAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article reveals the features of Soviet-Bulgarian military cooperation in the last months of the Great Patriotic War. In September 1944, the government of the Fatherland Front came to power in Bulgaria, which broke off relations with Nazi Germany and went over to the side of the Anti-Hitler coalition. The Soviet military-political leadership was interested in the participation of Bulgarian troops in hostilities against Germany and as soon as possible began to establish military cooperation with the new Bulgarian government. Cooperation between the two countries in the military field had a number of significant features that were taken into account by both sides when making decisions. In the fall of 1944, the Soviet command planned to quickly involve Bulgarian troops in combat operations in Yugoslavia, so it sought to limit the scale of military reforms of the Fatherland Front government. After the liberation of most of Yugoslavia, it was decided to limit the participation of Bulgarian troops in hostilities, which contributed to the deployment of a large-scale reorganization of the Bulgarian armed forces with logistical and organizational assistance from the Red Army.

Keywords. Great Patriotic War, Bulgaria, USSR, Red Army, military cooperation, Fatherland Front, Allied Control Commission, 3rd Ukrainian Front, 1st Bulgarian Army.

References

1. Baeva I. (2020) Na sluzhbe u ideologicheskogo protivnika svoey strany. Bolgary, sotrudnichavshie s sovetской razvedkoy vo vremya Vtoroy mirovoy voyny [In the service of the ideological enemy of his country. Bulgarians who collaborated with Soviet intelligence during World War II]. Slavyane i Rossiya: problemy gosudarstvennosti na Balkanah (konets XVIII–XXI vv.) [Slavs and Russia: problems of statehood in the Balkans (late XVIII–XXI centuries)]. Moskva: Institut slavyanovedeniya. S. 319 – 338.

2. Vklad bolgarskogo naroda v razgrom fashistskoy Germanii (1967) [The contribution of the Bulgarian people to the defeat of Nazi Germany]. Moskva: Voenizdat.

3. Biryuzov S.S. (1963) Sovetskiy soldat na Balkanah [Soviet soldier in the Balkans]. Moskva: Voenizdat.

4. Vasileva N.V. (2016) Ot voyny k miru: nekotorye diskussionnye aspekty politiki sovetских voennykh vlastey v Bolgarii (sentyabr 1944-may 1945) [From war to peace: some controversial aspects of the policy of the Soviet military authorities in Bulgaria (September 1944-May 1945)]. Istoricheskay bolgaristika (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora L.B. Valeva). Sb. Statey. [Historical Bulgarian Studies (To the 100th anniversary of the birth of Professor L.B. Valev). Sat. articles.]. Moskva: Institut slavyanovedeniya.

5. Dokumentalnayz kolleksiya NIIVI VAGSH VS RF. F. 189. Op. 231. D. 3. L. 50–51, 56.

6. Zafirov D. (2010) Bolgarskaya narodnaya armiya v borbe protiv gitleristskogo vermahta [Bulgarian People's Army in the fight against the Nazi Wehrmacht]. 65 години от победата над фашизма.

Сборник доклади от българо-руска научна конференция “’65 години от победата над фашизма, края на Втората световна война и приноса на България”. 18.02.2010 година. Sofia. S. 158-177.

7. Osvoboditelnaya missiya sovetskih vooruzhennyh sil vo Vtoroy mirovoy voyne (1971) [Liberation mission of the Soviet armed forces in World War II]. Moskva: Politizdat.

8. Osvobozhdenie Yugo-Vostochnoy I Tsentralnoy Evropy voyskami 2 i 3 Ukrainskih frontov (1944-1945 gg.) (1970) [Liberation of South-Eastern and Central Europe by troops of the 2nd and 3rd Ukrainian Fronts (1944-1945)]. Moskva: Nauka.

9. Rossiyskiy gosudarstvennyy arhiv sotsialno-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 644. Op. 1. D. 380. L. 88, 94, 98.

10. RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 380. L. 90, 91, 94, 95.

11. Russkiy arhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 14(3-2). Krasnaya armiya v stranah Tsentralnoy, Severnoy Evropy i na Balkanah, 1944-1945: Dok. i materialy (2000) [Russian archive: The Great Patriotic War. T. 14(3-2). The Red Army in the countries of Central, Northern Europe and the Balkans, 1944-1945: Doc. and materials]. Moskva: Terra.

12. Order of the Battle and Handbook of the Bulgarian Armed Forces. Washington, 1943. 132 p.

13. Българска история. Книга втора: Паметни битки и сражения. София, 2012. 145 с.

14. Данов А. Отечествената война 1944-1945. София: Партиздат, 1972. 180 с.

15. Недялков Д. Въздушната мощ на Царство България. Част IV. София: Фарк ООД 2001. 62 с.

16. Отечествената война на България 1944-1945: документи, материали. Т. 2. София: Военно издателство, 1980. 462 с.

Об авторе

Кондратенко Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Россия). E-mail: Konrad_85@mail.ru

Kondratenko Sergey Yurevich – Candidate of Historical Sciences, junior researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: Konrad_85@mail.ru

УДК 94(47)(470.56)

Кудланов К.Б., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Курская академия государственной и муниципальной службы (Россия)

МОТИВЫ ПРЕДСТОЯЩИХ «У ДЕЛ» В ЗАХВАТАХ ОДНОДВОРЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ В XVIII СТОЛЕТИИ, КАК ИНДИКАТОР КАПИТАЛИЗМА

Статья посвящена актуальной по настоящий день теме вовлечённости чиновнического аппарата в капиталистические отношения. Исследователь пытается выявить это на основе намерения участия предстоящих «у дел» в перераспределении земельного фонда однодворцев. Цель статьи состоит в выявлении уровня проникновения «духа капитализма» в мышление предстоящих «у дел» на основе мотивов, с которыми они захватывали однодворческую землю Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) в XVIII столетии. Задачи заключаются в: всестороннем изучении чиновнических захватов однодворческой земли для заселения и продажи; определении уровня вовлечённости власть предержащих в капиталистические отношения на основе сопоставления двух типов мотивов. В процессе работы использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный и историографический анализы. В исследовании автор поочерёдно описывает две группы мотивов захвата однодворческой земли. Первая соответствовала феодальной эпохе, а вторая – капиталистической. Каждая из них подразделялась на смежную и корневую подгруппы. Последняя в обоих случаях была наиболее структурирована и делилась на 3 вида. У сторонников натурального хозяйства структурирование происходило по принципу «кто заселял захваченное», а у капиталистов – по длительности соприкосновения чиновника с отобранной землёй. Вся структура основывается на исторических примерах. В ходе работы над статьёй исследователь заключает, что в умах представителей чиновнического аппарата втор. пол. XVIII в. прослеживалось столкновение мнений из разных социально-экономических формаций, при отчётливом присутствии существенных признаков капиталистического уклада. Тогда последний ещё не занимал абсолютно доминирующего положения. Однако, именно его широкое распространение в будущем и привело к видимым тектоническим сдвигам сер. XIX столетия. Следовательно, полноценному водворению того или иного уклада предшествует плавный рост общественного нарратива эпохи, к которому впоследствии и склоняется большая часть активного населения.

Ключевые слова: однодворцы, чиновники, захваты, завладение землёй, генезис капитализма, Центральное Черноземье.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-116-127

Введение. Статья посвящена исследованию ментальных предпосылок перехода от одного общественного строя к другому. Её актуальность обуславливается тем, что статья посвящена в том числе и капитализму, который занимает существенное место в настоящей действительности РФ.

Объектом исследования является однодворческое сословие. Термин однодворец для XVII в. означал служилого человека, проживавшего одним двором, т. е. без крестьян. После податных реформ нач. XVIII в. этот термин приобретает новый смысл названия сословия, сформированного из значительной части служилых людей «по отечеству» и абсолютного большинства служилых «по прибору». Для бытности XVIII в. имело место и малочисленное сословие «старых служб служилых людей», которое по тем или иным причинам не было зачислено при Петре I в состав однодворцев. Впоследствии «старых служб служилые люди» войдут в число одно-

дворцев, а последние – в состав государственных крестьян [15, с. 119]. На момент 3-й ревизии 1762 г. в Белгородской и Воронежской губерниях сосредотачивалось более 85 % всех однодворцев страны, общая доля которых от всего населения России занимала менее 5 %. В этих регионах однодворцы тогда составляли более половины всех жителей и благодаря политике заказных городов, утратившей силу в нач. XVIII в., они, в своей совокупности, располагали значительными земельными пространствами [2, с. 136].

Вышесказанное обуславливает хронологические рамки исследования. Хронология статьи затрагивает весь XVIII век, на который приходится пик захватов однодворческой земли. Географический охват исследования простирается по всему ареалу основного места обитания потомков мелких служилых людей. Он занимал всю южную часть ЦЧ, т.е. территории Орловского, Курского, Воронежского и Тамбовского наместничеств согласно территориально-административной реформе Екатерины II.

Предметом исследования являются мотивы захвата однодворческой земли со стороны предстоящих «у дел». Под последним термином подразумеваются все слои чиновничества, т.е. представители разных уровней исполнительной и судебной, а также законодательной ветвей власти. Согласно штату чиновников 1802 г. в Курской губернии насчитывалось 458 государственных служащих: 54 в Губернском правлении и 404 – в Уездных. Если соотнести их численность с населением Курской губернии составлявшей в 1802 г. 1 млн. 180 тыс. человек, то очевидно недостаточное количество предстоящих «у дел». Аналогичное положение прослеживалось и в остальных регионах юга ЦЧ. И это при всём том, что «штаты 1802 г.» существенно увеличивали численность государственных служащих по сравнению с XVIII столетием [14, с. 67].

В целом, роль чиновнических захватов однодворческой земли в соотношении с широтой всего этого процесса не существенна. Это отчётливо видно из классификации различных явлений жизни потомков мелких служилых людей составленной М.Т. Белявским, который основывался на Наказах однодворцев ЦЧ в Уложенную комиссию 1767 года. В упомянутой классификации чиновническим захватам земли посвящено 9,2 % от всего внимания однодворцев в их наказах, в отличие от помещичьих завладений – 57,6 %. Однако, даже эта незначительность позволяет выявить мотивы чиновников в захвате земли потомков мелких служилых людей. Более того, узость темы исследования позволяет автору не утонуть в обилии исторического материала и сконцентрироваться на главном.

Итак, мотивы захвата обуславливались отношением чиновников к земле. «Дух времени» происходящих событий наглядно характеризовали два вида поводов, которые были распространены в среде предстоящих «у дел». Одни отбирали землю для заселения, вторые – для продажи. Первая группа захватчиков своим менталитетом соответствовали феодальной эпохе, вторая – капиталистической. Это свидетельствует о том, что в исследуемый период прослеживался стык двух социально-экономических формаций, т.е. плавный переход от натурального обращения к денежному.

Основным источником, на котором базируется исследование, является наказы однодворцев в Уложенную комиссию 1767 года.

Их составление совпадает с пиком захватов земель потомков мелких служилых людей, и источник отражает этот процесс наилучшим образом. В отечественной историографии наказы однодворцев довольно-таки хорошо изучены. Впервые они были опубликованы в Сборнике Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО), но там имелось их всего 5 из 78 существующих [28]. Стоит упомянуть и об изданном немного ранее «Мнении депутата от однодворцев Белгородской провинции Андрея Маслова о злоупотреблениях, производимых низшими чинами судебных мест» [24]. Из дореволюционных исследователей, изучавших Наказы, стоит упомянуть С.В. Вознесенского [4, с. 90–115], П.Г. Архангельского [1], ну и, конечно же, известного специалиста по крестьянскому вопросу В.И. Семевского [27].

Наиболее активное употребление упомянутого источника прослеживалось в сер. XX века. В это время Ф.И. Лаппо для своих исследований использовал наказы, но только Белгородской провинции [17, с. 239–259]. В кандидатской диссертации, защищённой в 1953 г. и следующей за ней статье, В.И. Недосекин рассматривал наказы Воронежской провинции [19; 20, с. 133–154]. Книга М.Т. Белявского основывалась уже на 26 наказах однодворцев со всего ЦЧ [2, с. 144]. Другие авторы, в своих трудах тоже прибегали к использованию упомянутого источника. К ним нужно отнести советских историков В.М. Проторчину [23, с. 130–135], А.П. Умрихину [29], М.Н. Дружинина [8], а также некоторых других исследователей.

В постсоветском периоде интерес к упомянутому источнику существенно поубавился. Во-первых, из-за довольно-таки хороших результатов проработки наказов в прошлом, а во-вторых, из-за прекращения изучения вопросов «классовой борьбы». Только некоторые исследователи современности, изучающие особенности однодворческой жизни, лишь вскользь упоминают об этом источнике. Например, О.М. Карамышев, Н.А. Комолов, В.В. Нечаев, а также некоторые другие [10, с. 4–12; 13, с. 65–85; 22, с. 151–171]. Таким образом, хорошая изученность наказов обуславливает отсутствие необходимости нашего обращения к их первоисточнику. Тем более, многие из них давно опубликованы в чистом виде, например, в Приложениях к труду М.Т. Белявского [2, с. 149–159].

Между тем ни один из упомянутых исследователей глубоко не разрабатывал вопрос мотивов захвата однодворческих земель у помещиков, не говоря уже о чиновниках. А упомянутая тема очень актуальна, т.к. позволяет пролить свет на тяготение элиты общества к той или иной социально-экономической формации.

Методы. Теме генезиса капитализма и определения времени его становления посвящено множество трудов. Немало в разработке отдельных сторон упомянутой проблемы сделали советские историки и экономисты, вооружённые методологией марксизма-ленинизма. Подробно обращаться к этой теме в настоящей статье мы не будем, т.к. она добротнo проработана В.И. Недосекиным, Н.М. Дружининым и Л.В. Миловым [21, с. 3–7; 9; 18, с. 351–532].

Главный недочёт материалистической марксистской методологии состоит в отсутствии учета роли духовного фактора в процессе становления новой социально-экономической системы. Это обстоятельство было исправлено в современном исследовании В.Ю. Катасонова. Последний, используя терминологию М. Веббера [3, с. 42–43], разработал довольно-таки стройную концепцию социально-экономических формаций, ставящей во главу угла именно духовный фактор [11]. По его мнению, этот самый «дух капитализма» есть не что иное, как Евангельская мамона (Лк. 16: 13), или страсть сребролюбия, которая по свидетельству ап. Павла является корнем всех зол (1Тим. 6: 10). В русле такого подхода будет очень продуктивным взглянуть на намерения захватов для выявления уровня распространения капиталистического менталитета, в первую очередь в умах просвещённого класса ЦЧ.

Помимо указанной методологии, статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении участия чиновников в общем процессе перераспределения земельного фонда однодворцев ЦЧ; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (определённые примеры завладения земли предстоящими «у дел» и их мотивов) в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления намерений чиновников в отбирании земли потомков мелких служилых людей. Соединение общих и

единичных явлений позволило вписать различные поводы к захватам в канву исследуемых социально-экономических формаций. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения различных примеров завладений однодворческой земли некоторыми злочестивыми чиновниками. Историко-генетический метод раскрывал изменения в менталитете захватчиков тяготевшего к тому или иному укладу жизни. Историко-типологический метод позволил рассмотреть роль чиновников в перераспределении земельного фонда подконтрольных им потомков мелких служилых людей в ретроспективе всей социально-экономической истории ЦЧ.

Результаты и их обсуждение. На конкретных исторических примерах попробуем поочередно описать обозначенную во введении структуру. Начнём с захватов для заселения, подразделявшихся на три подвида, а именно для: личного водворения чиновника или совместно с его поселянами, либо переселение на захваченные угодья только одних крестьян. По имущественному положению инициаторы захватов подразделялись так, что первым подвидом пользовались бедные, вторым – средние, а последним – богатые помещики. Бывали, конечно, исключения, и последние лично водворялись на однодворческую землю. Например, это случалось, когда высокопоставленному захватчику место было по душе.

Перечислим все описанные выше подвиды. Как уже указывалось, чиновники уровнем помельче, сами заселяли захваченное. Такой случай мы встречаем в шацком наказе, где однодворцы Рассыльной и Стрелецкой слобод жаловались на канцелярских служителей потому, что последние поселились в Рассыльной слободе [2, с. 95]. Другие помещики водворялись на захваченное вместе с их крестьянами. Так, однодворцы д. Свинцовой в наказе пишут, что бывший секретарь духовной консистории Белгородской епархии И.Д. Даниловский «незнаемо по каким крепостям, поселился своим помещиковым двором. И населил своих крестьян на жалованной предков наших прадедовской и дедовской помесной подгородней драгунской земли. И усиленно распашную землю пашет и вновь, где хочет, самовластно распахивает. И на сенокосах поселился своими крестьяны и вытолачивает своим скотом показанные луга, а нас до владения не допускают» [5, л. 52].

Подобный случай мы встречаем в том же карповском наказе. «Бывший Никита Борисович Вепренский в Белгороде ландратом в то время... незнаемо по каким крепостям отхватил общеизвестные наши земли в Глинске третью часть поля, в Мошиной на выгоне, на ухожих местах построил господский дом и населил слободу черкас, которого предков наших общественными землями со всеми принадлежащими угодьями... ныне внук его Сергей Иванов сын Вепренский владеет» [5, л. 51]. Итак, здесь мы наблюдаем, что чиновники не всегда продавали захваченное, а после отбирания земли могли сами её заселять вместе со своими крестьянами.

Обилие исторических примеров мы встречаем при заселении захваченной земли исключительно крестьянами. Разнообразие методов завладений с таким мотивом подразделялось на силовые и мягкие. Известно, что личные силовые захваты однодворческой земли с последующим подселением своих крестьян и подданных черкасс пронизывали все уровни губернской власти от воевод до «фурштадских команд». Так, Чугуевский воевода, подполковник А.И. Стремоухов, захватил у детей боярских 1000 дес. и у пушкарей 50 дес., поселив на этих землях своих крестьян и подданных черкасс, которые основали с. Богородицкое и хут. Лебязжий [2, с. 64].

Офицеры «фурштадской команды», писали с возмущением в своём наказе староскольские однодворцы, «на их землях» построили себе хутора и населили крестьян. Другие чиновники тоже «силой завладели» однодворческими дачами, «поселили людей своих крестьян и подданных черкас, и распрудя пруды, построили мельницы» [5, л. 83].

Следующие случаи показывают применение чиновниками мягких методов захватов для грядущего подселения их подданных. Так, в своём наказе однодворцы Конной и Пушкарской слобод г. Нижнего Ломова, писали, что «находящиеся у дел» в провинциальной и Нижнеломовской уездной воеводской канцелярии подполковник В.С. Ржевский, лесной надсмотрщик М.И. Крюков, канцеляристы М. и С. Протопоповы, Ф. Усачёв и А. Архипов незаконно купили земли однодворцев, переселившихся на новые места, после чего захватили и все прилегающие к ним угодья. Наконец, «в самых лучших... угодьях» однодворцев

Ржевский поселил две деревни своих крестьян, а Крюков – одну [2, с. 86].

Обособленно в этой группе стоят другие редкие мотивы чиновничьих захватов натурального характера. К ним нужно отнести отбирание однодворческой земли для государственных нужд. Примером этого явления может служить строительство казённых «кружечных дворов» на усадебных участках однодворцев Стрелецкой слободы г. Шацка [2, с. 95]. Ещё на территории ЦЧ встречались случаи захвата для обезземеливания своих вероятных будущих работников. Например, товарищ губернатора, бывший корочанский воевода, П. Безобразов присвоил себе пашню и угодья тех местных однодворцев, которых, используя служебное положение, принуждал работать в его хозяйстве. Терпение потомков мелких служилых людей закончилось в ноябре 1766 г., и они подали жалобу на Безобразова в губернскую канцелярию. Кстати, к тому времени последнего «за взятки» уже отстранили от должности [12, с. 201].

Итак, мы видим, что захват для заселения подразделялся на реальную нужду в земле, желание в дополнительном обогащении натуральными способами, т.е. благодаря расширению своего земельного фонда. Наказы часто описывают случаи, когда чиновники для присваивания себе чересполосных участков однодворческой земли, и не только, заводили там хутора и деревни, населяя их своими крестьянами. Это они делали для собственной хозяйственной пользы и удобства. Такие люди вполне могли заболеть идолопоклонством, но вместо денег поставить во главу угла количество приобретённых земель. Правда стоит признать, что такие стяжатели были хорошими хозяевами.

Нужно учитывать и то, что не всегда чиновники-душевладелец являлись реальными инициаторами захватов однодворческой земли. Крестьяне предстоящих «у дел» сами вполне могли быть захватчиками. Мотивы поселян в этом случае крылись в расширении собственного земельного фонда под крылом владельца для улучшения своего материального положения. Известно, что в множественной череде захватов имелись случаи, когда помещикам, а больше их малоземельным крестьянам действительно требовалась дополнительная земля. Так, у Ф.И. Лаппо мы

встречаем случай, когда помещики, соседствующие с однодворцами из с. Стаканово Ливенской округи (будущего Щигровского у.), у последних различными путями отобрали большую часть их земли. Ф.И. Лаппо установил, что к кон. XVIII в. у обиженных однодворцев осталось по 8 дес. на душу, а у соседствующих с ними помещичьих крестьян, после значительных прирезок земли – всего по 4 десятины [16, с. 311].

По подсчётам М.Т. Белявского в результате захватов помещиками 3 600 дес. в Кромском у. в сер. XVIII в. надел на 1 душу м.п. в среднем уменьшился у однодворцев только на 1 десятину. По мнению исследователя, – это было весьма чувствительно в старом, давно обжитом и густонаселённом районе [2, с. 45]. Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что за однодворцами были закреплены крупные земельные пространства. В последней четв. XIX в. даже после окончания перераспределения земельного фонда однодворцев составители сборников статистических сведений практически повсеместно по ЦЧ отмечали лучшую обеспеченность землёй четвертных собственников, нежели бывших помещичьих крестьян [7, с. 5; 25, с. 38; 26, с. 44–47].

Таким образом, имелось две категории чиновников, которые захватывали однодворческие угодья для заселения и ведения натурального хозяйства. Первые по-настоящему нуждались в земле и к ним относились те, кто заселялся лично и вместе с крестьянами. Вторые хотели чрезмерности, т.к. болели недугом обогащения натуральными способами. К ним относилась часть водворяющихся на захваченную землю с крестьянами, а также исключительно сами поселяне без владельцев. Среди последней категории тоже встречались нуждающиеся, но в основном крестьяне, которые самовольно захватывали однодворческие угодья. Хотя они и использовали отобранное для своих нужд, но числилась земля за их владельцем, т.е. чиновником.

Перейдём к следующей группе мотивов. Её можно назвать завладение ради наживы или грабёж, либо «первоначальное накопление капитала». Причины в данном случае имелись разные. Одни захватывали однодворческую землю исключительно для выгоды, а другие – продавали отобранное против своей воли, смиряясь перед обстоя-

тельствами. Первая подгруппа подразделялась на длительность соприкосновения чиновника с отобранными угодьями. Одни вообще фигурировали в качестве захватчиков и довольствовались только барышом от сообщника, в основном помещика. Вторые становились временными хозяевами отобранной земли и вскоре её продавали. Третьи вообще предпринимали ряд мер для увеличения земельной стоимости и затем в среднесрочной или долгосрочной перспективе избавлялся от некогда отобранного. Те же, кто продавал захваченную землю по обстоятельствам, полностью зависели от случая.

В соответствии с указанной структурой распределим имеющиеся исторические примеры. Начнём с тех захватчиков, которые продавали отобранную землю не сразу, но различными мерами пытались увеличить стоимость незаконного приобретения. Населённая в 1731–1732 гг. генералом графом Дуклосом сл. Рогань в 1739 г. была продана белгородскому вице-губернатору Б.И. Пассеку. Последний, используя своё должностное положение, объявил все однодворческие земли, прилегающие к купленной им слободе, «порозжими», тем самым дополнительно примежевав к своему недавнему приобретению ещё 500 десятин. В его собственности она находилась не долго. Сразу после упомянутых незаконных прирезок, Пассек перепродал сл. Рогань княгине С.Б. Кантемир [2, с. 63]. Отношение вице-губернатора к земле как капиталу и средству для добычи дополнительных доходов очевидно.

Мгновенное извлечение наживы от захваченной земли мы встречаем в следующих случаях. «Бывший в городе Карпове воевода Андрей Федотов сын Венгеров, незнаемо по каким крепостям в селе Глинске на речке Ивне Колодези лугов отыскал на 300 копен и отдал князю Трубецкому...» [2, с. 203]. Такие же факты, где захваченные земли чиновники перепродавали помещикам, подтверждают и однодворцы Старооскольского и Вольновского уезда. Прослеживалось подобное явление и в последней четверти XVIII века. Например, подканцелярист Курского уездного суда А. Реутов в 1785 г. незаконно продал часть родовой земли однодворцев Луневых, располагавшейся в с. Высокое Обоянской округи [6, л. 4–5].

Подобный мотив прослеживалось и во время прирезок однодворческой земли помещикам через различные размежевания. Это

явление в сер. XVIII в. потомки мелких служилых людей из д. Коровиной характеризуют так: «А в прошлом 1764 году в сентябре месяце присланный в Белгородскую провинцию и в приписанные к той провинции города для измеривания и описи имеющихся диких поль и порозжих земель господин поручик Калистрат Шишкарев из... нашей жалованной земли прозывавшую Пенскую Яругу отписал в государственные дачи не знаемо для чего. Да им же, Шишкарёвым в показанной 764-м году и с ... жалованной нашей дачи по отводу карповского помещика... Дмитрия Шишкова отписано в государственные дачи 225 четвертей, нароя по похлебству... Шишкову, только нам для единого утеснения и чтоб у него Шишкова ту [землю] с найму ежегодно брали» [2, с. 200]. Таким образом, приехавший чиновник отписал в пользу государства дачу однодворцев, после чего, видимо не без вознаграждения, её же отдал помещику. Последний, в свою очередь, начал сдавать эту землю её прежним хозяевам.

В целом, нужно отметить, что некоторые сребролюбивые помещики довольно-таки часто находили общий язык с продажными чиновниками, пользуясь услугами последних. Например, обоянские однодворцы писали, что из-за безнаказанности и поддержки администрации «иные помещики пришли в отваги». Последние «яко действительной неприятель, собрав своих вотчин крестьян с нарядным делом и ружьем, с копьем и дубьем» разорили однодворческие деревни, выгнали однодворцев с их женами и детьми, отняли у них скот, хлеб, платье и «все без остатку», а многих «на их собственных, жилищах и до смерти побивали». На захваченных землях и в домах они поселили своих крепостных крестьян [2, с. 48]. Из представленного примера мы видим, что некоторые помещики тоже были заражены «духом капитализма» и ради выгоды были готовы на многое. Относительно же мгновенного извлечения наживы от захваченной земли нужно отметить, что такой подход был довольно-таки распространённым в некоторых слоях бюрократического аппарата.

Следующие чиновники соприкасались со своим незаконным приобретением на непродолжительное время. Жажда наживы настолько овладевала некоторыми захватчиками, что последние уже не считались ни с

чем. Как и в вышеприведённом случае они захватывали не только пустоши, которыми не пользовались однодворцы, но и их пашни и даже сами жилища. В 1760 г. с помощью губернатора Пушкина, путём наговора об однодворческом захвате и наглых насилий, валдмейстер Вельяминов не только отнял землю, принадлежавшую потомкам мелких служилых людей из с. Караи и д. Дурнякиной Борисоглебского у., но даже выселил их из собственных жилищ. Вскоре после этого он продал часть присвоенной земли (90 четв.) графу Р.Л. Воронцову, на которой тот поселил слободы черкас. Подобным же образом Вельяминовым была отнята земля, принадлежавшая однодворцам с. Пузево и д. Чернавки Павловского уезда [23, с. 117–118].

Задумывались ли такие захватчики о судьбе тех однодворцев, которых они выгнали из собственных жилищ? Причём речь шла не только о мужчинах, которых просто выбросили на улицу, но и женщинах с детьми, а также старшем поколении. И если прибыль для захватчика стоила слёз обиженных, которых они оставили без крова над головой и средств к существованию, то очевидно, что у такого корыстолюбца с нравственностью имелись существенные проблемы. Однако, далеко не все захватчики-капиталисты опускались до выселения однодворцев из жилищ. Всё зависело от уровня нравственного падения каждого чиновника.

Кстати, очень характерным признаком наличия «духа капитализма» является то, что итоговые злоупотребления валдмейстера Л. Вельяминова были оценены не в десятинах земли, а в 23 тысячах руб., которые там всякими способами вымучил у однодворцев [23, с. 118]. Из этого можно заключить, что чиновнику нужна была не земля, но деньги. Последние он извлекал у не имеющих капитала однодворцев, в том числе посредством незаконных земельных приобретений, по причине ведения ими в основном натурального хозяйства.

Яблоновские однодворцы в своём наказе писали, что команды «отняли у них земли и угодыями завладели и разным помещикам все наши однодворческие земли уже от имени своего продавали» [5, л. 46–47]. Историк А.Г. Слюсарский в «Ведомостях о землях Салтовской сотни 1749 г.» обнаружил, что исполняющий должность товарища Белго-

родского губернатора Богдан Иванович Пасек в 1739 г. незаконно завладел 10 тысячами десятин в Салтовской сотне, 1 250 дес. – в 1-й Харьковской сотне, а также неопределённое количество земли в Волчанской и 2-й Харьковской сотнях. Всё отобранное вскоре перепродавалось [12, с. 158].

Такая активная купля-продажа захваченного имела свои, известные потомкам мелких служилых людей, предпосылки. В вольновском наказе пространно изложены законы, запрещающие приобретение однодворческой земли помещиками и местными чиновниками (пункт 7) [5, л. 77]. Основных запретительных законодательных актов было два. Первый исключительно касался чиновников, а второй затрагивал последних в качестве составной категории дворянского сословия.

Первый, по свидетельству Ф.И. Лаппо, запрещал лицам, вращающимся «у дел», приобретать землю в тех местах, где они служили. Однодворцы об этом знали, поэтому в своих наказах специально выделяли эту группу захватчиков [5, л. 54]. Второй законодательный акт в карповском наказе однодворцев из дер. Свинцовой описан так: «До 1727 года по запретительным высочайшим указам о непродаже и непокупке однадворческих помещикам земель» [2, с. 218]. Напомним, что этот Указ приняли Верховным Тайным советом 14 августа 1727 г. и он запрещал покупать земли у однодворцев Белгородской и Воронежской губерний [5, л. 55]. Последний законодательный акт здесь мы привели потому, что многие захваты начинались именно с первоначальной покупки.

Таким образом, оба эти запретительных законодательных акта ускоряли процесс купли-продажи однодворческой земли в кругах тех, кто относился к ней как средству обогащения. Первый узкоспециализированный закон торопил захватчика поскорее избавиться от греховного приобретения. Второй в среде чиновничьего аппарата предоставлял поле для методов злоупотреблений. Один из них, например, описан в курском наказе: «... У однодворцев и у их жен и дочерей и с тех земель немалое число четвертей покупали, иминуя оных помещиками, на свои и посторонние имена» [5, л. 76]. Другой метод хорошо описан у В.М. Проторчиной. Он состоял в том, что один вышестоящий чиновник

заставлял своих подчинённых составить фиктивную купчую о продаже ему однодворческой земли, которая «якобы» им принадлежала [23, с. 117–118]. Имелись и другие методы, но настоящее исследование не ставит перед собою цель все их огласить.

Итак, захваты для последующего сбыта подразделялись на продажу захваченной земли преднамеренную и по нужде. К последней относились различные обстоятельства, например, страх перед угрозой увольнения из-за наличия собственности в тех уездах, где служили чиновники или из-за опасения воспоминаний соседствующих обиженных однодворцев. Ведь последние действительно много жаловались, и при первой возможности эти сведения о захвате могли всплыть наружу и навредить последующей карьере чиновника. К тому же далеко не у всех предстоящих «у дел» была возможность самим её обрабатывать, а захват – дело более простое. Поэтому для первоначального накопления капитала нетвёрдые в нравственности чиновники иногда пользовались представившимся случаем.

Другая же категория предстоящих «у дел» явно была заражена «духом капитализма». Такие к захватам с помощью своего служебного положения относились холодно и расчётливо, как к ремеслу. Именно они и являлись инициаторами создания вакуума чиновнических злоупотреблений. Последняя категория захватчиков для государственной жизни была наиболее опасна и в основном неисцелима. Даже при совершенствовании системы управления такие люди не прекращали своих преступлений, но притаивались для изобретения методов новых злоупотреблений. К сожалению, в итоге они эти лазейки находили.

Скорость перепродажи у умышленных капиталистов была разная (мгновенная, после захвата или после вложений в присвоенное). Очевидна взаимосвязь между длительностью нахождения земли у захватчика и его прибылью. Чем дольше отобранное находилось в руках последних, тем увеличивались инвестиции в имение и возрастали риски отстранения чиновника от должности с последующей конфискацией имущества. От последних факторов в пропорциональной прогрессии и возрастала прибыль с когда-то захваченного имения.

Заключение. Итак, в ходе нашего исследования мы выявили важные черты мента-

литета чиновников-захватчиков. Среди последних во втор. пол. XVIII столетия таких образов мышления имелось два. Первый тяготел к натуральному хозяйству, склоняясь к феодальному строю, а второй – к финансам, являясь сторонником новой капиталистической формации. Две крупных группы подразделялись на стержневую и смежную подгруппы. Стержневая была наиболее предана основному идеалу эпохи, а смежные по тем или иным причинам вмещали в себя признаки обеих формаций с доминированием той в которой находились.

Наиболее структурированные были стержневые подгруппы. Последняя у сторонников натурального хозяйства делилась ещё на три вида, по принципу «кто заселял захваченное». А именно для водворения чиновника личного или совместного с поселянами, а также переселение на захваченные угодья только одних крестьян. Стержневая подгруппа капиталистов также подразделялась на три вида, по принципу длительности соприкосновения чиновника с отобранной землёй. Одни фигурировали в преступлениях только как захватчики, довольствуясь барышом от сообщника. Вторые сбывали отобранное после его регистрации на своё имя. Третьи оставались собственниками более долгое время, т.к. перед продажей захваченного предпринимали ряд мер для увеличения стоимости земли.

Степень заражения «духом капитализма» у всех была разная. При захватах земля лучшим индикатором этого уровня являлся нравственный порог, который ради прибыли были готовы преступить чиновники. Задумывались ли захватчики-капиталисты о судьбе тех однодворцев, которых они выгоняли из собственных жилищ? Причём речь шла не только о мужчинах, но и о женщинах с детьми, а также старшем поколении. К тому же такие рейдерские захваты нередко заканчивались смертоубийствами. А если прибыль для захватчиков стоила слёз обиженных, которых они оставили без крова над головой и средств к существованию, то очевидно, что у такого корыстолюбца с нравственностью имелись серьёзные проблемы. Правда, подобное отношение к прибыли являлось крайностью, и у каждого чиновника этот порог падения был разным. Например, многие сторонники натурального ведения хозяйства или их крестьяне специализировались на захватах

необработанных пустошей, лежащих у однодворцев про запас. Следовательно, упомянутый нравственный порог состоял в том, что одни отбирали у потомков мелких служилых людей лишнее, а другие – необходимое.

Само преступление объединяло смежные группы. Ведь захват, по его близости к категории сребролюбивых грехов, в каком-то плане можно считать капиталистической мерой, осуществляемой феодальными методами. Отсюда вытекала схожесть и мобильность между смежными подгруппами двух эпох. Предпринимая противозаконный захват даже для последующего пользования, чиновник уже был привержен жажде обогащения, только натуральными способами. Впоследствии такой человек мог окончательно заболеть идолопоклонством, но вместо денег поставить во главу угла количество приобретённых земель. Следовательно, среди сторонников феодальной эпохи тоже имелись носители «духа капитализма». Аналогично и в противоположной группе встречались и такие, кто продавал захваченное по необходимости, без личного желания. Они хотели бы вести хозяйство, но на кону стояла должность. Или вообще, по причине собственной маломочности, не имели возможности осуществить задуманное. Описанное свидетельствует о сложности исторических процессов, обуславливающей то, что в определённое время в чистом виде не существовало ни одной социально-экономической формации. Последние всегда накладывались друг на друга внахлест.

Между упомянутыми смежными группами имелась подвижность. Например, когда чиновники «обеляли отобранное». Одну землю они захватывали для продажи, а на вырученные деньги, без рисков для своей службы, уже покупали себе именья в других уездах. Такое первоначальное накопление капитала для последующего ведения хозяйства показывает подвижность мотивов двух социально-экономических эпох. Аналогично могли переходить в соседнюю группу и чиновники-стяжатели натуральными способами. Ведь известно, что богатства много не бывает, а страсти и запросы растут. Следовательно, то чем довольствовался чиновник в одно время, могло не хватать ему в следующем жизненном отрезке. От этого смещался порог нравственности в захватах, и протекала подвижность между группами мотивов.

Из представленного можно заключить, что каждая социально-экономическая формация имеет свою главную внутреннюю духовную пружину. И если пассионарность капиталистической эпохи крылась в сребролюбии и его производных страстей (мздоимстве, корыстолюбии, воровстве и т.д.), то внутренняя пружина феодального уклада, на наш взгляд, состояла в гордости с её различными порождениями (властолюбии, тщеславии и т.д.). Последние приоритеты служили нематериальным идеалам, а первые – плотским. Конечно, это не говорит о том, что в феодальную эпоху не было людей больших сребролюбием, т.к. они имелись, как и признаки любой другой социально-экономической формации среди господствующей. Полноценное водворение того или иного уклада можно оценить по общественному нарративу, к которому склоняется большая часть населения.

Судя по мотивам чиновников в захватах однодворческой земли в XVIII в. можно сказать, что в их среде действительно прослеживался генезис капитализма. Ведь согласно

представленным в статье материалам чиновники-капиталисты количественно преобладали практически в два раза. Несмотря на это, совершенно доминирующего положения тогда упомянутая формация ещё не занимала. Ведь сами по себе захваты являлись принудительным воровством, которое относилось к группе сребролюбивых грехов. И если даже в этой категории, по своей сути уже капиталистической, имелись чиновники, которые, вопреки законам, оставляли за собой захваченные земли, то это свидетельствует о ещё сильных началах распространения натурального хозяйства в XVIII столетии. Со временем количество носителей «духа капитализма» ещё увеличивалось, что и привело к тектоническим социально-экономическим сдвигам сер. XIX столетия. Следовательно, полноценному водворению того или иного уклада предшествует плавный рост общественного нарратива эпохи, к которому впоследствии и склоняется большая часть активного населения.

Список литературы

1. Архангельский П. Г. Погостные наказания, как исторический источник. Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1916. 50 с.
2. Белявский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 268 с.
3. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
4. Вознесенский С. В. Городские депутатские наказания в Екатерининскую комиссию 1767 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1909 (11). С. 90–115.
5. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69.
6. ГАКО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 610.
7. Добротворский Н. А. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян центрального района. Курск: Тип. Губ. Земства, 1885. 228 с.
8. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1946. 633 с.
9. Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. 79 с.
10. Карамышев О. М. О приобретении однодворцами потомственного дворянского достоинства Российской Империи // Проблема признания и утверждения в правах российского дворянства высших сословий народов Российской Империи и иностранных дворян. СПб.: ВИРД, 1997. С. 4–12.
11. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.
12. Колотушкин А. А. Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности (1727–1779 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2015. 245 с.
13. Комолов Н. А. Однодворцы Воронежской губернии губернаторских проектах середины 1760-х годов // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV–XX веков: Сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. С. 65–83.
14. Кудланов К.Б. Бюджет бюрократического аппарата губернского и уездных правлений в

первой четверти XIX в. (по материалам Курской губернии) (статья) // Историко–психологические аспекты бюрократии: Материалы XXXVI междунар. науч. конф. СПб.: Полторацк, 2014. С. 61–67.

15. Кудланов К.Б. Миграция однодворцев из сел в города Центрального Черноземья в XVIII веке. *Via in tempore. История. Политология.* Т. 50, № 1. 2023. С. 118–129.

16. Лаппо Ф. И. Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г. // Исторические записки. Т. 44. М., 1953. С. 306–319.

17. Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. С. 239–259.

18. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. Доп. М.: РОССПЭН, 2006. 568 с.

19. Недосекин В. И. Наказы в Законодательную комиссию 1767 г. от Воронежской губернии как исторический источник: (К вопросу о формировании капиталистического уклада в Черноземной губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1953. 278 с.

20. Недосекин В. И. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII в. // Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 133–154.

21. Недосекин В. И. Социально-экономическое развитие Черноземного Центра России во второй половине XVIII века. Дис. ... докт. наук. М., 1967. 680 с.

22. Нечаев В. В. О месте однодворцев Черноземья в структуре служилого сословия России XVII – XVIII веков // *Filo Adriadne.* № 2. 2022. С. 151–171.

23. Проторчина В. М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке // Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 130–135.

24. Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. XIV. СПб., 1875. с. 105–139.

25. Сборник Статистических сведений по Тамбовской губернии. Шацкий уезд. Т. 6. Тамбов, 1898. 205 с.

26. Сборник статистических сведений Тамбовской губернии. Моршанский уезд. Т. 9. Тамбов, 1882. 442 с.

27. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1901. 865 с.

28. СИРИО. Т. CX–LIV. СПб., 1914. с. 296–322.

29. Умрихина А. П. Положение крестьян и их борьба против крепостного строя в белгородской губернии во второй половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1973. 243 с.

THE MOTIVES OF THE OFFICIALS IN THE CONQUESTS OF THE SMALLHOLDERS LAND IN THE XVIII-TH CENTURY, AS AN INDICATOR OF CAPITALISM

Bureaucratic involvement in capitalist relations is a topic that is relevant to the present day. The researcher is trying to identify this on the basis of the intention of the government officials in the redistribution of the land fund to one-courtyard people. The purpose of the article is to identify the level of penetration of the «spirit of capitalism» into the thinking of the officials on the basis of the motives with which they seized the smallholder's land of the Central Chernozem region in the XVIII-th century. The objectives are: a comprehensive study of bureaucratic seizures of one-courtyard people's land for settlement and sale; determining the level of involvement of those in power in capitalist relations based on a comparison of two types of motives. In the process of the work, analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective and historiographical analyses. In the study, the author alternately describes two groups of motives for the seizure of one-courtyard people's land. The first corresponded to the feudal era, and the second to the capitalist era. Each of them was subdivided into adjacent and root subgroups. The latter, in both cases, was the most structured and was divided into three types. Among the supporters of subsistence farming, the division took place according to the principle “who settled what was captured”, and among the capitalists, according to the duration of contact of the official with the selected land. The whole structure is based on historical examples. In the course of working on the article, the researcher concludes that in the minds of the bureaucracy in the second half of XVIII-th century, there was a clash of opinions from different socio-economic formations, with a distinct presence of essential signs of the capitalist way of life. At that time, capitalism did not yet occupy in public opinion an absolutely dominant position. However, it was its wide distribution in the future that led to visible tectonic shifts in the middle of the XIX century. Consequently, the full-fledged establishment of one way or another is preceded by the gradual growth of the social narrative of the era, to which the majority of the active population subsequently inclines.

Keywords: one-courtyard people, smallholders, officials, conquests, possession of land, the genesis of capitalism, Central Chernozem region

References

1. Arkhangel'skiy, P. G. (1916). Pogostnyye nakazy, kak istoricheskiy istochnik [Churchyard orders as a historical source]. Kazan': Tipo-lit. Imp. Un-ta. 50 p.
2. Belyavskiy, M. T. (1984). Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.) [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767–1768)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 268 p.
3. Veber, M. (2006). Izbrannoye: protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. 2nd ed., add. and correct. Moscow: ROSSPEN. 648 p.
4. Voznesenskiy, S. V. (1909). Gorodskiye deputatskiye nakazy v Yekaterininskuyu komissiyu 1767 goda [City deputy orders to the Catherine's Commission of 1767]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]*. No 11. pp. 90–115. (In Russian)
5. Gosudarstvenny'j arxiv Kurskoj oblasti [State Archive of the Kursk Region] (GAKO). F. R30. Op. 1. D. 69.
6. GAKO. F. 114. Op. 1. D. 610.
7. Dobrotvorskiy, N. A. (1885). Promysly i vnezemledel'cheskiye zanyatiya krest'yan Tsentral'nogo rayona [Crafts and non-agricultural activities of the peasants of the Central region]. Kursk: Tip. Gub. Zem. 228 p.
8. Druzhinin, N. M. (1946). Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. 633 p.
9. Druzhinin, N. M. (1955). Genezis kapitalizma v Rossii [Genesis of capitalism in Russia]. Moscow: Izd.-vo Akad. Nauk SSSR. 79 p.
10. Karamyshev, O. M. (1997). O priobretenii odnodvortsami potomstvennogo dvoryanskogo dostoinstva Rossiyskoy Imperii [On the Acquisition of the Hereditary Nobility of the Russian Empire by One-Courtyard People]. *Problema priznaniya i utverzhdeniya v pravakh rossiyskogo dvoryanstva vysshikh sosloviy narodov Rossiyskoy Imperii i inostrannykh dvoryan [The Problem of Recognizing and Establishing the Rights of the Russian Nobility of the Upper Classes of the Peoples of the Russian Empire and Foreign Nobles]*. St. Petersburg: VIRI. pp. 4–12.
11. Katasonov, V. YU. (2013). Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoy tsivilizatsii» [Capitalism. History and ideology of "monetary civilization"]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. 1072 p.
12. Kolotushkin, A. A. (2015). Belgorodskaya gubernskaya administratsiya: reglament, Sostav i osnovnyye napravleniya deyatelnosti (1727–1779 gg.) [Belgorod provincial administration: regulations, composition and main activities (1727–1779)]: PH dissertation in History. Belgorod. 245 p.
13. Komolov, N. A. (2006). Odnodvortsy Voronezhskoy gubernii gubernatorskikh proyektakh serediny 1760-kh godov [One-courtyard people of the Voronezh province in the gubernatorial projects of the mid-1760s]. *Obshchestvennoye dvizheniye i kul'turnaya zhizn' Tsentral'noy Rossii XIV–XX vekov: Sb. nauch. Trudov [Social movement and cultural life of Central Russia in the XIV–XX centuries: Sat. scientific works]*. Voronezh: VGU Publishing House. pp. 65–83.
14. Kudlanov, K. B. (2014). Byudzhety byurokraticheskogo apparata gubernskogo i uyezdnnykh pravleniy v pervoy chetverti XIX v. (po materialam Kurskoy gubernii) [The budget of the bureaucratic apparatus of the provincial and district boards in the first quarter of the 19-th century (based on materials from the Kursk province)]. *Istoriko-psikhologicheskiye aspekty byurokratii: Materialy XXXVI mezhdunar. nauch. Konf [Historical and psychological aspects of bureaucracy: Materials of the XXXVI international. scientific conf.]*. St. Petersburg: Poltorak. pp. 61–67.
15. Kudlanov, K. B. (2023). Migratsiya odnodvortsev iz sel v goroda Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII veke [Migration of one-courtyard people from villages to cities of the Central Chernozem Region in the XVIII-th century]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political science]*. Vol. 50, № 1. C. 118–129.
16. Lappo, F. I. (1953). Vosstaniye odnodvortsev sela Stakanovo v 1776 g. [The uprising of the one-courtyard people of the Stakanovo village in 1776]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]*. Moscow: Publ. House Academy of Sciences USSR, Vol. 44. pp. 306–319.

17. Lappo, F. I. (1950). Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik [The Orders of the one-courtyard people as a Historical Source]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]*. Vol. 35. Moscow: Publ. House Academy of Sciences USSR. pp. 239–259.
18. Milov, L. V. (2001). Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN. 573 p.
19. Nedosekin, V. I. (1953). Nakazy v Zakonodatel'nyuyu komissiyu 1767 g. ot Voronezhskoy gubernii kak istoricheskiy istochnik: (K voprosu o formirovaniy kapitalisticheskogo uklada v Chernozemnoy gubernii) [Orders to the Legislative Commission of 1767 from the Voronezh province as a historical source: (On the formation of the capitalist way of life in the Chernozem province)]: PH dissertation in History. Voronezh. 278 p.
20. Nedosekin, V. I. (1955). Obostreniye bor'by za zemlyu mezhdru pomeshchikami i odnodvortsami Voronezhskoy gubernii v seredine XVIII v. [The aggravation of the struggle for land between the landowners and one-courtyard people of the Voronezh province in the middle of the XVIII-th century]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta [Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute]*. Vol. XIX. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 133–154.
21. Nedosekin, V. I. (1967). Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Chernozemnogo Tsentra Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka [Socio-economic development of the Central Chernozem region of Russia in the second half of the XVIII-th century]: PhD dissertation in History. Moscow. 680 p.
22. Nechayev, V. V. (2022). O meste odnodvortsev Chernozem'ya v strukture sluzhilogo sosloviya Rossii XVII – XVIII vekov [On the place of the one-courtyard people of the Chernozem region in the structure of the service class of Russia in the XVII-th–XVIII-th centuries]. *Filo Adriadne*. No. 2. pp. 151–171.
23. Protorchina, V. M. (1955). K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke [On the history of Voronezh one-courtyard people in the XVIII-th century]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta [Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute]*, Vol. XIX. Voronezh: 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 107–133.
24. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society] (SIRIO), (1875). Vol. XIV. St. Petersburg. pp. 105–139.
25. Sbornik Statisticheskikh svedeniy po Tambovskoy gubernii. Shatskiy uyezd. [Collection of statistical information on the Tambov province. Shatsky district], (1898). Vol. 6. Tambov. 205 p.
26. Sbornik statisticheskikh svedeniy Tambovskoy gubernii. Morshanskiy uyezd [Collection of statistical information of the Tambov province. Morshansky district], (1882). Vol. 9. Tambov. 442 p.
27. Semevskiy, V. I. (1901). Krest'yane v tsarstvovaniye imperatritsy Yekateriny II [Peasants in the reign of Empress Catherine II]. Vol. II. Snt. Petersburg: Tip-ya M.M. Stasyulevicha. 865 p.
28. SIRIO, (1914) Vol. CX–LIV. Snt. Petersburg. pp. 296–322.
29. Umrikhina, A. P. (1973) Polozheniye krest'yan i ikh bor'ba protiv krepostnogo stroya v belgorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XVIII veka [The situation of the peasants and their struggle against the serfdom in the Belgorod province in the second half of the XVIII-th century]: PH dissertation in History. Khar'kov. 243 p.

Об авторе

Кудланов Константин Борисович – кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения РОИА (Россия), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Kudlanov Konstantin Borisovich – PhD (History), chairman of the youth section of the Kursk branch of the ROIA (Russia), E-mail: kudlanov777@mail.ru

УДК 94(476)“1941/1945”

Пушкаренко Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Российская таможенная академия, Россия

НЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941-1944 ГОДЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящей статье рассматривается актуальная проблема современной отечественной историографии – феномен идейно-политического и морально-психологического воздействия на массовое сознание с помощью средств пропаганды на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. Исследование проведено на примере Генерального округа Беларусь с использованием документов Национального архива Республики Беларусь периода 1941-1944 гг. Цель исследования – анализ содержания, специфики и эффективности немецкой пропаганды антисоветской направленности в пределах данной административной единицы. Объект исследования – история Великой Отечественной войны, предмет – содержание немецкой пропаганды антисоветской направленности в пределах Генерального округа Беларусь. В рамках проведения исследования были использованы хронологический, проблемно-аналитический, сравнительно-исторический и нарративный методы. Автор приходит к выводу, что нацистские политические принципы славяно- и русофобии были закамуфлированы в материалах пропаганды под антисоветскую риторику. При этом пропаганда должна была легитимировать в глазах населения приход немецких властей, оправдать политику геноцида евреев и методы борьбы с партизанами. В пропагандистских материалах нападение нацистской Германии на СССР называлось «превентивным» шагом, а целью войны была объявлена «борьба с большевизмом» и «освобождение поработанных народов Востока». Идеологическое воздействие было построено с использованием различных приемов: подмены понятий, искажения фактов, создания ложных представлений. При этом подвергались критике и реальные недостатки советской системы, что выступало своеобразным средством верификации. Однако резкий контраст между содержанием пропаганды и реалиями оккупационного режима девальвировал эффективность идейно-политического влияния немецких властей на советское население, находившееся в зоне оккупации.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война, антисоветизм/антибольшевизм, «борьба с большевизмом».

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-128-136

Введение. Пропаганда как средство морально-психологического влияния всегда выступала важнейшим инструментом политической практики. В условиях современного информационного общества возрастает роль идеологических средств воздействия на массовое сознание. В этой связи исторический опыт использования пропаганды в период второй мировой и Великой Отечественной войны становится все более востребованным и актуальным. В настоящее время Россия сталкивается с различными вызовами, в том числе идеологического характера. В попытках исказить историческую правду современные политтехнологи нередко используют старые приемы и способы. Дальнейшее изучение феномена немецкой пропаганды на оккупированной советской территории позволит предотвратить фальсификацию исторических фактов, их предвзятую политизированную интерпретацию. Новизна исследования обусловлена его предметом: в современной отечественной и зарубежной историографии

феномен антисоветизма как раздел немецкой пропаганды, практически, выпал из исследовательского поля историков. Более того, исследование проблемы антисоветизма/антибольшевизма как сознательной политики нацистов, направленной на сокрытие и маскирование проводимого геноцида советских народов, представляется актуальным и значимым.

Историографический анализ проблемы позволяет сделать вывод, что существующие советские, российские и западные исследования, в силу объективных причин, были лишены источниковой базы, ставшей основой для данной статьи, например, работы Даллина А.[35], Герберта У. [36], Дашичева В.И. [4]. Большая часть работ в данной области затрагивает лишь отдельные аспекты проблемы. Например, белорусский историк Жумарь С.В. провел систематизацию немецких оккупационных изданий, вышедших на территории Генерального округа Беларусь[5]. Российская исследовательница Мигунова

Е.А. проанализировала пропагандистские материалы, адресованные сельскому населению округа [32]. Польский историк Ю. Туронек выделил ряд отличительных черт оккупационной политики главы немецкой гражданской администрации округа В. Кубе [33]. Сравнительно недавно стала объектом изучения тема политических настроений населения, его реакции на вражескую пропаганду, например, в работе Чехлова В.Ю. [29], а также феномен белорусского коллаборационизма — в исследовании Романько О.В. [26]. Современные зарубежные и отечественные исследования, по большей части, косвенно связаны с темой данной статьи. Так немецкий историк Шлотц Й. провел анализ содержания изобразительных средств пропаганды в Генеральном округе Беларусь [30]. Анализ феномена повседневности белорусского населения в условиях немецкой оккупации предпринял Б.Кьяри [34]. Бабетта Квинкерт выявила противоречия между содержанием пропаганды и методами нацистского оккупационного режима на территории округа Беларусь [37]. Работы российских историков в контексте указанной проблемы нацелены на изучение немецкой пропаганды в пределах отдельных оккупированных частей РСФСР, например, исследования Филоненко М.И. [28], Кохана А.А. [6], либо отдельных сторон советско-германского идеологического противостояния, например, Синицына Ф.Л. [27]. Главным предметом изучения современных белорусских историков, применительно к обозначенной проблеме, остаются вопросы партизанской контрпропаганды и партизанского движения как такового [1], [2]. Таким образом, проблема немецкой пропаганды тематического направления антисоветизма/антибольшевизма на оккупированной советской территории требует дальнейшего детального и системного изучения.

Объекты и методы. Объект исследования — история Великой Отечественной войны, предмет — содержание немецкой пропаганды антисоветской направленности в пределах Генерального округа Беларусь. В рамках проведения исследования были использованы хронологический, проблемно-аналитический, сравнительно-исторический и нарративный методы.

Результаты и их обсуждение. Первые

пропагандистские акции немецких властей на оккупированной советской территории были призваны подчеркнуть разницу между народом и коммунистами, советской властью и Отечеством. В пропагандистских материалах противопоставлялись понятия русский/советский, Россия/СССР и народ/большевики. «Отечество и большевизм — дело разное. Германия лишает вас не Отечества, а большевистского порабощения. За это мы ей должны быть благодарны...» [7, л.70]. Развязанная нацистской Германией война была объявлена «освободительной» против большевизма. Обосновывая тезис об «освободительной миссии» вермахта на Востоке, немецкие пропагандисты утверждали, что Советский Союз, «прикрываясь лозунгами о мировой революции, готовил вторжение в Европу». Такая подмена понятий должна была стать легитимирующим фактором для новой оккупационной власти, оправдать и объяснить факт военной агрессии против Советского Союза. Более того, нападение нацистской Германии на СССР объявлялось превентивным тактическим шагом, к которому подтолкнули Гитлера своими военными приготовлениями сами «советы».

Уже первые пропагандистские акции были нацелены на истребление прежних советских ценностей и догматов коммунистической идеологии. При этом основу оккупационной политики гражданская администрация округа видела в пропаганде. «В.Кубе изначально сделал ставку на пропаганду, как средство реализации оккупационных экономических и политических задач», — отмечалось автором ранее [24, с.168]. Генеральный комиссар был приверженцем «мягкой силы», считая, что с помощью пропаганды можно более эффективно решить задачи пачификации тыла и хозяйственной эксплуатации. Он лично курировал многие вопросы, связанные с культурной, религиозной, образовательной политикой в округе. Однако его активная деятельность на идеологическом поприще вскоре вошла в противоречие с действиями подчиненных Гимmlера. Методы борьбы с партизанами, практиковавшиеся ими, сводили усилия пропагандистов к нулю.

Следует отметить, что изначально смена власти была воспринята местным насе-

лением по-разному. Характеризуя политические настроения в районах Западной Беларуси, в октябре 1941г. немецкие источники подчеркивали: «...радость освобождения от советского ярма все еще продолжается и проявляется она, прежде всего, в готовности польского и белорусского населения активно участвовать в восстановлении» [8, л.109].

Большая часть населения, по мнению В.Ю. Чехлова [29], заняла пассивную, выжидательную позицию. Существенным фактором индифферентного отношения людей к происходящим событиям стал достаточно низкий уровень этнического самосознания простых белорусов, многие из которых называли себя «тутэйшыя», то есть «местные». Существенную роль в этом сыграл также непродолжительный предшествующий период советского правления.

Эти обстоятельства уже изначально могли стать благоприятной почвой для немецкой пропаганды, которая апеллировала и к национальным чувствам, и к стремлению возродить национальные культуру и язык, и к желанию части белорусской интеллигенции создать собственное государство. Тема борьбы с большевизмом, «освобождения от власти советов», разоблачения репрессий и методов коллективизации как нельзя лучше должны были служить цели завоевания симпатий местного населения.

Одним из главных тематических направлений антисоветской пропаганды стало обвинение СССР в развязывании войны. Война между СССР и Германией объявлялась «сражением между правдой и ложью», а инициатором и зачинщиком войны – СССР. «Не только Германия, но и вся Европа, находилась на грани бездны... Возможность нашествия нового Чингис-Хана предотвратили мы», - заявил в октябре 1941 г. Гитлер [23, с.1]. Борьба с советской властью позиционировалась как борьба цивилизации против варварства, культуры против невежества, «света против тьмы».

В контексте этого тематического направления особое место отводилось разоблачению западных союзников СССР. Их вполне заслуженно обвиняли в затягивании открытия второго фронта, а также в попытках извлечь определенную экономическую выгоду из поставок по ленд-лизу. В течение трех

лет немецкая пропаганда эксплуатировала тему выжидательной тактики западных союзников СССР [9, л.17-18].

Отдельным аспектом пропаганды стала критика недостатков советской системы в самых различных областях – политике, экономике, государственном управлении. Практика политических репрессий в СССР накануне войны, а также методы коллективизации стали особым предметом для критики. Неудачи вермахта на Восточном фронте всякий раз актуализировали эту тему. Население округа запугивали перспективой возвращения «советов», возобновлением «колхозного рабства» и преследований со стороны НКВД [10, л.23].

В контексте разоблачений преступлений советского режима весной 1943 г. прошла пропагандистская акция под говорящим названием «Катынское дело». «Ужасная находка под Смоленском» – под такими заголовками вышли оккупационные издания в апреле 1943 года [11, л.23-24]. Пропагандистскую кампанию, связанную с катынской историей, можно считать первой волной запугивания населения, за которой последовали и другие уже в 1944 году. Весной последнего для белорусской земли года оккупации по всей территории округа прошли акции, разоблачавшие «сталинские планы уничтожения белорусского народа». Сообщалось, что все население, которое жило и работало при немцах будет жестоко наказано [12, л.36-37]. Утверждалось, что уже действуют особые «команды уничтожения людей»; повсеместно, куда пришли большевики, начинаются карательные операции против «предавшего» местного населения. Немецкие пропагандисты в отчаянных попытках мобилизовать местное население на активное противодействие наступавшим частям КА активно разоблачали «распоряжение московского Верховного Совета о переселении народов СССР в Сибирь».

Особым тематическим направлением стала мифологизация образа нацистской Германии, попытка презентовать ее как страну «истинного социализма». В этом контексте проходили ежегодные празднования 1-го Мая, а также юбилей десятой годовщины создания Немецкого трудового фронта в 1943 г. Были организованы поездки белорусских ра-

ботников на предприятия и фабрики Германии. Пропагандисты рассказывали о недостатках советской системы и преимуществах германской. Внимание аудитории акцентировалось на высоком качестве и уровне жизни рабочих в Германии. В противовес этому говорилось о том, «как заботились о рабочих большевики». «Большевики отмечали 1 Мая как день международного пролетариата, призывая к классово-борьбе» [3, с.1].

Советских людей, находящихся в оккупации, стремились убедить в превосходстве германской политической и экономической системы. Доверие белорусского населения к оккупационным властям должно было обеспечить спокойствие в тыловой зоне вермахта. Однако существенным препятствием к цели был, как отмечали немецкие источники, непонятный «фанатизм большевиков», «преданность коммунистической идее», в целом враждебные настроения населения и общие надежды на возвращение Красной Армии. «Если некоторое время после оккупации Беларуси у населения существовало убеждение, что Германия даже в трудных условиях, но все же победит, то сегодня от такого мнения, за исключением некоторых, не осталось и следа», - отмечалось в немецких источниках в 1942 г. А в 1943 году констатировалось: «Всякая немецкая пропаганда... бессильна» [13, л.105].

Тем не менее, по мере приближения линии фронта, пропагандистская деятельность немецких властей только активизировалась. Особой формой работы стала организация праздников в честь первой и второй годовщины «освобождения». 22 июня 1942 г. было объявлено годовщиной «освобождения порабожденных советских народов» [14, л.14-15].

В 1943 году на территории Генерального округа еще более помпезно прошли пропагандистские акции, посвященные «Дню освобождения Беларуси» и дню рождения А.Гитлера. 20 апреля 1942г. в Минске состоялось торжественное собрание, на котором выступил сам Генеральный Комиссар. В.Кубе назвал день рождения Гитлера «Днем признательности белорусского народа за освобождение и возможность национального возрождения». Более того, Кубе неоднократно рисовал перспективы будущего Беларуси в составе т.н. «Новой Европы» [15, л.36]. Апеллируя к

национальным чувствам белорусов, он создал достаточно разветвленную сеть коллаборационистских организаций, выполнявших важную роль в пропаганде [26].

Своеобразным тематическим разделом борьбы с большевизмом была пропаганда в области гендерных отношений. «Содержание материалов, адресованных белорусским женщинам и девушкам, было построено на противопоставлении реалий советского и немецкого образа жизни. ... немецкая пропаганда была нацелена на выполнение крайне важной для рейха задачи. Ее суть заключалась в максимальном привлечении к работе на предприятиях Германии работников из так называемых «освобожденных областей», в том числе и женщин», - отмечалось ранее [25, с.133-134]. «Хваленое равенство прав обернулось жестокой эксплуатацией», - говорилось в типичном пропагандистском материале [16, л.42]. В противовес этому рисовался идеализированный образ немецкой женщины-матери, которая ведет дом, заботится о близких, воспитывает детей. Хотя ее труд и используется на благо сражающегося с большевизмом «рэйха», однако это вынужденная мера, и германское правительство проявляет всестороннюю заботу о немецких женщинах.

Особым разделом антисоветской пропаганды стала критика социальной политики советской власти и ее сопоставление с политикой германского правительства. Уже в декабре 1941 г. было опубликовано распоряжение В.Кубе «О политике в области зарплаты», которое предусматривало сохранение ее довоенного уровня (в пересчете на марки). [17, л.58]. Кроме того, пропаганде нового трудового законодательства должны были служить марионеточные профсоюзы, организованные по приказу В. Кубе в 1942 г. [18, л.37-39].

В целом пропаганда в области трудовых отношений и социальной политики была построена на противопоставлении «достижений» национал-социалистического правительства и недостатков советской системы. Акцент ставился на том, что непреложную ценность в Германии составляло «благополучие и семейное счастье каждого немца», а «большевики только использовали рабочую силу человека, отравляли его разум жидовскими идеями интернационализма и разжи-

гали классовую вражду». Из чего делался вывод о том, что простой советский человек не мог воспользоваться своими конституционными правами и свободами [31, с.1-2].

Следует отметить, что содержание немецкой пропаганды было тенденциозно и предвзято. Пропагандистские материалы зачастую являли собой прямой перевод с немецкого и не учитывали особенности стилистики белорусского/русского языка, специфику национальной психологии. Вот типичный пример подобного рода материалов - объяснение «преимуществ» нацистского приветствия «Хайль, Гитлер!». «Оно идёт из недр души. От него не отдаёт тем притворным холодком, каким веяло... от приветствий по адресу Сталина, чьё имя студило душу порядочного человека» [19, л.91]. Конечно, подобные материалы выглядели как пародия и не могли стать основанием для оправдания ужасов войны и многочисленных преступлений против мирного населения.

Именно бесчеловечный оккупационный режим стал причиной провала немецкой пропаганды. Контраст между пропагандой и реальностью обесценивал все обещания не допустить возвращения «советов» и «возродить Беларусь». Немецкая исследовательница Б.Квинкерт подчеркивает, что попытки пропагандистов склонить на свою сторону или принудить советское население к поддержке оккупантов не увенчались успехом. Гражданские лица были не только свидетелями <немецких> преступлений, но и сами пострадали от немецкой оккупационной политики. Поэтому уже в первые месяцы войны действия немецких властей полностью уничтожили «всякую возможность завоевать сердца и умы белорусского населения с помощью позитивной пропаганды» [37, с.157].

Расхождение между пропагандой и действительностью было столь радикальным, что сотрудники отдела пропаганды в Минске неоднократно обращали на это внимание, как на фактор, негативно влияющий на результативность их работы. Описывая одну из антипартизанских акций «расстрелы граждан и сожжение деревень», пропагандист Лаух высказал соображение о невозможности проводить пропагандистскую деятельность в подобных условиях [20, л.208-212]. Лесничий Браун также рапортовал руководству округа

об отрицательном влиянии методов антипартизанской борьбы на эффективность пропаганды [21, л.12-13].

Реакцией В.Кубе на донесения подчиненных стало письмо к рейхсминистру А.Розенбергу, в котором он предупреждал об угрозе «восстания всей страны», если «борьба с бандитизмом» будет продолжаться теми же методами [22, с.213]. Слова Генерального комиссара Беларуси отнюдь не означали проявления какого-либо гуманизма в отношении мирного населения, а скорее выступали своеобразной формой и способом отстаивать правильность и эффективность собственной оккупационной политики в пределах вверенной ему территории. Он мотивировал свою позицию исключительно утилитарными задачами успешной и продуктивной эксплуатации земли Беларуси, однако его усилия, в основном, не увенчались успехом.

Как следствие, на завершающем этапе войны политические настроения населения выражались ожиданием скорейшего возвращения советской власти. «На основной территории Белоруссии...Красную армию встречали с радостью», - отмечает Сеницын Ф.Л. [27, с.358].

Заключение. В заключении еще раз подчеркнем, что пропаганде в оккупационной политике гражданским руководством Генерального округа Беларусь отводилась особая роль. Немецкая пропаганда в области «борьбы с большевизмом» носила системный и масштабный характер. Тематически она включала такие направления, как легитимация развязывания Германией войны и нападения на Советский Союз, презентация образа нацистской Германии как страны «истинного социализма», развенчание и критика недостатков советской системы, создание фальшивой картины будущего земли и народа Беларуси в составе т.н. «Новой Европы». Пропаганда должна была оправдать в глазах населения утверждение власти нацистов, их политику геноцида евреев и карательные акции против мирного гражданского населения как законный способ борьбы с «бандитизмом». Приемы пропаганды включали в себя: искажение фактов, подмену понятий, внедрение в массовое сознание ложных представлений, запугивание. Причинами ее неэффективности стали отсутствие единой тактики немецких властей в

осуществлении оккупационной политики, методы борьбы с партизанами, вылившиеся в карательные экспедиции, массовое уничтожение евреев, зачастую принимавшее вид публич-

ных кровавых оргий, принудительные вербовки оstarбайтеров и в целом радикальное расхождение между содержанием пропаганды и реалиями жизни в условиях оккупации.

Список литературы

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны/отв. Ред. А.А.Коваленя. Минск: Белта, 2005. 529 с.
2. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 2019. 352 с.
3. Возрождение.28.06.1943. С.1.
4. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы в двух томах. Т.1. М.: Наука, 1973. 766 с.
5. Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ...канд. ист.наук. Минск,1995. 29 с.
6. Кохан А. А. Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941 – 1944 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2019. 32 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4683. Оп. 3. Д. 938. Л. 70.
8. НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 949. Л. 109.
9. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.382 а. Л.17-18.
10. НАРБ. Ф.411. Оп.1. Д.33. Л.23.
11. НАРБ. Ф.411. Оп.1. Д.73. Л.23-24.
12. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.298.Л.36-37.
13. НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 955. Л. 105.
14. НАРБ. Ф.411. Оп.1. Д.32.Л.14-15.
15. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.409.Л.36.
16. НАРБ. Ф.411. Оп.1. Д.52.Л.42.
17. НАРБ. Ф.4. Оп.1. Д.577.Л.58.
18. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.1272.Л.37-39.
19. НАРБ. Ф. 4683. Оп. 3. Д.948. Л. 91.
20. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1440. Л. 208–212.
21. НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 11. Л. 12–13.
22. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1046. Л. 213.
23. Новое слово.12.10.1941. С.1.
24. Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссии в 1941–1944 годах//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т.21, вып.2. С.167–174. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>.
25. Пушкаренко Е.А., Шамрина Е.А. Гендерный аспект немецкой пропаганды на оккупированной советской территории (на материалах Генерального округа Беларусь)//Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 3. С. 133-137. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133.
26. Романько О. В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2013. 478 с.
27. Сеницын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР. Национальный и религиозный аспекты: Дис. ...докт. ист. наук. Москва, 2017. 555 с.
28. Филоненко М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области 1942 - 1943 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 32 с.

29. Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941-1944 гг. (на примере Белорусской ССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004. 32 с.

30. Шлоотц Й. Немецкая пропаганда в Беларуси 1941-1944: Конфронтация между пропагандой и действительностью. Берлин: Свободный университет, 1997. 80 с.

31. Беларуская газета. 11.08.1943. С.1-2.

32. Мігунова А.А. Нямецкая прапаганда сярод вясковага насельніцтва Генеральнага Камісарыята Беларусі (ГКБ) у 1941-1944 гг.// Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. 1998. №4. С.101-106.

33. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск: Беларусь, 1993. 236 с.

34. Chiari B. Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland, 1941—1944 / Bernhard Chiari. Düsseldorf : Droste, 1998. 380 s.

35. Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of occupation policies. – London: Macmillan and Company, 1957. 250 p.

36. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin-Bonn, 1985. 265 s.

37. Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941—1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn: F. Schöningh, 2009. 419 s.

© Пушкаренко Е.А.

© Pushkarenko E.A.

GERMAN PROPAGANDA IN THE OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS IN 1941-1944: A POLITICAL ASPECT

This article examines the actual problem of modern Russian historiography – the phenomenon of ideological, political, moral and psychological impact on mass consciousness through propaganda in the occupied Soviet territory during the Great Patriotic War. The subject of the study was the thematic direction of anti-Sovietism/anti-communism. The author concludes that the Nazi principles of Slavophobia/Russophobia were disguised as anti-Soviet rhetoric. At the same time, propaganda was supposed to legitimize the arrival of the German authorities in the eyes of the population, justify the policy of genocide of Jews and methods of combating partisans. In propaganda materials, Nazi Germany's attack on the USSR was called a "preventive" step, and the goal of the war was declared to be "the fight against Bolshevism" and "the liberation of the enslaved peoples of the East." Ideological influence was built using various techniques: substitution of concepts, distortion of facts, creation of false representations. At the same time, the real shortcomings of the Soviet system, which acted as a kind of verification tool, were also criticized. However, the sharp contrast between the content of propaganda and the realities of the occupation regime devalued the effectiveness of the ideological and political influence of the German authorities on the Soviet population in the occupation zone.

Keywords: German propaganda, the General District of Belarus, the Great Patriotic War, anti-Sovietism/anti-communism, "the fight against Bolshevism".

References

1. Belaruskaya gazeta. 11.08.1943. S.1-2. (in Beloruss.).

2. Belarus' partizanskaya. (2019). Illyustrirovannaya enciklopediya partizanskogo dvizheniya v Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Belarus is partisan. Illustrated encyclopedia of the partisan movement in Belarus during the great Patriotic war.]. Minsk: Belarusian Encyclopedia named after Petrus Brovka. 352 p. (in Russ.).

3. Belarus` v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (2005). [Belarus during the Great Patriotic War]/otv. Red. A.A. Kovalenya. Minsk, Belta. 529 p. (in Russ.) (in Russ.).

4. Chexlov, V.Yu. (2004). Otnoshenie naseleniya k nemeckomu okkupacionnomu rezhimu na territorii SSSR 1941-1944 gg. (na primere Belorusskoj SSR) [The attitude of the population to the German occupation regime on the territory of the USSR 1941-1944. (on the example of the Byelorussian SSR)]: Autoref. dis ... kand. ist. nauk. Moscow. 32 p. (in Russ.).

5. Chiari, B. (1998). Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland, 1941—1944 / Bernhard Chiari. Düsseldorf, Droste. 380 p. (in Germ.).

6. Dallin, A. (1957). German Rule in Russia 1941-1945. A Study of occupation policies. London, Macmillan and Company. 250 p. (in Eng.).

7. Dashichev, V.I. (1973). Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: Istoricheskie ocherki. Dokumenty` i materialy` v dvux tomakh [Bankruptcy of the strategy of German fascism: Historical essay. Documents and materials in two volumes.]. T.1. Moskva: Nauka. 766 p. (in Russ.).

8. Filonenko, M. I. (2006). Psihologicheskaya vojna nemecko-fashistskih vojsk protiv chastej Krasnoj Armii i naseleniya vremenno okkupirovannyh territorij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Voronezhskoj oblasti 1942 - 1943 gg.) [Psychological warfare of the German Fascist troops against the Red Army units and the population of the temporarily occupied territories during the Great Patriotic War (based on the materials of the Voronezh Region of 1942 - 1943)]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh. 32 p. (in Russ.).

9. Herbert, U. (1985). Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin-Bonn. 265 p. (in Germ.).

10. Kohan, A. A. (2019). Struktura i funkcionirovanie organov germanskoj propagandy v Krymu: 1941 – 1944 gg. [Structure and functioning of German propaganda organs in Crimea: 1941 - 1944]: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg. 32 p. (in Russ.).

11. Migunova, A.A. (1998). Nyameczkaya prapaganda syarod vyaskovaga nasel`nicztva General'naga Kamisary`yata Belarusi (GKB) u 1941-1944 gg. [German propaganda among the village population of the General Commissariat of Belarus (GKB) in 1941-1944]. *Vesci Belaruskaga dzzyarzhavnaga pedagagichnaga universite`ta* [News of the Belarusian State Pedagogical University], no.4, p.101-106. (in Beloruss.).

12. Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F. 4683. Op. 3. D. 938. L. 70. (in Beloruss.).

13. NARB. F. 4683. Op. 3. D. 949. L. 109. (in Beloruss.).

14. NARB. F.370. Op.1. D.382 a. L.17-18. (in Beloruss.).

15. NARB. F.411. Op.1. D.33. L.23. (in Beloruss.).

16. NARB. F.411. Op.1. D.73. L.23-24. (in Beloruss.).

17. NARB. F.370. Op.1. D.298.L.36-37. (in Beloruss.).

18. NARB. F. 4683. Op. 3. D. 955. L. 105. (in Beloruss.).

19. NARB. F.411. Op.1. D.32.L.14-15. (in Beloruss.).

20. NARB. F.370. Op.1. D.409.L.36. (in Beloruss.).

21. NARB. F.411. Op.1. D.52.L.42. (in Beloruss.).

22. NARB. F.4. Op.1. D.577.L.58. (in Beloruss.).

23. NARB. F.370. Op.1. D.1272.L.37-39. (in Beloruss.).

24. NARB. F. 4683. Op. 3. D.948. L. 91. (in Beloruss.).

25. NARB. F. 1440. Op. 3. D. 1440. L. 208–212. (in Beloruss.).

26. NARB. F. 510. Op. 1. D. 11. L. 12–13. (in Beloruss.).

27. NARB. F. 1440. Op. 3. D. 1046. L. 213. (in Beloruss.).

28. *Novoe slovo*.12.10.1941. S.1. (in Russ.).

29. Pushkarenko, E.A. (2021). Nemeckaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussiya v 1941-1944 godah [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941-1944]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations]. Vol.21, iss.2. S.167-174. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>. (in Russ.).

30. Pushkarenko, E.A., SHamrina, E.A. (2020). Gendernyj aspekt nemeckoj propagandy na okkupirovannoj sovetsoj territorii (na materialah General'nogo okruga Belarus') [The gender aspect of German propaganda in the Occupied Soviet territory (based on the materials of the General District of Belarus)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University], no. 3. p. 133-137. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2020_3_133.(in Russ.).

31. Quinkert, B. (2009). Propaganda und Terror in Weißrußland 1941—1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn, F. Schöningh. 419 p. (in Germ.).

32. Romanko, O. V. (2013). Belorusskie kollaboracionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na

territorii Belorussii. 1941–1945 [Belarusian collaborators. Cooperation with the occupiers on the territory of Belarus. 1941-1945]. Moskow: Centrpoligraf. 478 p. (in Russ.).

33. Sinicyn, F.L. (2017). Sovetsko-germanskoe ideologicheskoe protivostoyanie na okkupirovannoj territorii SSSR: nacional'nyj i religioznyj aspekty: dis... dokt. ist. nauk. Moskva, Institut rossijskoj istorii RAN. 555 s. (in Russ.).

34. Shlootc, J. (1997). Nemeckaya propaganda v Belarusi, 1941-1944: Konfrontaciya mezhdou propagandoy i dejstvitel'nost'yu: Vystavka v Berline, Minske i Moskve [German propaganda in Belarus, 1941-1944: The Confrontation between propaganda and reality: Exhibition in Berlin, Minsk and Moscow. Berlin: Free University, 1997. 80s.]. Berlin: Free University. 80s. (in Russ.).

35. Turonak, Yu. (1993). Belarus` pad nyameczkaj akupacyuj [Belarus under German occupation]. Minsk, Belarus'. 236 p. (in Beloruss.).

36. Vozrozhdenie.28.06.1943. S.1. (in Russ.).

37. Zhumar`, S.V.(1995). Okkupacionnaya periodicheskaya pechat` na territorii Belorussii v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` [Occupation periodical press on the territory of Belarus during the Great Patriotic War]. Dis...kand.ist.nauk. Mn. 29 p. (in Russ.).

Об авторе

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Российская таможенная академия (Россия), E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Pushkarenko Elena Anatolyevna – Pushkarenko Elena Anatolyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Russian Customs Academy (Russia), E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Салимон В.Ю., кандидат исторических наук, Политехнический колледж Брянского государственного технического университета (Россия)

Ф.-Д. ТРОНШЕ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789-1791)

В статье речь идет о взглядах деятеля «левого центра» Франсуа-Дени Тронше на интерференцию законодательной и исполнительной ветвей власти в политической системе революционной Франции и место короля в ней. Одна из важных проблем, стоявших перед депутатами Учредительного собрания, заключалась в изменении существовавшей при Старом порядке формы правления, при которой все властные полномочия находились в одних руках. Позиция Тронше, размышлявшего в духе либерального большинства за упразднение абсолютизма и подчинение монарха закону, вместе с тем, отличалась от сторонников влиятельной королевской власти Мирабо, Лафайета, Ле Шапелье и от приверженцев могущественного парламента Барнава, Дюпора, Александра и Шарля Ламетов. В отличие от умеренных депутатов Собрания и «левых», представитель «левого центра» высказывал взвешенные суждения о паритетном сотрудничестве ветвей власти, настаивая на значимой роли главы исполнительной власти. Вареннский кризис внес коррективы в представления многих политиков. Тронше был одним из главных глашатаев либерального большинства, консолидировавшегося в намерении упрочить исполнительную ветвь власти в лице короля и его агентов, завершить Конституцию, стабилизировать обстановку в стране, не допустить дальнейшей радикализации революции и распространения республиканских умонастроений.

Ключевые слова: Великая Французская революция, либеральное большинство Учредительного собрания, представительная власть, соотношение властей, «левый центр», конституционная монархия, король, парламент.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-137-145

Введение. Франсуа-Дени Тронше вошел в историю как видный деятель эпохи Революции и Наполеона, соавтор Конституции 1791 г. и Гражданского Кодекса 1804 г., знаменитый юрист и крупный оратор. За заслуги перед Отечеством Тронше покоится в усыпальнице великих людей Франции - Пантеоне наряду с такими выдающимися соотечественниками как Мирабо, Вольтер, Руссо, Борепер, Дампьер, Петье, Порталис. В Генеральные Штаты он был избран от третьего сословия Парижа. Несмотря на солидный возраст, - в начале революции Франсуа-Дени было 63 года, - он плодотворно трудился в шести комитетах Учредительного собрания. В результате голосований 10 и 11 сентября 1789 г. о двухпалатном парламенте и о праве вето депутаты, выступавшие против двух палат и против абсолютного вето, сели на левые скамьи, а «монархисты», инициировавшие это голосование, и сторонники традиционной системы расположились справа. Представители либерального большинства не были едины. За сильную королевскую власть ратовали умеренные - Мирабо, Лафайет, Ле Шапелье. На полном господстве законодателей настаивали «левые» Барнав, Дюпор, братья Ламеты. За баланс вы-

ступал «левый центр», представителями которого являлись Ф.-Д. Тронше, Г.-Ж.-Б. Тарже, Ж.-Г. Туре и Ж.-Н. Деменье. 12 сентября 1789 г. они вошли в состав главного комитета Национальной Ассамблеи - Конституционного, задача которого заключалась в выработке основного закона государства. Требовалось определить место и роль короля и национальных представителей в государстве и прописать их полномочия в Конституции.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является политика Учредительного собрания революционной Франции 1789-1791 гг. Используются историко-сравнительный метод и ретроспективный метод.

Результаты и их обсуждение. При Старом порядке царственные особы обладали неограниченной властью. «Максима нашей Монархии: что хочет Король, того хочет Закон» [30, р. 66], - напоминал генеральный контролер финансов Калонн Собранию нотаблей в 1787 г. «Король - отец народа» [30, р.43], - подчеркивал хранитель печати Ламуаньон. «Король - наш Господин» [32, р. 5], - писал адвокат Тронше в одной из своих консультаций. С началом революции идейные устои абсолютизма пошатнулись. Рядом с волей короля встала воля нации. Самодержавная

форма правления сменилась конституционной монархией. Власть Его Величества сдерживалась законом, «обязательным для всех» и призванным, по мнению Франсуа-Дени, «обучать, просвещать, наставлять людей» [11, р. 563]. Таким образом, член Конституционного комитета, наряду с «патриотами», отстаивал примат права, вместе с тем, задумываясь о воспитании гражданственности у соотечественников.

Приоритет закона в новом правовом государстве Тронше, как представитель либеральной элиты, обосновывал с трибуны Учредительного собрания, используя юридические понятия и категории. 22 сентября 1789 г. рассуждая о месте и роли короля и национальных представителей в создании законов, он объяснял депутатам: «Что есть закон? Закон - это общая воля. Какая характерная черта подлинности, достоверности закона? Санкция короля. Она может быть абсолютной? Она может быть только относительной» [6, р. 101]. «Закон... зависит от нации. Король должен заботиться об интересах народа, стало быть, он должен санкционировать и подтверждать, когда требует общий интерес» [6, р. 100]. Как видим, Тронше, противясь всевластию, вседозволенности правителя, вверял Его Величество нормам права - постоянным, известным всем и независимым от волеизъявления монарха. Юрист отводил последнему определенную роль в сфере законодательства. Но отвергая его самостоятельную активность в этом вопросе, он подчинял короля народу и его «уполномоченным», то есть депутатам Национальной Ассамблеи, деятельность которой, по мнению Тронше, направлена на реализацию одной цели - «счастье всех граждан» [12, р. 632]. Не приемля законодательной инициативы венценосца, адвокат стремился ограничить не только Людовика XVI, но и стоящих за ним Двор и министров, которые скомпрометировали себя некомпетентностью, коррупцией, произволом. «Будучи полностью отдаленным от Двора, я не имел с ним никаких отношений - ни прямых, ни опосредованных» [23, р. 62], - особо подчеркивал деятель «левого центра». Он выступал за правовое государство без министерского «деспотизма» и самоуправства короны. Итак, парижский юрист рассуждал в рамках представлений либерального большинства,

противопоставляя свои размышления приверженцам всевластия короля, сторонникам старой монархии - «крайне правым».

В пику теологическому мировоззрению средневековья, предлагавшему божественное обоснование абсолютной форме правления, Тронше утверждал: «Законодатель первым (sic!) дает законы зарождающемуся обществу» [12, р. 564]. Также, по его мнению, в ведение законодателя входит преобразование и упразднение законов, «которые долгое время регулировали существовавшие общественные отношения» [12, р. 564]. Деятель «левого центра», проникшись идеями французского философа-просветителя Монтескье, руководствовался принципом разграничения властей - законодательной, исполнительной и судебной, четко определял прерогативы каждой из них. «У законодательного корпуса имеется лишь законодательная власть. Он не может узурпировать функции, ей не принадлежащие» [15, р. 130], - отмечал правовед. «Какое отношение законодательный корпус имеет к наказанию, деликту, приостановке политических прав?» [14, р. 354] - обращался Тронше к депутатам с трибуны Собрания 11 августа 1791 г., напоминая: «Как законодательная власть вы можете только (sic!) создавать законы» [14, р. 354]. Но без «санкции короля» [5, р. 611] нет закона - лишь законодательный акт. «Санкция - это печать (знак) закона» [5, р. 611]. Получается, закон - плод обоюдного соглашения Его Величества с национальными представителями. При этом монарху отводились определенные функции в законодательной сфере. Правовед оставлял за правителем второстепенную, но все же важную роль.

Определяя механизмы взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти в государстве, Франсуа-Дени большое значение придавал и правосудию: «От хорошо или плохо организованной судебной системы зависит индивидуальная свобода каждого гражданина, потому что судебная власть должна гарантировать каждому гражданину распоряжение своим имуществом, личной свободой, счастьем и жизнью» [9, р. 327]. Тронше полагал, что правоохранительная сфера обязана не только стоять на страже естественных прав человека, но и пристально следить за соблюдением законов. «Функция судебной власти - поддерживать закон,

юрисконсульт обеспечивает выполнение законов» [12, р. 564], - говорил будущий председатель Кассационного суда 5 апреля 1791 г.

Итак, деятель «левого центра» избегал концентрации властных полномочий в одних руках, не допуская, тем самым, злоупотребления властью отдельным сегментом политической сферы французского общества. Вместе с тем, парижский адвокат выступал за взаимодействие, паритетное сотрудничество трех ветвей власти.

Декретами от 8 и 10 октября 1789 г. был изменен традиционный титул французских монархов: из «милостью Божьей, короля Франции и Наварры» [32, р. 13] Людовик XVI стал «милостью Божьей и в силу конституционного закона государства королем французов» [6, р. 397]. Власть Его Величества - уже не личная, а представительная - по воле нации. Именно ей он присягает, обещая чтить и поддерживать конституцию, а также быть верным своим соотечественникам. Власть короля подчиняется не только Всевышнему, но и народным представителям - депутатам Учредительного собрания. А чтобы стать таковыми, надо всего лишь «иметь волю нации» [11, р. 675], - полагал Тронше. По его мнению, волю нации можно узнать «из петиций граждан, наказов первичных ассамблей, пожеланий представителей нации» [19, р. 312]. Последним он напоминал: «Что вами движет в принятии решений? Общественная польза» [18, р. 213].

Верховный глава концентрировал в своих руках высшую исполнительную власть. Под его началом трудились министры. «Никакой член действующей Ассамблеи, ни последующей легислатуры не может быть министром» [12, р. 622], - заявлял Тронше 7 апреля 1791 г., строго следуя принципу разделения властей. 27 августа 1790 г. он подчеркивал, что «повинуется» только Собранию, добросовестно выполняет все его распоряжения [10, р. 365]. «(Законодатель - В. С.) не может получать никаких мест, пенсий, содержания, жалования или поручений от исполнительной власти или от ее агентов в течение четырех лет после окончания выполнения своих полномочий» [12, р. 622], - настаивал Франсуа-Дени в апреле 1791 г. Он, как и многие, слишком не доверял министрам и все еще относился к ним с подозрением.

В отличие от агентов короны, для нашего героя, как, впрочем, и для многих французов, монарх продолжал оставаться символом государственности. Его значимую роль во внешней политике Тронше пришлось отстаивать в августе 1790 г. Будучи членом и докладчиком Комитета по Авиньону, деятель «левого центра» принимал активное участие в регулировании взаимоотношений национальной церкви и Рима. Охотно впитывая революционные идеи [22, р. 96], летом 1789 г. Авиньон и Венессен восстали против власти Ватикана и упразднили Старый порядок. 12 июня 1790 г. Авиньон проголосовал за присоединение к Франции. «Я не думаю, что Национальная Ассамблея может заниматься объединением этой провинции с Францией» [10, р. 369], - заявил парижский юрист 27 августа 1790 г. «Король обладает в области политики (дипломатии - В. С.) (законодательной - В. С.) инициативой, необходимо передать исполнительной власти новые документы и петиции авиньонцев» [10, р. 369], - говорил Тронше. «Его Величество предлагает, Национальная Ассамблея выносит постановление» [10, р. 369], - утверждал докладчик, подчеркивая важность баланса ветвей власти. Но не все были согласны с этим. Лидеры «якобинцев» отстаивали примат законодательного корпуса и подчинение ему исполнительной власти.

Демонстрируя почтение к королевской власти и выказывая уважение к парламенту, Тронше считался с ролью монарха в области внешней политики, стремился не допустить усиления одной из ветвей власти.

Такой же взвешенный подход наблюдался у будущего командора Почетного Легиона при обсуждении вопроса о несовершеннолетнем наследнике престола, «волей судьбы» оказавшемся на попечительстве регента. При Старом Порядке совершеннолетие короля наступало в 13 лет. Законодатели, стремясь оградить юношу от негативного влияния и психологического давления, манипулирования, «газлайтинга» со стороны родственников и придворных, повысили возраст дееспособности главы исполнительной власти до 18 лет.

25 марта 1791 г. деятель «левого центра» Туре от имени Конституционного комитета вынес на рассмотрение Ассамблеи статью 19 законопроекта о регентстве, в которой речь шла о

том, чтобы разрешить монарху, достигшему 14 лет, присутствовать на заседании совета, не имея в нем решающего голоса. Дюпор горячо возразил: «До 18 лет король должен рассматриваться как малолетний, - почти как ребенок» [12, р. 372]. По мнению якобинца, Ассамблее надлежит заняться образованием Его Величества. Мирабо, напротив, с энтузиазмом встретил предложение докладчика, добавив: «Чрезвычайно мудро не устанавливать возраст... королевское дитя войдет в совет, когда пожелает регент» [12, р. 373]. Итак, если граф, придавая значимость волеизъявлению регента, активизировал, тем самым, исполнительную власть, то лидер якобинцев, вверяя обучение несовершеннолетнего венценосца в надежные руки депутатов, напротив, усиливал законодательный орган. Это противоречило принципу разделения властей и шло вразрез с Конституцией. «Как законодатели, вы не можете формулировать законы, противоречащие Конституции» [14, р. 354], - неустанно повторял Тронше, руководствуясь правовыми нормами. Поддержав мнение комитета, он отметил «раннее развитие талантов у принцев» и предложил ввести несовершеннолетнего правителя в совет «для своего собственного обучения... это принесет ему пользу» [20, р. 111]. Дюпор согласился с мудрым правоведом. Собрание постановило: «Король по достижении 14 лет может присутствовать в совете только для своего собственного обучения» [20, р. 111; 12, р. 373].

Итак, в отличие от рупора «левых» Дюпора, настаивавшего на полновластии парламента, и умеренного Мирабо, наряду с «правыми», изо всех сил пытавшегося интенсифицировать исполнительную власть, Тронше интересовала, прежде всего, личность наследника короны. Дальновидный юрист понимал, что от просвещенности правителя зависит будущее страны. Франсуа-Дени стремился не допустить всевластия одного органа, выступал за большее равновесие властей, продолжая демонстрировать умеренные, взвешенные воззрения. Очевидно, благодаря последним Тронше не раз пополнял состав почетных миссий, направляемых Собранием монаршей семье. Так, 5 июня 1789 г. он стал одним из представителей третьего сословия, благодаривших Его Величество за созов Генеральных Штатов и заявивших о намерении коммун конституироваться в

Национальную Ассамблею, о нежелании дворянства и духовенства к ним присоединиться [26, р. 364-365]. 9 декабря 1789 г. правовед был в числе депутатов, выразивших сочувствие и глубокую скорбь королеве по поводу смерти ее сестры [7, р. 452]. 5 февраля 1790 г. он вошел в состав делегации, предлагавшей Людовику ознакомиться с «результатами его патриотизма и добродетели» [8, р. 435]. 26 июня 1791 г. знаменитого юриста избрали для проведения беседы с венценосной четой в связи с бегствам последней в Варенн.

В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. королевская семья покинула Париж. Вся полнота власти перешла в руки Национальной Ассамблеи. 22 июня 1791 г. в обращении к французам Собрание высказало мысль о похищении суверена. 25 июня 1791 г. беглецов вернули во дворец. Было необходимо расследовать все обстоятельства «происшествия».

Либеральный лагерь сплотился вокруг конституционно-монархической конструкции и стремления сохранить Людовика XVI у власти [1, с. 221]. 26 июня 1791 г. в парламенте разгорелись споры по поводу природы, сущности царственной особы. Монарх - это гражданин или должностное лицо - «первый государственный служащий» [12, р. 260], как называл его Туре? И если гражданина можно предать суду, то, королевская особа, согласно Конституции, была «священна и неприкосновенна». Принцип неприкосновенности признавался за главной исполнительной власти при любой форме правления [2, с. 267]. Мнения депутатов разделились. Робеспьер заявил: «Королева - просто гражданин. Король в настоящее время и в рассматриваемом вопросе является гражданином, подотчетным нации; и в качестве первого государственного служащего королевства он подчиняется законам и должен следовать принципам закона» [13, р. 538]. Дюпор возразил: «Нельзя рассматривать короля как гражданина. Это - власть, по отношению к которой необходимо действовать в соответствии с формами, не являющимися чисто гражданскими, но относящимися также и к политическим формам... Он (монарх - В. С.) поставлен в такое положение, когда его индивидуальный и политический характер соединяются вместе. Он сам придает движение исполнительной власти и не может ей подчиняться. Я не претендую на то, чтобы

сказать, что король выше закона; но он не может быть им стеснен. Он может подчиняться ему только по правилам, которые в равной степени применимы как к обычным гражданским законам, так и политическим законам» [13, р. 538]. Лидер «левых» с пиететом заговорил об исполнительной власти, уже не подчиняя ее, а ставя на один уровень с законодательной властью, настаивая на обоюдной симпатии и взаимном содружестве между ними. «Если вы не заставите эту исполнительную власть иметь одинаковые с властью законодательной... ваша свобода окажется в опасности» [14, р. 401], - предупреждал он депутатов 13 августа 1791 г. Малуэ поддержал Дюпора: «Вне всяких сомнений закон выше короля. Но обратите внимание, отрицая неприкосновенность короля, вы никогда не сможете иметь ни короля, ни монархию» [13, р. 539]. Итак, либералы желали укрепить позиции венценосца и политической системы, частью которой они являлись, в то время как демократы хотели ослабить монархию и отстранить Людовика XVI от власти.

Стремясь положить конец спорам, Тронше перенаправил полемику в другое русло: от природы короны - к юридической природе приносимых сувереном показаний. Это - судебный протокол или простой отчет? По мнению опытного адвоката, от королевской четы надо требовать обычный отчет о событиях. Он позволит депутатам принять решение о юридической квалификации фактов и обстоятельств, таким образом, будет дана правовая оценка исчезновению монаршей семьи из Тюильри: «Вы еще не арестовали виновного, не идентифицировали преступление, не определили суд, который займется этим делом» [13, р. 542]. «Крайне неуместно придавать какой бы то ни было характер этим протоколам, потому что в данный момент это - ни показания, ни какой-нибудь судебный акт» [13, р. 542], - попытожил Франсуа-Дени. «Ассамблея единогласно закрыла обсуждение» [13, р. 542], - написано в Парламентских Архивах. «Тронше своим высоким и уважаемым авторитетом прекратил дискуссию» [25, р. 102-103], - заметил Ж. Мишле.

В тот же день было принято решение направить трех комиссаров к Его Величеству и Ее Величеству для того, чтобы составить и задать им ряд вопросов о «побеге». За Тронше проголосовали 433 депутата, д'Андре получил 354 голоса, Дюпора выбрал 351

человек [16, р. 389]. «Это монархическое трио вполне оправдало доверие Национальной Ассамблеи» [31, р. 205], - подметил Камиль Демулен. Лафайет пишет, что комиссары продемонстрировали уважение, благосклонность, хорошее отношение к королю и к королеве, с которой у них тоже состоялась беседа [24, р. 117-118]. В своих «Наблюдениях» брат Александра и Шарля Ламетов Теодор указывает, что Тронше, наряду с Дюпором, «давал королю самые умные, самые полезные советы» [27, р. 76]. Супругам дали время подумать и посоветоваться, чтобы предоставить «нужные» ответы [24, р. 118].

27 июня 1791 г. с трибуны Собрания были зачитаны их показания. Докладчик Тронше особо отметил, что монарх «не желал подвергаться допросу, но согласился ответить воле Ассамблеи, высказываясь на заданную ему тематику» [13, р. 552]. Тем самым, юрисконсульт продемонстрировал парламентариям уважение и повиновение короны воле нации в лице ее представителей - депутатов. Людовик утверждал, что покинуть Париж его заставило опасение за собственную жизнь, а также волнение за жену и детей: «(Начиная с 10 апреля - В. С.), были найдены многочисленные документы, подстрекающие к насилию в отношении моей личности и моей семьи» [13, р. 552]. Мария-Антуанетта заявила, что не хотела расставаться с королем, и что у нее не было намерения покинуть Францию [13, р. 553]. Чтение показаний сопровождалось «ироничным смехом», «шепотом, ропотом, ворчанием» [13, р. 553]. Все понимали, что Людовик XVI предал революцию, но как справедливо заметил Барнав: «Предъявлять королю обвинения было бы неразумно, политически недальновидно» [28, р. 132].

Итак, Тронше, наряду с либеральными политиками, спасал конституционную монархию и ее институты, стремясь избежать крена революции в радикальную фазу. В мемуарах Лафайет пишет, что подавляющая часть депутатов Национальной Ассамблеи и нация всё еще оставались монархистами. 15 июля 1791 г. Учредительное Собрание признало Людовика XVI невиновным в измене в силу конституционного принципа неприкосновенности его личности.

Общенациональный кризис скорректировал тактику народных уполномоченных в

отношении исполнительной власти. При рассмотрении Конституции «левый центр» и «левые» стремились укрепить, придать значимость прерогативам короны, наделить министров эффективными, результативными полномочиями, разрешить агентам короля взаимодействовать с законодателями - присутствовать и выступать на заседаниях парламента.

О сближении обеих властей Деменье от имени Конституционного комитета говорил 28 июня 1791 г., предложив избрать на должность губернатора при несовершеннолетнем короле депутата действующего законодательного корпуса: «Нет никакой несовместимости в отправлении функций губернатора наследника и члена Национальной Ассамблеи. Коллеги могут принять участие в выборах. Твердость характера, таланты, рвение, усердие и многие другие положительные качества - дофину есть чему поучиться» [13, р. 574]. Тронше поддержал Деменье: «Он верно подметил: мы не можем отказаться от права избрания одного из членов Собрания (на роль губернатора - В. С.), но вопрос в том, сможет ли этот человек отказаться от своей клятвы» [13, р. 574]. Предложенная Мунье и отредактированная Тарже, знаменитая присяга была принята 20 июня 1789 г. в придворном манеже для игры в мяч, ее суть - не расходиться до тех пор, пока не выработают Конституцию. «Есть те, кто считает, что все члены, принесшие торжественную присягу, ... не могут отречься от этой присяги, не могут быть освобождены от нее Национальной Ассамблей» [13, р. 575], - Тронше явно намекал на себя. Юрисконсульт следовал букве закона и был верен своим принципам. Депутаты аплодировали столичному правоведа. «Следующим легислатурам не нужно делать Конституцию и давать клятву... Вполне возможно, кто-то думает, что полномочия губернатора наследника не являются несовместимыми с функциями единственной законодательной власти в будущем» [13, р. 575], - утверждал Франсуа-Дени. Он, как Туре и Сийес, различал конституирующую и конституционную власти, первая из которых приняла основной закон государства и должна уйти. 11 августа 1791 г. Тронше напоминал парламентариям: «Как конституирующая власть, вы делаете Конституцию» [14, р. 354], а жить и работать по ней пред-

стоит уже последующим собраниям - конституционной власти.

«Совместимость», как говорил Тронше, должности губернатора несовершеннолетнего наследника короны с обязанностями национального представителя открывала доступ законодателям к высшим чинам исполнительной власти. Против этого выступали «крайне левые» Приер и Дефермон.

«Крайне левые», по воспоминаниям Марата, «были осыпаны аплодисментами нации» [29, р. 189], в то время как Тронше, Тарже, Туре, Деменье, Барнав, Дюпор, Ламет, д'Андре и др., «были освистаны» [29, р. 189]. «Друг народа» утверждал, что вышеназванные депутаты войдут в историю «не как защитники народа, а как создатели конституции и вожди контрреволюции» [4, р. 6]. Авторы издания «правого» толка - «Деяния Апостолов» также отмечали вклад Франсуа-Дени - «папы этого милого ребенка (Конституции)» [3, р. 44], наряду с другими представителями «левого центра», в работу над основным законом государства. Очевидец событий иностранец Феликс Чацки, называя Тронше вместе с Тарже и Рабо Сент-Этьеном «главным редактором» Конституции, подчеркивал приверженность этих парламентариев своему делу: «Они были слишком влюблены в свое творение» [17, р. 281]. Итак, Тронше играл важную роль в разработке и отстаивании принципов либеральной конституции и монархической формы правления. Укрепляя «союз престола со свободой» [21, р. 374], - как метко выразился граф де Гуверне в письме от 26 августа 1791 г. маркизу де Буйе, характеризуя действия конституционалистов, парижский правоведа стремился сохранить достижения революции, стабилизировать внутриполитическую обстановку, сдерживать республиканско-демократическое движение и не допустить вовлечения в него широких слоев народных масс, воспрепятствовать анархии.

3 сентября 1791 г. Тронше в составе делегации, состоявшей из 60 человек, направился к королю с тем, чтобы предоставить ему Конституционный акт, «посвященный неотъемлемым правам французского народа и призванный вернуть трону его истинное предназначение и возродить правительство империи» [15, р. 190], - как сказал в торжественной речи Туре. Но надежды либералов не оправдались.

Заключение. Итак, к началу революции Тронше был известным, уважаемым адвокатом со сложившимися, устойчивыми взглядами. Профессионально состоявшийся и полностью реализовавший себя в сфере суда и права Франсуа-Дени пришел в Генеральные Штаты с пониманием необходимости перемен. Далекий от крайностей - будь то всевластие венценосца или доминирование парламента, он демонстрировал взвешенные воззрения. Юрист полагал, что закон, обязательный для каждого, не должен, вместе с тем, ущемлять королевские права. Ратуя за разде-

ление, баланс ветвей власти и определяя четкие прерогативы каждой из них, Тронше наделял главу исполнительной власти серьезными полномочиями. Он был убежден, что королевская власть является неотъемлемым элементом государственного механизма, - тем самым винтиком, без которого политический строй, приемлемый, по его мнению, для Франции, не сможет функционировать. И на смену организованной формы правления придет неуправляемая и непредсказуемая - анархия. «Низы», ничего не смыслящие в руководстве страны, начнут навязывать свою волю национальным представителям.

Список литературы

1. Блуменау С. Ф., Салимон В. Ю. Политические группировки Учредительного собрания революционной Франции (1789 - 1791). «Левый центр». Брянск: Из-во БГУ, 2016. 300 с.
2. Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии. Т. III. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. 636 с.
3. Les Actes des Apôtres. - P., L'an des Municipalités. Т. XV. P., L'An des Municipalités. 248 p.
4. L'Ami du peuple. № 549. 8 Septembre 1791.
5. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. VIII. P.: P. Dupont, 1875. 731 p.
6. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. IX. P.: P. Dupont, 1877. 796 p.
7. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. X. P.: P. Dupont, 1878. 812 p.
8. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XI. P.: P. Dupont, 1875. 813 p.
9. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XV. P.: P. Dupont, 1883. 798 p.
10. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XVIII. P.: P. Dupont, 1884. 804 p.
11. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XXIII. P.: P. Dupont, 1886. 796 p.
12. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XXIV. P.: P. Dupont, 1886. 769 p.
13. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XXVII. P.: P. Dupont, 1887. 802 p.
14. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XXIX. P.: P. Dupont, 1888. 795 p.
15. Archives parlementaires de 1787 á 1860. Première série (1789 - 1799). Т. XXX. P.: P. Dupont, 1888. 782 p.
16. Buchez B. et Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées Nationales, depuis 1789 jusq'en 1815. Т. X. P.: Paulin, libraire, 1834. 478 p.
17. Czacki F. Études historiques sur la Révolution Française de 1789 par un étranger [Felix Czacki]. - Т. II. - P.: Librairie de Fimrir Didot Frères, Fils et Cie, 1857. 628 p.
18. Gazette Nationale, ou extrait De tout ce que les papiers publis offrent de plus intéressant pour l'histoire de l'Assemblée Nationale. Т. XIII. Metz: Devilly, 1790. 432 p.
19. Gazette Nationale ou extrait De tout ce que les papiers publis offrent de plus intéressant pour l'histoire de l'Assemblée Nationale. Т. XIX. Metz: Devilly, 1791. 418 p.
20. Journal Universel de departement de la Haute-Garonne, et Affiches de Toulouse du Samedi

2 Avril 1791. № 27.

21. Labaume. E. Histoire monarchique et constitutionnelle de la Révolution française, compose sur un plan nouveau et d'après des documens inédits. Assemblée Constituante. T. III. P.: Vve Normand, Anselin, Treuttel et Wurtz, 1839. 460 p.

22. Lapied M. Le Comtat et la Révolution française - naissance des opinions collectives. - Aix-en-Provence: Publication de l'Université de Provence, 1996. 492 p.

23. Louis XVI à son auguste et respectable frère Louis XVIII. P.: L. Saint-Michel, 1814. 184 p.

24. Mémoires, correspondance et manuscrits du general Lafayette. T.V. Bruxelles: Société Belge de librairie, 1837. 317 p.

25. Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. III. P.: Chez Jean de Bonnot, 1989. 478 p.

26. Montjoye F. L. C. Ami du Roi, des Français, de l'ordre et sur-tout de la vérité; ou Histoire de la Révolution de France et de l'Assemblée Nationale. T. II. P.: De l'Imprimerie de Crapart, 1792. 817 p.

27. Observations de M. le G^{al} C^{le} Th. De Lameth relatives à des notices que se trouvent dans la 'Biographie universelle' sur ses frères Charles et Alexandre. P.: Au Comptoir des imprimeurs-unis, 1843. 76 p.

28. Œuvres de Barnave. T. I. P.: J. Chapelle et Guiller, 1843. 285 p.

29. Œuvres de J. P. Marat (L'ami du peuple). P.: Décembre-Alonnier, 1869. 326 p.

30. Procès-verbal de l'Assemblée de notables, tenue à Versailles, en l'année 1787. - P.: De l'Imprimerie Royale, 1788. 275 p.

31. Révolution de France et de Brabant. № 83. Juin 1791.

32. Tronchet F.-D. Mémoire à consulter, et consultation pour Charles-Marie de Créquy, marquis de Créquy, ... contre François-Louis-Marin Le Jeune de la Furjonnière, ... soi-disant comte de Créquy; et contre les sieurs Le Jeune, ses frères. [s. n.], 1780. 44 p.

F.-D. TRONCHET AND THE PROBLEM OF THE CORRELATION OF POWERS IN THE NATIONAL CONSTITUENT ASSEMBLY OF THE FRENCH REVOLUTION (1789-1791)

The article deals with the views of the leader of the "centre-left" François-Denis Tronchet on the interference of the legislative and executive branches of power in the political system of revolutionary France and the place of the king in it. One of the important problems facing the deputies of the National Constituent Assembly was to change the form of government that existed under the Old Regime, in which all power was in the same hands. The position of Tronchet, who thought in the spirit of the liberal majority for the abolition of absolutism and the subordination of the monarch to the law, at the same time, differed from the supporters of the influential royal power of Mirabeau, Lafayette, Le Chapelier, and from the adherents of the powerful parliament of Barnave, Duport, Alexander and Charles Lameth. Unlike the moderate deputies of the Assembly and the "left", the representative of the "centre-left" expressed balanced judgments about the parity cooperation between the branches of power insisting on the significant role of the head of the executive branch. The Varennes crisis changed the views of many politicians. Tronchet was one of the main heralds of the liberal majority, who consolidated their intention to strengthen the executive branch of power in the person of the king and his agents, to complete the Constitution, to stabilize the situation in the country, to prevent the further radicalization of the revolution and the spread of republican mentality.

Key word: French revolution, liberal majority of the National Constituent Assembly, representative power, correlation of powers, "centre-left", Constitutional monarchy, king, parliament.

References

1. Blumenau S. F., Salimon V. Y. Politicheskie gruppировки Uchreditel'nogo Sobraniya revoliucionnoj Francii (1789 - 1791). «Levyi centr» [Political grouping of the National Constituent Assembly of revolutionary France. "Centre-left"]. Brjansk: Iz-vo BGU, 2016. 300 p.

2. Kovalevskij M. M. Proishozhdenie sovremennoj demokratii [The origin of modern democracy]. T. III. M.: Tovarichestvo tipografii A. I. Mamontova, 1897. 636 p.

3. Les Actes des Apôtres. - P., L'an des Municipalités. T. XV. P., L'An des Municipalités. 248 p.

4. L'Ami du peuple. № 549. 8 Septembre 1791.

5. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. VIII. P.: P. Dupont, 1875. 731 p.

6. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. IX. P.: P. Dupont, 1877. 796 p.

7. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. X. P.: P. Dupont, 1878. 812 p.

8. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XI. P.: P. Dupont,

1875. 813 p.

9. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XV. P.: P. Dupont, 1883. 798 p.

10. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XVIII. P.: P. Dupont, 1884. 804 p.

11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XXIII. P.: P. Dupont, 1886. 796 p.

12. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XXIV. P.: P. Dupont, 1886. 769 p.

13. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XXVII. P.: P. Dupont, 1887. 802 p.

14. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XXIX. P.: P. Dupont, 1888. 795 p.

15. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série (1789 - 1799). T. XXX. P.: P. Dupont, 1888. 782 p.

16. Buchez B. et Roux P. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées Nationales, depuis 1789 jusq'en 1815. T. X. P.: Paulin, libraire, 1834. 478 p.

17. Czacki F. Études historiques sur la Révolution Française de 1789 par un étranger [Felix Czacki]. - T. II. - P.: Librairie de Firmir Didot Frères, Fils et Cie, 1857. 628 p.

18. Gazette Nationale, ou extrait De tout ce que les papiers publiés offrent de plus intéressant pour l'histoire de l'Assemblée Nationale. T. XIII. Metz: Devilly, 1790. 432 p.

19. Gazette Nationale ou extrait De tout ce que les papiers publiés offrent de plus intéressant pour l'histoire de l'Assemblée Nationale. T. XIX. Metz: Devilly, 1791. 418 p.

20. Journal Universel de département de la Haute-Garonne, et Affiches de Toulouse du Samedi 2 Avril 1791. № 27.

21. Labaume. E. Histoire monarchique et constitutionnelle de la Révolution française, compose sur un plan nouveau et d'après des documens inédits. Assemblée Constituante. T. III. P.: Vve Normand, Anselin, Treuttel et Wurtz, 1839. 460 p.

22. Lapiéd M. Le Comtat et la Révolution française - naissance des opinions collectives. Aix-en-Provence: Publication de l'Université de Provence, 1996. 492 p.

23. Louis XVI à son auguste et respectable frère Louis XVIII. P.: L. Saint-Michel, 1814. 184 p.

24. Mémoires, correspondance et manuscrits du general Lafayette. T.V. Bruxelles: Société Belge de librairie, 1837. 317 p.

25. Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. III. P.: Chez Jean de Bonnot, 1989. 478 p.

26. Montjoye F. L. C. Ami du Roi, des Français, de l'ordre et sur-tout de la vérité; ou Histoire de la Révolution de France et de l'Assemblée Nationale. T. II. P.: De l'Imprimerie de Crapart, 1792. 817 p.

27. Observations de M. le G^{al} C^{le} Th. De Lameth relatives à des notices que se trouvent dans la 'Biographie universelle' sur ses frères Charles et Alexandre. P.: Au Comptoir des imprimeurs-unis, 1843. 76 p.

28. Œuvres de Barnave. T. I. P.: J. Chapelle et Guiller, 1843. 285 p.

29. Œuvres de J. P. Marat (L'ami du peuple). P.: Décembre-Alonnier, 1869. 326 p.

30. Procès-verbal de l'Assemblée de notables, tenue à Versailles, en l'année 1787. - P.: De l'Imprimerie Royale, 1788. 275 p.

31. Révolution de France et de Brabant. № 83. Juin 1791.

32. Tronchet F.-D. Mémoire à consulter, et consultation pour Charles-Marie de Créquy, marquis de Créquy, ... contre François-Louis-Marin Le Jeune de la Furjonnière, ... soi-disant comte de Créquy; et contre les sieurs Le Jeune, ses frères. [s. n.], 1780. 44 p.

Об авторе

Салимон Виктория Юрьевна – кандидат исторических наук, Политехнический колледж Брянского государственного технического университета (Россия), E-mail: NickyHit@yandex.ru

Salimon Victorya Yurievna – Candidate of Sciences (History), Polytechnic College of the Bryansk State Technical University, E-mail: NickyHit@yandex.ru

УДК 623.8(430):340.13(47)19

Синегубов С.Н., доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Россия)

Шилов С.П., доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Россия)

Заворохина Н.С., ассистент, Тюменский государственный университет (Россия)

«MODUS VIVENDI» ГЕРМАНСКИХ СУДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ФИРМ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ЗАКАЗОВ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена рассмотрению вопроса применения германскими судостроительными компаниями, и прежде всего фирмой «Шихау», комплексного инструментария для получения выгодных заказов от российских властей. Речь идет в первую очередь об очень умелом использовании немцами правовых «брешей» в российском законодательстве начала XX в., которое в целом ограждало и стимулировало развитие отечественного военного кораблестроения. На основе анализа оригинальных и опубликованных германских и российских архивных материалов, изданных мемуаров, а также исследовательской литературы авторы пришли к ряду заключений. Формально уже со второй половины 90-х гг. XIX в. действовали юридические нормы, которые внешне защищали и укрепляли российское судостроение. В начале XX в. они были дополнены решениями Комитета министров, а затем Совета министров, соответственно в 1901, 1902 и 1907 гг. Однако это не сработало на все 100 процентов. Главной причиной такого положения дел стали установленные де-факто и де-юре отступления от прописанного правила. Другим значимо мотивирующим данный процесс фактором авторы считают «ценовой ажиотаж» русских судоверфей на свою продукцию и, напротив, «мягкое демпингование» немецких производителей, строгое выдерживание ими сроков исполнения взятых обязательств. Определенную роль также сыграли политические расчеты официального Петербурга и коррупционная составляющая представителей российских властей.

Ключевые слова: российское законодательство начала XX в., военное судостроение, германские фирмы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-146-152

Введение. После драматических событий 1904-1905 гг. Российская империя практически лишилась военного флота, способного решать серьезные внешнеполитические задачи. Положение на Балтике было близким к катастрофическому. На Тихом океане оставалось несколько устаревших боевых судов. Единственно сохранившейся черноморский флот оставался «запертым», а потому и ограниченно боеспособным [10]. Такое положение явно контрастировало с тем, что было накануне начала конфликта. Страна уверенно входила в число ведущих мировых морских держав [12, с. 4-6]. Однако разгром японскими силами 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском проливе 14(27) - 15(28) мая 1905 г., проделавшей тяжкий многомесячный переход с целью оказать помощь Порт-Артуру и вообще изменить ход войны, поставил под большое сомнение «флотоспособность» России. А, кроме того, существенным образом повлиял на исход противостояния двух государств. Хотя еще в июле 1905 г., согласно, например, донесениям германского военно-

морского атташе в России П. Гинце, внимательно следившего за всеми перипетиями перехода эскадры З.П. Рожественского, в официальных кругах Петербурга велись разговоры о продолжении войны [19, S. 162]. В действительности же они носили в большей степени «демонстративный характер». Их вектор был обращен в сторону японцев, чтобы выторговать более или менее выгодные условия начала мирных переговоров. Они ожидалась явно непростыми, поскольку на тот момент Россия уже лишилась одного из главных своих козырей – военно-морского флота. Поэтому его восстановление становится одной из важных задач в послевоенное время. И в этом принимали участие не только российские, но и зарубежные, в том числе и немецкие предприятия. Изучению роли последних в отечественной историографии посвящено не так много работ. Прямо или косвенно об этом писали Л.Г. Бескровный [1], К.Ф. Шаццлло [15-16], Б.И. Гаврилов [2], И.Ф. Цветков [14], С.П. Шилов [17], С.Н. Синегубов [11] и некоторые другие историки.

Тем не менее, вопрос использования судостроительными компаниями из Германской империи юридической коллизии в российской нормативной системе, регулирующей процесс получения заказов на сооружение военных кораблей, отдельно не акцентировался в литературе. Понятно, что в рамках небольшой статьи тяжело детально прописать все его грани, но сделать общий абрис возможно.

Методы. При написании работы авторы использовали ряд исследовательских методов. В частности, речь идет об историко-генетическом, позволившем выявить причинно-следственные связи, обусловившие возможность зарубежным компаниям, и прежде всего германским (на примере фирмы «Шихау»), получить выгодные заказы в «правовых условиях» практически не допускающих подобного. Сравнительно-исторический и дискрептивный методы предоставили возможность провести краткое сравнение двух периодов – до начала юридически оформленного благоприятствования отечественным производителям военных кораблей (до 1893 г.) и после (1893-1912 гг.). Характеристика нормативных актов, отражающих режим «вспомоществования», осуществлялась в том числе и с помощью контент-анализа.

Результаты. Как известно, в двадцатых числах августа (в начале сентября по-новому стилю) 1905 г. в Портсмуте был подписан мирный договор, положивший конец войне между Россией и Японией. Еще до начала переговоров между двумя сторонами в этом американском городе официальный Петербург, в лице императора Николая II, в июле 1905 г. наметил общий план преобразования флота. Первым шагом на этом пути стала реорганизация Морского ведомства. Его новым руководителем назначили вице-адмирала А.А. Бирилева. Перед ним ставилось ряд задач общего характера, в том числе и разработка, а в последующем и реализация будущей программы военного судостроения. Из-за революционных событий в стране реально работа в этом направлении началась с апреля 1906 г. [1, с. 190]. Однако она шла очень медленно.

С отставкой в январе 1907 г. безынициативного А.А. Бирилева наметилась совершенно другая тенденция – активизация в выработке планов создания новых боевых судов и как ре-

зультат этого даже изменения во внешней политике. Во всяком случае, об этом говорили иностранные эксперты, аккредитованные в России. При этом констатировалось, что в ближайшие десятилетия русские смогут создать в лучшем случае только оборонительный флот. Ни о каких кораблях наступательного действия, по их мнению, речь не могла идти [18].

Однако это было не совсем верное утверждение. В качестве доказательства можно сослаться на проекты, разработанные Морским Генеральным Штабом весной 1907 г. при новом морском министре адмирале И.М. Дикове. Он предпринял уже реальные и действенные шаги по преобразованию российского флота. Одним из главных их результатов стало представление Николаю II в марте 1907 г. четвертого варианта так называемой «Малой программы судостроения», разработка которой началась еще при А.А. Бирилеве [4]. В документе основной акцент делался на усиление Балтийского флота [15, с. 60-62]. И для его усиления предусматривалось сооружение в первую очередь 4-х линейных кораблей дредноутного типа. Они, как известно, по своим тактико-техническим характеристикам способны были выполнять задачи не только оборонного, но и наступательного характера.

О том, что строящейся новый российский флот не должен был «заикливаться» только на оборонительных целях свидетельствовал последующий этап разработки планов его развития. Он пришелся на 1909-1912 гг. Апогеем его стал Закон о флоте. В июне 1912 документ был утвержден императором. В нем четко определялся план строительства военных судов на предстоящие двадцать два года [16, с. 70-76]. В памятной записке по поводу Закона вице-адмирал, начальник Морского Генерального Штаба А.А. Ливен отмечал, что в предстоящем военно-морском противостоянии между Англией и Германией России, исходя из ее политических, военно-стратегических и экономических интересов, необходимо поддержать первую. Однако для этого необходимо иметь флот, который может выполнять самостоятельные действия, а «не пародия, вроде контр-флота, который одно время у нас проповедовался...» [3].

Приведенная цитата, а самое главное наполняемость «Малой» и «Большой» судостроительных программ свидетельствовали,

что Россия, как по-настоящему великая морская держава, намеревалась строить сильный флот, костяк которого должны были составлять линейные корабли самого современного типа. Их задача, по определению, заключалась в первую очередь в активных наступательных действиях. Об этом же говорили и планы Морского министерства уже при И.К. Григоровиче передислоцировать часть Балтийского флота на военно-морскую базу Франции в оккупированном Тунисе – Бизерте, чтобы оттуда противодействовать флотам Четверного союза в Средиземном море, решая одновременно стратегическую задачу выхода из Черного моря [1, с. 196]. В Бизерте русские корабли окажутся в 1920 г., но, правда, уже по другой причине и с другими целями.

Начавшаяся 1 августа 1914 г. Первая мировая война не позволила осуществить задуманные планы по усилению российских военно-морских сил, поэтому флоту пришлось решать боевые задачи, скажем так, в ослабленном, неподготовленном состоянии. Свою «лепту» в это дело «незавершенности» внесли и германские судостроительные фирмы, в том числе и известная в рейхе и далеко за его пределами «Шихау» и подконтрольная ей «Мюльграбенская верфь» в Риге. Они, при формальном исполнении действовавшего тогда в России законодательства, не должны были иметь самого прямого и непосредственного отношения к укреплению «Русского колосса» на море. Дело в том, что еще декабре 1893 г., затем в ноябре 1896 г., и наконец в феврале 1901 г. были приняты важные положения Комитета министров, утвержденные Александром III, а потом и Николаем II, нацеленные на укрепление отечественного судостроения. Согласно им, приоритет в строительстве военных кораблей отдавался отечественным производителям [5].

В развитие этой темы на свет появились еще два важных и примечательных документа. В начальных числах декабря 1902 г. Комитет министров «декретировал» решение об ограничении правительственных заказов на строительство боевых кораблей за границей. Оно было утверждено императором. В феврале 1906 г. Председатель Совета Министров С.Ю. Витте в письме министру Императорского двора В. Б. Фредериксу подтвердил значимость и необходимость соблюдения

данного нормативного акта. Понятно, что его строгое, неукоснительное исполнение серьезным образом сужали возможности подписывать контракты с зарубежными компаниями.

Так в одном из пунктов министерского решения недвусмысленно подчеркивалась необходимость исполнения заказов на российских заводах и из российских материалов [6]. В случае отсутствия последних требовалось проводить особую процедуру согласования с последующим утверждением Комитетом министров и информированием об этом царя [9]. При всех внутренне благоприятных, с точки зрения права, условиях стимулирования национального военного судостроения почему-то получалось, что известные иностранные фирмы в накладе не оставались. Если говорить о немецких, то можно указать на тот факт, что в 1904 г. они имели от русских заказы, которые оценивались в более чем 45 миллионов марок [20, S. 295].

Следующий послабляющий шаг в отношении «иноземцев» был сделан в феврале 1907 г. Новый высший орган управления Российской империи, Совет министров, созданный указом императора Николаем II в октябре 1905 г., принял решение, которое давало возможность иностранным предприятиям участвовать в конкурсе на получение военно-морских заказов. В одном из его положений отмечалось, что при передаче заграничным (в том числе и финским) заводчикам подрядов, превышающих стоимость десяти тысяч рублей, Морское министерство, обговорив предварительно с Министерством Торговли и Промышленности условия сделки, обязано было доводить информацию о соглашении до Совета министров, обосновывая причины необходимости его заключения [6]. Такая оговорка позволяла в принципе обосновать «исключение из правила» – дать объяснение, почему с той или иной зарубежной компанией необходимо заключить договор подряда на поставку оборудования для корабля или его сооружения. Представляется, что подобное правовое «*declinatio a regula*» было допущено неслучайно. Оно было выгодно и для заказчика, и для исполнителя «со стороны».

Процесс обсуждения, а затем и утверждения в июле 1912 г. Государственной Думой «Большой судостроительной программы» склоняют чашу весов рассуждений именно к

такой интерпретации. Так на совещаниях в ведомстве и на слушаниях в парламенте морской министр И.К. Григорович декларировал, что все предусмотренные в проекте суда будут созданы отечественными исполнителями, поскольку этого требует российское законодательство и интересы страны [7]. Однако последующие шаги представителей ведомства вошли в некоторый диссонанс с этим заявлением. Да, основные заказы получили российские производители, но и немцы, что называется, «не остались в накладе». Для этого они максимально использовали имеющиеся «законодческие оговорки».

В чем заключалась «правовая двусмысленность» приведенных нормативных документов и заявлений, облеченных полномочиями высокопоставленных государственных лиц? Ответ на этот вопрос просматривается практически очевидным образом. С одной стороны, российские власти стремились стимулировать развитие отечественного судостроения, предоставляя ему очевидные и понятные с разных точек зрения преимущества перед иностранными компаниями. Однако с другой, тоже Морское министерство, как главный заказчик боевых судов для флота, не говоря уже о Министерстве финансов, а уж тем более главе Правительства, считавшими «каждую копейку», потраченную на военные нужды, не могли игнорировать тот факт, что российские производители, особенно частные, просто заламывали цены на свою продукцию. По сравнению с ними то, что предлагали проверенные временем исполнительные и надежные зарубежные партнеры выглядело очень привлекательно. В качестве одного из очевидных и убедительных доказательств можно привести всего лишь один, но очень показательный факт – передача немецкой фирме «Шихау» в 1912 г. военного заказа, исполнение которого давало экономии бюджету до 30 миллионов рублей [8]. К слову, этих денег хватило бы на сооружение дополнительно двух легких крейсеров, но уже у российских производителей, просивших за каждый корабль по 15 миллионов целковых [15, с. 269]. Таким образом получалось, что немцы предлагали за свою продукцию кратко меньшую цену, чем русские и более низкую, чем другие иностранные конкуренты в лице британских, французских и итальянских предприятий.

Свою определенную роль в «благоклонности» к предпринимателям из Германии со стороны Морского министерства сыграл и «психологический фактор». Например, фирма «Цизе», являвшаяся дочерним предприятием «Шихау» в Риге, выразила готовность (в итоге это и сделала) уменьшить стоимость конкурсных миноносцев на полмиллиона рублей. В то время как свои, российские производители, были жестко неуступчивы в своих ценовых запросах. Фактически здесь во всей «красе» проявился так называемый картельный сговор. «Твердолобость» русских сильно раздражала власти. Напротив, «гибкость» немцев импонировала им.

Задумывая широкомасштабное переоснащение «военно-морского хозяйства» в 1907-1912 гг., ответственные за это государственные чины понимали невозможность решения в краткие сроки проблемы «недокомплекта». Речь шла об отсутствии у специализированных заводов необходимого оборудования, качественного материала, отвечающего строго регламентированным требованиям судостроения, нехватке высококвалифицированных специалистов и еще много чего того, что требовалось для качественной и быстрой работы. В результате, они всегда «держали в уме», пусть, как и дополнение, «запасной вариант» в лице традиционных иностранных компаний, с которыми сотрудничество шло еще с 70-х гг. XIX в. Наконец, «двусмысленность» правовых констатаций 1901-1912 гг., позволявших в итоге делать морские заказы у иностранцев вообще и у немцев в частности, обуславливалась и политическим фактором. Из архивных данных известно, что император II рейха, морской министр А. Тирпиц, дипломатические представители при каждом удобном случае откровенно продвигали интересы германских компаний в России, в том числе и упоминаемой «Шихау» [13, с. 202]. В силу целого ряда причин внешнеполитического характера высшие российские государственные лица, включая Николая II, вынуждены были делать отступления от действующих норм, предполагавших, как уже было показано, подобные «допуски», но, понятно, в интересах «большой политики». В целом такие «исключения из правила» не создавали впечатления открытого нарушения законодательства. Конечно,

немецкие компании, в том числе и фирма «Шихау», не являлись главными реализаторами выполнения «Большой морской программы», но тем не менее, они смогли получить часть от «большого пирога» военных заказов, умело используя «прорехи» в российской правовой системе.

Заключение. Таким образом, российское законодательство начала XX в., нацеленное по замыслу его создателей, на стимулирование развития отечественного военного судостроения, имело нормативные «двусмысленности». Именно они позволяли иностранным производителям, в то числе и германским, получать выгодные заказы в условиях, казалось бы, «правовой бесперспективности». На примере фирмы Шихау видно, как

немцы широко использовали свою положительно устойчивую репутацию, более выгодную, по сравнению с российскими заводами, ценовую политику, подключали к процессу высшие государственные структуры Германии. Отступление в праве позволяли российской стороне идти на соглашательство, сообщаясь финансово-экономическими и политическими соображениями. Безусловно, дело не обходилось и без личной заинтересованности некоторых российских государственных лиц. У тех же немцев были свои «лоббисты» и в Государственной Думе, и Морском министерстве, которые «не ели хлеб даром» и отработывали поставленные перед ними задачи.

Список литературы

1. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1968. 242 с.
2. Гаврилов Б.И. И.К. Григорович и большая морская программа // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX - начале XX века. М., 2003. С. 191-244.
3. Ливен А.А. Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программы. URL: <http://www.zlev.ru/cont112.htm> (дата обращения 08.02.2023).
4. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6644. Л. 133-133 об.
5. РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 85.
6. РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 42. Л. 84.
7. РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 119 об.
8. РГА ВМФ. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 41. Л. 56 об.
9. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 204. Л. 1-2.
10. Россия и черноморские проливы (XVIII-XX столетие). М.: Международные отношения, 1999. 560 с.
11. Синегубов С.Н. К вопросу об изучении «Дела Шихау» в отечественной историографии // Известия Алтайского государственного университета в отечественной историографии. 2014. №4(84). С. 216-220.
12. Сравнительная сила английского флота. Морская хроника // Морской сборник. 1903. № 6. С. 4-6.
13. Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. 656 с.
14. Цветков И.Ф. Последний морской министр российского императорского флота // Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 5-21.
15. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конец XIX - 1914 г. М., 1992. 270 с.
16. Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны. М., 1968. 367 с.
17. Шилов С.П. Немецкие фирмы на судостроительном рынке России перед первой мировой войной // Вопросы истории. 2001. №3. С. 111-121.
18. ВА-МА. RM5/1505. Bl. 193-197.
19. Hintze P. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918 München, 1998. 754 s.
20. Vogel B. Deutsche Russlandpolitik Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow 1900-1906. Düsseldorf, 1973. 335 s.

**«MODUS VIVENDI» OF GERMAN SHIPBUILDING COMPANIES IN THE RECEIPT OF
RUSSIAN MILITARY ORDERS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY**

The article is devoted to considering the issue of using complex tools for obtaining profitable orders from the Russian authorities by German shipbuilding companies, and primarily by the Schichau company. First of all, legal “gaps” in the Russian legislation of the early 20th century (which generally protected and stimulated the development of domestic military shipbuilding) were very skillfully used by the Germans. Based on an analysis of original and published German and Russian archival materials, published memoirs, as well as research literature, the authors came to a number of conclusions. Formally, already from the second half of the 90-ies of the 19th century there existed legal norms that outwardly protected and strengthened Russian shipbuilding. At the beginning of the 20th century they were supplemented by decisions of the Committee of Ministers and then the Council of Ministers, respectively, in 1901, 1902 and 1907, which, however, did not work perfectly. The main reason for such a state of affairs was the de facto and de jure deviations from the prescribed rules. The authors consider another significant motivating factor for this process: the “price rush” of Russian shipyards for their products and, on the contrary, the “soft dumping” of German manufacturers and their strict adherence to deadlines for fulfilling their obligations. The political calculations of official authorities in St. Petersburg and the corruption of Russian authority representatives played a certain role as well.

Keywords: Russian legislation at the beginning of the 20th century, military shipbuilding, German firms.

References

1. Beskrovnyj, L.G. (1968). *Armiya i flot Rossii v nachale XX veka: Oчерki voenno-ekonomicheskogo potentsiala* [The Army and Navy of Russia at the beginning of the XX century: Essays on military and economic potential]. M., 1968. 242 s.
2. Gavrilov, B.I. (2003). I.K. Grigorovich i bol'shaya morskaya programma [Grigorovich and the Big sea program] // *Rossiya: mezhdunarodnoe polozhenie i voennyj potentsial v seredine XIX - nachale XX veka*. M., 2003. S. 191-244.
3. Liven, A.A. *Pamyatnaya zapiska po povodu zakona o flote i sudostroitel'noj programmy* [A memorandum on the law on the fleet and the shipbuilding program], available at: <http://www.zlev.ru/cont112.htm> (Accessed 08 February 2023).
4. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. 2000. Op. 1. D. 6644. L. 133-133 ob.
5. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voенно-morskogo flota [Russian State Archive of the Navy] (RGAVMF). F. 1248. Op. 1. D. 42. L. 85.
6. RGAVMF. F. 1248. Op. 1. D. 42. L. 84.
7. RGAVMF. F. 1248. Op. 1. D. 41. L. 119. ob.
8. RGAVMF. F. 1248. Op. 1. D. 41. L. 56. ob.
9. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskij arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1276. Op. 2. D. 204. L. 1-2.
10. *Rossiya i chernomorskie proliвы (XVIII-XX stoletie)* [Russia and the Black Sea Straits (XVIII-XX century)], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, M., 1999. 560 s.
11. Sinegubov, S.N. (2014). *K voprosu ob izuchenii «Dela Shihau» v otechestvennoj istoriografii* [On the question of studying the «Schichau's case» in native historiography] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta v otechestvennoj istoriografii*. 2014. №4(84). S. 216-220.
12. *Sravnitel'naya sila anglijskogo flota. Morskaya hronika* [The comparative strength of the English fleet. Marine Chronicle] // *Morskoj sbornik*. 1903. №. 6. s. 4-6.
13. Tirpitz, A (1957). *Vospominaniya* [Memoirs]. M., 1957. 656 s.
14. Cvetkov, I.F. (1993). *Poslednij morskoy ministr rossijskogo imperatorskogo flota* [the last naval minister of the Russian Imperial Navy] // *Vospominaniya byvshego morskogo ministra*. SPb., 1993. S. 5-21.
15. Shatsillo, K.F. (1992). *Gosudarstvo i monopolii v voennoj promyshlennosti Rossii konec XIX - 1914 g.* [The state and monopolies in the military industry of Russia late XIX - 1914]. M., 1992. 270 s.
16. Shatsillo, K.F. (1968). *Russkij imperializm i razvitie flota nakanune pervoj mirovoj vojny* [Russian imperialism and the development of the fleet on the eve of the First World War]. M., 1968. 367 s.
17. Shilov S.P. *Nemeckie firmy na sudostroitel'nom rynke Rossii pered pervoj mirovoj vojnoj* [German firms in the Russian shipbuilding market before the First World War] // *Voprosy istorii*.

2001. №3. S. 111-121.

18. Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD). (BA-MA). RM5/1505. Bl. 193-197.

19. Hintze P. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär. Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918 München, 1998. 754 s.

20. Vogel B. Deutsche Russlandpolitik Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow 1900-1906. Düsseldorf, 1973. 335 s.

Об авторах

Синегубов Станислав Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Россия), E-mail: globus_75@inbox.ru

Шилов Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет (Россия), E-mail: sshilov@mail

Заворохина Наталья Сергеевна – ассистент, Тюменский государственный университет (Россия), E-mail: co-ishim@yandex.ru

Sinegubov Stanislav Nicolaevich – Doctor of Sciences (History), Professor of University of Tyumen, (Tyumen, Russia), E-mail: globus_75@inbox.ru

Shilov Sergey Pavlovich – Doctor of Sciences (History), Professor of University of Tyumen, (Tyumen, Russia), E-mail: sshilov@mail

Zavorokhina Natalia Sergeevna – Assistant of University of Tyumen, (Tyumen, Russia), E-mail: co-ishim@yandex.ru

УДК 94(415).08

Степанова В.В., кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры» (Россия)

ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.: ОБЩИЕ И ОТЛИЧНЫЕ ЧЕРТЫ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОВ О ДЕТСКОМ ТРУДЕ)

В центре внимания данного исследования – трудовое законодательство России и Великобритании. Период конца XIX - начала XX вв. стал временем перехода к формированию новых трудовых норм, что имело как позитивные, так и негативные последствия для рабочего класса, но при этом соответствовало интересам крупного капитала. Рассмотренные в статье законы (российский закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», английский закон «О фабриках и мастерских 1878 г.» и другие) имеют не только историческое, но и социальное значение, поскольку они поднимают важные вопросы обеспечения прав детей и подростков, а также закладывают основы дальнейшего развития законодательных инициатив. Разработка законодательной базы о детском труде в Англии начинается несколько ранее, чем в России. Однако дальнейшие изменения, вносимые в нормативную базу двух стран, имеют общую тенденцию к повышению возрастного порога вовлеченности детей в трудовую деятельность и требования к получению начального образования. Вместе с тем, в законодательствах стран имеются и общие проблемы, связанные с многочисленными исключениями по использованию в производстве детского труда. Автор статьи предлагает новый подход к анализу компаративных аспектов законодательства Великобритании и России, что позволит выявить и обобщить факторы и условия, сформировавшие трудовую правовую среду в переходный период. Результаты данной статьи способствуют лучшему пониманию процессов, которые лежат в основе развития современного трудового законодательства, и могут быть использованы для дальнейших исследований в области трудового права в XXI в.

Ключевые слова: трудовое законодательство, фабрично-заводское законодательство, детский труд, Великобритания, Российская империя

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-153-160

Введение. Формирование трудового права представляет собой комплексный и сложный процесс. Экономические и политические изменения в современном мире, вопросы социальной защиты населения, особенно детей, остаются ведущими в современной политической повестке дня. Развитие нормативно-правовых механизмов для регулирования трудовых отношений в России и Европе началось в конце XIX – в начале XX вв. и продолжается в современном законодательстве. При этом английская правовая традиция является непрерывной с этого момента, а российская, в силу ряда исторических событий, использует вновь принятые нормативно-правовые акты.

Цель исследования - сравнение основных особенностей законодательства о труде в России и Великобритании на начальном этапе развития правового регулирования в рамках трудовых отношений в конце XIX - начале XX в. В качестве исследуемых документов используются законы о детском труде.

Сравнение законодательства о труде в Великобритании и России, касающегося детского труда, в конце XIX - начале XX в. - главная научная задача, которую поставила перед собой данная статья. Научная новизна этого исследования заключается в том, что оно предлагает новый подход и анализ в области сравнительного исследования законодательства о труде в рассматриваемом периоде исследования

Объекты и методы исследования. Основным методом исследования стал сравнительно-аналитический метод, использованный при сопоставлении содержания законодательных актов России и Великобритании по вопросам защиты детского труда.

В рамках настоящего исследования рассматривается процесс разработки трудового законодательства в России и Великобритании в конце XIX – начале XX в. Россия и Великобритания были выбраны в качестве объектов исследования, т.к. данные страны являются примерами разных подходов и этапов развития трудового законодательства

Результаты и их обсуждение. На рубеже XIX - XX веков происходят сдвиги во внутриполитических ориентациях многих европейских стран, где социальные проблемы начинают занимать приоритетное положение перед политическими и экономическими вопросами. Среди этих стран можно выделить Великобританию и Россию, которые также сталкиваются с нарастающей проблемой рабочего движения. Традиционные методы усмирения рабочих стачек и забастовок перестают действовать. Российское правительство и консервативная партия Великобритании, находящаяся в тот момент у власти, столкнулись с аналогичными проблемами необходимости выработки программ социального страхования и охраны труда. Как отмечает С.Р. Глазунов: «российской центральной властью была инициирована реформа фабричного права, которая за 30 лет (с 1882 по 1912 г.) сформировала основы российского трудового законодательства» [4, С. 143]. С уверенностью можно также утверждать, что в изучаемый период сложилась та база, которая определила современное развитие английского социального законодательства.

В советской историографии и правоведении рассматривалось двухчастное разделение английского трудового законодательства на фабричное и рабочее. Это разграничение являлось обоснованным, поскольку Великобритания по сей день имеет обширный набор законодательных актов в области труда, в основном относящихся к фабричной и рабочей сферам. Однако в настоящее время все вопросы, регулируемые этими двумя частями, объединены в более общее понятие «трудовое законодательство». В этом контексте стоит отметить, что консервативная партия предлагала законопроект, которые соответствовали этим двум частям законодательства [11, С. 46]. Российское трудовое законодательство в отечественной историографии не принято разделять на две части, как английское. Эволюция российского трудового законодательства рассматривается как единый комплекс фабричных законов.

Отличается и процесс предпосылок складывания трудового законодательства в России и Великобритании. Так, российский процесс начался несколько позднее, чем в

прогрессивных странах Европы, в т.ч. и в Англии. Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г., если опираться на мнения таких ученых, как А.М. и М.В. Лушниковы [6, С.159], Е.В. Феоктистов [12, С. 103], С.Р. Глазунов [4, С. 144], был первым фабричным законом. В Англии же, по мнению Р.Р. Вяслева, уже в XVIII в. были заложены «предпосылки создания фабричного законодательства посредством актов, регулировавших условия труда и производства» [2, С.24]. В их числе: «Акт о шелковом производстве» (1763 г.), «Акт о прядильном производстве» (1764 г.), «Акт о Уотфордском погосте и работных домах» (1772 г.), «Акт о Вестминстерском работном доме» (1772 г.)» [2, С. 23-24]. Законодательные акты, касающиеся фабричной сферы, претерпевали изменения и дополнения вплоть до конца XIX века, начиная с первого закона о здоровье и нравственности 1802 г. Они становились более детализированными в отношении условий работы для различных категорий рабочих, а также определяли регламенты труда для подчиненных категорий рабочих.

Британский парламент предпринимал также отдельные попытки урегулирования противоречий в области рабочего законодательства, в частности, путем принятия отдельных законов в трудовой сфере. Однако они носили ограниченный характер (например, законы о вознаграждении (1875 и 1880 гг.), закон «О защите рабочих от травм» (1895 г.), «О здоровье населения» (1890 г.), обсуждения «Билля о компенсации за несчастные случаи» (1893 г.)).

Существуют различные законы, регулирующие охрану труда. Они могут быть классифицированы по их основным целям. Так, некоторые из них направлены на ограничение детского и женского труда, в то время как другие устанавливают правила относительно заработной платы, штрафов, продолжительности и условий рабочего дня, социального страхования и возможности создания рабочих союзов.

Следует отметить, что общие условия труда рабочих в России и Великобритании к началу XX в. были схожи. Повсеместно применялся дешевый детский и женский труд, отсутствовали ограничения продолжительности ра-

бочего дня, пенсии, социальные пособия. Взаимодействие между работниками и работодателями затруднялось в связи с отсутствием желания последних увеличивать свои расходы на страхование, компенсации и пособия по безработице для своих сотрудников. И российская и английская правящая элита шли на уступки работодателям, ущемляя права рабочих. В Великобритании всегда существовали проблемы в трудовых отношениях, которые вызывали живые дискуссии в партиях и парламенте. Например, значительное количество споров было связано с «Биллем об условиях труда на фабриках и мастерских», проектом о компенсациях за несчастные случаи 1897 г., а также вопросами о восьмичасовом рабочем дне и последствиях тафф-вельского дела [3, С. 162]. Полемика вокруг рабочего законодательства шла и в российском обществе, причем обсуждения носили различные подходы и мнения, зачастую весьма противоречивые [5].

Среди самых обсуждаемых проблем стоит вопрос регулирования детского труда.

В конце XIX - начале XX вв. в английском обществе возникает движение за создания достойных условий существования незащищенных слоев населения, среди которых особое место занимают дети. Главным образом это связано с деятельностью Фабианского общества, образованного в 1884 г., привлекшего внимание общественности к положению бедняков и их детей, и необходимости разрешения этого вопроса. В отечественной историографии решение социальных вопросов и деятельность фабианского общества рассматривают только в рамках деятельности либеральных кабинетов Г. Асквита и Д. Ллойд Джорджа или как фактор формирования лейбористской партии. Однако, консервативная партия также разрабатывала проекты социальных реформ, а влияние фабианских идей прослеживается и в консервативной идеологии. В России ведущую роль в охране детского труда сыграло «Петербургское императорское русское техническое общество». Именно оно в 1884 г. издает доклад «Работа малолетних в России и Западной Европе», в котором делался вывод о «слишком раннем возрасте поступления детей на фабрики и мастерские» [1, С. 43]. Особенная комиссия, в состав которой входили представители обще-

ственности, фабриканты и некоторые административные лица, рассмотрела данный отчет. Анализ результатов и их последующие выводы послужили основанием для разработки нового закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах».

С начала XIX в. в Великобритании предпринимаются меры по ограничению детского труда. Первые фабричные законы, ограничивающие рабочее время детей до 12 часов в сутки, были приняты в 1802 и 1819 гг. Однако они имели рекомендательный характер и распространялись только на текстильную промышленность. В то же время дети продолжали работать в других отраслях экономики, таких как угольная промышленность, курьерская служба, сфера услуг и продажа мелких товаров. Часы работы в неделю могли достигать до 52 – 64-х часов зимой или летом соответственно (в качестве домашней прислуги работали даже 80 часов в неделю) [13].

Серьезное внимание детскому труду уделил «Фабричный акт 1833 г.», по которому «дети в возрасте от девяти до двенадцати лет не должны были работать свыше 48 часов в неделю и более 8 часов без часового перерыва на обед; в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет – не более 12 часов в день с часовым перерывом на обед» [13]. Данный акт также ограничивал работу в ночное время (т.е. с 20.30 ч. до 5.30 ч.) [13]. Однако на практике, фабриканты использовали так называемую «ретрансляционную систему» с двумя сменами, охватывающими разрешенный дневной рабочий день, что на практике выливалось в пятнадцатичасовой рабочий день.

Окончательный регламент длительности рабочего времени детей был сформулирован в «Законе о фабриках и мастерских 1878 г.». Введение закона привело к появлению новых понятий – «покровительствуемые лица», включающее в себя детей в возрасте от 10 до 14 лет, и «молодые люди», включающие в себя детей в возрасте от 14 до 18 лет [15]. Примечательно, что тринадцатилетние подростки, имеющие «хороший уровень успеваемости и посещаемости школы, могли быть приняты на работу в качестве “молодых людей”» [15, Р. ii]. Нормативный акт устанавливал и предельный размер длительности работы: на текстильных фабриках «молодые

люди не могут работать более двенадцати часов в день и непрерывно более четырех с половиной часов без перерыва не менее получаса на прием пищи» [15, Р. 141]; «молодые люди, занятые на нетекстильной фабрике или работающие в мастерской, не должны работать более двенадцати часов в день и непрерывно более пяти часов без перерыва не менее получаса на прием пищи» [15, Р. 142-143]. Был введен запрет на трудоустройство в воскресенье (и на продление рабочего дня в субботу), с исключением работы в домашних мастерских. «Покровительствуемые лица» могли претендовать на два полных отпуска и восемь дней отдыха с ограниченным рабочим графиком. Кроме того, запрещалось трудоустройство детей в возрасте до десяти лет. Подростки старшего возраста были обязаны посещать учебные заведения и иметь установленный сокращенный рабочий день до достижения четырнадцатилетнего возраста (или до тринадцати лет в случае достижения высоких успехов в учебе).

В России первым нормативным актом, ограничивающим время детского труда, стал закон 1845 г. «О неупотреблении малолетних рабочих в ночные работы на фабриках». Однако на практике, из-за отсутствия контроля по его выполнению, он фактически не применялся. Изменения начали происходить только после принятия в 1882 году закона «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Например, «малолетним в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет не могут быть заняты работаю более восьми часов в сутки, не включая времени потребного на завтрак, обед, ужин, посещение школы <...> работа не должна продолжаться более четырех часов сряду» [7]. В соответствии с этим законом, лица в возрасте 15 лет и старше были допущены к работе в ночную смену («между девятью часами вечера и пятью часами утра» [7]). Более того, данный акт ограничивал и работу на вредных производствах для детей: «воспрещается допускать к таким производствам <...>, которые, по своим свойствам, вредны для здоровья малолетних или должны быть признаны для них изнурительными» [7]. Под воздействием решения Государственного Совета от 1890 года «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках,

заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения», где была затронута тема работоспособности малолетних, стало возможным для владельцев фабрик и заводов привлекать детей к работе в ночные часы и обходить установленные ограничения по времени работы. Меры, принимаемые этим решением, расширили полномочия работодателей, позволяя им использовать детей на фабриках и заводах в сверхурочное время: «при сохранении общего права о продолжительности работы малолетних <...> малолетние в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет могут, когда по роду производства это оказывается необходимым, быть занимаемы работами до шести часов сряду» [10]. Запрет использования труда несовершеннолетних в ночное время продолжал носить ограниченный характер: «допускается в стекольном производстве занятие малолетних означенных в предшедшей статье возраста (от двенадцати до пятнадцати лет – В.С.) ночными работами до шести часов в сутки» [10]. Полностью запрещалась ночная работа «подростков в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет <...> в промышленных заведениях, учрежденных для производств <...> тканей» [10]. В остальных отраслях детский ночной труд продолжал быть не регламентированным.

В 1891 г. в Англии был представлен законопроект «Билль об условиях труда на фабриках и мастерских», который стал объектом обсуждения в парламенте. Одним из сложных вопросов, которые требовали урегулирования, было установление минимального возраста для трудоустройства. Одно из положений устанавливает, что возрастной ценз для работы в неполный рабочий день составляет одиннадцать лет, а для полного рабочего дня - четырнадцать лет [16].

В 1895 г. были установлены общие правила организации рабочего времени в Англии, которые были закреплены в «Законе о фабриках и мастерских». В этом нормативном акте были указаны категории работников, на которых не распространялись основные положения закона. Среди этих категорий были дети в возрасте от 12 до 14 лет, молодые люди в возрасте от 14 до 18 лет (в случае получения подростком свидетельства об образовании - с 13 лет) и женщины старше 18 лет

[17, Р. 15]. Спустя шесть лет после принятия закона, в 1901 г., консерваторы расширили его основные положения. Так, в законе были установлены требования к температурному режиму в рабочих помещениях, необходимость соблюдения санитарных норм, а также оповещения и компенсации в случае выброса ядовитых веществ [18]. При обсуждении дополнительного акта 1901 г. вновь стал вопрос о детском возрастном цензе, что вызвало парламентскую дискуссию. Консервативные депутаты считали, что не стоит изменять правила детского труда, закрепленные в акте 1891 г. [19, Сс. 629-676].

В российском законодательстве в начале XX в. также рассматривался такой важный аспект детских трудовых отношений, как возраст. Например, в упомянутом законе 1882 г. запрещалось использование труда детей до двенадцати лет, а вышедшее в 1890 г. Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» предусматривало противоположную позицию: «при сохранении общего права о продолжительности работы малолетних <...> допускать к занятию дневною работою на фабриках, заводах и мануфактурах тех малолетних в возрасте от десяти до двенадцати лет, которые состоят уже на работах в означенных промышленных заведениях» [10].

Интересно сравнить механизмы контроля над соблюдением трудовых законов в отношении детей. И в России, и в Великобритании существовали фабричные инспекции. Учреждение английской фабричной инспекции произошло в 1833 г. согласно «Фабричному акту». Инспекторы выполняли важную роль в осуществлении контроля за выполнением фабричного законодательства и законов об образовании. Они не только обязаны были следить за соблюдением их положений, но и, при наличии необходимости, проводить расследования нарушений. До 1844 г. инспекторам даже поручалась функция наказания нарушителей и передачи дел в мировые суды. Кроме того, обязанностью инспекторов было составлять ежегодные отчеты о трудовых условиях на фабриках, о фактах нарушений

действующих законов и предлагать поправки для их усовершенствования [14].

Российский институт фабричных инспекторов был создан только в 1882 г. Согласно закону, учреждалась «для надзора за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих <...> особая инспекция» [7]. Распределение местности, где располагались промышленные предприятия, происходило по округам и каждый округ имел своего окружного инспектора, руководящего контролем за деятельностью предприятий. Основную функцию общего надзора выполнял Главный инспектор [7]. В 1884 г., после выхода Высочайшего утвержденного мнения Государственного Совета «О взыскании за нарушения постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках и в ремесленных заведениях», было ужесточено наказание за такие нарушения: «заведующие (владельцы или управляющие) заводами, фабриками, мануфактурами и ремесленными заведениями, виновные в неисполнении установленных законом <...> правил работы малолетних <...> подвергаются: аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию не свыше ста рублей» [8].

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о получении образования несовершеннолетними работниками. В Великобритании к концу XIX в. согласно «закону Форстера 1870 г.» сложилась система обязательного начального образования. К 1902 г. каждый ребенок обязан был посещать школу до одиннадцати лет. Что касается совмещения учебы и работы, то еще «Фабричным актом 1833 г.» было установлено: «дети в возрасте от девяти до тринадцати лет могли быть трудоустроены только в том случае, если у них была справка школьного учителя о том, что в течение недели у них было не менее двух часов обучения в день» [14]. Само обучение оплачивалось путем вычета пенни из каждого заработанного детьми шиллинга. Фабричный инспектор мог запретить выплату этих денег «некомпетентному» школьному учителю, но не мог аннулировать выданную им справку [14]. С повышением возрастного ценза вопрос совмещения учебы и труда фактически был снят.

В России вопрос получения несовершеннолетними рабочими образования был

поднят в двух законах. В соответствии с законом 1882 г. собственники производственных предприятий, таких как заводы, фабрики и мануфактуры, были обязаны предоставлять рабочим возможность посещать «тем из числа работающих в их заведениях малолетних, которые не имеют свидетельств об окончании курса <...> в одноклассном народном или равном ему училище» [7] школ «не менее трех часов ежедневно или восемнадцати часов в неделю» [7]. В 1884 г. был утвержден закон «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» в котором вводилось правило на то, что «работающие на фабриках, заводах и мануфактурах малолетние, не имеющие свидетельств об окончании курса <...> посещают школы, открываемые при означенных промышленных заведениях» [9]. В обязанности фабричных инспекторов теперь входило «попечение об учреждении особых школ для доставления <...> малолетним рабочим первоначального образования <...> для надзора за за-

нятиями и обучением малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах, при содействии ей, в потребных случаях, местного учебного начальства» [9].

Выводы. Таким образом, в конце XIX - начале XX века отмечается переходной период в развитии трудового законодательства в России и Великобритании. Резолюции, принятые правительствами двух стран в отношении трудового законодательства, имели вынужденный и ограниченный характер. В английском законодательстве законы, касающиеся детского труда, появляются несколько раньше, чем в России. Однако логика ограничения использования труда несовершеннолетних в обеих странах схожа. В политике относительно использования детского труда прослеживаются как прогрессивные моменты (общая тенденция к увеличению возраста начала трудовой деятельности, получение школьного начального образования), так и антирабочие черты (продолжение использования детского труда, наличие многочисленных исключений из правил организации труда по времени), поддерживающие интересы крупного капитала.

Список литературы

1. Андреев Е.Н. Работа малолетних в России и Западной Европе: соч. / Е. Н. Андреев. Вып. 1 - СПб, 1884. – 240 с.
2. Вяселев Р.Р. Основные этапы развития фабричного законодательства Англии XIX века / Р. Р. Вяселев. - Текст : непосредственный // Государственный советник. 2013. №2. С.23-29.
3. Гелла Т.Н. Позиция английских либерал-империалистов по рабочему вопросу. Конец XIX – начало XX века / Т. Н. Гелла. - Текст : непосредственный // Проблемы британской истории: Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 1987. С. 161-169.
4. Глазунов С. Р. Фабричное законодательство в России и механизмы его реализации. 1882-1914 гг. / С. Р. Глазунов. - Текст : непосредственный // Экономическая история. 2018. №2 (41). Т. 14. С. 141-154.
5. Куприянова Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX века / Л. В. Куприянова. - Текст : электронный // URL:<http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.html> (дата обращения: 31.05.2023).
6. Лушников, А.М. Российская школа трудового права и права социального обеспечения: портреты на фоне времени (сравнительно-правовое исследование): монография: в 2т. /А. М. Лушников, М. В. Лушникова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль : ЯрГУ, 2010. — Т.1 - 563 с. (Серия «Ярославская юридическая школа начала XX века»).
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е.СПб., 1886. Т.2. №931.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб.,1887. Т.4. №2286.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е.СПб., 1887. Т.4. №2316.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е.СПб., 1893. Т.10. Отд.1. №6742.
11. Степанова, В. В. Консервативная партия и формирование трудового законодательства Великобритании в конце XIX - начале XX вв / В. В. Степанова // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : Международная научная

конференция. Том III. – Санкт-Петербург : Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств, 2017. – С. 45-50.

12. Феоктистова, Е. В. Роль фабричного законодательства России второй половины XIX - начала XX вв. в регулировании труда рабочих текстильных предприятий / Е. В. Феоктистова - Текст : непосредственный // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2009. № 3(3). С. 101-111.

13. Daniels B. Poverty and Families in the Victorian Era. 2003. //URL: <http://www.hidden-lives.org.uk/articles/poverty.html>. (дата обращения: 07.03.2023).

14. Factory Act, 1833 // 3 & 4 Will. 4. С. 103.

15. Factory and Workshop Act, 1878 // 41 & 42 Vict. С. 16.

16. Factory and Workshop Act, 1891 // 54 & 55 Vict. С. 75.

17. Factory and Workshop Act 1895// 58 & 59 Vict. С. 37.

18. Factory and Workshop Act 1901// 1 Edw. 7. С.22.

19. Hansard's Parliamentary Debates. 17 June 1901. Vol. 95.

20. Saunders R.J. Report on the Establishment of Schools in the Factory District / R.J. Saunders // Parliamentary Papers. Great Britain. Parliament. House of Commons. H.M. Stationery Office, 1843. Vol. 27. Pp.385-425.

LABOR LEGISLATION IN RUSSIA AND GREAT BRITAIN IN THE LATE 19TH - EARLY 20TH CENTURIES: COMMON AND DIFFERENT FEATURES (ON THE EXAMPLE OF CHILD LABOR LAWS)

The focus of this study is labor legislation in Russia and Great Britain. The period of the late XIX - early XX centuries became a time of transition of new labor standards, which had both positive and negative consequences for the working class, but at the same time reflected interests of big capital. The laws discussed in the article (the Russian law «On minors working in factories, factories and manufactories», the English law «Factory and Workshop Act 1878» and others) haven't only historical, but also social significance, since they raise important issues of ensuring rights of children and young people, and also lay the foundation for the further development of legislative initiatives. The development of the legislative framework on child labor in England begins somewhat earlier than in Russia. However, further changes made to the regulatory framework of the two countries have a general tendency to increase the age threshold for children's involvement in labor activity and the requirements for primary education. At the same time, the legislations of these countries also have common problems associated with numerous exceptions for the use of child labor in production. The author of the article proposes a new approach to the analysis of comparative aspects of the legislation of Great Britain and Russia, which will allow us to identify and generalize the factors and conditions that shaped the labor legal environment during the transition period. The results of this article contribute to a better understanding of the processes that underlie the development of modern labor law and can be used for further research in the field of labor law in the 21st century.

Keywords: labor legislation, factory legislation, child labor, Great Britain, Russian Empire

References

1. Andreev E.N. Rabota maloletnih v Rossii i Zapadnoj Evrope: soch. / E. N. Andreev. Vyp. 1 - SPb, 1884. – 240 s.

2. Vyaselev R.R. Osnovnye etapy razvitiya fabrichnogo zakonodatel'stva Anglii XIX veka / R. R. Vyaselev. - Текст : непосредственный // Gosudarstvennyj sovetnik. 2013. №2. S.23-29.

3. Gella T.N. Poziciya anglijskih liberal-imperialistov po rabochemu voprosu. Konec HIIH – nachalo XX veka / T. N. Gella. - Текст : непосредственный // Problemy britanskoj istorii: Akad. nauk SSSR, In-t vseobshch. istorii. M.: Nauka, 1987. S. 161-169.

4. Glazunov S. R. Fabrichnoe zakonodatel'stvo v Rossii i mekhanizmy ego realizacii. 1882-1914 gg. / S. R. Glazunov. - Текст : непосредственный // Ekonomicheskaya istoriya. 2018. №2 (41). T. 14. S. 141-154.

5. Kupriyanova L. V. «Rabochij vopros» v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka / L. V. Kupriyanova. - Текст : электронный // URL:<http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/Kupriyanova.html> (data obrashcheniya: 31.05.2023).

6. Lushnikov, A.M. Rossijskaya shkola trudovogo prava i prava social'nogo obespecheniya: portrety na fone vremeni (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): monografiya: v 2t. /A. M. Lushnikov,

М. V. Lushnikova; YArosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. — YAroslavl' : YArGU, 2010. — Т.1 - 563 s. (Seriya «YAroslavskaya yuridicheskaya shkola nachala HKH veka»).

7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e.SPb., 1886. Т.2. №931.

8. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. – SPb.,1887. Т.4. №2286.

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e.SPb., 1887. Т.4. №2316.

10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e.SPb., 1893. Т.10. Otd.1. №6742.

11. Stepanova, V. V. Konservativnaya partiya i formirovanie trudovogo zakonodatel'stva Velikobritanii v konce XIX - nachale XX vv / V. V. Stepanova // Tavricheskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost' : Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Tom III. – Sankt-Peterburg : Sekretariat Soveta Mezhparktamentsoj Assamblei gosudarstv - uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv, 2017. – S. 45-50. Feoktistova, E. V. Rol' fabrichnogo zakonodatel'stva Rossii vtoroj poloviny XIX - nachala HKH vv. v regulirovanii truda rabochih tekstil'nyh predpriyatij / E. V. Feoktistova - Tekst : neposredstvennyj // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nyh tekhnologij). 2009. № 3(3). S. 101-111.

12. Daniels B. Poverty and Families in the Victorian Era. 2003. //URL: <http://www.hidden-lives.org.uk/articles/poverty.html>. (дата обращения: 07.03.2023).

13. Factory Act, 1833 // 3 & 4 Will. 4. С. 103.

14. Factory and Workshop Act, 1878 // 41 & 42 Vict. С. 16.

15. Factory and Workshop Act, 1891 // 54 & 55 Vict. С. 75.

16. Factory and Workshop Act 1895// 58 & 59 Vict. С. 37.

17. Factory and Workshop Act 1901// 1 Edw. 7. С.22.

18. Hansard's Parliamentary Debates. 17 June 1901. Vol. 95.

19. Saunders R.J. Report on the Establishment of Schools in the Factory District / R.J. Saunders // Parliamentary Papers. Great Britain. Parliament. House of Commons. H.M. Stationery Office, 1843. Vol. 27. Pp.385-425.

Об авторе

Степанова Валерия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры» (Россия), E-mail: stepanovaerlia@gmail.com

Stepanova Valeria Vladimirovna – Candidate of History, Associate Professor of Department of Humanitarian Disciplines, Orel State Institute of Culture (Russia), e-mail: stepanovaerlia@gmail.com

УДК 930.1(4):316.3

Терехов О. Э., доктор исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Россия)

Терехова О. Н., кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Россия)

ЕВРОПЕЙСКИЙ АБСОЛЮТИЗМ В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ И. ВАЛЛЕРСТАЙНА И П. АНДЕРСОНА¹

В статье дается сравнительный анализ европейского абсолютизма в историко-социологических концепциях Валлерстайна и Андерсона. Актуальность темы обусловлена тем, что оба автора внесли существенный вклад в становление современных теоретико-методологических подходов в исследовании феномена европейского абсолютизма раннего Нового времени, а также тем, что данная проблема практически не рассматривалась в отечественной историографии и гуманитарной мысли. Валлерстайн в рамках своего мир-системного анализа, считал эпоху абсолютизма первой стадией формирования европейской капиталистической мир-экономики. Андерсон, будучи, как и Валлерстайн неомарксистом, разработал оригинальную неомарксистскую концепцию абсолютизма, основанную на социокультурном подходе к его изучению. Авторы в контексте сравнительно-исторического метода рассмотрели общее и особенное в трактовке европейского абсолютизма Валлерстайном и Андерсоном. В статье отмечается, что методологический плюрализм западного неомарксизма позволил обоим авторам не просто создать оригинальные концепции европейского абсолютизма, но и значительно расширить познавательные возможности в его изучение. Несмотря на доминирование экономического детерминизма в объяснении причин возникновения и генезиса абсолютизма, Валлерстайн и Андерсон не замыкаются в экономических факторах, а вводят новые структурные элементы в его исследование, в частности модели геоэкономического и геополитического пространства. Особенно подобный подход характерен для Андерсона, который несмотря на примат экономики, рассматривает абсолютизм в контексте политических, внешнеполитических, социальных и культурных процессов.

Ключевые слова: европейский абсолютизм, историческая социология, мир-система, мир-экономика, капитализм.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-161-168

Введение. В 2024 году исполняется пятидесятилетие со дня выхода в свет двух фундаментальных трудов современной гуманитарной мысли, оказавших на нее большое влияние: первого тома «Мир-системы Модерна» выдающегося американского социолога-неомарксиста Иммануила Валлерстайна и, книги «Родословная абсолютистского государства», известного британо-американского историка и социолога, одного из ведущих теоретиков западного неомарксизма Перри Андерсона. Обе работы в полном объеме сравнительно недавно стали доступны российскому читателю [1,2].

Несмотря на то, что труды Андерсона и Валлерстайна написаны на разные темы между ними имеется определенное сходство. Во-первых, Андерсон и Валлерстайн принадлежали к западному неомарксизму с его определенным набором теоретико-методологических установок. Во-вторых, оба труда написаны в жанре исторической социологии или макросоциологии, популярного и влиятельного направления в новейшей гуманитарной мысли, вобравшего

в себя многие достижения междисциплинарного анализа. Труды созданы в одной исследовательской парадигме, что позволяет провести сравнительный анализ проблем, которые поднимали авторы, и которые были для них общими. В данном случае, мы имеем ввиду проблему европейского абсолютизма. В рамках этой статьи авторы ставят перед собой цель рассмотреть трактовку европейского абсолютизма в историко-социологических концепциях Валлерстайна и Андерсона.

Объекты и методы исследования. Проблема генезиса и сущности абсолютизма является основополагающей в дискуссиях о раннем европейском Новом времени. Они то прекращаются, то возобновляются вновь [6]. Именно абсолютизм, как новая форма организации государства и общества, заложил основы современного современного образа Запада [5]. Абсолютизм создал новую модель европейского государства, которую принято называть «государством раннего Нового времени», «модерным государством», «абсолютистским

© Терехов О.Э., Терехова О.Н.

© Terekhov O.E., Terekhova O.N.

государством». Данный тип государства, особенно в его западноевропейском варианте, справедливо называют прообразом современного рационализованного и секулярного государства, с его с вполне уже безличными структурами и институциями, относительную устойчивость политических и прочих институтов, формирование нации и установление верховенства государства как такового над всеми другими институтами общества.

Книга Андерсона как раз и посвящена анализу происхождения, становления и характерным чертам европейского абсолютистского государства раннего Нового времени с небольшим экскурсом в историю средневекового Востока. В глобальной мир-системной концепции Валлерстайна абсолютизм также играет важную роль. Именно в его период формируется, согласно автору, истоки европейского мира-экономики. Объектами нашего исследования выступает трактовка европейского абсолютизма в историко-социологических концепциях Валлерстайна и Андерсона. За основу методологии исследования взят историко-сравнительный метод, который в сравнительной ретроспективе позволяет рассмотреть общее и особенное в подходах и оценке Валлерстайна и Андерсона европейского абсолютизма.

В отечественной историографии, несмотря на значительный массив литературы посвященной анализу мир-системной концепции Валлерстайна, работ, авторы которых бы сосредотачивали свое внимание на его трактовке абсолютизма и европейского раннего Нового времени, практически нет. Все исследователи отмечают в первую очередь факт того, что именно в этот период Валлерстайн выделяет как время перехода в Европе от мира-империи к миру-экономики. Исключение составляют ранние работы известного социолога А. И. Фурсова. Будучи, сторонником мир-системного подхода американского социолога, он касался проблемы генезиса капитализма у Валлерстайна [9, 10]. В обширном предисловии к изданию на русском языке труда Валлерстайна «Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация» [3], он возвращается к своему тезису о том, что Валлерстайн при всей его методологической фундированности так и не смог в своей мир-системной концепции до

конца убедительно объяснить генезис капитализма и стадийный переход части Европы от мир-империи к мир-экономике в раннее Новое время [11, с. 26-27].

Концепция европейского абсолютизма Перри Андерсона также не получила в отечественной историографии должного освещения. В этой связи следует упомянуть статьи авторов этих строк, в которых они попытались дать общий абрис идей этого англо-американского социолога о европейском абсолютизме [7, 8]. Единственной работой в современной отечественной историографии, в которой кратко анализируется в сравнительной перспективе взгляды Валлерстайна и Андерсона на абсолютизм стал очерк петербургского исследователя М. А. Демьяненко [4]. Автор отмечает структурное сходство обеих неомарксистских моделей абсолютизма при всем их различии.

Результаты и их обсуждение. Валлерстайн начинает свои размышления о формировании современной мир-системы с утверждения о том, что феномен европейской мир-экономики возник в конце XV — начале XVI веков [2, с. 15]. Этот тренд связан, по его мнению, с проблемой «кризиса феодализма», который был вызван многообразными факторами («и отражением конъюнктуры вековых трендов, и собственно циклическим кризисом, и климатическим спадом» [2, с. 45]. «Кризис феодализма» заставил Европу искать новые формы получения прибавочной стоимости что послужило основой, согласно Валлерстайну, возникновения капиталистической мир-экономики с ее разнообразными проявлениями: от географическо-пространственных до усиления роли государства [2, с. 45].

Валлерстайн хронологически обозначает формирование европейской капиталистической мир-экономики с 1450 по 1640 гг. Данные хронологические рамки Валлерстайн называет «долгим» XVI веком. Господствующей тенденцией в этот период становится усиление роли государства и проводимая им политика этатизма, а также дифференциация классовой структуры общества «Именно в XVI столетии современная классовая система начинает обретать свою форму» констатирует он [2, с. 78]. Формирование классов, согласно Валлерстайну, стало возможно благодаря

трансформации государства в форму абсолютной монархии при переходе к мир-экономике. «Очевидно, что подъем абсолютных монархий в Европе совпадает по времени с возникновением европейского мира-экономики» [2, с. 159]. И задает вопрос, что в данном процессе первично: либо становление абсолютизма, либо рождение европейской мир-экономики? Ответ, который он дает на этот вопрос, однозначный. Данный процесс носил двусторонний характер. С одной стороны, экономическая база абсолютистского государства едва ли была возможной без расширения мировой торговли и торговой экспансии Европы и появления капиталистического сельского хозяйства. С другой стороны, государство само стимулировало, и было политическим гарантом новых форм капиталистического хозяйствования. Относительно роли государства в европейской экономике мир-системы Модерна Валлерстайн считает, что с XVI по XVIII столетия государство являлись главными экономическими акторами [2, с. 160]. Он выделяет четыре направления усиления могущества монарха, которые привели в конечном итоге к появлению абсолютистского государства: бюрократизацию, монополизацию силы, легитимацию, гомогенизацию подвластного населения.

По мнению Валлерстайна, абсолютизм был прежде всего идеологией легитимации монархов в священном праве королей на власть, но сам термин нельзя определить как точное отражения реальных социально-политических процессов. Абсолютный не значит неограниченный. Абсолютная монархия была условно неограниченной, а власть короля условно абсолютна [2, с. 174 - 175]. Более того, Валлерстайн идет в разрез с официально принятой в историографии концепции о связи абсолютистского государства с укреплением нации. Согласно ему, абсолютизм никак не повлиял на процесс формирования наций в Европе. Он о другом об укреплении государственного аппарата [2, с. 175]. Суть абсолютизма это этатизм. «Этатизм пишет Валлерстайн это претензия на усиление власти государственного аппарата, что в реалиях XVI века означало сосредоточение власти в руках абсолютного монарха» [2, с. 177 - 178].

Этатистская направленность становяще-

гося на Западе Европы абсолютизма стала основой синтеза государства и нарождающейся буржуазии, которая была готова стать исправным налогоплательщиком. Именно в этом пункте, баланса государства и общества, Валлерстайн отмечал различия на пути становления абсолютизма в западной и восточной Европе. На Востоке Европы товарное сельское хозяйство оставалось более жизнеспособным, плюс мало влияние местной национальной буржуазии (ее роль, согласно Валлерстайну, выполняли евреи) [2, с. 183]. Такое положение в дальнейшем обусловило место Восточной Европы в полупериферии капиталистической мир-системы. Сложность и неоднозначность абсолютной монархии, как государственной и общественной системы, ее различные варианты в Европе, ставят, по мнению Валлерстайна, на повестку дня проблему «в какой степени абсолютную монархию следует рассматривать в качестве последнего убежища феодальной аристократии перед лицом «кризиса» феодализма..» [2, с. 191]. Рассмотрев различные точки зрения, Валлерстайн приходит к выводу о том, что при абсолютизме значительно меняется институциональная роль государства, это в свою очередь приводит к усилению его возможностей лавирования между сословиями, тоже самое касается монарха и всего королевского двора.

Возникновение мир-экономики в ряде государств Европы стало возможно после кризиса главной в этот исторический период европейской мир-империи Габсбургов. Наиболее характерным примером и проявлением кризиса этой мир-империи, по мнению Валлерстайна стал пример Испании после Великих географических открытий. Как полагал Валлерсайн, абсолютизм стал первой удачной государственно-организационной формой в процессе становления европейской мир-экономики в эпоху формирования и развития в ней элементов капиталистического типа хозяйствования.

В отличие от Валлерсайна, у которого абсолютизм выступал в качестве первого кирпича европейской мир-экономики, труд Перри Андерсона непосредственно посвящен феномену абсолютизма как таковому. Его «Родословная абсолютистского государства» по праву считается выдающимся интеллектуальным достижением неомарксистской мысли, не

уступающей «Мир-системе Модерна» Валлер-сайна. Ральф Милебанд, характеризуя вклад Андерсона в исследование абсолютизма, отмечал, его новаторский и междисциплинарный подход в изучении данной проблемы, который значительно расширял рамки восприятия этого феномена в контексте материалистического понимания истории [12, р. 313].

С точки зрения Андерсона, абсолютизм был закономерным продуктом, который проявился в классово-производственной форме, долгого кризиса феодального способа производства и феодального общества в Европе в XIV-XV вв. Но Андерсон, соглашаясь с тезисом о том, что абсолютизм признак разложения феодализма, в тоже время дискутирует с основной идеей положенной основоположниками марксизма за основу характеристики абсолютной монархии. Данная идея стала центральной в восприятии абсолютизма в историческом материализме. Ее суть состояла в тезисе о том, что западноевропейская абсолютная монархия стала выражением политического и социально-экономического равновесного состояния между землевладельческой аристократией и буржуазией в раннее Новое время [1, с. 15]. С таким подходом к определению сущности абсолютизма Андерсон не согласен. Он отверг тезис о том, что при абсолютизме феодальные порядки и отношения в производственной сфере исчерпали себя. По его мнению, структура экономических отношений в абсолютистской Европе не изменилась. Постепенная ликвидация крепостной зависимости не привело к изменению производственных отношений в деревне [1, с. 17], Поменялись формы феодальной эксплуатации.

Андерсон трактовал абсолютизм как попытку класса феодалов разработать новую форму господства с целью возвращения крестьян в их традиционную социальную нишу, невзирая на ослабление различных форм феодальной эксплуатации и постепенно отменяя различные повинности [1, с. 18]. Абсолютизм также не являлся такой государственной формой, через которую аристократия и буржуазия полюбовно купировали противоречия, которые возникали между ними. По мнению Андерсона, абсолютистское государство не следует считать орудием в руках нарождающейся

буржуазии против аристократии. Суть абсолютистского государства заключалось в том, что оно было новым политико-юридическим образованием, созданным аристократией для защиты своих интересов [1, с. 18].

Таким образом, Андерсон отверг классический марксистский тезис об абсолютизме как ранней форме политического господства буржуазии в эпоху начала формирования капиталистического товарного производства в Европе XVIII-XIX вв. Перевод ренты в некий денежный эквивалент и «постепенное исчезновение крепостного права ставило под сомнение классовое господство феодальных хозяев» [1, с. 19]. Последствием этого стал поиск аристократией новых форм и методов феодального господства, Создание централизованного абсолютистского государства результат перемещения политико-юридического принуждения в руки верхней, правящей части аристократии.

Главной целью абсолютистского государства стало повышение эффективности правления аристократии. Во-первых, за счет сокращения части суверенитета в пользу государства и короля. Во-вторых, становлением государственной машины и формированием юридического порядка абсолютизма. Целью данных институций стало усиление эффективности аристократического правления путем принуждения не крепостного крестьянства к новым формам зависимости и эксплуатации [1, с. 20].

Однако Андерсон не отрицает формирование новых товарных отношений, представленных прежде всего формирующейся городской торговой буржуазией, Это побуждало аристократию искать пути приспособления к этому новому для себя классу-антагонисту. Структура европейского абсолютизма и его национальные варианты определялись, согласно Андерсону, как новым этапом борьбы аристократии против крестьянства в раннее Новое время, так и экономическими успехами торговой буржуазии, которая создала доиндустриальную мануфактуру в городах. Поскольку аристократия находилась одновременно под угрозой крестьянских волнений и возрастающим давлением торгового и мануфактурного капитала, Андерсон резюмирует, «конкретная форма абсолютистского государства на Западе стала результатом действия двух этих факторов» [1, с. 23].

Говоря о конкретных формах проявления абсолютистских государств, Андерсон излагает свое понимание общественных формаций, под которыми он как раз и понимает национальные формы абсолютизма. Говоря в целом о дихотомии аристократии и буржуазии при абсолютизме, Андерсон отмечает, что в рамках формаций, которые, в свою очередь, были комбинацией различных способов производства, институты абсолютистского государства, вобравшие в себя все характерные его черты: развитую бюрократию, политику меркантилизма, упорядоченную налоговую систему и кодификацию римского права, по мимо своей воли, способствовали удовлетворению экономических и финансовых интересов, нарождающейся буржуазии. Абсолютистское государство, помимо своей воли, берет на себя функции первоначального накопления капитала [1, с. 38].

Несмотря на то, что Андерсон все же признает факт появления европейской буржуазии в форме торгового и мануфактурного капитала в период абсолютизма, Он не считает, что вместе с ним идет формирование «буржуазного сознания» у представителей этого сословия. Появление классового сознания буржуазии стало возможно только при массовом индустриальном производстве. Буржуазия эпохи абсолютизма не стремилась к разрыву с феодальным аграрно-сословным порядком, который все еще продолжал господствовать в сознании большей части населения [5, с. 39]. Новые социокультурные тенденции не изменили феодальную сущность и основу абсолютизма. «Абсолютизм был новой формой господства аристократии в эпоху разложения феодализма, а его завершение означало кризис аристократической власти и начало буржуазных революций и перехода к капитализму» [5, с. 40].

Двойственная природа абсолютизма, согласно Андерсону, позволяет утверждать о не однозначности самого термина, «ни одна западная монархия никогда не получала абсолютную власть над своими подданными в значении неограниченного деспотизма» [1, с. 47]. Европейские абсолютные монархии, даже на вершине своего развития, были связаны комплексом сложных социокультурных традиций, горизонтальных и вертикальных отношений. Монарх не мог по своему желанию или прихоти отобрать свободу или имущественную

собственность дворянина или у представителя другого сословия. Над системой западного абсолютизма существовал принцип двойного ограничения: традиционные политические структуры под ними всеобщей моральной закон над ним [1, с. 49]. Попытки расширения прерогатив абсолютистского государства или персональной воли монарха приводили к восстаниям и мятежам, что наиболее характерно проявилось в XVII столетии.

Все выше сказанное об абсолютизме в концепции Андерсона относится к его западноевропейскому варианту. На примере Испании, Франции, Англии, Италии и Швеции Андерсон рассмотрел его общие особенности и национально-региональную специфику. Второй составной частью концепции Андерсона европейского абсолютизма стала характеристика специфики этого феномена на Востоке Европы, который, по его мнению, в своей основе существенно расходился со своим западноевропейским аналогом. Трактовка Андерсоном восточноевропейского абсолютизма и выявление его сущности считается важным вкладом британского исследователя в изучение абсолютизма в целом.

Главное отличие абсолютизма на Западе и Востоке Европы Андерсон усматривал в том, что на Западе Европы абсолютизм выступил как новая форма господства феодального класса, в условиях исторически свершившейся коммутации ренты и возникновения капиталистических элементов в экономике, то восточноевропейский абсолютизм был репрессивной машиной феодального класса, ликвидировавшей традиционные общинные свободы представителей низшего сословия [1, с. 183]. Эти специфические черты абсолютизма в Восточной Европе в полном объеме проявилась в Пруссии и России. Как полагает Андерсон, понять особенности и сущность абсолютизма в Восточной Европе, только исходя из теории классовой борьбы в восточноевропейских социальных формациях явно недостаточно. В качестве примера он приводит второе закрепощение крестьян, которое прошло в целом успешно для правящего аристократического сословия, несмотря на всю классовую остроту этого процесса. Другим важным фактором проявления специфики восточноевропейского абсолютизма, как подсистемы

европейского абсолютизма, стало политическое и военное давление Западной Европы. Политическая и экономическая экспансия более сильного западноевропейского абсолютизма, вынудила восточноевропейскую знать создать такую же централизованную абсолютистскую государственную машину для собственного самосохранения [1, с. 185]. Таким образом, согласно Андерсону внутренние факторы развития абсолютизма в Восточной Европе дополнялись фактором внешнего давления. Поэтому основной задачей восточноевропейской модели абсолютизма стала защита феодальной аристократии как от ее противников и конкурентов вовне, так и от давления низших сословий внутри [5, с. 199].

Заключение. В результате проведенного анализа концепций европейского абсолютизма Иммануила Валлерстайна и Перри Андерсона авторы пришли к следующим выводам, которые обуславливают новизну проведенного исследования и вклад авторов в изучение данной проблематики. Во-первых, и Валлерстайн, и Андерсон представили выдающиеся неомарксистские концепции генезиса и сущности европейского абсолютизма, которые до настоящего времени не потеряли свою актуальность и востребованность.

Во-вторых, общим местом в этих концепциях стала идея экономической детерминированности абсолютизма. У Валлерстайна абсолютизм выступил первой стадией формирования системы европейской мир-экономики, у Андерсона абсолютизм, как новая

форма политических и социально-экономических отношений, стал ответом аристократии на экономический кризис позднего средневековья и появления буржуазного сословия, в лице которого, наряду с традиционным крестьянством, дворянство почувствовало угрозу своему положению. Характерно, что в этой связи, оба говорят о специфике восточноевропейского абсолютизма, формировавшегося на периферии или полупериферии европейской капиталистической мир-экономики. В-третьих, наряду с традиционным экономическим подходом, характерным для марксистских и неомарксистских концепций истории Валлерстайн и Андерсон вводят фактор модели пространственного объяснения исторического процесса. У Валлерстайна это пространство геоэкономическое, у Андерсона геополитическое.

И, наконец, в-четвертых, помимо различия в использовании пространственной модели в трактовке абсолютизма, концепции Валлерстайна и Андерсона отличаются структурными элементами анализа проблематики. Для Валлерстайна, конечно, в первую очередь важна роль экономического фактора в абсолютизме, который, как уже было сказано выше, он считал первым этапом формирования европейской капиталистической мир-экономики. Метод исследования абсолютизма Андерсона можно обозначить, как социокультурный. Несмотря на примат экономики, он рассматривает абсолютизм в контексте политических, социальных и культурных процессов.

Список литературы

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 512 с.
2. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
3. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / Пер. с англ. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.
4. Демьяненко М. А. Испанская и Российская империи в XV–XVIII веках: пролегомены к сравнительному анализу: Препринт М-82/21. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 38 с.
5. Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. №4. С. 3–15.
6. Ляхович Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 59–75.
7. Терехова О. Н. Абсолютная монархия в странах Западной Европы как социально-политическая система // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №3 (63). Т. 2. С. 53–57.

8. Терехов О. Э., Терехова О. Н. Перри Андерсон и его концепция европейского абсолютизма // Исторический бюллетень. 2023. Т.6. №3. С. 87-92.
9. Фурсов А. И. Европейская цивилизация и капитализм: Культура и экономика в развитии общества. М., ИНИОН, 1991. 60 с.
10. Фурсов А. И. Возникновение капитализма и европейское общество сквозь призму конъюнктурного подхода // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 37–47.
11. Фурсов А. И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Имануила Валлерстайна и мир системном анализе) // И. Валлерстайн. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. С. 6 – 72.
12. Miliband R. Political Forms and Historical Materialism // The Socialist Register. 1975/ P. 308 – 318.

EUROPEAN ABSOLUTISM IN THE HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL CONCEPTS OF I. WALLERSTEIN AND P. ANDERSON

The article offers a comparative analysis of European absolutism in the historical and sociological concepts of Wallerstein and Anderson. The topic is relevant because, firstly, both authors made a significant contribution to the development of modern theoretical and methodological approaches to studying European absolutism in the early modern period, and secondly, this problem has been considered very little in Russian historiography and humanitarian studies. Wallerstein, within the framework of his world-systems analysis, considered the era of absolutism as the first stage in the formation of the European capitalist world-economy. Anderson, being, like Wallerstein, a neo-Marxist, developed an original neo-Marxist concept of absolutism based on a sociocultural approach to studying it. In the context of the comparative historical method, the authors examine the similarities and differences in the interpretation of European absolutism by Wallerstein and Anderson. The article notes that the methodological pluralism of Western neo-Marxism allowed both authors not only to create original concepts of European absolutism, but also to significantly expand the cognitive possibilities in its study. Despite the dominance of economic determinism in explaining the causes and genesis of absolutism, Wallerstein and Anderson do not confine themselves to economic factors, but introduce new structural elements into his study, in particular, models of geo-economic and geopolitical space. This approach is especially characteristic of Anderson, who, despite the primacy of the economy, considers absolutism in the context of political, international, social and cultural processes.

Keywords: European absolutism, historical sociology, world-system, worldeconomy, capitalism.

References

1. Anderson P. Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva [Lineages of the Absolutist State.] / Per. s angl. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2010. 512 s.
2. Vallerstain I. Mir-sistema Moderna. Tom I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI veke [The Modern World-System I Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century] / Per. s angl. M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2015. 552 s.
3. Vallerstain I. Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya [Historical Capitalism with capitalist Civilization] / Per. s angl. M.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2008. 176 s.
4. Dem'yanenko M. A. Ispanskaya i Rossiiskaya imperii v XV–XVIII vekakh: prolegomeny k sravnitel'nomu analizu: [Spanish and Russian Empires in the 15th–18th Centuries: Prolegomena for Comparative Analysis:] Preprint M-82/21. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2021. 38 s.
5. Krom M. M. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obshcheevropeiskaya model' i regional'nye razlichiya [The State of the Early Modern Period: a Common European Model and Regional Differences] // *Novaya i noveishaya istoriya. [Modern and Contemporary History]* 2016. №4. S. 3 – 15.
6. Lyakhovich L. V. Problema absolyutizma v postsovetsoi istoriografii: ponyatiinyi i terminologicheskii aspekty [The Problem of Absolutism in Post-Soviet Historiography: Conceptual and Terminological Aspects] // *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*. 2014. № 48. S. 59 – 75.
7. Terekhova O. N. Absolyutnaya monarkhiya v stranakh Zapadnoi Evropy kak sotsial'no-politicheskaya sistema [Absolute Monarchy in the Countries of Western Europe as a Socio-Political System] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Kemerovo State University]*. 2015. №3 (63). T. 2. S. 53 – 57.

8. Terekhov O. E., Terekhova O. N. Perry Anderson i ego kontseptsiya evropeiskogo absolyutizma [Perry Anderson and his Concept of European Absolutism] // *Istoricheskii byulleten'* [*Historical Bulletin*]. 2023. Т.6. №3. S. 87-92.

9. Fursov A. I. Evropeiskaya tsivilizatsiya i kapitalizm: Kul'tura i ekonomika v razvitii obshchestva [European Civilization and Capitalism: Culture and Economy in the Development of Society]. М., INION, 1991. 60 s.

10. Fursov A. I. Vozniknovenie kapitalizma i evropeiskoe obshchestvo skvoz' prizmu kon'yunktornogo podkhoda [The Emergence of Capitalism and European Society through the Prism of the Opportunistic Approach] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological Studies*]. 1991. № 11. S. 37–47.

11. Fursov A. I. Kapitalizm skvoz' prizmu mir-sistemnogo analiza (o rabotakh Imannuila Valerstaina i mir sistemnom analize) [Capitalism through the Prism of World-Systems Analysis (on the works of Imannuil Wallerstein and world-systems analysis)] // I. Vallerstain. Istoricheskii kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya. М.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2008. S. 6 – 72.

12. Miliband R. Political Forms and Historical Materialism // *The Socialist Register*. 1975/ P. 308 – 318.

Об авторах

Терехов Олег Эдуардович – доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет (Россия), E-mail:terehov1968@mail.ru

Терехова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, Кемеровский государственный университет (Россия), E-mail:oksanan1970@mail.ru

Terekhov Oleg Eduardovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Russia),E-mail: terehov1968@mail.ru

Terekhova Oksana Nikolaevna – Candidate of History, Associate Professor, Kemerovo State University (Russia),E-mail:oksanan1970@mail.ru

Федин А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский Государственный университет им. акад. И.Г. Петровского (Россия)

ИЕЗУИТЫ И МЕХОТОРГОВЛЯ В НОВОЙ ФРАНЦИИ XVII В.

Вопрос материального обеспечения миссионерской деятельности Общества Иисуса в Новой Франции оставался одним из самых болезненных на протяжении всей ее истории XVII-XVIII вв. По мнению многих исследователей, именно финансово-экономическая деятельность ордена на миссионерских территориях послужила одной из главных причин (и поводов) к его запрещению во второй половине XVIII в. В течение предыдущего столетия, особенно его первой половины, большинство трудностей и проблем, с которыми столкнулись иезуитские миссионеры в Канаде, были порождены недостаточной, или даже полностью отсутствовавшей, материальной базой их деятельности. Участие иезуитских миссионеров в Северной Америке в торговле мехами остается предметом острой дискуссии с момента их появления на территории Новой Франции и вплоть до сегодняшнего дня. Представляется, что представители ордена, действительно, были вовлечены в мехоторговлю, что было вызвано необходимостью материального обеспечения их основной, миссионерской, деятельности. На протяжении всего рассматриваемого периода меха продолжали оставаться, в первую очередь, главным денежным эквивалентом в колонии, наряду с подарками разного рода, и в этом виде использовались иезуитскими миссионерами, как и другими лицами и организациями на ее территории и тем более за ее пределами, в туземной среде.

Ключевые слова: иезуиты, миссионерская деятельность, Новая Франция, мехоторговля, индейцы, контрабанда, торговые компании.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-169-182

Введение. Вопрос материального обеспечения миссионерской деятельности Общества Иисуса в Новой Франции оставался одним из самых болезненных на протяжении всей ее истории XVII-XVIII вв. По мнению многих исследователей, именно финансово-экономическая деятельность ордена на миссионерских территориях послужила одной из главных причин (и поводов) к его запрещению во второй половине XVIII в. В течение предыдущего столетия, особенно его первой половины, большинство трудностей и проблем, с которыми столкнулись иезуитские миссионеры в Канаде, были порождены недостаточной, или даже полностью отсутствовавшей, материальной базой их деятельности. Ведь орден оставался монашеской организацией, ограниченной и общей традицией и собственным уставом в любой деятельности, направленной на приобретение и распоряжение материальными благами (обет нестяжания). Тем более учитывая, что с начала XVII в. Общество Иисуса находилось в перманентном экономическом кризисе, что вело к сокращению количества и финансирования коллежей и резиденций, в том числе и миссионерских [8, p. 179-180].

Однако, находясь на миссионерской территории, особенно такой, как Новая Франция, где

просто не существовало никакой инфраструктуры, способной материально поддерживать духовную деятельность монаха-миссионера, как это было в Европе или даже Ибероамерике, миссионеры были вынуждены вступать в те или иные экономические отношения, что, в свою очередь, порождало новые проблемы. «Нет никакой вины в принятии вещественных благ от Господа Бога нашего и в их раздаче, если человек призван Богом и Господом к такому служению. И всё же в вопросе о количестве и мере того, что он берёт и тратит на себя самого из тех благ, которые должен раздавать другим, возможно сомнение в виновности и излишествах» [3, p. 114].

Здесь основатель ордена, с присущим ему рационализмом, признает необходимость материального обеспечения духовной деятельности, но, при этом, предупреждает о возможности искажения первоначальных сакральных целей сиюминутными профанными интересами. Миссионерский орден не мог существовать вне экономических реалий раннего Нового времени, эпохи колониальной экспансии, порожденной и направленной на удовлетворение, прежде всего, материальных потребностей становящегося капиталистического общества. Миссионер был частью этой экспансии, но, в идеале, руководствовался как раз совершенно

инными интересами. История иезуитской миссии в Новой Франции в течение XVII в., в какой-то мере, демонстрирует это внутреннее противоречие и пути его преодоления, выбранные ее членами.

Несомненно, дефицит обеспечения материальных потребностей препятствовал работе первых канадских миссионеров и беспокоил их. В 1637 г. отец-настоятель Квебекской миссии Поль Лежён дважды поднимал данный вопрос на страницах своей Реляции: «Это, действительно, позор, что недостаток материальных средств столь действенно замедляет духовный [прогресс]». И ниже: «Нехватка запасов продовольствия на этой неосвоенной земле препятствовала тому, чтобы... помогать возможным новообращённым» [40, vol. XI, p. 145; vol. XII, p. 165]. В результате, иезуиты были вынуждены приспосабливаться не только к труднейшим условиям этнокультурного контакта, но и к тому, что его реализация осложнялась хроническим дефицитом материальных и людских ресурсов. На просьбу Лежёна о присылке подкреплений в 1634 г. провинциал осведомился: «у меня, в самом деле, достаточно людей, но где пища, чтобы кормить их». Когда Лежён получил письмо, он честно признался: «На это у меня нет ответа» [40, vol. VI, p. 61].

Объекты и методы исследования. Концептуальной основой данной статьи стали положения «новой культурной истории» и «новой интеллектуальной истории», позволяющие лучше осмыслить контакты и взаимодействие иезуитских миссионеров с новообращёнными и с коренными народами в целом. Междисциплинарный подход к исследованию позволил использовать некоторые достижения и методологические приемы культурной антропологии, этноистории, этнопсихологии и миссиологии.

Результаты и их обсуждение. Наибольшую дискуссию и среди современников миссии в Новой Франции, и у историков последующих столетий вызвал вопрос о связи иезуитских миссионеров с мехоторговлей. Уже в самом начале их апостолата иезуиты столкнулись с обвинениями в том, что они прибыли в Канаду «обращать бобров» [19, vol. VI, p. 137-138]. Как правило, эти обвинения выдвигались либо протестантскими, либо янсенистскими критиками ордена¹, часто при поддержке светских колониальных

властей (особенно с конца XVII в.).

Так, в 1660 г. «генеральный контролер, интендант и суверенный судья в Канаде» Ж. П. Дюмениль начал расследование предполагаемого мошенничества и казнокрадства в Компании абитанов, заявив, что 3 млн. ливров должны быть возвращены в казну, и выявил тесную связь между духовенством и некоторыми монополистами. Обвинения Дюмениля включали утверждение о том, что в 1652-1653 гг. о. П. Рагено продал меха на 20 тыс. ливров, а в 1657 г. иезуиты взяли 6 тыс. ливров сверх обычного жалованья, «и это за один год, согласно счетам, помимо того, что в них не вошло». С целью вскрыть тайные махинации Дюмениль прибег к радикальному средству – проникновению в кабинет Г. Одуара, секретаря Верховного совета Квебека, чтобы изъять необходимые ему улики. В результате Дюмениль был арестован, его бумаги изъяты и уничтожены, в том числе и собранные им доказательства [28, vol. I, pp. 4, 135-36; 38, pp. 161-173, 193-200]. Морской комиссар в Ла-Рошели, сообщая Кольберу об этой неприятной ситуации, заключил: «Поскольку дело это долгое и хорошо бы немного пощадить отцов-иезуитов, которые очень заинтересованы в докладе этого доброго человека, я думаю, что вам следует поручить выслушать его очень осмотрительному магистру запросов, который затем доложит вам о том, что удалось от него узнать» [12, fol. 539]. Судя по всему, дело не имело продолжения, вероятно, не без активного вмешательства о. Рагено и епископа Лавалья, посетивших в 1662 г. Париж.

В 1668 г. французский путешественник и торговец П.-Э. Радиссон, в молодости служивший иезуитам в Новой Франции и в дальнейшем поддерживавший с ними отношения, утверждал, что «иезуиты хотели узнать, как они могут доставить бобров из северного залива [т. е., Гудзонова] по Сагений, и таким образом стать хозяевами этой торговли» [36, vol. I, p. 245]. На аудиенции у Кольбера в Париже в 1681 г. Радиссону было поручено организация торговли в Гудзоновом заливе вместе с крупным квебекским торговцем Лашене, после чего он «отправился навестить Общество иезуитов в Париже, поскольку они вместе с де Ля Шене занимались торговлей бобрами. Они дали мне

¹ Например, сульпицианский аббат Келюс в 1658 г. [30, vol. IX, p. 196]

немного денег на путешествие» [36, vol. II, p. 17]. Сам Кольбер заявлял в 1669 г., что «иезуиты... в этой стране... только и делают, что продают все, что поступает из их владений, которые очень велики» [10, fol. 286].

В 1672 г. губернатор Фронтенак в зашифрованном письме Кольберу заявлял, что иезуиты, «говоря откровенно, думают столько же об обращении бобра, сколько о душах», повторив те же обвинения в 1674 г. [22, vol. IX, p. 93, 120]. В результате, в 1676 г. Людовик XIV приказал провести расследование: «Что касается того, что Вы говорите о легкости, с которой светские и регулярные священнослужители могут торговать мехами через миссии, то Вы должны обсудить с [интендантом] съёром дю Шено способы предотвращения этого» [13, fol. 44]. Воспользовавшись этим, Фронтенак в следующем году разразился шквалом нападок на иезуитов, которые «продолжали заниматься коммерцией, не переставая [ее] защищать, которую король обязан прекратить» [15, fol. 43, p. 3]. Он обвинил о. Фремена в том, что тот получил прибыль в размере 4 тыс. ливров в результате торговли мехами в ирокезской редукции Со-Сен-Луи, что о. Шомоно обещал всевозможные товары из иезуитских магазинов, что о. де Ламбервиль подкасал Ласалю, как отправить бобровые шкурки через Новый Амстердам, чтобы избежать контроля, что индейцев принуждали торговать только на иезуитских складах, что были захвачены каноэ миссионеров с грузом табака и мехов, что иезуиты занимались контрабандной торговлей с Нью-Йорком и проч. [15, fol. 44, p. 3] В 1682 г. на основе этих сообщений в Париже были составлены 52 конкретных обвинения против епископа Квебека де Лавала, интенданта Дюшено и иезуитов [7], однако, без каких бы то ни было последствий.

Реколектский миссионер о. Л. Анпен в своем «Описании Луизианы» (1683) также утверждал, что у «иезуитов... действительно есть ключ к Бобровой стране, где брат-кузнец, которого они имеют, и два компаньона превращают больше железа в бобра, чем святые отцы превращают индейцев в христиан» [27, p. 365]. Интендант Ж. Талон, более осторожный в суждениях, тем не менее, скорее склонялся к таким же выводам, когда в своем мемуаре «О современном состоянии Канады» (1667) писал о

«торговле мехами, которой они [иезуиты], как говорят, занимаются в Утауэ и в Кап-де-ля-Мадлен, чего я точно не знаю» [39, p. 64]. В дальнейшем, подобная риторика была воспринята и историками XIX-XX вв., сохранявшими тот же полемический подход [26, p. 34-35; 2, с. 309; 42, p. 117-118; 4, с. 43. Иная точка зрения у: 33, p. 654; 41, p. 134-135].

С другой стороны, французский путешественник и писатель барон Л.-А. Лянтан, не замеченный в симпатиях к Обществу Иисуса, писал: «Несколько человек уверяли меня, что иезуиты вели большую торговлю товарами из Европы и мехами из Канады, но мне трудно в это поверить, ...этого не может быть» [37, vol. III, p. 134-135].

Формально, торговая деятельность шла в разрез с постановлениями папского престола о границах операций с собственностью миссионерских орденов. Общество Иисуса не было нищенствующим орденом и могло пользоваться сеньориальными рентами и другими доходами, так же как дотациями короля и компаний. Тем не менее, они оставались монахами, а это означало запрет на торговлю, как деятельность по получению прибыли. Буллами *Ex debito pastoralis officii* Урбана VIII от 22 февраля 1633 г., *Sollicitudo pastoralis officii* Климента IX от 17 июня 1669 г. и *Apostolicæ Servitutis* Бенедикта XIV от 23 февраля 1741 г. запрещалась торговля миссионерам всех орденов [16, vol. 17, p. 798-802; 9, vol. I, p. 62-68; 37, vol. I, p. 348-349]¹.

Высшее руководство Общества Иисуса энергично боролось с подобными недуховными явлениями среди своих членов. Еще в 1615 г. VII Генеральная конгрегация ордена приняла декрет (№ 84), включавший пространственный список коммерческих операций, в которых иезуитам было запрещено участвовать [25, t. III, p. 361]. Применительно к Новой Франции генерал ордена Вителлески направил в январе 1637 г. инструкции французскому провинциалу Э. Бине, где подчеркивал, что миссионеры не должны участвовать ни в торговле, ни в иных коммерческих предприятиях, в том числе в поисках и разработке рудников: «Прибавление душ, а не золота, вот что мы ищем на самом деле» [30, vol. III, p. 464].

Власти метрополии также запрещали

¹ Булла Климента IX прямо упоминала иезуитов, в том числе, работавших в Северной Америке, как занятых в непозволительных торговых операциях, о чем он особо писал и генералу ордена о. П. Оливе [11, fol. 265rv-266rv]

торговлю пушниной для представителей церкви в колонии в рамках более широких ограничений на этот вид коммерции, вводившихся с 70-х гг. XVII в. на фоне перенасыщения рынка мехов во Франции, с одной стороны, и попыток создания т. н. «компактной колонии» с более диверсифицированной экономикой и стабильным населением. «Что касается... индейской торговли, – писал Людовик XIV губернатору Фронтенаку в 1676 г., – ...вы не должны позволять ни одному человеку, облеченному церковным или светским саном, или какой-либо религиозной общине, заниматься ею под каким бы то ни было предлогом» [22, vol. IX, p. 126].

Канадский историк Л. Кампо предложил следующую формулу ранней канадской колонизации: «это частное предприятие, главным образом направленное на мехоторговлю» [30, vol. I, p. 185*; см. также: 1, с. 124]. До 1663 г. французская корона практически не инвестировала значительных средств в колонизацию Америки. Она довольствовалась наделением привилегиями монополии на мехоторговлю и ловлю трески различными торговыми компаниями на определенных условиях, в том числе необходимости финансирования заселения колоний и создания условий для христианизации аборигенного населения за счет доходов от своих монополий¹. Учитывая, что мехоторговля в течение всего XVII столетия была для этих компаний, по большей части, убыточна, становится понятно, что выполнение таких побочных условий, как строительство поселений или христианизация дикарей, просто не принимались в расчет акционерами этих компаний.

Необходимо также учитывать тот факт, что мехоторговля стала экономической основой франко-индейского альянса, превратившийся ко 2-й половине XVII в. в важнейший фактор не только колониальной экспансии, но самого существования Новой Франции. И поскольку паттерны торгового обмена французов и американских индейцев во многом не совпадали, и для колониального руководства, и для торговой элиты были важны посредники, участвующие как в экономической, так и в военно-политической сферах деятельности аль-

янса. Более того, по мнению канадского исследователя У. Экклза, к XVIII в. мехоторговля, по крайней мере, в регионе Великих озер и долине Миссисипи, в основном преследовала не экономические, а чисто политические цели ограничения английской колониальной экспансии [24, p. 342; 44, p. 127]. Миссионеры (в первую очередь, иезуитские), наряду с курёр де буа (вожжерами), выполняли эти посреднические функции, создавая, с точки зрения Р. Уайта, новое пространство этнокультурного контакта (middle ground) [44, p. 95, 97-98].

Церковь, в свою очередь, была абсолютно беспомощной без поддержки здесь светской власти. Чтобы основать миссию: построить школу и больницу, чтобы учить и лечить свою паству, возвести укрепления, чтобы защитить ее, разбить поля и сады, чтобы обеспечить ее, – для всего этого были необходимы колониальные силы и средства. И необходим был компромисс между церковью и государством, миссионером и колонистом, чтобы это предприятие под названием Новая Франция было жизнеспособным и эффективным для каждой из сторон.

Все это предопределило заинтересованность католических миссионеров в Новой Франции в поощрении развития колониальной инфраструктуры, частью которой, при этом, становились и индейские миссии, как материальной основы их апостолата. В 1865 г. Ф. Паркмен писал о взаимосвязи светской и духовной колонизации Новой Франции: «Это был тройной союз солдата, священника и торговца. Солдат мог быть бродячим рыцарем, а священник мучеником и святым; но оба содействовали интересам той торговли, которая сформировала единственное твердое основание колонии» [33, p. 286]. И миссионеры (иезуиты, реколлекты, сульпицианцы) прекрасно осознавали значимость меховой торговли для перспектив их апостолата среди индейцев. Хотя при контакте с новыми племенами они сразу информировали их представителей, что они прибыли к ним «не из-за мехов, но с целью объявить им об истинном Боге и его сыне, Иисусе Христе, всеобщем Спасителе наших душ» [40, vol. VIII, p. 143; vol. XXXIX, p. 153-155; vol. XLIX, p. 63; vol. LVI, p. 193], объективно присутствие французского священника среди них означало не только

¹ Исходя из этого, сложно согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что колонизация Новой Франции изначально направлялась и контролировалась правительством метрополии в силу развития там абсолютизма [31, p. 30]. Это будет характерно лишь после создания вице-королевства в 1663 г.

начало христианизации, но и коммерческого сотрудничества с его соотечественниками.

Конечно, отраженная в реляциях бескомпромиссная позиция иезуитов в отношении их целей посещения индейских племен могла быть еще одним аргументом в пользу их бескорыстных мотивов. В этом они руководствовались идеями св. Франциска Ксаверия, протагониста иезуитской миссии, высказанными еще в середине XVI в.: «туземцы смогут поверить нам настолько, насколько ясно увидят, что мы не руководствуемся никакими мирскими мотивами, а лишь желанием спасения их душ» [43, р. 17-18].

Вместе с тем, представляется, что она была вызвана еще и непосредственной ситуацией, сложившейся на почве расширения мехоторговли во 2-й половине XVII в. Так, исследователь Н. Перро отмечал в начале следующего столетия, что индейцы, которые поначалу приветствовали французов как могущественных благодетелей, стали испытывать такое отвращение к французской одержимости старыми бобровыми одеждами, что «считали представителей французской нации жалкими прислужниками и самыми несчастными людьми на свете». Индейцы, утверждал интендант Дюшено в 1681 г., «презирали нас из-за большой скупости, которую мы проявляли» [34, р. 263-264; 22, vol. IX, р. 133]. Вполне вероятно, что миссионеры стремились дистанцироваться от торговцев и от подобного отношения к ним. Например, о. К. Аллуэ во время своей миссии к племенам региона Великих озер в 1672 г. не только старался убедить индейцев, что «цель моего прибытия - только утешить и увидеть их, и ничего другого», он даже «не позволил французам, [находящимся вместе] со мной, покупать кукурузу или что-либо еще», чтобы не дискредитировать свою миссионерскую деятельность [40, vol. LVIII, р. 45].

Поскольку с 1635 г. основное колониальное финансовое обеспечение иезуитской миссии в размере 5.000 ливров в год выделялось Компанией Новой Франции из доходов от мехоторговли [30, vol. VII, р. 10, 14], иезуиты внимательно следили за ее развитием и всячески способствовали ему. Как замечал супериор Гуронской миссии П. Рагено в 1649 г., «поддерживать и сохранить торговлю алгонкинов и гуронов с нашими французами, вот что необходимо для утверждения Веры во всех этих областях,

для пользы французских колоний и для поддержки Новой Франции» [40, vol. XXXIV, р. 205; vol. XVII, р. 223; 23, vol. I, р. 92]. Эта позиция была свойственна иезуитским миссионерам всего ордена на протяжении XVII столетия. В этой связи характерно «Обращение к членам Компании Западных Индий» на первых страницах «Истории Канады» (1664) французского иезуита Дюкрё: «Отцы нашего Общества дышат и видят лишь ради славы Божьей, но сам Бог препоручил защиту и распространение той славы вашей заботе, и они, конечно, допустили бы большую ошибку, отказавшись от вашего предприятия, столь тесно связанного с их собственным, и они должны признать..., что не могут быть отделены от него без фатального позора для Христианства», далее прямо заявляя, что к индейцам «знание Веры пришло посредством торговли» [23, vol. I, р. 9, 92]. Один из основателей бразильской миссии Общества Иисуса Антониу Виейра в своей «Истории Будущего» (1649) писал: «Если бы не было коммерсантов, которые отправляются искать земные сокровища на Востоке и Вест-Индии, кто доставлял бы туда проповедников, которые ищут небесные сокровища? Проповедники берут Евангелие, а коммерсанты берут проповедников» [Цит. по: 45, р. 255].

Поэтому иезуиты скрупулезно отмечали в своих записях развитие и достижения колониальной мехоторговли. «Торговля Тадуссака в этом году составила прибыль в размере сорока тысяч ливров, а, всего, приблизительно до 250 000 ливров», отметил иезуитский наблюдатель в 1648 г. [40, vol. XXXII, р. 103], а в 1652 г. сообщил, что отплывающие во Францию корабли «были загружены на сумму шестидесяти пяти тысяч ливров бобра» [40, vol. XXXVII, р. 117]. В первой половине 1650-х гг., в период ирокезской блокады р. Св. Лаврентия, основной коммуникации, по которой поступали индейские меха в колонию, иезуиты, как и прочие жители, выражали серьезную тревогу за будущее мехоторговли, как и самой Новой Франции: «В течение года склад Монреаля не купил у дикарей ни одной бобровой шкуры. В Труа-Ривьер небольшой доход, который удалось получить, был использован для укрепления этого места, поскольку там ожидается появление врага. На складе в Квебеке нет ничего, кроме нищеты, и каждый имеет повод для недовольства, так как нет средств, чтобы обеспечить выплаты тем,

кому они причитаются, или даже покрыть часть самых необходимых расходов страны» [40, vol. XL, p. 211; ср. vol. XLV, p. 191]. Одновременно, в своих ежегодных репортажах о событиях в Новой Франции, публикуемых в метрополии, они всячески способствовали продвижению мехоторговли. Так, в репортаже 1654 г., сообщая о вновь открытых землях и народах, суперитор миссии отметил, что «если кто-то согласится послать тридцать французов в ту страну, мало того, что много душ будут выиграны Богу, но также и прибыль будет получена сверх издержек, требуемых для обеспечения отосланных французов, так как лучшие меха приходят в величайшем изобилии из тех регионов» [40, vol. XLI, p. 185].

Иезуиты в рамках своих миссий у отдаленных народов, таких как гуроны, или, позже, иллинойс, нередко выполняли функции представителей торговых компаний, беспокоящихся за их коммерческие интересы. Например, еще в 1634 г. суперитор миссии о. П. Лежён сообщал французскому провинциалу о том, что члены Компании Новой Франции будут «рады знать, что мы охотно обслужим их, и что мы будем ждать, что они дадут то, что необходимо для обслуживания [наших] Отцов в новых поселениях; и что они дадут также плату и продовольствие мужчинам, которых мы будем содержать для их пользы; и среди них, или среди гуранов, или в другом месте, мы будем рядом с этими людьми, чтобы они не распускались среди дикарей и не показывали плохой пример, как делали те, кто был здесь прежде» [40, vol. VI, p. 81-83]. Более того, в 1653 г. суперитор миссии о. П. Рагено, бывший членом Верховного совета Квебека, разработал план по либерализации мехоторговли, предоставлявший возможность торговли в Тадуссаке частным лицам [14, fol. 286; 30, vol. IX, p. 204, 334, 421; 18, p. 146], что способствовало выживанию колонии в условиях ее военной и экономической блокады со стороны Ирокезской лиги. А в следующем году выступил арбитром в торговых соглашениях между руанскими и квебекскими торговцами [30, vol. VIII, p. 663-664].

Миссионеры оказали огромную услугу

светской колонизации и мехоторговле своими географическими исследованиями, расширяя границы колонии и возможности интенсификации ее политического и экономического развития. Проникая в поисках душ в отдаленные районы, устанавливая контакты с новыми племенами, иезуиты, опираясь на собственные наблюдения или полученную информацию, составляли карты и описания географических, топографических, климатических и других условий ранее неизвестных областей. Часто они прямо выполняли службу правительственных эмиссаров к будущим торговым партнерам колонии, как, например, о. Ш. Альбанель, отправленный в 1671 г. интендантом Ж. Талонном к племенам Гудзонова залива с заданием «наладить торговлю мехами с индейцами и особенно разведать, есть ли в том районе средства для зимовки кораблей, чтобы основать факторию, которая в случае необходимости могла бы снабжать провизией суда» [22, vol. IX, p. 72]¹. Или о. Ж. Маркет, который в 1675 г., в рамках переговоров с иллинойс о союзе с Новой Францией, обменялся с ними шкурами в качестве подарков и, уточнив, что «пришел наставлять их, говоря с ними о молитве», обещал побудить «французов принести им товары» [40, vol. LIX, p. 177].

Здесь возникало одно из тех фундаментальных противоречий, которых было столь много в истории Канады раннего Нового времени. Существовая, как организация, за счет прибылей от мехоторговли, иезуитская миссия при этом объективно способствовала сокращению ее оборотов в результате своей религиозной деятельности. Прежде всего, речь идет о создании так называемых «редукций», то есть, оседлых поселений индейских христиан в долине р. Св. Лаврентия, население которых, предполагалось, будет существовать за счет сельского хозяйства, а не охоты [29, p. 148-149; 1, с. 57. См. подробнее: 6, с. 96-109]. Другим камнем преткновения между миссионерами и торговцами пушниной стал алкоголь, наиболее выгодный товар для индейского бартера. Представители церкви в Новой Франции будут бескомпромиссно бороться с торговлей спиртными

¹ Канадский историк-иезуит Л. Кампо, проследившая этот консенсус между экономическими и религиозными предприятиями на примере Гуронской миссии Общества Иисуса в 1634-1650 гг., даже заявлял, что «эта коммерческая деятельность оставалась подчиненной апостольской. Второстепенная роль коммерции в этом предприятии является причиной того, что миссионеры пользовались полной свободой инициативы и избегали конфликтов, которые иногда вредили проповеди Евангелия» [17, p. 347].

напитками с индейцами, подвергая торговцев крупным штрафам, арестам, а одно время, даже казни [См. подробнее: 5, с. 68-86]. В результате, отмеченный современниками весьма холодный прием, оказываемый иезуитским миссионерам французскими поселенцами (и в Пор-Руайяле в Акадии, и в Квебеке), объяснялся не столько их религиозными предубеждениями, сколько осознанием того факта, что миссионеры являлись одними из основных агентов сельскохозяйственной колонизации Канады, а значит объективно их конкурентами.

Поэтому столь же часто и многословно, как выступая в поддержку мехоторговли с индейскими племенами, иезуитские миссионеры осуждали неизбежные эксцессы, случавшиеся при ее реализации. Особенно эта критика усилилась в связи с интенсификацией колонизационных процессов к началу XVIII в. в регионе Великих озер, где иезуиты имели разветвленную сеть миссий. Появление там военных постов с гарнизонами, призванных защищать французскую торговую монополию от конкурентов (англичан и ирокезов) и контрабанды (курёр де буа и вояжеров) привело к тому, что и солдаты, и их командиры активно включились в эту торговлю [21, р. 96], спаивая и обманывая индейских поставщиков.

Так, миссионер в Мишилимакино о. Э. Карей в 1702 г. написал пространное и резкое письмо губернатору Новой Франции Э. Кальеру, в котором жестко критиковал «торгующих комендантов и гарнизоны торгующих солдат», угрожающих не только самому существованию индейских миссий, но и создающих множество проблем и для колонии. «В каком бы свете мы ни рассматривали осуществляемую торговлю, – писал Карей, – с точки зрения общих интересов Канады или продвижения христианства... очевидно, что [тот] способ, [каким она ведется], служит лишь тому, чтобы обезлюдить страну от всех молодых людей, уменьшить число людей в домах, лишить жен мужей, отцов и матерей помощи детей, сестер – братьев; подвергнуть тех, кто предпринимает такие путешествия, тысяче опасностей как для их тел, так и для их душ. Это также заставляет их нести очень много расходов, частично необходимых, частично бесполезных, а частично пре-

ступных; это приучает их не работать, но терять всякий вкус к работе и жить в постоянной праздности; это делает их неспособными к обучению какому-либо ремеслу, и таким образом делает их бесполезными для них самих, для их семей и для всей страны... Но... еще больше по причинам, которые касаются души, эта отправка французов в среду дикарей должна казаться им бесконечно вредной. Она отрывает их от всех святых мест; она отделяет их от всех церковных и религиозных лиц; она лишает их всех наставлений, как общественных, так и частных, всех набожных упражнений, и, наконец, всех духовных средств христианства. Она посылает их в дикие страны и в непроходимые места,.. чтобы они занимались низким, подневольным и постыдным делом...» [40, vol. LXV, p. 219-221]. При этом постановка вопроса существования миссионерской деятельности и мехоторговли, которая звучала как симфония в ранний период колонизации, у Карея претерпевает некоторые изменения, внося нотки диссонанса: «Я желаю блага и религии, и торговле, которые вы обязаны поддерживать в согласии друг с другом, никогда не отделяя одно от другого, – чтобы торговля никогда не мешала религии, которая всегда должна быть самым главным и самым существенным из всех наших интересов» [40, vol. LXV, p. 245]¹.

Вместе с тем, несомненно, иезуиты принимали участие в мехоторговле не только косвенно, обеспечивая контакты между французскими торговцами и их индейскими поставщиками, но и непосредственно, заключая коммерческие сделки как во французских поселениях, так и в отдаленных индейских миссиях.

Если в Квебеке или Труа-Ривьер, то есть непосредственно в зоне французской колонизации, миссионеры еще могли наладить или использовать экономическую инфраструктуру для своего апостолата, то в таких отдаленных миссиях, как Гурония или, позднее, Ирокезия, такой возможности у них не было. До того, как Гуронская миссия перешла на самообеспечение, миссионеры не могли добыть для себя даже пропитания. Пищу они были вынуждены приобретать у индейцев, которые, особенно в ранний период миссии (1634-1640), отнюдь не были позитивно настроены не только к удовлетворению потребностей миссионеров, но даже

¹ Через полвека почти вся эта аргументация была воспроизведена иезуитским историком П. Шарлевуа в его знаменитой «Истории Новой Франции» [20, vol. IV, p. 45; , vol. V, p. 286-287].

к их присутствию в их селениях. При отправлении миссионерской партии в Гуронию в 1634 г. Лежён отмечал, что «деньгами, на которые они будут покупать продовольствие, дрова, дом из коры и другие вещи, являются маленькие бусинки или стеклянные трубки, ножи, шила, одеяла, котлы, топоры и тому подобное; это – деньги, которые они должны нести с собой» [40, vol. VII, p. 223]. Со временем эти запасы неизбежно исчерпывались, особенно с конца 30-х гг., когда ирокезы перерезали коммуникации между гуронами и Квебеком.

К этому необходимо добавить многочисленные подарки, которые часто были единственным стимулом для взрослых туземцев оставить свои дела, чтобы послушать проповеди пришельцев, или для детей, чтобы заучивать вместе с «черной одеждой» непонятные молитвы. Летом 1637 г. Лежён не решался начать проповедь перед представителями «семи или восьми народов», пришедших в Квебек на торги, так как у него «не было ничего, чтобы сделать для них праздник» [40, vol. XII, p. 177]. Одновременно, частые подарки поддерживали социальный престиж миссионеров. В таком ориентированном на коммерцию обществе, как, например, гуронское, за все надо было платить. Собственно, вся социально-политическая система кочевых и раннеземледельческих сообществ строилась на разного рода дарах, с помощью которых решались почти все дела и конфликты. Чтобы достичь своих апостольских целей миссионер должен был сначала заинтересовать потенциальную паству ножами, иглами, кольцами, стеклянными изделиями, топорами, домашней утварью и другими европейскими товарами. Все это он мог приобрести только у французских торговцев или на складах компаний.

В лучших традициях иезуитской аккомодации о. Лежён оправдывал «честную прибыль» миссионеров от торговли мехами, так как она была необходима для успеха их миссионерской деятельности: «независимо от того какое обязательство мы делаем из бедности, мы должны следовать обычаям других, и когда некоторые ценные предметы должны стать нашими, покупкой ли, или пожертвованием, – или в обмен, или как чистый дар, – можем ли мы использовать их согласно обстоятельствам? Мы не имеем никаких больших соблазнов для этих бедных людей, чем их надежда получить

от нас немного материальной помощи, и они не перестают просить нас о ней. Отказать им означает оттолкнуть их. Если мы всегда будем давать им, не получая ничего взамен, то скоро кончится наша ниточка; если же мы лишим их возможности просить, то они никогда не станут цивилизованными» [40, vol. IX, p. 179].

Но единственным денежным эквивалентом в колонии на протяжении всего XVII в. оставалась пушнина: «В этой стране было принято использовать шкуры вместо денег», – заявлял французский первооткрыватель и торговец Н. Перро [34, p. 205. Ср.: 40, vol. IX, p. 173-177, 205; vol. XXI, p. 123; vol. XXII, p. 241; vol. XXXVII, p. 71; vol. LX, p. 291, 305; vol. LXIX, p. 127, 245-249, 259-263]. «Пушнина не только лучшая вещь и самое легкое для использования в этой стране, но это – также монета самой большой ценности, – вторил ему Лежён в реляции 1636 г. – Поэтому, если иногда одна из [шкур] попадает в наши руки, мы не усомнимся приобрести ее, прежде всего как одежду для маленьких Дикарей, или сделаем для себя обувь из шкуры лося. Мы посылаем также некоторые старые кожи лося нашим отцам у гуронов, и немного фарфора [т. е., вампума], когда он у нас есть; это – лучший род денег, и им они платят за скромные запасы маиса и копченой рыбы, как и за материалы и строительство своих дворцов из коры. Это, воистину, вся прибыль, которую мы получаем здесь от шкур и других редких вещей этой страны, и вся выгода, которую мы извлекаем из них» [40, vol. IX, p. 175]. Меха «попадали» в руки иезуитов в результате сборов, подношений и десятин от индейской паствы, а также в виде штрафов и покаяний от неофитов [40, vol. XXV, p. 269; vol. XXVI, p. 83; vol. XXIX, p. 195; vol. XXXVI, p. 250; vol. XLII, pp. 273, 275, 299; vol. XLIII, p. 171; vol. LXIX, pp. 249, 257, 263].

Таким образом, квебекский супериор или миссионеры на местах приобретали меха и использовали их, чтобы изготавливать одежду и обувь, а также покупать у французских торговцев предметы первой необходимости, вооружение, утварь и т. д., либо изделия, полезные или приятные индейцам в уплату их услуг и в качестве подарков, и «если Иезуит получает или собирает некоторые из этих мехов, чтобы помочь оплатить огромные расходы, понесенные в Миссиях, ...было бы желательно, чтобы те лица, которые сами должны подвергаться этим

расходам ради сохранения страны, по крайней мере, не спешили осуждать ревность тех Отцов... Они должны оставить клевету такого сорта низкой толпе...» [40, vol. XLIII, p. 171; vol. LVIII, p. 155; vol. LX, p. 85]. «Даже если Ваше Преподобие сочтет, что лучше всего отказать от всего этого, – заключал Лежён свое послание провинциалу Франции в 1636 г., – чтобы никого не оскорбить, мы все готовы полностью бросить это. Если несколькими клеветникам так хочется заставить нас оставить эту невинную практику, они должны открыть свою собственную мощну, чтобы помочь нам в этих отдаленных странах, после того, как из-за своего каприза они отняли часть того, в чем мы так нуждались» [40, vol. IX, p. 175-177].

В 1647 г. иезуиты провели в алгонкинской редукции Силлери совет относительно разрешения «бобровой торговли» на ее территории, который пришел к выводу о ее допустимости, при условии, что «мы не будем вынуждены торговать» [40, vol. XXX, p. 187]. Позднее, с развитием института светских слуг, *donnés*, миссионеры уже не так будут зависеть от своих индейских хозяев в обеспечении повседневных потребностей, отпадет необходимость непосредственно вступать в торговые отношения или иные коммерческие операции.

Иезуитские миссионеры использовали торговлю и как источник образов, с помощью которых они пытались более эффективно донести до индейской аудитории христианское послание. Например, иезуитский миссионер сравнивал обещания, данные торговыми партнерами поставлять товары друг другу с обетами Богу новообращенных при крещении: «Мы люди, которые торгуют многими вещами. Мы думаем, "я дам лишь тем, кто дает мне". Но вы не дали бы тем, кто отступит от своего слова, данного вам. Это похоже на то, как Бог и человек заключили сделку при крещении. Бог говорит: "Я усыновил тебя сегодня. Я сделаю так, что ты попадешь на небо, когда закончится твоя жизнь". С другой стороны, вы говорите: "Бог, ты хозяин нашей жизни. Ты желаешь, чтобы я смог попасть на небо, когда умру. Тогда слушай: сегодня я выбираю тебя своим господином. Я и впредь буду повиноваться тебе. Я не подведу тебя в том, о чем меня просят". Это два ваших "слова" или обещания друг другу. Хозяин пообещал вам, что вы будете счастливы в небе. Вы обещаете сдержать свое слово. Вы как

будто обмениваетесь друг с другом» [35, p. 621]. Коммерческая риторика присутствовала в иезуитском миссионерском дискурсе, подчеркивая важность мехоторговли в деле христианизации индейцев: «они придут и обогатят эту страну своими мехами, а мы должны посетить их, чтобы обогатить Небо великолепными трофеями» [40, vol. XLV, p. 185].

Светские колониальные власти поддерживали практику иезуитской мехоторговли, исходя из экономических и политических реалий, в которых пребывали и колония, и миссия. Так, в ноябре 1645 г. представитель Компании Новой Франции и главный клерк Компании абитанов Ноэль Жюшере де Шатле прямо заявил, что запрещение частной торговли с индейцами не касалось иезуитов, и они могли спокойно продолжать ее [40, vol. XXVII, p. 99, 103].

Объемы получаемой от таких обменов прибыли остаются неизвестными. Заявление Радиссона, что остатки гурунов, поселившиеся на Орлеанском острове близ Квебека в 1650-1657 гг. под опекой миссионеров, отдавали последним свою одежду из бобровых шкур, «прибыль от которой составляла для отцов десять тысяч турецких ливров в год» [36, vol. I, p. 175], вызывает сомнение, поскольку все эти годы канадская миссия испытывала серьезные финансовые затруднения, связанные именно с содержанием почти 600 гуронских беженцев.

В принципе, вовлечение канадских миссионеров в подобные отношения не вызывало особых нареканий со стороны высших руководящих органов ордена. Более того, в 1656 г. генерал Общества Иисуса Госвин Никель достаточно резко прокомментировал опасения французского провинциала Луи Селло по поводу вовлечения канадских миссионеров в мехоторговлю: «Я исследовал эту торговлю, которую, по словам Вашего Преподобия, вели наши отцы, занятые в канадской миссии, и обнаружил, что дела вообще не существует. Пусть Ваше Преподобие следит, какую информацию он посылает нам, особенно в делах такой важности». А о. Лежён одновременно поздравил с тем, что «обвинение в торговле... тех из нас, кто участвовал в канадской миссии, было снято» [30, vol. VIII, p. 823, 826; vol. IX, p. 1, 244].

Стремясь закрепить сложившееся положение вещей в торговле на территории Новой Франции, иезуиты пытались использовать для этого колониальные правовые институты. Так,

в июне 1664 г. житель Квебека был приговорен Верховным советом колонии к выплате компенсации иезуитам за ложное обвинение в незаконной торговле [28, vol. I, p. 195-196]. В ноябре следующего года адвокат миссионеров Мартен Буте предстал перед Верховным советом, утверждая, что хотя иезуиты не занимались торговлей пушниной в собственных целях, они имели право торговать для выполнения своего миссионерского мандата, и подтверждая, что если у иезуитов возникнут дополнительные обязательства, то оплата обязательно будет производиться винами, бренди и местной валютой [28, vol. I, p. 300-301], то есть, мехами. В 1666 г. суперитор канадской миссии о. Ф. Лемерсье обратился к генерал-губернатору французской Америки де Траси, губернатору колонии Курселю и интенданту Талону с просьбой провести расследование обвинений бывшего губернатора де Мези в том, что иезуиты торговали с индейцами спиртными напитками и мехами, отказывая простым жителям в этой привилегии [32, vol. I, p. 28-31]. На фоне болезни и скоротечной смерти де Мези дело было прекращено без какого-либо вердикта [28, vol. I, p. 346], что, конечно, мало способствовало ослаблению подозрений и потока «клевет».

Тем не менее, канадские миссионеры всегда соблюдали осторожность в этом вопросе, чтобы не предоставить лишних поводов для критики со стороны многочисленных противников Общества. Так, к Реляции 1643 г. прилагалась Декларация директоров и партнеров Компании Новой Франции, заверявшая общественность в непричастности иезуитов к

мехоторговли и отсутствию у них меркантильных мотивов: «Иезуитские Отцы не участвуют в упомянутой Компании Новой Франции, ни прямо, ни косвенно, и не имеют никакой доли в торговле, которая ведется ею» [40, vol. XXV, p. 77]. Обладая высшей церковной властью в колонии в первой половине XVII в., иезуиты также ограничивали возможности представителей других орденов в сфере торговли. Например, в 1640 г. урсулинская монахиня Мари Гине де Сен-Иньяс жаловалась, что иезуиты, по распоряжению прокуратора миссии о. Ш. Лалемана, запретили ей послать во Францию в подарок «волос», то есть, бобрый мех [30, vol. IV, p. 761].

Заключение (выводы). Таким образом, участие представителей ордена в меховой торговле в какой бы то ни было форме в Новой Франции XVII в. было вызвано необходимостью материального обеспечения их основной, миссионерской, деятельности, причем в рассматриваемый период (да и в последующие), она не обеспечивала иезуитской миссии никаких гарантированных и стабильных доходов и не могла являться экономической основой миссионерской деятельности. Представляется, что лишь государственные и частные дотации, наряду с финансированием торговых компаний, обеспечивали эту деятельность, покрывая постоянно возрастающие расходы миссии. Меха продолжали оставаться, в первую очередь, главным денежным эквивалентом в колонии, наряду с подарками разного рода, и в этом виде использовались иезуитскими миссионерами, как и другими лицами и организациями на ее территории и тем более за ее пределами, в туземной среде.

Список литературы

1. Акимов Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб.: ВИРД, 1999. 336 с.
2. Гризингер Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. СПб.: Издательство «Лань», 1999. 576 с.
3. Лойола И. Духовные упражнения. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 128 с.
4. Тишков В. А. Страна кленового листа: начало истории. М.: Издательство «Наука», 1977. 176 с.
5. Федин А. В. Борьба иезуитов с индейским алкоголизмом в Новой Франции в XVII в. // Вопросы истории. 2016. № 2. С. 68-86.
6. Федин А. В. Система редуций в Новой Франции в 1637-1660 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 96-109.
7. Archives du séminaire de Québec. Lettres N. No. 61.
8. Bangert W. V. A History of the Society of Jesus. St. Louis: Institute of Jesuit Sources, 1972. 558 p.
9. Benedicti papae XIV. Bullarium: In quo continentur constitutiones, Epistolae. Vol. 1-9.

Mechliniae, Typis P.-J. Hanicq, 1826-1827.

10. Bibliothèque et Archives Canada. 500 de Colbert. Vol. CCIV.
11. Bibliothèque et Archives Canada. Fonds du Vatican. Archives de la Sacrée Congrégation de la Propagande. Acta, "S.O.C.G.", "Varia et Addenda", "Lettere" et "Congressi".
12. Bibliothèque et Archives Canada. Mélanges de Colbert. Vol. XVI.
13. Bibliothèque et Archives Canada. Series B. Vol. VII.
14. Bibliothèque et Archives Canada. Série C11A. Correspondance générale; Canada.
15. Bibliothèque nationale de France. Fonds Clairambault. Vol. 1016.
16. Bullarum diplomatum et privilegiorum sanctorum romanorum pontificum Taurinensis editio - collectione novissima plurium brevium_epistolarum_decretorum actorumque S. Sedis a s. Leone Magno usque ad praesens. Vol. 1-24. Augustae Taurinorum: A. Vecco et Sociis Editoribus, 1868.
17. Campeau L. La Mission des Jésuites chez les Hurons, 1634-1650. Montréal: Éditions Bellarmin, 1987. 487 p.
18. Campeau L. The Jesuits and Early Montreal / S.J. Topp, George and S.J. Lonc, William, trans. Halifax, Nova Scotia: William Lonc, S.J., 2002. 182 p.
19. Champlain S. de. The works of Samuel de Champlain. Vol. 1-6. Toronto: Champlain Society, 1922-1936.
20. Charlevoix P.-F.-X. History and General Description of New France / Shea, J. G., transl. and ed. Vol. 1-6. N. Y.: Francis P. Harper, 1900.
21. Dechêne L. Habitants and Merchants in Seventeenth-Century Montreal. Montreal, Que.: McGill-Queen's University Press, 1992. 428 p.
22. Documents relative to the colonial history of the State of New York / Ed. by J. R. Brodhead, B. Fernow. Vol. 1-15. Albany: Weed, Parsons and Company, Printers, 1856-1887.
23. Du Creux F. The history of Canada or New France / translated with an introduction by P. J. Robinson; edited with notes by James B. Conacher. Vol. I-II. Toronto: Champlain Society, 1951-1952.
24. Eccles W. J. The Fur Trade and Eighteenth-Century Imperialism // The William and Mary Quarterly. 1983. Vol. 40. No. 3. P. 341-362.
25. Fouquieray H. Histoire de la Compagnie de Jésus en France des origines a la suppression (1528-1762). T. I-V. Paris: A. Picard, 1910-1925.
26. Halkett J. Historical notes respecting the Indians of North America: with remarks on the attempts made to convert and civilize them. L.: A. Constable; Hurst, Robinson, 1825. 408 p.
27. Hennepin L. A Description of Louisiana / Translated from the French edition of 1683 by J. G. Shea. New York: John G. Shea, 1880. 407 p.
28. Jugements et délibérations du Conseil souverain de la Nouvelle-France; publiés sous les auspices de la Législature de Québec. Vol. I-VI. Québec: Impr. A. Coté et Co, 1885-1891.
29. MacLeod W. C. The American Indian Frontier. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1928. 598 p.
30. Monumenta Novae Franciae / Campeau, L., éd. Vol. I-IX. Rome/Montréal, Institutum Historicum Societatis Iesu / Les Éditions Bellarmin, 1967-2003.
31. Muir R. The Expansion Of Europe. The Culmination of Modern History. L.: Constable and company, 1917. 243 p.
32. Ordonnances, commissions, etc. des gouverneurs et intendants de la Nouvelle-France, 1639-1706 / P. G. Roy, ed. Vol. 1-2. Beauceville: L'"Eclairer", 1924.
33. Parkman Fr. Pioneers of France in the New World // Parkman Fr. France and England in North America. Vol. 1. N. Y.: Literary Classics of the U. S., Inc., 1983. P. 1-330.
34. Perrott N. Memoir on the Manners, Customs, and Religion of the Savages of North America // The Indian Tribes of the Upper Mississippi Valley and Region of the Great Lakes, as described by Nicolas Perrot, French commandant in the Northwest; Bacqueville de la Potherie, French royal commissioner to Canada; Morrell Marston, American army officer; and Thomas Forsyth, United States agent at Fort Armstrong / Blair Emma Helen, ed. Cleveland: Arthur H. Clark Co., 1911. P. 25-272.
35. Potier P. Extraits de l'Évangile [1747 A.D.] // Fifteenth Report of the Bureau of Archives for the Province of Ontario, 1918-1919. Toronto: Printed and Published by Clarkson W. James, 1920. P. 457-688.

36. Radisson P.-E. *Pierre-Esprit Radisson: the collected writings* / ed. by G. Warkentin. Vol. I-II. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2012.
37. Rochemonteix C. *Les Jésuites et la Nouvelle-France au XVIIe siècle d'après beaucoup de documents inédits par de le P. Camille de Rochemonteix, de la Compagnie de Jésus. Tome I-III.* Paris: Letouzey et Ané, 1895-1896.
38. Roy P.-G. *Jean Péronne Dumesnil et ses Mémoires* // *Bulletin des Recherches Historiques.* 1915. T. XXI. P. 161-173, 193-200, 225-231.
39. Talon J. *Mémoire de Talon, 1667* // *Rapport de l'Archiviste de la province de Québec.* 1930-31. P. 63-66.
40. *The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791* / edited by R. G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers, 1901.
41. Trigger B. G. *The Jesuits & the Fur Trade* // *Ethnohistory.* 1965, Winter. Vol. 12. No. 1. P. 30-53.
42. Turner F. J. *Character and Influence of the Indian Trade in Wisconsin. A Study of the Trading Post as an Institution* // *The Early Writings of Frederick Jackson Turner* / Everett E. Edwards – compiler. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1938. P. 85-181.
43. Venn H. *The Missionary Life and Labours of Francis Xavier Taken from his own Correspondence With a Sketch of the General Results of Roman Catholic Missions among the Heathen.* London: Longman, Roberts, & Green, 1862. 326 p.
44. White R. *The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 544 p.
45. Clossey L. *Salvation and Globalization in the Early Jesuit Missions.* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 327 p.

THE JESUITS AND THE FUR TRADE IN THE 17th CENTURY NEW FRANCE

The issue of material support for the missionary activities of the Society of Jesus in New France remained one of the most painful throughout its history of the XVII-XVIII centuries. According to many researchers, it was the financial and economic activities of the order in the missionary territories that served as one of the main reasons (and reasons) for its prohibition in the second half of the XVIII century. During the previous century, especially the first half of it, most of the difficulties and problems faced by Jesuit missionaries in Canada were caused by insufficient, or even completely absent, material base of their activities. The participation of Jesuit missionaries in North America in the fur trade has been the subject of intense debate since their appearance in New France and up to the present day. It seems that the representatives of the order were indeed involved in the fur trade, which was caused by the need for material support for their main, missionary, activities. Throughout the period under review, furs continued to be, first of all, the main monetary equivalent in the colony, along with gifts of various kinds, and in this form were used by Jesuit missionaries, as well as by other persons and organizations on its territory and even more so beyond its borders, in the native environment.

Keywords: Jesuits, missionary activity, New France, fur trade, Indians, smuggling, trading companies.

References

1. Akimov Ju. G. (1999) *Ocherki rannej istorii Kanady* [Sketches of the Early History of Canada]. SPb.: VIRI. – 336 s.
2. Archives du séminaire de Québec. *Lettres N* [Letters N]. No. 61.
3. Bangert W. V. (1972) *A History of the Society of Jesus.* St. Louis: Institute of Jesuit Sources. – 558 p.
4. *Benedicti papae XIV. (1826-1827) Bullarium: In quo continentur constitutiones, Epistolae.* Vol. 1-9. Mechliniae, Typis P.-J. Hanicq.
5. Bibliothèque et Archives Canada. 500 de Colbert. Vol. CCIV.
6. Bibliothèque et Archives Canada. Fonds du Vatican. Archives de la Sacrée Congrégation de la Propagande [Vatican Fonds. Archives of the Sacred Congregation of Propaganda]. Acta, "S.O.C.G.", "Varia et Addenda", "Lettere" et "Congressi".
7. Bibliothèque et Archives Canada. *Mélanges de Colbert* [Melanges of Colbert]. Vol. XVI.
8. Bibliothèque et Archives Canada. Series B. Vol. VII.
9. Bibliothèque et Archives Canada. Série C11A. Correspondance générale; Canada [Series C11A. General correspondence; Canada].

10. Bibliothèque nationale de France. Fonds Clairambault. Vol. 1016.
11. Bullarum diplomatum et privilegiorum sanctorum romanorum pontificum Taurinensis editio - collectione novissima plurium brevium epistolarum decretorum actorumque S. Sedis a s. Leone Magno usque ad praesens. (1868) Vol. 1-24. Augustae Taurinorum: A. Vecco et Sociis Editoribus.
12. Campeau L. (1987) La Mission des Jésuites chez les Hurons, 1634-1650 [The Jesuit Mission to the Hurons, 1634-1650]. Montréal: Éditions Bellarmin. – 487 p.
13. Campeau L. (2002) The Jesuits and Early Montreal / S.J. Topp, George and S.J. Lonc, William, trans. Halifax, Nova Scotia: William Lonc, S.J. – 182 p.
14. Champlain S. de. (1922-1936) The works of Samuel de Champlain. Vol. 1-6. Toronto: Champlain Society.
15. Charlevoix P.-F.-X. (1900) History and General Description of New France / Shea, J. G., transl. and ed. Vol. 1-6. N. Y.: Francis P. Harper.
16. Clossey L. (2008) Salvation and Globalization in the Early Jesuit Missions. Cambridge: Cambridge University Press. 327 p.
17. Dechêne L. (1992) Habitants and Merchants in Seventeenth-Century Montreal. Montreal, Que.: McGill-Queen's University Press. – 428 p.
18. Documents relative to the colonial history of the State of New York (1856-1887) / Ed. by J. R. Brodhead, B. Fernow. Vol. 1-15. Albany: Weed, Parsons and Company, Printers.
19. Du Creux F. (1951-1952) The history of Canada or New France / translated with an introduction by P. J. Robinson; edited with notes by James B. Conacher. Vol. I-II. Toronto: Champlain Society.
20. Eccles W. J. (1983) The Fur Trade and Eighteenth-Century Imperialism // The William and Mary Quarterly. Vol. 40. No. 3. P. 341-362.
21. Fedin A. V. (2016) Bor'ba iezuitov s indejskim alkogolizmom v Novoj Francii v XVII v. [The struggle of the Jesuits with Indian alcoholism in New France in the XVII century] // Voprosy istorii. № 2. S. 68-86.
22. Fedin A. V. (2011) Sistema redukciij v Novoj Francii v 1637-1660 gg. [Reduction system in New France in 1637-1660] // Voprosy istorii. № 12. S. 96-109.
23. Fouquieray H. (1910-1925) Histoire de la Compagnie de Jésus en France des origines a la suppression (1528-1762) [The History of the Society of Jesus in France from its Origins to its Suppression (1528-1762)]. T. I-V. Paris: A. Picard.
24. Grizinger T. (1999) Iezuity. Polnaja istorija ih javnyh i tajnyh dejanij ot osnovanija ordena do nastojashhego vremeni [Jesuits. A Complete History of their Explicit and Secret Acts from the Founding of the Order to the Present Time]. SPb.: Izdatel'stvo «Lan'». – 576 s.
25. Halkett J. (1825) Historical notes respecting the Indians of North America: with remarks on the attempts made to convert and civilize them. L.: A. Constable; Hurst, Robinson. – 408 p.
26. Hennepin L. (1880) A Description of Louisiana / Translated from the French edition of 1683 by J. G. Shea. New York: John G. Shea. – 407 p.
27. Jugements et délibérations du Conseil souverain de la Nouvelle-France [Judgments and deliberations of the Sovereign Council of New France]; publiés sous les auspices de la Législature de Québec. (1885-1891) Vol. I-VI. Québec: Impr. A. Côté et Co.
28. Lojola I. (2010) Duhovnye uprazhnenija [Spiritual Exercises]. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. – 128 s.
29. MacLeod W. C. (1928) The American Indian Frontier. N. Y.: Alfred A. Knopf. – 598 p.
30. Monumenta Novae Franciae (1967-2003) / Campeau, L., éd. Vol. I-IX. Rome/Montréal, Institutum Historicum Societatis Iesu / Les Éditions Bellarmin.
31. Muir R. (1917) The Expansion Of Europe. The Culmination of Modern History. L.: Constable and company. – 243 p.
32. Ordonnances, commissions, etc. des gouverneurs et intendants de la Nouvelle-France, 1639-1706 [Ordonnances, commissions, etc. by the governors and intendants of New France, 1639-1706] (1924) / P. G. Roy, ed. Vol. 1-2. Beauceville: L'«Eclairer».
33. Parkman Fr. (1983) Pioneers of France in the New World // Parkman Fr. France and England in North America. Vol. 1. N. Y.: Literary Classics of the U. S., Inc. P. 1-330.

34. Perrott N. (1911) *Memoir on the Manners, Customs, and Religion of the Savages of North America // The Indian Tribes of the Upper Mississippi Valley and Region of the Great Lakes, as described by Nicolas Perrot, French commandant in the Northwest; Bacqueville de la Potherie, French royal commissioner to Canada; Morrell Marston, American army officer; and Thomas Forsyth, United States agent at Fort Armstrong / Blair Emma Helen, ed. Cleveland: Arthur H. Clark Co. P. 25-272.*
35. Potier P. (1920) *Extraits de l'Evangele [Extracts from the Evangele] [1747 A.D.] // Fifteenth Report of the Bureau of Archives for the Province of Ontario, 1918-1919. Toronto: Printed and Published by Clarkson W. James. P. 457-688.*
36. Radisson P.-E. (2012) *Pierre-Esprit Radisson: the collected writings / ed. by G. Warkentin. Vol. I-II. Montreal: McGill-Queen's University Press.*
37. Rochemonteix C. (1895-1896) *Les Jésuites et la Nouvelle-France au XVIIe siecle d'après beaucoup de documents inédits par de le P. Camille de Rochemonteix, de la Compagnie de Jésus [The Jesuits and New France in the seventeenth century from many unpublished documents by P. Camille de Rochemonteix, of the Society of Jesus]. Tome I-III. Paris: Letouzey et Ané.*
38. Roy P.-G. (1915) *Jean Péronne Dumesnil et ses Mémoires [Jean Péronne Dumesnil and his Memoirs] // Bulletin des Recherches Historiques. T. XXI. P. 161-173, 193-200, 225-231.*
39. Talon J. (1930-31) *Mémoire de Talon, 1667 [Memoir of Talon, 1667] // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. P. 63-66.*
40. *The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Exploration of the Jesuit Missionaries in New-France, 1610-1791 (1901) / edited by R. G. Thwaites. Vol. I-LXXIII. Cleveland: The Burrows Brothers Company Publishers.*
41. Tishkov V. A. (1977) *Strana klenovogo lista: nachalo istorii [The country of the maple leaf: the beginning of history. M.: Izdatel'stvo «Nauka». – 176 s.*
42. Trigger B. G. (1965) *The Jesuits & the Fur Trade // Ethnohistory. Winter. Vol. 12. No. 1. P. 30-53.*
43. Turner F. J. (1938) *Character and Influence of the Indian Trade in Wisconsin. A Study of the Trading Post as an Institution // The Early Writings of Frederick Jackson Turner / Everett E. Edwards – compiler. Madison, WI: University of Wisconsin Press. P. 85-181.*
44. Venn H. (1862) *The Missionary Life and Labours of Francis Xavier Taken from his own Correspondence With a Sketch of the General Results of Roman Catholic Missions among the Heathen. London: Longman, Roberts, & Green. – 326 p.*
45. White R. (2011) *The Middle Ground: Indians, Empires and Republics in the Great Lakes Region, 1650-1815. Cambridge: Cambridge University Press. 544 p.*

Об авторе

Федин Андрей Валентинович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» (Россия), E-mail: avfedin@yandex.ru;

Fedin Andrey Valentinovich – Doctor in History, associate professor, «Bryansk State University» (Russia), E-mail: avfedin@yandex.ru

Федосова Н.А., соискатель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭДГАР ЮЛИУС ЮНГ КАК СОЗДАТЕЛЬ МАРБУРГСКОЙ РЕЧИ ФРАНЦА ФОН ПАПЕНА: ПЛАТФОРМА КОНСЕРВАТИВНОЙ ОППОЗИЦИИ НАЦИЗМУ

Статья анализирует текст речи Франса фон Папена, которую канцлер произнес 17 июня 1934 года в Марбурге. Эта речь явилась призывом к возрождению послереволюционной Германии на принципах христианства, консерватизма и аристократизма. Так как произнес эту речь Франц фон Папен, логично предполагалось, что он и есть ее основной автор. Реальным автором является лидер консервативной революции Эдгар Юлиус Юнг, что доказывает анализ текста. Выступление в Марбурге продемонстрировало, что политическая элита Германии в 30-е годы не была солидарна с идеями национал-социализма. Франц фон Папен и Эдгар Юлиус Юнг высказали беспокойство по поводу методов, которые использует Адольф Гитлер. Содержание этой речи явилось катализатором, ускорившим разгром политической оппозиции и ликвидацию раскола внутри партии НСДАП, который вошел в историю как «Ночь длинных ножей». Первой жертвой операции по устранению любых несогласных с позицией партии и стал автор этой речи Эдгар Юлиус Юнг. Таким образом Марбургская речь Франца фон Папена стала еще одним поводом для жестокой расправы над оппозицией нацизму.

Ключевые слова: консервативная революция, «Ночь длинных ножей», Эдгар Юлиус Юнг, Франц фон Папен, Марбургская речь, Веймарская республика, Германия в 30-е годы

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-183-189

Введение. «Меня попросили 17 июня выступить с обращением к собравшимся в зале «Аудитории Максимум» (бальный зал) старого университета в Марбурге. Зная, что говорить придется в присутствии цвета интеллектуальной элиты Германии, я очень тщательно готовил речь для выступления. Это был наилучший способ быть услышанным всем народом» - так пишет канцлер Германии Франц фон Папен в своих мемуарах.[13] Эта запись относится к лету 1934 года, когда в Германии еще была жива реальная политическая оппозиция национал-социализму. 17 июня 1934 года в Марбурге Франц фон Папен действительно произнесет речь, которая будет иметь широкий резонанс и масштабные последствия. Реальный автор текста речи - Эдгар Юлиус Юнг – молодой юрист и политический деятель, имевший широкую известность в адвокатской практике, особенно в Мюнхене, но малоизвестный как политик. С 1932 года он был советчиком, секретарем и спичрайтером Франца фон Папена. [7.S.57]

Спустя почти две недели, после выступления фон Папена, в период с 30 июня по 2 июля, будут убиты или пропадут без вести главные предводители отрядов СА, видные политики, общественные деятели, все те, кто слишком громко заявляли о своей борьбе или несогласии с национал-социализмом.[8] Ночь,

когда начались убийства и репрессии против оппозиционеров получила название «Ночь длинных ножей». Сам Папен мало пострадал, он лишился возможности продолжать свою карьеру, а вот молодой политик, лидер консервативной революции Эдгар Юлиус Юнг расплатился за свою смелость жизнью. Эта речь станет прологом и одновременно катализатором для «Ночи длинных ножей».

Объекты и методы исследования. Папен вспоминает в своих мемуарах, оправдываясь, что ответственным за все его речи, посвященные «национальной революции» является только Юнг.[4] Хотя в этом же источнике он утверждает, что Юнг на допросе в камере убеждал своих убийц в том, что не писал этого текста. Действительно, с момента появления своего главного произведения «Господство неполноценных»,[9] Юнг, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, считался ведущим голосом консервативной революции. Он, без сомнения, принадлежал к влиятельным в то время «идеологическим брокерам». [8. s. 27]

Консервативная революция (Conservative Revolution) – это политическое и интеллектуальное движение, активно развивающееся в Германии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Оно возникло в ответ на социальные, политические и

культурные изменения, произошедшие в Германии после Первой мировой войны, такие как инфляция, безработица, кризис веры и нравственности. Консервативная революция представляла собой группу людей, которые отвергали демократические и либеральные ценности и призывали к возвращению к традиционным ценностям и культуре Германии. Они считали, что Германия должна отвергнуть либеральный западный образ жизни и восстановить свою национальную идентичность и духовное наследие.[1. с. 27]

В консервативной революции были представлены различные идеологии, в том числе национализм, консерватизм, культурный консерватизм и протестантизм. В этом движении были заметны фигуры, такие как Отто Штрассер, Карл Шмитт, Артур Меллер ван ден Брюк, Франц фон Папен и другие. Одним из ключевых моментов консервативной революции был попытка создать альтернативу национал-социализму. Однако большинство консервативных революционеров в итоге были вынуждены поддержать национал-социализм и нацистскую партию Германии или погибли, что привело к разрушению их движения и привело к усилению нацизма в Германии. [8. С. 5]

Франц фон Папен путает читателей в своих воспоминаниях, отказываясь нести ответственность за содержание роковой речи. «Я остановился на вопросах, о которых Гитлер менее всего хотел слышать: на растущем беспокойстве народа..., ограничении церковной деятельности, свободном существовании человека... Либо мне удастся заставить Гитлера в последний момент изменить политический курс, либо я буду должен покинуть правительство».[4] Но Ф. Папен не покинул правительство, и более того, ничего не изменил. Он получал тысячи жалоб, протестов и предупреждений, которые после сортировки отправлялись министрам на рассмотрение, вплоть до событий 30 июня. Он пишет, что в партийных кругах он и его сотрудники приобрели имя «Гнездо реакционеров», а их фамилии были включены в черный список «для ликвидации». [4]

Франц фон Папен лукавит: он не только не писал сам Марбургской речи, но и пытался исправить ее текст, сев в поезд Берлин - Марбург. Прочитав речь, он взял карандаш и начал

методично «вычеркивать отдельные замечания, которые казались ему слишком резкими». «Юнговские формулировки могут стоить мне головы и воротничка» - заявил встревоженный канцлер. [3. S. 172] С ним в купе вагона находился Чиршский, его помощник, который тут же вмешался: «Герр фон Папен, что вы делаете,... полный текст речи уже передан иностранным корреспондентам и разразится грандиозный скандал, если они заметят большие расхождения в текстах обеих речей...»[12] Отступить было некуда - речь была написана, и Франц фон Папену пришлось ее произнести, как бы он не боялся последствий.

«Правительство - писал Юнг, а произносил Папен - хорошо осведомлено о том, что за «немецкой революцией» скрывается эгоизм, бесхарактерность, ложь, нечестность». [7. S. 47.] Юнг устами Эрнста фон Папена говорил об анонимной слежке, унифицированной нацистами прессе, подавлении критики, засильи бюрократии. В городе, куда в свое время приехал Лютер, которому близки идеи Реформации, канцлер манифестил о принципах христианства, которые «веками были основой для немецкой нации». Эти фразы звучали как призыв к свободе - он выразил мысли многих консервативных немецких интеллектуалов. [12]

Критическая оценка деятельности национал-социалистического правительства из уст человека, входившего в его состав, прозвучала достаточно неожиданно. Вице-канцлер, явно обладающий консервативным мировоззрением, выступил как защитник католической церкви и многопартийности. Неблагоприятной оценке подверглась также неумеренная национал-социалистическая пропаганда. [10. С. 119-127] Основную порцию критики получили отряды СА - ядро «левых» сил национал-социализма, наиболее заинтересованное в осуществлении «второй волны» революции. Папен не осуждал непосредственно националистические перемены в Германии. Он укорял тех, кто «грешит против духа немецкой революции», и уточнял, что «предоставил себя без всяких оговорок в распоряжение национал-социализма и доказал полную лояльность к нему».

Он взывал к возвращению «принципу естественного и божественного господства», так как целью его политики была реставрация христианской, самодержавной монархии. «За это решение, будет ли новая империя немцев

христианской или заблудится в сектантстве и полурелигиозном материализме, будет идти борьба. Это решение будет простым, если какие-либо попытки повлиять на него с позиций государственной власти в направлении насильственной реформации не состоятся».[6] Он также напомнил, что консервативные силы заключили союз с национал-социалистами постольку, поскольку имели с ними общие программные установки, а именно «идеи безусловного руководства, полного авторитета, аристократического принципа отбора и органического народного порядка».[6] Канцлер, словами Юнга, заявлял что контрреволюция, происходящая в XX веке, может быть только консервативной в том смысле, что «она не имеет рационализирующего и дезинтегрирующего эффекта, а вновь ставит всю жизнь под естественный закон творения...»[10] «Правительство Рейха вправе критиковать ложный культ личности, который является наименее прусским видом вещей, которые можно себе представить. Великие люди не создаются пропагандой, а скорее растут через свои дела и признаются историей...»[10]

Результаты. В Речи канцлер заявляет о своей приверженности Гитлеру - «солдату мировой войны».[5] «Чудовищная напряженность, в которой мы находились с августовских дней 1914 года, отпала, и из них вновь поднимается немецкая душа, перед которой проходит славная, но столь болезненная история нашего народа, от сказаний немецких героев до Верденских окопов, да и до уличных боев наших дней. Неизвестный солдат мировой войны, с восхитительной энергией и непоколебимой верой покоривший сердца своих народных товарищей, сделал эту душу свободной» [5]. Так канцлер оправдывает приход Гитлера к власти, указывая на то, что в последние годы в Германии росла инфляция, безработица, социальная напряженность, и именно правительство, пришедшее к власти в 1931 году смогло исправить всю ситуацию, вывести нацию из кризиса.

Текст речи практически не имеет формального контура: нет промежуточных заголовков или даже пронумерованного плана, а только абзацы, которые выделяют длинные отрывки. Только один, к тому же короткий отрывок (из 42 слов - 0,74% от общей длины текста) явно принадлежит лично Папену. Эту вставку

легко идентифицировать, так как она не вписывается в общее содержание. Поразительно то, что в речи целый ряд прямых и косвенных цитат, в частности, три цитаты Гитлера (из речи от 6 июля 1933 года и из «Mein Kampf»).

Основные требования, выдвигаемые Юнгом-Папеном, следующие: только ориентация на Бога дает смысл исследованию и науке. Они призывают освободить прессу. Косвенно признаются, что зарубежная критика нового режима частично права. Законная борьба с левым интеллектуализмом не должна превращаться в принципиальную духовную вражду.

Некоторые участки речи Юнга-Папена являются ответом на речь Гитлера от 6 июля 1933 года. Например, о революции: «анти-либеральная революция может быть доведена до конца только тогда, когда она порвет с принципом народного суверенитета и вернется к принципу естественной и божественной власти. С этим отнюдь не следует путать лишение народа его прав. Я потому так четко описал проблемы немецкой революции и мое отношение к ним, что слухи о второй волне, которая должна завершить революцию, все никак не утихают. Кто безответственно играет с такими мыслями, тот не должен утаивать от себя, что за второй волной легко может последовать третья, что тот, кто угрожает гильотиной, сам раньше всех других попадет под ее топор. Также не ясно, куда должна привести эта вторая волна.» [6]

Можно заключить, что в Марбургской речи три главные группы идей:

- революция, ее направление, динамика и завершение;

- требование формирования государства и общества интеллектуалов, выделение сословий не на основе происхождения, а по принципу духа и опыта.

- реставрация немецкого христианства, как культурной основы цивилизации.[8]

То есть Юнг, а вместе с ним Папен, предлагают механизм создания истинного немецкого государства, очищенного от «шлаков» послереволюционного развития.

Закончил Франц Папен речь так: «Если мы отрицаем большое культурное наследие, если мы не уважаем или извращаем тысячелетнюю историю нашего народа, трехтысячелетнюю историю нашей части света, то мы упустим большие шансы, которые двадцатый

век еще раз дает корневому народу Европы. Сегодня мировая история делается там, где с улыбкой смотрят сверху вниз на большую Европу. Если Европа хочет сохранить свое право на лидерство в мире, то нельзя больше терять ни часа, чтобы посвятить все свои силы духовному возрождению и похоронить мелочные жалобы» [6]. Автор и Оратор заявляют о праве Германии на «Возрождение» без националистических идей.

Во внутреннем Протоколе Марбургской университетской ассоциации остались записи, касающиеся некоторых аспектов выступления вице-канцлера: Папен провел часовую речь, «один откровенно критиковал ошибки после-революционной власти...» [5.S.63] Университетская пресса более обратила внимание на то, как Папен провел день в городе, а не на то о чем он говорил. Университетский журнал пишет, что вице-канцлер посетил «Бани Луизы», и более часа купался, затем в районе семи вечера вернулся в город. [5.S.64]

Реакция на выступление Франца фон Папена была похожа на круги воды, которые появляются, если в нее бросить камень. Еще во время его речи, бальный зал университета покинули сопровождающие Папена лидеры СА. Очень бурно отреагировал сам Адольф Гитлер: «Смешно, если такой маленький червь решил бороться против великого обновления народа! Смешно, если такой маленький гном воображает, что из-за одной речи сможет что-то изменить!» [5. S.64]

Немецкая пресса отразила только то, что состоялось выступление в Марбурге, которое, как и «звуки марбургского» органа привлекло много слушателей. Глава немецкой пропаганды Геббельс сразу же запретил печатать полную речь вице-канцлера, опасаясь серьезных последствий. Почти все ее копии были изъяты, а те, кто смог сохранить стенограммы, или рукописные копии – арестованы. Впервые в полном виде текст этой речи появился в прессе 5 февраля 1946 года – в первую послевоенную зиму. Один экземпляр смог спасти журналист Герман Бауэр, который сам слышал, как ее произносил Франц фон Папен. Бауэр пишет: «Немцы не понимают, почему это Франц фон Папен как главный военный преступник должен сидеть в Нюрнберге на судебном следствии. И особенно в Марбурге все качают головой, потому

что он был здесь, в 1934 году он один смог произнести речь...» [5. S.61]

Предусмотрительный Эдгар Юнг, предвидел последствия и предоставил копию текста речи в типографию газеты «Германия», которая была под ведением Папена. Но из-за указа Геббельса эта идея не закончилась успехом. В типографии смогли сделать несколько оттисков, которые передали иностранным дипломатам, а некоторые нелегально распространили по стране. 18 июня все дневные газеты были изъяты, только «Франкфуртер цайтунг» сумела опубликовать несколько отрывков из своего дневного выпуска. [3.C.145.] 21 июня главный редактор газеты «Оберхессисше» позвонила в полицию и сообщила о некотором беспокойстве марбургского населения в результате речи вице-канцлера, а в самом городе слухи о судьбе Папена ходят из уст в уста.

Марбургская речь имела резонанс как среди немецкой общественности, так и за пределами Германии. Об этом пишет посол США в Германии Уильям Э. Додд: «Ссылаясь на мою депешу № 946 от 20 июня 1934 г., страницы 3 и 4, имею честь напомнить, что в воскресенье, 17 июня, вице-канцлер фон Папен произнес в Марбургском университете в Гессен-Нассау речь, озаглавленную «Цели немецкой революции». В этом выступлении он воспользовался случаем, чтобы обсудить в откровенном и критическом духе некоторые аспекты и тенденции национал-социалистического движения. Вследствие этого инцидент произвел глубокую сенсацию в Германии и вызвал резкое сопротивление наиболее радикальных элементов партии [2. с. 342]. Говорят, что даже сам Гитлер был сильно встревожен. Полный текст обращения, разумеется, не был доведен до сведения общественности. Даже сжатая версия, которая, по-видимому, была опубликована в прессе после значительной доработки, впоследствии была отозвана Министерством пропаганды. Консул во Франкфурте сообщает, что издание «Франкфуртер цайтунг», в котором была напечатана эта версия, было конфисковано полицией после того, как партия газет попала к продавцам. Поиск оскорбительных листов был настолько тщательным, что копии выхватывали из рук посетителей ресторанов и кофеен.

Хотя ни одна часть речи не появилась в

берлинской прессе, посольство смогло на несколько часов получить во временное пользование брошюру с оригинальным текстом. Однако из-за нехватки персонала сделать полную копию и перевод для Департамента оказалось практически невозможно. Перевод выдержек, выбранных из большинства наиболее важных отрывков, передается настоящим...»[3]

Сам Франц фон Папен в мемуарах пишет, что требовал от Гитлера отменить указ о запрете на публикацию и упоминание о его речи. Но после их личной беседы, которая продолжалась несколько часов, они так и не пришли к ультиматуму. Папен угрожал, что пойдет к самому президенту. Но затем передумал, так как решил, что даже те отрывки, которые известны, смогут разжечь у всей нации огонь возмущения. Он вспоминает, что спустя 5 дней оказался в Гамбурге, куда его пригласили на конные соревнования: «Это был первый случай в моей жизни, когда собрание людей на конных соревнованиях приобрело политический характер. Не успел я появиться на краю главной трибуны, как тысячи людей разразились в мой адрес криками приветствия и возгласами: «Хайль Марбург!» [4]

Несмотря на отсутствие политической оппозиции, которая выступала бы единым фронтом против национал – социализма и самого Гитлера, этот акт несогласия с устанавливаемым режимом мог изменить всю историю Германии. В этой ситуации, внутри самой партии НСДАП назрел ряд проблем, которые могли спровоцировать переворот, а Гитлер и вовсе мог потерять власть лидера.

Одной из первых жертв «Ночи длинных ножей» стал Эдгар Юлиус Юнг – автор Марбургской речи. Секретарь Брюнинга Тревиранус предупредил Юнга о предстоящем ударе по всем оппозиционным силам, но тот надеялся на защиту со стороны Папена и рейхсвера. Гитлер 25 июня подписал ордер на арест автора речи. [3. С. 145.] Уже на следующий день Юнг был арестован и заключен в концлагерь Ораниенбурга, где в ночь на 1 июля 1934 года был казнен. [3. С. 146.]

Первой пропажу Юнга обнаружила его домработница. Приехав к нему во вторник утром, она ужаснулась: по всей прихожей валялась одежда, ящики стола в кабинете были выдвинуты, а по разбросанным повсюду бумагам она догадалась, что здесь что-то в

спешке искали. В спальне вся мебель была перевернута, а кровать не заправлена. Домработница обзвонила всех известных ей друзей Юнга, но не стала звонить в полицию, поскольку увидела на стене в ванной надпись «гестапо». [7. S. 147]. В разгромленной квартире Юнга собрались сотрудники вице-канцлера и близкие друзья журналиста. Разбросанные повсюду вещи и бумаги стали серьезным предупреждением о грядущих бедах.

Узнав о случившемся, Папен решил немедленно ехать в Берлин. [9. С. 147.] Он надеялся, что в кругу официальных лиц Берлина будет застрахован от внезапного ареста и наемных убийц. Папен сначала предпринимает решительные меры: едет к Гитлеру, но в приемной фюрера ему отвечают, что он спит, так как устал после приезда из Мюнхена. Канцлер едет к Герингу, но и того не застает в городе – он читает речь в Кельне. И только у рейхсфюрера СС Гимmlера Папена удостоили приемом, который был холодным и сдержанным. Гимmlер сообщил, что Э. Ю. Юнг арестован по обвинению в связи с иностранными фирмами и незаконной деятельностью, что его допросят и отпустят. [6.] Дальше Папен не стал предпринимать никаких действий, а его самого отправляют под домашний арест. Больше Эдгара Юнга никто не видел. Он был расстрелян на рассвете 1 июля 1934 года в роще близ Ораниенбурга. Его жена получила урну с прахом мужа без каких-либо комментариев.

Заключение. После «Ночи длинных ножей» Гитлер окончательно взял власть в свои руки. В воспоминаниях современников от 1-2 июля 1934 года можно найти сведения о том, что убийства происходили прямо на улицах Берлина. В это время были расстреляны или посажены в тюрьму 150 высших руководителей СА, журналисты, видные политические деятели. Операция под кодовым названием «Колибри» завершилась успешно.

Несмотря на обширное общественное признание Речи, она не смогла нанести национал-социализму каких-либо серьезных поражений. Оппозиция и консервативная революция не выступали единым фронтом, а политический ресурс Гитлера был слишком велик, чтобы отдельная личность справилась с ним.

Список литературы

1. Артамошин С. В. Понятия и позиции консервативной революции. – Брянск, 2011.
2. Галло М. Ночь длинных ножей. Борьба за власть партийных элит Третьего Рейха. 1932 – 1934. – М.: 2007.
3. Грегориш Д. Марбургская речь Франца фон Папена 17 июня 1934 года. // Вопросы истории №11, 2011 г.
4. Папен Ф., ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933-1947. [электронный ресурс] URL.: http://militera.lib.ru/memo/german/papen_f01/index.html
5. Buchholz M. Wie Papen in Marburg baden ging. // Das Marburger Uni-Journal. №15, 2003
6. Foreign relations of the united states diplomatic papers, 1934, Europe, Near East and Africa, Volume II, [электронный ресурс], URL.: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v02/d193>
7. Fritz Günther von Tschirschky, Erinnerungen eines Hochverrätters, Stuttgart 1972, S. 135f. – Der größte Teil des obigen Zitats findet sich auch wiedergegeben bei Denzler 2007.
8. Forschbach E. Edgar J. Jung: ein konservativer Revolutionär. - 30. Juni 1934.- Stuttgart: Neske.
9. Jung E.J. Die Herrschaft der Minderwertigen. Ihre Zerfall und ihre Ablösung durch ein Neues Reich. – 2. Aufl. –В., 1930
10. Küpper R. Der ‚Ghostwriter‘ des ‚Herrenreiters‘. Der Diskurs Edgar Julius Jungs und die für den Vizekanzler Papen verfasste Marburger Rede vom 17. Juni 1934. // Universität Duisburg – Essen, Germany [электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/Nadya/Downloads/A767.pdf>
11. Papens Marburger Rede. [электронный ресурс] URL : <http://www.neue-ordnung.at/index.php?Id=437>
12. (Early) Weekend Reading: Franz von Papen (June 17, 1934): Marburger Rede [электронный ресурс] URL: <https://www.bradford-delong.com/2017/04/early-weekend-reading-franz-von-papen-june-17-1934-marburger-rede.html>

EDGAR JULIUS JUNG AS THE CREATOR OF FRANZ VON PAPEN'S MARBURG SPEECH: A PLATFORM OF CONSERVATIVE OPPOSITION TO NAZISM

The article analyzes the text of Franz von Papen's speech, which the Chancellor delivered on June 17, 1934 in Marburg. This speech was a call for the revival of post-revolutionary Germany on the principles of Christianity, conservatism and aristocracy. Since Franz von Papen gave this speech, it was logically assumed that he was its main author. The real author is the leader of the “conservative revolution” Edgar Julius Jung, which is proven by analysis of the text. The speech in Marburg demonstrated that the political elite of Germany in the 30s was not in solidarity with the ideas of National Socialism. Franz von Papen and Edgar Julius Jung expressed concern about the methods used by Adolf Hitler. The content of this speech was a catalyst that accelerated the defeat of the political opposition and the elimination of the split within the NSDAP party, which went down in history as the «Night of the Long Knives». The first victim of the operation to eliminate anyone who disagreed with the party's position was the author of this speech, Edgar Julius Jung. Thus, the Marburg speech of Franz von Papen became another reason for the brutal reprisal of opposition to Nazism.

Keywords: conservative revolution, «Night of the Long Knives», Edgar Julius Jung, Franz von Papen, Marburg Address, Weimar Republic, Germany in the 30s

References

1. Artamoshin S. V. (2011) Ponyatiya i pozicii konservativnoj revolyucii. - Bryansk [Concepts and positions of the conservative revolution].
2. Gallo M. (2007) Noch' dlennyh nozhej. Bor'ba za vlast' partijnyh elit Tret'ego Rejha. 1932 – 1934. – М. [Night of the Long Knives. The struggle for power of the party elites of the Third Reich. 1932 – 1934].
3. Gregorich D. (2011) Marburgskaya rech' Franca fon Papena 17 iyunya 1934 goda. // Voprosy istorii №11. – М [Marburg speech by Franz von Papen on June 17, 1934].
4. Papen F., f. (2005) Vice-kancler Tret'ego rejha. Vospominaniya politicheskogo deyatelya gitlerovskoj Germanii. 1933-1947. [electronic resource] URL.: http://militera.lib.ru/memo/german/papen_f01/index.html [Vice-Chancellor of the Third Reich. Memoirs of a politician of Hitler's Germany. 1933-1947.].
5. Buchholz M. Wie Papen in Marburg baden ging. // Das Marburger Uni-Journal. №15, 2003.
6. Foreign relations of the united states diplomatic papers, 1934, Europe, Near East and Africa, Volume II, [электронный ресурс], URL.: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1934v02/d193>

7. Fritz Günther von Tschirschky, Erinnerungen eines Hochverrätters, Stuttgart 1972, S. 135f. – Der größte Teil des obigen Zitats findet sich auch wiedergegeben bei Denzler 2007.
8. Forschbach E. Edgar J. Jung: ein konservativer Revolutionär. - 30. Juni 1934.- Stuttgart: Neske.
9. Jung E.J. Die Herrschaft der Minderwertigen. Ihre Zerfall und ihre Ablösung durch ein Neues Reich. – 2. Aufl. –В., 1930.
10. Küpper R. Der ‚Ghostwriter‘ des ‚Herrenreiters‘. Der Diskurs Edgar Julius Jungs und die für den Vizekanzler Papen verfasste Marburger Rede vom 17. Juni 1934. // Universität Duisburg – Essen, Germany [электронный ресурс] URL: file:///C:/Users/Nadya/Downloads/A767.pdf
11. Papens Marburger Rede. [электронный ресурс] URL : <http://www.neue-ordnung.at/index.php?Id=437>
12. (Early) Weekend Reading: Franz von Papen (June 17, 1934): Marburger Rede [электронный ресурс] URL: <https://www.bradford-delong.com/2017/04/early-weekend-reading-franz-von-papen-june-17-1934-marburger-rede.html>

Об авторе

Федосова Надежда Александровна – соискатель научной степени, БГУ им. ак. И. Г. Петровского, Россия, e-mail: nadyafedosova@mail.ru.

Fedosova Nadezhda Aleksandrovna – candidate of scientific degree, BSU named after I. G. Petrovsky, Russia, e-mail: nadyafedosova@mail.ru.

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. – Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы).

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

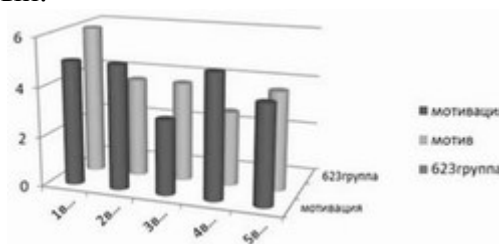

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (58) 2023

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 28.12.2023.

Дата выхода журнала в свет: 30.12.2023.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 24,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+